УИЛЬЯМ

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ УСТРОЙСТВА

18+

ГИБСОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на русском – новейший роман автора трилогии «Киберпространство» и «Трилогии Моста», «Машины различий», «Распознавания образов» и «Страны призраков». Главный визионер современности вернулся наконец назад в будущее!

Бертон служил в корпусе морской пехоты, в элитном подразделении Первой гаптической разведки. Когда он вернулся с войны, посттравматического синдрома у него не нашли, но пенсию по инвалидности дали. А тут у него и тайная подработка появилась: испытывать новую компьютерную игру. Но однажды ему понадобилось уехать в соседний город, и он попросил свою сестру Флинн подменить его на очередном сеансе бета-тестирования. Ничего, мол, сложного: патрулируешь на квадрокоптере периметр трех этажей высотки и отгоняешь стрекоз-папарацци. Но Флинн не была готова к тому, что там увидит, – то ли это просто игра, то ли настоящее убийство. И где это – *там*?

- Уильям Гибсон
  -
  -
  - 1. Гаптика
  - 2. Конфетка со стрихнином
  - 3. Шугать жучков
  - 4. Нечто, столь нерушимо приобретенное
  - 5. Стрекозы
  - 6. Мусорщики
  - 7. Наружка
  - 8. Двоечлен
  - 9. Временное задержание
  - 10. Бар «Менады»
  - 11. Тарантул
  - 12. Тилацин
  - 13. Легкий Лед
  - 14. Траурный гагат
  - 15. Ничего хорошего
  - 16. Лего
  - 17. Тополя
  - 18. Клуб Всевышнего
  - 19. Бирюзовый скотч
  - 20. Полтер
  - 21. Лохотронщик

- 22. Архаика
- 23. Кельтский узел
- 24. Анафема
- 25. Кайдекс
- 26. Весьма почтенная
- 27. Мертвые парни
- 28. «Дом утех»
- 29. Вестибюль
- 30. «Гермес»
- 31. Левое
- 32. Жезл
- 33. Налог на глупость
- 34. Безголовый
- 35. Свалка в его дворе
- 36. Несмотря ни на что
- 37. Округ
- 38. Девушка из среза
- 39. Волшебный башмачник
- 40. Штатное трепло
- 41. Ноль
- 42. Язык тела
- 43. Отъезд на отдых
- 44. Головоломка для мазохистов
- 45. Оттуда
- 46. Виды
- 47. Субординация
- 48. Павел
- 49. Благим матом
- 50. Пока поезд не ушел
- 51. Браво, Чарли, фиг поймешь
- 52. Солдат в горячей точке
- 53. Штаб-квартира Санта-Клауса
- 54. «Синдром самозванца»
- 55. Очень сложно
- 56. Свет в ее голосовой почте
- 57. Парадный сервиз
- 58. Ву
- 59. Адвенчурные капиталисты
- 60. До кондиции
- 61. Десинхроноз
- 62. Не ждали
- 63. Блеванул
- 64. Стерильно
- 65. Черный ход в настоящее

- 66. Падуны
- 67. Черная красавица
- 68. Антитело
- 69. Звучит ужасно
- 70. Агент
- 71. Мегафазенда
- 72. Типа культурный
- 73. Красный, зеленый, синий
- 74. Первое нежное касание
- 75. Исходные
- 76. Приложение-эмулятор
- 77. «Перекати-Полли»
- 78. Дикий Запад
- 79. Джекпот
- 80. «Культура Кловис»
- 81. Аламо
- 82. Гнусность
- 83. Все царства вселенной во мгновение времени
- 84. Сохо-Сквер
- 85. Люди будущего
- 86. Шатленка
- 87. Противоядие от тусняка
- 88. Парламент птиц
- 89. Стробоскопическая вспышка
- 90. Показатель предосторожности
- 91. Равноногое
- 92. Всю вашу шоблу
- 93. План операции
- 94. Вода «Аполлинарис»
- 95. Целые миры рушатся
- 96. Расчеловеченное
- 97. Автоколонна
- 98. Юбилей
- 99. Американские древности
- 100. Нас здесь
- 101. Обычная человеческая история
- 102. Имплант
- 103. «Суши-лавка»
- 104. Красный «медичи»
- 105. Шум в твоих костях
- 106. Сраньвилль
- 107. Дружок
- 108. Утро «Сольветры»
- 109. Черные шелковые бабочки

- 110. Ничего экстравагантного
- 111. ЗИЛ
- 112. В Фаррингдон
- 113. Надувной замок
- 114. Праздник светлой памяти
- 115. Диссоциативное состояние
- 116. «Бомбочка»
- 117. Гранит, утыканный шипами
- 118. Мужик с балкона
- 119. Сэр Генри
- 120. Куб Веспасиана
- 121. Ноттинг-Хилл
- 122. Чудеса «Сольветры»
- 123. Огороженный комплекс
- 124. Патни
- От автора

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Уильям Гибсон
Периферийные устройства

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Шанни

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени.

Г. Уэллс (перев. К. Морозова)

1. Гаптика

Посттравматического синдрома у брата Флинн не нашли, а что его периодически глючит, объяснили врачи, так это от гаптики. Вроде фантомных болей в ампутированной конечности, призрак татуировок, которые у него были на войне и сигналили, когда бежать, когда замереть, когда выписывать зигзаги, когда стрелять, дальность и направление. В итоге ему дали инвалидность, и он поселился в трейлере у ручья. В их детстве там жил дядька-алкоголик, старший брат отца, ветеран какой-то другой войны. В то лето, когда Флинн было десять, они с Бертоном и Леоном играли, что тут их форт. Потом Леон пытался водить туда девушек, но внутри слишком воняло. К тому времени, как Бертона комиссовали, трейлер давно стоял пустой, если не считать огроменного осиного гнезда. «Эйрстрим» 1977 года выпуска. Самое ценное, что у них есть, по словам Леона. Он показывал ей такие на *eBay*, похожие на тупые охотничьи пули. Даже самые раздолбанные шли за сумасшедшие бабки. Дядька залил свой снаружи монтажной пеной, для тепла и чтобы не протекал. Леон считал, только поэтому трейлер и не поперли. Белый герметик от времени и грязи давно стал серым. На взгляд Флинн, «Эйрстрим» больше всего напоминал исполинского опарыша, только с тоннелями к окнам.

На дорожке белели куски гермопены, втоптанные в темную землю. В трейлере горел свет, и, подойдя ближе, Флинн различила в окне брата, который как раз встал и повернулся. Следы удаленной гаптики на хребте и на боках выглядели так, будто кожа припорошена тусклой рыбьей чешуей. Врачи сказали, их тоже можно свести, но он не хотел таскаться ради этого в клинику.

– Привет, Бертон! – крикнула она.

– Легкий Лед! – откликнулся брат, назвав ее геймтегом.

Он одной рукой толкнул дверь, а другой натянул новую белую футболку, пряча морпеховский торс и серебристый чешуйчатый прямоугольник над пупком, размером и формой как игральная карта.

Внутри трейлер был цвета вазелина, с утопленными в мегамартовский янтарь светодиодами. Когда брат сюда переезжал, Флинн вымела крупный мусор. Бертон поленился нести из сарая пылесос и просто залил все на дюйм китайским полимером. Сквозь глянцевую упругую поверхность и сейчас проглядывали горелые спички и окурки легальных сигарет с их желтыми крапчатыми фильтрами, старше самой Флинн. Она

знала, где лежит часовая отвертка, а где – десятицентовик две тыщи девятого года.

Теперь Бертон два-три раза в месяц выносил свои манатки наружу и мыл дом из шланга, как пластиковый пищевой контейнер. Леон считал, полимер для музейной консервации самое то, а когда они соберутся выставить свою американскую классику на *eBay*, его можно будет просто оторвать. Заодно и мусор выкинется.

Бертон взял сестру за руку, потом крепко обнял, приподняв над полом.

– Едешь в Дэвисвилл? – спросила она.

– Леон меня подбросит.

– Шайлен сказала, там протестуют луканутые.

Бертон пожал плечами, двинув многими мускулами, но не сильно.

– Это был ты. Месяц назад. В новостях. На тех похоронах в Каролине.

Он не то чтобы вполне улыбнулся.

– Чуть того парня не убил, – настаивала Флинн.

Он легонько мотнул головой, глаза сузились.

– Бертон, мне не по себе, когда ты туда суешься.

– Ты все еще рэмбуешь у того юриста из Талсы?

– Он не играет. Наверное, закопался в своих юристских делах.

– Ты была лучшей. И доказала это.

– Просто игра. – Флинн обращалась не столько к брату, сколько к себе.

– Чувак, считай, нанял морпеха.

Она вроде бы увидела то самое, от гаптики: легкую дрожь по всему телу. Вот оно было, и вот уже нет.

– Подменишь меня, ладно? – сказал Бертон, словно ничего не произошло. – Пятичасовая смена. Управлять квадрокоптером.

Флинн глянула на его дисплей. Голографические ноги какой-то датской супермодели, исчезающие в тачке, какую знакомым Флинн мало что купить – на улице увидеть не светит.

– Ты на инвалидности, – сказала она. – Тебе не положено работать.

Бертон глянул на нее.

– Где работа? – спросила Флинн.

– Без понятия.

– Аутсорсинг? В. А. тебя застукает.

– Игра, – сказал он. – Бета-тестинг какой-то игры.

– Стрелялка?

– Там не по кому стрелять. Патрулируешь периметр трех этажей высотки, с пятьдесят пятого по пятьдесят седьмой. Ждешь,

кто появится.

– И кто появляется?

– Папарацци. Маленькие штучки, вот такие. – Бертон показал длину указательного пальца. – Преграждаешь им путь. Оттесняешь их. Вот и все.

– Когда?

– Сегодня вечером. Надо тебе все объяснить до приезда Леона.

– Я обещала помочь Шайлен.

– Плачу две пятеры.

Он вытащил из кармана джинсов кошелек и достал две новенькие купюры: прозрачные окошки не поцарапаны, голограммы не потускнели.

Сложенные, они отправились в правый передний карман ее обрезанных шорт.

– Свет убавь, – сказала она. – Мне глаза режет.

Бертон провел ладонью в дисплее, но от этого в трейлере стало темно, как в комнате у подростка. Флинн протянула руку и чуть прибавила освещения.

Она села в братнее китайское кресло, которое тут же подстроилось под ее вес и рост. Бертон придвинул себе облезлый стальной табурет, махнул, и появилась заставка:

МИЛАГРОС СОЛЬВЕТРА ЮА

– Что это? – спросила Флинн.

– Наши работодатели.

– Как они платят?

– Мегапал.

– Тебя точно застукают.

– Деньги идут на счет Леона, – ответил Бертон.

Леон служил в армии примерно тогда же, когда Бертон в морской пехоте, но ему инвалидности не дали. «Хрен он докажет, что подцепил свой дебилизм именно там», – говорила их мать. Флинн, впрочем, никогда не считала Леона тупым. Просто ленивым и хитрым.

– Тебе понадобятся мои логин и пароль. Гоп три раза.

Так они произносили его геймтег – «Гаптраз», – чтобы чужие не подслушали.

Бертон вытащил из заднего кармана сложенный конверт, развернул и открыл. Бумага была плотная, светло-бежевая.

– Из фабы? – спросила Флинн.

Бертон достал из конверта длинную полоску такой же бумаги с несколькими строчками напечатанных символов и цифр:

– Если отсканируешь его или вобьешь куда-нибудь, кроме

этого окошка, прощай работа.

Флинн взяла конверт со складного обеденного стола, куда положил его Бертон. Это и впрямь была канцелярка Шайлен, лучшая, – такую делали по заказу больших компаний или юридических фирм. Флинн провела пальцем по логотипу в верхнем левом углу:

– Медельин?

– Охранная контора.

– Ты ж говорил, игра.

– У тебя в кармане десять штук баксов.

– Давно ты на них пашешь?

– Две недели. Кроме воскресений.

– И сколько платят?

– Двадцать пять штук за смену.

– Тогда добавь до двадцати. За то, что кину Шайлен.

Он дал ей еще две пятерки.

2. Конфетка со стрихнином

Недертона разбудила эмблема Рейни, пульсирующая за веками с частотой сердцебиения в состоянии покоя. Благоразумно не поворачивая головы, Недертон убедился, что он в постели, один. И то и другое в данных обстоятельствах радовало. Он медленно приподнял голову от подушки. Одежды на полу не было. Очевидно, уборщики ночью вылезли из своего гнезда под кроватью и все утащили, чтобы соскоблить незримый слой отшелушенных клеток кожи, секрета сальных желез, атмосферных частиц, остатков еды и прочего.

– Грязная, – хрипло произнес Недертон, на миг вообразив таких уборщиков для души, и снова уронил голову на подушку.

Эмблема Рейни замигала стробоскопически, настойчиво.

Недертон осторожно сел. Встать было бы свыше его сил.

– Да?

Мигание прекратилось.

– Небольшая проблема, – сказала Рейни.

Он зажмурился, но так осталась только эмблема. Уж лучше с открытыми глазами.

– И это твоя звездатая проблема, Уилф.

Недертон скривился, не ожидая, что гримаса отзовется в голове такой болью:

– Давно ты заделалась ханжой?

– Ты – пиарщик. Она – знаменитость. Это зоофилия.

В глаза словно насыпали песку, к тому же они не помещались в глазницах.

– Они, наверное, уже близко к пятну, – произнес он, рефлекторно стараясь показать, что бодр и владеет ситуацией, а не мучится диким и совершенно неожиданным похмельем.

– Они уже над пятном. И твой звездец с ними.

– Что она учудила?

– Один из ее стилистов по совместительству – татуировщик.

– Она же этого не сделала?

– Сделала.

– У нас была совершенно четкая устная договоренность.

– Придумай выход. Прямо сейчас. Все человечество смотрит. По крайней мере та часть человечества, которую мы убедили смотреть. Люди гадают: удастся ли Даэдре Уэст заключить мир с мусорщиками? Стоит ли поддержать проект? Нам нужен положительный ответ на оба вопроса.

– Двух предыдущих послов они съели, – сказал Недертон. – Галлюцинируя синхронно с дебрями кода, в убеждении, что их

гости – шаманские звериные духи. Я трое суток кряду ее натаскивал. Месяц назад в «Коннахте». Три антрополога, два эксперта по неопримитивизму. Никаких татуировок. Нулевый, абсолютно чистый эпидермис. И тут здрасте.

– Отговори ее, Уилф.

Он проверил, сможет ли встать. Получилось. Прошел в туалет, голый, пописал как можно громче.

– От чего отговорить?

– Она намерена спуститься на параплане без…

– Так и запланировано.

– Без ничего. Если не считать ее новеньких тату.

– Шутишь?

– Какие уж тут шутки…

– На случай если ты не заметила, красота, в их понимании, ассоциируется с доброкачественными кожными новообразованиями, избыточными сосками и тому подобным. Традиционные татуировки однозначно сигналят имиджем гегемона. Как явиться на аудиенцию к папе римскому с генитальным пирсингом напоказ. Даже хуже. Какие они из себя?

– Постчеловеческая гнусь, по твоим же словам.

– Да нет, татуировки!

– Что-то с круговым течением. Абстрактные.

– Посягательство на культурное достояние. Класс. Хуже не придумаешь. На лице? На шее?

– По счастью, нет. Если ты уговоришь ее надеть комбинезон, который мы сейчас печатаем в мобиле, проект еще удастся спасти.

Недертон взглянул на потолок. Вообразил, как крыша разверзается и он сам уплывает вверх. Неведомо куда.

– И еще наши саудовские спонсоры, – продолжала Рейни. – Видимые татуировки они бы пережили, хоть и с трудом. Женскую наготу – нет.

– Они могут воспринять это как приглашение к сексу, – сказал Недертон. Сам он именно так и воспринял.

– Саудовцы?

– Мусорщики.

– Или как ее готовность стать их обедом, – заметила Рейни. – Последним в любом случае. Она – конфетка со стрихнином. Любого, кто хотя бы чмокнет ее в щечку, хватит анафилактический шок. Там еще что-то с ногтями, но мне толком не объяснили.

Он обмотался вокруг пояса белым махровым полотенцем. Подумал, не выпить ли воды из графина на мраморном столе, но его замутило от одной мысли.

Возникла незнакомая эмблема.

– Лоренцо, – сказала Рейни, – подключаю к тебе Уилфа Недертона, в Лондоне.

И тут Недертон чуть не блеванул от входящей картинки: яркий просоленный свет Мусорного пятна, ощущение полета.

3. Шугать жучков

Флинн отзвонилась Шайлен, сумев не упомянуть Бертона. Шайлен какое-то время встречалась с ним в старших классах, но всерьез положила на него глаз, когда он вернулся с войны, весь такой ветеран Первой гаптической разведки, с морпеховским торсом и следами татуировок. Флинн считала, что Шайлен, как это называют в психологических шоу, романтизирует патологию. Впрочем, не то чтобы здесь было особенно из кого выбирать.

По поводу Бертона они с Шайлен сходились только в одном: обеих тревожило, что он цапается с «От Луки 4: 5». Луканутых не любили все, но Бертон воспринимал их как личную занозу в заднице. Флинн подозревала, что для него это просто повод, и все равно беспокоилась. Они возникли как церковь или в церкви: против голубых, против абортов и противозачаточных средств. Устраивали акции протеста на военных похоронах, из-за чего Бертон и взъелся. Остальные просто считали луканутых больными на всю голову мудозвонами, а те видели в таком отношении к себе знак своей богоугодности. Для Бертона они были способом выпустить пар.

Сейчас Флинн наклонилась, ища под столом черный нейлоновый чехол для томагавка. Бертон говорил, это не томагавк, а топорик, но, как ни называй, Флинн хотела убедиться, что брат не взял его в Дэвисвилл. Она приподняла чехол – тяжелый, значит все в порядке. Заглядывать внутрь не было никакой надобности, однако Флинн все-таки расстегнула молнию. Чехол был шире всего вверху, где помещался боек – по форме как широкое долото, только с изгибом, а вместо обуха – клюв, уменьшенное подобие лезвия, но с изгибом в другую сторону. И лезвие, и клюв толщиной в мизинец, но заточены так, что не заметишь, как порежешься. Рукоятка чуть выгнута назад и вымочена в каком-то специальном составе, так что дерево стало еще более прочным и упругим. У всех в Первой гаптической разведке были такие томагавки, их делал один кузнец в Теннесси. Осторожно, чтобы не порезать пальцы, Флинн застегнула чехол и положила на место.

Она провела телефоном сквозь дисплей и вызвала хомовскую карту округа. Бляшка Шайлен была в фабе «Форева», один из сегментов эмоколечка лиловел тревогой. Как обычно, никто ничем особым не занимался. Мэдисон и Дженис гамали в «Су-27», олдскульный авиатренажер, служивший Мэдисону главным источником заработка. У обоих колечки были бурые, что означало «настроение говенное», впрочем они и не заморачивались его

менять. Выходило, что сегодня из ее знакомых работают четверо, считая саму Флинн.

Она согнула телик, придав ему свой любимый игровой угол, вбила «Гаптраз» в окошко логина, ввела длиннющий пароль и щелкнула «ВОЙТИ». Ничего не произошло. И вдруг – будто вспышка фотоаппарата в старом кино – весь дисплей залило светом, серебристым, как шрамы от гаптики. Флинн заморгала.

В следующий миг она уже шла вверх с пусковой платформы на крыше фургона. Как в лифте. Панель управления пока не появилась. Обо всем этом Бертон предупредил, а вот о чем он не сказал, так это о голосах: со всех сторон звучали настойчивые шепотки, словно целое облако невидимых фей – полицейских диспетчеров.

Нижний обзор показывал уменьшающийся прямоугольник фургона. Верхний – бесконечное здание, обрыв высотой с целый мир.

4. Нечто, столь нерушимо приобретенное

Лоренцо, оператор Рейни, профессионально твердым и неторопливым взглядом отыскал Даэдру в окне, выходящем на верхнюю носовую палубу мобиля.

Недертон ни за что бы не сознался Рейни, да и вообще никому, что жалеет о романе с Даэдрой, злится на чужой, брутально-примитивный образ, который она ему навязала.

Сейчас он (а вернее, Лоренцо) смотрел на Даэдру через окно. На ней были солнцезащитные очки и кожаная летная куртка, больше ничего. Недертон против воли отметил подновленный с их прошлой встречи ирокез на ее лобке. Татуировки, как он догадывался, стилизованно изображали течения, за счет которых возникло Северо-Тихоокеанское мусорное пятно. Свежие и блестящие, под какой-то мазью на основе силикона. Идеально подобранной, чтобы их подчеркнуть.

Часть окна уехала вбок. Лоренцо шагнул вперед. «У меня на связи Уилф Недертон», – прозвучал в ушах его голос. Эмблема Лоренцо сменилась эмблемой Даэдры.

Она вцепилась руками в лацканы расстегнутой куртки:

– Привет, Уилф!

– Рад тебя видеть, – сказал он.

Даэдра улыбнулась, показывая зубы, форму и расположение которых определяла, наверное, целая комиссия дизайнеров. Плотнее запахнула куртку, держа кулаки под горлом:

– Ты злишься из-за тату.

– У нас была вполне определенная договоренность.

– Я должна делать, что мне хочется, Уилф. Я не люблю в чем-либо себе отказывать.

– Не мое дело вмешиваться в твой творческий процесс, – сказал он, стараясь направить энергию крайнего раздражения в поддельную искренность. Это была его фирменная алхимия, но сегодня мешало похмелье. – Помнишь Анни, эксперта по неопримитивизму? Умненькую?

Глаза у Даэдры сузились.

– Это которая смазливая?

– Да, – отвечал Недертон, хотя сам так не думал. – Мы с ней пропустили по стаканчику после заключительной встречи в «Коннахте», перед моим отъездом.

– И что она?

– Как я понял, ее парализовало от восхищения. Когда ты

ушла, Анни все мне рассказала. Она убивалась, что не посмела поговорить с тобой о твоем творчестве.

– Она художник?

– Искусствовед. Фанатеет по тебе еще со школы. Подписана на полный комплект миниатюр, хотя буквально не может себе такого позволить. Слушая ее исповедь, я совершенно по-новому увидел твою карьеру.

Даэдра тряхнула волосами и сняла солнцезащитные очки. Для этого ей пришлось оторвать руку от лацкана, и куртка, вероятно, снова разошлась, но Лоренцо смотрел только на лицо.

Недертон расширил глаза, готовясь экспромтом выдать следующую порцию лжи, которую еще даже не сочинил. Тут он вспомнил, что Даэдра его не видит. Что она глядит на человека по имени Лоренцо на верхней палубе мобиля по другую сторону земного шара.

– Особенно ей хотелось передать то, что она осознала, увидев тебя вживую. Новое чувство времени, которое она увидела в тебе. Анни считает его ключевым фактором твоего творческого раскрытия.

Лоренцо перефокусировался, и теперь Недертон видел губы Даэдры в нескольких сантиметрах от своего лица. Он вспомнил их странно резкий неорганический вкус.

– Чувство времени? – переспросила она.

– Надо было записывать. В пересказе получается совсем не то. – Недертон напрягся, силясь вспомнить, что за ахинею нес минуту назад. – Смысл в том, что ты сейчас более уверена в себе. Ты всегда была храброй, даже бесстрашной, но вот это внутреннее спокойствие – нечто совершенно новое. Нечто, говоря ее словами, столь нерушимо приобретенное. Я собирался обсудить с тобой ее идеи за обедом, но потом все повернулось иначе.

Даэдра глядела пристально, не моргая. Недертону представилось, как ее эго медленно выплывает наружу и смотрит на него с подозрением – нечто угреподобное, личиночное, с просвечивающим скелетом. Очевидно, ему удалось полностью завладеть ее вниманием.

– В противном случае, – услышал он свой голос, – этого разговора между тобой и мной, скорее всего, не было бы.

– Почему?

– Потому что Анни объяснила бы тебе, что задуманный тобой выход продиктован попятным импульсом, рецидивом более ранних ступеней творчества. Что он контрорганичен твоему новому чувству времени.

Даэдра все так же в упор смотрела на него, точнее, на

неведомого Лоренцо. Потом непроизвольно улыбнулась какой-то своей мысли.

Эмблема Рейни потускнела, сигнализируя о переходе в личку.

– Ты гений, – сказала Рейни из Торонто. – Я бы прямо сейчас захотела родить от тебя ребенка, но не стоит плодить лгунов.

5. Стрекозы

Флинн забыла пописать. Пришлось оставить коптер на автопилоте в пятнадцати футах от здания и пулей лететь в новый компостный туалет Бертона. Теперь она застегнула шорты, бросила в дыру совок кедровых опилок и выскочила наружу. Большой мягкий флакон государственного антисептика, который Бертон присобачил на дверь, закачался и заплескал. Флинн хлопнула по пластику, выдавила немного геля и втерла в ладони, гадая, не потырил ли Бертон флакон в клинике В. А.

В трейлере она схватила из холодильника кусок домашнего джерки (Леон делал) и банку «Ред булл». На ходу сунула кривой кусок вяленой говядины в рот, села и взялась за телефон.

Папарацци уже налетели. Они походили на двухъярусных стрекоз: крылья (или винты) прозрачны от скорости, спереди стеклянный шарик-глазок. Флинн попробовала их пересчитать, но не смогла, так быстро они шныряли туда-сюда. Может, шесть, может, десять. Они явно интересовались зданием. Как жучки с эмуляцией искусственного интеллекта. Впрочем, Флинн и сама так умела. Папарацци вроде бы ничего не делали, просто подлетали и зависали, глазком к зданию. Она оттеснила двух. Стрекозки унеслись, но ясно было: они скоро вернутся. Судя по всему, они ждали чего-то, что должно произойти на пятьдесят шестом этаже.

В некоторых ракурсах здание казалось черным, хотя на самом деле было цвета очень темной бронзы. Окна то ли отсутствовали вовсе, то ли отсутствовали на этажах, которые патрулировала Флинн, то ли были закрыты ставнями. На фасаде располагались большие прямоугольники, некоторые горизонтально, некоторые вертикально, без всякой системы.

Феи-диспетчеры умолкли, когда индикатор дисплея показал двадцатый этаж. Более строгий протокол? Она не отказалась бы услышать их снова. Гонять стрекоз было довольно тоскливо. Будь Флинн здесь по своей воле, она бы осмотрела город, но ей платили не за то, чтобы любоваться видами.

По крайней мере одна улица была прозрачная, как будто стеклянная, и подсвечена снизу. И очень мало машин. Может, их еще не нарисовали. Флинн вроде бы видела, как что-то идет на двух ногах по краю леса или парка. Не человек, куда больше. Некоторые автомобили были совершенно темны: ни фар, ни светящихся окон. И еще что-то большое проплыло за высотками вдали, похожее на кита или на акулу китовых габаритов. С огнями, как самолет.

Флинн на пробу сдавила джерки зубами. Нет, еще не жуется.

Резко пошла на стрекозу в камере переднего обзора. С какой бы скоростью Флинн ни двигалась, они просто отлетали прочь. Тут горизонтальный прямоугольник откинулся вперед, как столик или полка, явив глазам стену светящегося матового стекла.

Флинн вытащила джерки изо рта и положила на стол. Жучки вернулись и теперь маневрировали, спеша зависнуть перед окном, если это было окно. Флинн свободной рукой нащупала «Ред булл», подцепила пальцем колечко, отпила глоток.

И тут на матовом стекле появился силуэт стройного женского зада, прижатого к окну. Потом, выше, лопатки. Только тени. Затем растопыренные пятерни справа и слева от них. Судя по размеру, мужские.

Энергетик был на вкус как холодный разведенный сироп от кашля. Флинн проглотила, крикнула: «Пшли вон!» – и ринулась на стрекоз.

Одна из мужских ладоней оторвалась от стекла, ее тень исчезла. Женщина шагнула прочь, вторая мужская ладонь осталась на прежнем месте. Флинн догадывалась, что пара стояла у окна и мужчина рассчитывал на поцелуй, но его ожидания не оправдались.

Мутновато для начала игры. Больше подошло бы для серьезной передачи о психологии семейных отношений. Вторая ладонь тоже исчезла. Флинн вообразила раздраженный жест.

Зазвонил ее телик. Флинн включила его на громкую связь.

– Ты как? – спросил Бертон.

– Я там. А ты в Дэвисвилле?

– Только что доехали.

– Луканы выступают?

– Они здесь.

– Не связывайся с ними, Бертон.

– И в мыслях не было.

Ну да, конечно.

– В этой игре что-нибудь когда-нибудь происходит?

– Ты отгоняешь камеры?

– Да. И еще тут появился такой вроде откидной балкон. Длинное окно матового стекла, за ним свет. Видела тени людей.

– У меня такого не было.

– Еще видела что-то вроде дирижабля. Где это происходит?

– Нигде. Просто отгоняй камеры.

– Больше похоже на службу охранника, чем на игру.

– Может, это игра в службу охранника. Я пошел.

– Куда?

– Леон вернулся. Принес корейских хот-догов. Жалеет, что ты

не поехала.

– Передай, что я делаю дебильную работу за моего дебильного братца.

– Передам. – И он отключился.

Флинн ринулась на жучков.

6. Мусорщики

Лоренцо транслировал подлет мобиля к городу. Руки Недертона на мягких подлокотниках самого удобного кресла в комнате и руки оператора на перилах ненадолго слились в одно – ощущение настолько же безымянное, как и сам город.

Не город, настаивали эксперты, но растущая скульптура. А еще точнее – ритуальный объект. Желтовато-серый, матово-прозрачный, переработанный из взвеси, составляющей верхний слой Великого Тихоокеанского мусорного пятна. Приблизительным весом в три миллиона тонн (и эта величина возрастала каждый день), он удерживался на плаву за счет сегментированных пузырей, каждый размером с крупный аэропорт прошлого века.

Известное число обитателей не достигало сотни, а поскольку то неведомое, что безостановочно строило город, одновременно съедало камеры, про туземцев никто ничего толком не знал.

Столик на колесиках подъехал чуть ближе к подлокотнику, напоминая Недертону про его кофе.

– Теперь давай ее, Лоренцо, – распорядилась Рейни, и оператор, повернувшись, сфокусировался на Даэдре.

Вокруг нее теснились специалисты. Фарфоровая митикоида в викторианском матросском костюмчике, стоя на коленях, шнуровала артистично потертые кожаные сапоги Даэдры, в то время как одна из висящих в воздухе камер специальным вентилятором раздувала той челку. Видимо, специалисты оценили скорость ветра и решили, что шлем будет лишним.

– А удачно вышло, – произнес Недертон, невольно залюбовавшись покроем комбинезона. – Если она не вздумает раздеться.

Словно услышав его, Даэдра потянула молнию – сперва чуть-чуть, потом сильнее, обнажив жирную дугу стилизованного Кругового течения.

– Мы немножко помудрили с принт-файлом молнии, – сказала Рейни. – Хорошо бы твоя фифа не попыталась заголиться сильнее, пока не будет на месте.

– Ей это не понравится.

– Ей не понравится, что ты наврал про экспертессу.

– Экспертесса вполне может думать что-нибудь в таком роде. Не поговорив, не проверишь. – Он, не глядя, взял чашку и отпил кофе. Очень горячий. Черный. Может, еще удастся выжить. Анальгетики уже потихоньку начали действовать. – Если Даэдра получит свой процент, она не вспомнит про заевшую молнию.

– Это при условии, что переговоры пройдут успешно, – заметила Рейни.

– У нее есть все основания стремиться к их успеху.

– Лоренцо отправил за борт две большие камеры, – сказала Рейни. – Они скоро начнут давать картинку с места.

Недертон разглядывал костюмеров, визажистов, взбадривателей и документалистов:

– Сколько среди них наших?

– Шесть, включая Лоренцо. Он считает, что главный телохранитель – митикоида.

Недертон кивнул, забыв, что Рейни его не видит, и тут же вздрогнул, пролив кофе на белый халат: в поле зрения по обе стороны от Даэдры диафрагмировались врезки с двух стремительно движущихся камер.

От картинки острова у него привычно засвербела вся кожа.

– Они сейчас примерно в километре одна от другой, идут сходящимися курсами на запад-северо-запад, – сказала Рейни.

– На это я не подписывался.

– Тебе туда отправляться не надо, но смотреть мы должны вместе.

Камеры спускались через какие-то высокие структуры наподобие парусов. Все выглядело одновременно циклопическим и пугающе эфемерным. Огромные пустые площади и скверы, проспекты, по которым могли бы пройти шеренгой сто человек.

Ниже стали видны засохшие водоросли, побелевшие кости, соляная корка. Мусорщики поставили себе целью очистить верхний слой воды и собрали свой город из переработанных пластиковых отходов. Внешние формы были вторичными, несущественными и все равно изумляли своим уродством. От них хотелось немедленно залезть под душ. Кофе уже начал просачиваться через халат.

Сейчас на Даэдру надели параплан, который в сложенном виде напоминал двудольный красный рюкзак с белым логотипом изготовителя.

– Рекламное место на параплане наше или ее? – спросил Недертон.

– Ее правительства.

Камеры резко замедлились, синхронно поймав друг друга над заданным квадратом, и продолжили спуск к противоположным углам площади. Теперь внутри каждой врезки можно было видеть идентичную камеру-напарницу: легкий серый овал размером с чайный поднос, посредине – маленький обтекаемый фюзеляж.

Кто-то включил аудио – то ли Рейни, то ли Лоренцо.

Квадрат заполнился тихим стоном – звуковой визитной

карточкой острова. Все сооружения мусорщиков были пронизаны открытыми вертикальными трубами, и ветер, задувая в них, генерировал переменную тональность, которую Недертон возненавидел с первой секунды.

– А без концерта нельзя? – спросил он.

– Важная часть атмосферы острова, которую я хочу донести до зрителей.

Какая-то огромная фигура двигалась вдали слева.

– Это еще что?

– Ветроход.

Четырехметровой высоты, без головы, но с неисчислимым количеством ног, он был из того же бледного пластика, пустой, словно чей-то сброшенный панцирь, и двигался, как марионетка в руках неуклюжего кукловода, – покачиваясь из стороны в сторону. Торчащий по всей его длине лес труб явно вносил свой вклад в песню пластмассового острова.

– Его прислали мусорщики?

– Нет, – ответила Рейни. – Они отпустили его гулять, куда ветер дует.

– Он не должен попасть в кадр.

– Ты теперь у нас режиссер?

– Он не должен попасть в кадр, – повторил Недертон.

– Об этом позаботится ветер.

Ветроход, покачиваясь, медленно уковылял на полых полупрозрачных ногах.

На верхней палубе мобиля помощники отошли от Даэдры, только фарфоровая митикоида еще проверяла параплан, двигая пальцами с нечеловеческой скоростью и точностью. Лента викторианской матросской шапочки трепетала на ветру, уже настоящем, а не от камеры с вентилятором.

– Есть первый, – сказала Рейни.

Одна из камер как раз навелась на ребенка. Или кого-то ростом с ребенка. Мусорщик ехал на призрачном велосипедике из того же обросшего соляной коркой полиэтилена, что здания и ветроход. Ни мотора, ни педалей, так что седоку приходилось все время отталкиваться ногами от мостовой.

Мусорщики вызывали у Недертона даже большее отвращение, чем остров. Их кожу сплошь покрывала искусственная разновидность солнечного кератоза, которая парадоксальным образом защищала от канцерогенного ультрафиолета.

– Всего один?

– Спутник показывает, что они двигаются к площади. Двенадцать, считая этого. Как и договаривались.

Недертон продолжал следить, как мусорщик

неопределенного пола приближается на детском беговеле. Глаза существа (или, возможно, очки) составляли одну узкую горизонтальную черточку.

7. Наружка

За матовым стеклом готовились к торжественному приему. Флинн знала это, потому что оно стало прозрачным, как в том фокусе с двумя солнцезащитными очками, который показывал ей Бертон.

Стрекозки активизировались, активизировалась и Флинн. Она нашла кнопку вертикального спуска для экстремального пилотажа и теперь могла атаковать с неожиданных углов. Даже чуть не поймала одну, рухнув на нее сверху. От такой короткой дистанции крупный план на миг застыл, но тут же пропал, а кнопки, чтобы восстановить картинку из памяти, не было. Стрекоза вблизи походила на игрушку или особо уродское украшение из фабы Шайлен.

Флинн наняли распугивать стрекоз, а не ловить, тем более что у разработчиков так и так будут записи всех ее действий. Однако, гоняя папарацци, она могла неплохо разглядеть, что происходит внутри.

Парочки, стоявшей у окна, в помещении уже не было. И вообще никого из людей. Маленькие бежевые пылесосы наводили чистоту, катаясь по полу так быстро, что и не разглядишь. Три девушки-автомата накрывали длинный стол. Они были практически одинаковые: классические анимешные робоняшки с фарфоровыми личиками, почти лишенными черт. Они соорудили три большие цветочные композиции, расставили подносы и теперь перекладывали туда еду с тележек. Когда тележки подкатывались к столу, бежевая мельтешащая масса чуть раздвигалась, давая им проход. Текла вокруг, как механическая вода, отскакивая под идеально прямыми углами.

Бертон бы не оценил этого так, как Флинн. Ей хотелось увидеть, каким будет праздник.

Она совсем не любила телешоу, где люди готовятся к свадьбе, похоронам или концу света. Но в тех шоу не было автоматических девушек и гоночных роботов-пылесосов. Заводские роботы-сборщики на видео двигались почти так же быстро, а вот детские игрушки, которых печатала Шайлен, – никогда.

Флинн шуганула двух жучков и зависла, краем глаза продолжая наблюдать за автоматами. На одной из рободевушек была стеганая куртка с множеством карманов, из которых торчали маленькие блестящие инструменты. Рободевушка чем-то вроде зубочистки художественно раскладывала на суши не то икринки, не то какую-то другую мелочь, Флинн не могла разглядеть. Зато видела на фарфоровом личике круглые черные

глаза, расставленные шире, чем у людей. Раньше их там не было.

Она чуть сильнее согнула телефон, давая отдых усталым пальцам, и снова ринулась на жучков.

Бежевое мельтешение на полу исчезло, как будто щелкнули выключателем, остался лишь один бедолага, похожий на морскую звезду. Ему пришлось улепетывать на колесиках, или что там у него было на концах лучей. Сломался, наверное, подумала Флинн.

В комнату вошла женщина, красивая брюнетка. Не как горячие штучки в играх для мальчиков. Реалистичнее. Вроде любимого ИИ-персонажа Флинн в «Операции „Северный ветер“», героини французского Сопротивления. Простое платье наподобие длинной футболки, темно-серого цвета, перетекающего в черный там, где ткань соприкасалась с телом. Это напомнило Флинн тени на матовом стекле. Пока женщина шла вдоль стола, платье сползло с ее левого плеча, полностью его оголив. Именно что не соскользнуло, а сползло по собственному почину.

Рободевушки замерли, подняв лица, теперь совершенно безглазые – неглубокие глазницы такие же ровные, как щеки. Женщина обогнула конец стола. Папарацци всем скопом ринулись к окну.

Вбок, вверх, вниз, назад. Флинн слышала, как щелкают ее пальцы по телефону.

– Кыш, падлы! – крикнула она стрекозам, снова бросая на них квадрокоптер.

Женщина остановилась перед окном, глядя наружу. Платье плавно вползло на ее голое левое плечо, вырез на миг вытянулся в узкое декольте, затем скруглился.

– Кыш, падлы!

Окно вновь поляризовалось, или как там это называется.

– Падлы! – крикнула Флинн стрекозам, хотя их вины тут, вероятно, не было.

Быстро облетела дом на случай, если с другой стороны тоже открыто окно и она что-нибудь пропустила. Ничего. И ни одной стрекозы.

Назад. Папарацци, зависнув перед окном, подрагивали в ожидании. Флинн пролетела через их рой, и он унесся прочь.

Вытащила из-за щеки кусок джерки, прожевала. Почесала нос.

Нюхнула антисептика, которым по-прежнему воняли пальцы.

Ринулась на стрекоз.

8. Двоечлен

У главного мусорщика голова росла сразу из плеч (если это был не маскарадный шлем из кератозной кожи). Еще у него было жабье лицо и два пениса.

– Мерзопакость, – сказал Недертон, не рассчитывая на ответ Рейни.

За два метра ростом, с непропорционально длинными руками, главарь прикатил на велосипеде-«пауке»: полые спицы большого переднего колеса были сделаны в форме костей альбатроса. Сквозь драную балетную пачку из выцветшего пластикового мусора просвечивало то, что Рейни назвала его «двоечлением». Верхний пенис (если, конечно, это был пенис), меньший, находился в боеготовности, возможно всегда, и венчался чем-то вроде праздничного колпака, только не бумажного, а рогового. Второй, более привычной формы, хоть и гипертрофированного размера, вяло болтался внизу.

– Отлично, – сказала Рейни. – Все в сборе.

Между круглыми окошками врезок шла трансляция от Лоренцо: Даэдра в профиль перед складным трапом, ведущим к перилам мобиля. Голова наклонена, глаза опущены. Как будто молится или медитирует.

– Что она делает? – спросила Рейни.

– Визуализирует.

– Что?!

– Себя, я думаю.

– Я заключила пари. Сказала, ты на нее не клюнешь. Проиграла.

– Это было совсем недолго.

– Ага. Все равно что «немножко беременна».

– Ненадолго беременна.

Даэдра вскинула подбородок и почти рассеянно тронула неяркую нашивку с американским флагом на правом плече.

– Золотой кадр, – откомментировала Рейни.

Даэдра поднялась по пяти ступеням трапа и рыбкой нырнула через перила.

Между двумя врезками раскрылась третья, показывающая вид снизу.

– Микро. Мы отправили вчера несколько штук, – говорила Рейни, пока в небе над островом раскрывался ало-белый параплан. – Мусорщики дали понять, что знают про них, но пока еще ни одну не съели.

Недертон провел языком по нёбу справа налево, отключая

картинку с телефона.

– Как она тебе? – спросила Рейни.

– Замечательно, – ответил Недертон, глядя на неубранную кровать, и поднялся с кресла.

Он подошел к вертикально-вогнутому угловому окну. Оно деполяризовалось. Недертон глянул на ожидаемо пустой перекресток. Ни соляной корки, ни драматизма, ни атональной музыки ветра. За Блумсбери-стрит метровый изумрудно-зеленый богомол в желтых наклейках что-то по мелочи ремонтировал на фасаде времен королевы Анны. Наверняка какой-то любитель управлял им дистанционно. Рой невидимых ассемблеров справился бы куда лучше.

– Она всерьез собиралась прыгнуть голая, – сказала Рейни, – татуированная с ног до головы.

– Не преувеличивай. Ты же видела миниатюры ее прежних кож. Вот там и впрямь с ног до головы.

– По счастью, не видела.

Недертон дважды щелкнул языком по нёбу, включая изображение. Обе боковые камеры показывали главного мусорщика и одиннадцать его приближенных. Все застыли, глядя вверх.

– Красавцы, – проговорил Недертон.

– Ты действительно их так ненавидишь?

– А за что их любить? Глянь только.

– Они не ставят себе целью понравиться нам внешне. Ну и каннибализм, если это не наговоры, тоже их не красит. Однако они и впрямь очистили верхний слой воды практически без сторонних капиталовложений. И безусловно, владеют островом из переработанных полимеров, не имеющим аналогов в мире. На мой взгляд, это народ, если не государство.

Мусорщики на самокатах и беговелах окружили предводителя кольцом. Тот оставил велосипед на краю площади, но все равно возвышался над остальными, которые были настолько же малы, насколько он огромен, – серые карикатурные фигурки. Все щеголяли слоями лохмотьев, обесцвеченных солнцем и солью. Модификации, разумеется, зашкаливали. У наиболее очевидно женских особей было по шесть грудей, голую кожу покрывали не татуировки, а сложные абстрактные узоры из псевдорыбьей чешуи. Ноги, одинаково босые и беспалые, напоминали галоши. Лохмотья трепетали на ветру, больше ничего на площади не двигалось.

На центральном канале трансляции Даэдра стремительно шла вниз, затем качнулась и ненадолго поплыла вверх. Параплан менял ширину и профиль.

– Приземляется, – сказала Рейни.

Даэдра спускалась вдоль самой широкой из поперечных структур, теперь параплан ритмично менял форму, тормозя, похожий на медузу в съемке с эффектом замедленного движения. Даэдра почти не споткнулась, когда ее ноги коснулись полимера. Из-под артистично потертых сапог взметнулись облачка соли.

Параплан выпустил Даэдру, сжался, чтобы спружинить четырьмя ножками, лег на секунду-две и вновь собрался в двудольный тючок, логотипом кверху. Разумеется, он бы ни за что не приземлился логотипом вниз. Еще один золотой кадр. Врезка с центральной микрокамеры закрылась.

На двух других камерах, снимающих площадь с противоположных сторон, Даэдра, гася инерцию, легко и грациозно вбежала в круг мусорщиков.

Главарь, медленно переступая ногами, развернулся к ней всем корпусом. Глаза, расположенные по углам огромной, совершенно нечеловеческой головы, выглядели полустертыми детскими каракулями.

– Началось, – сказала Рейни.

Даэдра вскинула правую руку. Это можно было понять и как приветствие, и как знак, что она пришла без оружия.

В то же самое время ее левая рука потянула вниз застежку комбинезона. Молнию заело на ладонь ниже ключиц. По лицу Даэдры пробежало микровыражение ярости.

– Сука, – почти радостно проговорила Рейни.

Левая лапа главаря, похожая на просоленную боксерскую перчатку, сомкнулась на правом запястье Даэдры. Он дернул, и Даэдра повисла над прозрачным пластиком острова. Она изо всех сил пнула мусорщика в дряблый живот, как раз над драной балетной пачкой. Куски разбитой соляной корки полетели в стороны.

Чудовище поднесло Даэдру ближе к себе, почти к самому роговому колпачку псевдофаллоса. В тот же миг она спокойно приложила раскрытую левую ладонь к его серому кератозному боку, сразу над ребрами.

Мусорщика пробила дрожь. Он качнулся.

Даэдра вскинула обе ноги, уперлась ему в живот и толкнула. Казалось, ее левая рука тянет из его бока что-то вроде алой рулетки. Ноготь большого пальца. Длиной, когда вышел полностью, с ее руку до локтя. В сером мире кровь казалась неестественно яркой.

Мусорщик выпустил Даэдру, она упала на спину и мгновенно перекатилась на корточки; ноготь уже сократился вдвое. Раскрыв огромную пасть, в которой Недертон увидел лишь черноту,

мусорщик завалился вперед.

Даэдра стояла на ногах и медленно поворачивалась. Оба ногтя на ее больших пальцах плавно закруглялись, на левом блестела кровь мусорщика.

– Гиперзвуковые, – произнес незнакомый голос на канале Рейни, бесполый и абсолютно спокойный. – Подлет. Торможение. Скачок уплотнения.

Никогда еще Недертон не слышал здесь грома.

Шесть безупречно гладких белых цилиндров в ряд через равные расстояния возникли над и чуть сбоку от мусорщиков, которые, побросав беговелы и самокаты, сжимали вокруг Даэдры кольцо. Вертикальная линия тонких оранжевых иголок заплясала над каждым, каким-то неведомым Недертону способом кромсая их в ошметки. Изображение в обеих врезках замерло. Одну из них почти целиком заполнил идеальный, невозможный, совершенно черный силуэт отрубленной руки.

– Мы в жопе, – с безграничным детским изумлением проговорила Рейни.

Недертон, глазами Лоренцо наблюдавший, как митикоида, на лету выпуская множественные паучьи глаза и оружейные дула, сиганула через перила, мог лишь согласиться с Рейни на все сто.

9. Временное задержание

Лондон.

Диоды Флинн в какой-то момент выключила, потому что так удобнее было высматривать стрекоз, и теперь не стала включать их обратно. Она надеялась в конце смены спуститься вдоль здания к фургону и на досуге изучить сеттинг, но ее просто выкинули из игры.

Она распрямила телефон, размяла пальцы и в тоскливой полутьме запустила поиск изображений по городам. Он много времени не занял. Изгиб реки, текстура старых, более низких зданий, контраст между ними и высотками. В настоящем Лондоне небоскребов было меньше, они стояли кучками и сильнее отличались формой и размером. В игровом мире они походили на мегаштабеля и далеко отстояли один от другого через равные расстояния, по квадратам. Флинн знала, что эта квадратная планировка – игровая. У настоящего Лондона такой отродясь не было.

Она задумалась, куда спрятать бумажку с паролем. Выбрала чехол с томагавком и уже убирала его обратно под стол, когда позвонил Леон.

– Как Бертон? – спросила Флинн.

– Безбаши, – ответил тот. – Временное задержание.

– Его арестовали?

– Нет. Просто заперли от греха подальше.

– Что он отколол?

– Возбухал. Безбаши потом улыбались и все такое. Им понравилось. Угостили его фирмешной китайской сигаретой.

– Он не курит.

– Обменяет на что-нибудь.

– Телефон забрали?

– Безбаши всегда забирают телики.

Флинн взглянула на свой. Мейкон отпечатал его только на прошлой неделе. Хотелось верить, что Мейкон все сделал как надо, поскольку теперь ее номер попал в безовские компьютеры.

– Сказали на сколько?

– Они никогда не говорят, – ответил Леон. – Наверное, подержат, пока луканы не свалят.

– Как там сейчас?

– Да примерно как было.

– Чего стряслось-то?

– Да один бугай держал плакат «Бог покарает». Слушай, Бертон просил сказать: там же в то же время. Что ты для него

делала. До его возвращения. Пятерка сверху через раз.

– Передай ему, не через, а каждый раз. Всё, что ему заплатят.

– Слушаю тебя и радуюсь, что у меня нет сестры.

– У тебя есть двоюродная сестра, придурок! Не забывай!

– Забудешь тут.

– Приглядывай за Бертоном, Леон.

– О’кей.

Флинн заглянула в Хому, убедилась, что Шайлен на прежнем месте, все так же с лиловым ободком. Надо туда заскочить. И заодно спросить Мейкона про телики, Бертона и свой.

10. Бар «Менады»

Угловая забегаловка в крытой галерее 1830 года постройки на нижнем ярусе Ковент-Гардена ориентировалась, вероятно, на туристов. Глядя на единственную официантку-митикоиду, Недертон невольно ждал, что сейчас она ощетинится оптическими прицелами. Большая, почти аутентичная с виду вывеска над барной стойкой, перед которой помещались четыре табурета, изображала, надо полагать, менад, целую толпу. Недертон (он сидел в отдельном кабинете за темно-бордовым бархатным занавесом) ни разу не видел в «Менадах» посетителей, оттого и назначил здесь встречу.

Тяжелый бархатный занавес чуть отодвинулся, и на Недертона глянул карий детский глаз под светлой челкой.

– Рейни? – спросил Недертон, хотя ничуть не сомневался, что это она.

– Извини, – ответила девочка, проскальзывая внутрь. – Ничего взрослого не было. В опере идет что-то популярное, и всё поблизости разобрали.

Он представил, как она лежит сейчас в своей длинной торонтской квартире, на мостике через авеню, соединяющем наискосок две старые высотки. С обручем на голове, который обманывает нервную систему, заставляя воспринимать движения прокатной периферали как собственный сон.

– Насмотрелась я на митикоид. – По виду ей было лет десять, если не меньше; внешность самая невыразительная, как обычно у прокаток. – Наблюдала ту, с мобиля, пока она охраняла Даэдру. Мерзость. Когда им надо, бегают, как пауки.

Она с хмурым видом села напротив Недертона.

– А где Даэдра? – спросил он.

– Неизвестно. Ее правительство выслало какое-то воздушное судно, но, разумеется, не позволило снимать эвакуацию. Мобилю приказали отойти подальше.

– Но ты все равно могла наблюдать?

– Эвакуацию – нет, все остальное – да. Главарь лежал ничком, все остальные были порублены в фарш. Больше никто из мусорщиков не появился, так что обошлось без новых жертв. Теоретически для нас это хорошо, если рассчитывать на продолжение проекта.

– Ваша спутница чего-нибудь желает, сэр? – спросила митикоида из-за бархатного занавеса.

– Нет, – отвечал Недертон.

Глупо переводить виски на периферали. Даже такой

паршивый, как в этом баре.

– Вообще-то, он мне дядя! – громко объявила Рейни.

– Ты сама предложила встретиться так, – напомнил Недертон и отпил глоток самого дешевого виски в баре – по вкусу ровно такого же, как самый дорогой, который он попробовал, покуда ждал.

– Ситуация – говно, – сказала она, вскидывая детскую ручонку. – Много говна наброшено на много больших вентиляторов.

Насколько можно было понять, Рейни работала на канадское правительство, хотя оно, конечно, герметически изолировало себя от всякой ответственности за ее действия. Вопиюще простое положение, на взгляд Недертона. Очень может быть, что Рейни даже представляла, хотя бы в общих чертах, кому именно подчиняется.

– Нельзя конкретнее? – спросил он.

– Саудовцы вышли из проекта.

Этого он ждал.

– Сингапур, – продолжала она. – Шесть наших самых больших НПО…

– Вышли?

Девочка кивнула:

– Франция, Германия…

– Кто остался? – спросил Недертон.

– Соединенные Штаты. И фракция в правительстве Новой Зеландии.

Еще глоток виски – язычок огня лизнул его язык.

Она склонила голову набок:

– Считают, что это заказное убийство.

– Бред.

– Нам так сказали.

– Кому «нам»?

– Не спрашивай.

– Я не верю.

– Уилф, – сказала девочка, подаваясь вперед, – это была мокруха. Кто-то использовал нас, чтобы убрать его, а заодно и свиту.

– При положительном исходе Даэдра получала значительный процент. Да и в любом случае то, что произошло, дорого ей обойдется.

– Самооборона, Уилф. Самая простая отмазка. Мы с тобой знаем, что она хотела их спровоцировать. Ей нужен был предлог, чтобы прибегнуть к самообороне.

– Но ведь послом изначально планировалась она? Когда ты

подключилась, она уже была в проекте? Ведь так?

Девочка кивнула.

– Потом ты наняла меня. Так кто пригласил Даэдру?

– Твои вопросы, – произнесла девочка, четко выделяя каждое слово, – показывают, что ты неверно понимаешь наше положение. Ни ты, ни я не можем себе позволить интересоваться ответами. Мы пропустим удар по своей профессиональной репутации, Уилф. Но это… – Она не договорила.

Он глянул в безмятежные глаза прокатки и закончил за нее:

– …безопаснее, чем подставиться под удар другого плана?

– Мы не знаем, – спокойно ответила девочка, – и не хотим знать.

Недертон посмотрел на стакан с виски.

– Ее прикрывали какой-то системой гиперзвукового вооружения, верно? Чем-то орбитальным, готовым к немедленному пуску?

– Обычная практика. Однако мы даже говорить об этом сейчас не будем. Всё позади. Ты понял? Для тебя и для меня тут надо поставить точку. Прямо сейчас.

Недертон глянул на нее.

– Могло быть хуже, – сказала девочка.

– Куда уж хуже?

– Ты по-прежнему сидишь здесь. Я дома, в теплой пижамке. Мы живы. И скоро, насколько я понимаю, будем искать работу. Пусть так и останется, ладно?

Он кивнул.

– Все было бы чуть менее сложно, если бы ты с нею не спал. Впрочем, это было недолго. И уже кончилось. Ведь кончилось же, Уилф?

– Разумеется.

– Ты не оставил у нее свою зубную щетку? Потому что нам обоим нужно, чтобы у тебя не было решительно никаких поводов встречаться или даже звонить.

И тут он вспомнил.

Но это поправимо. Незачем говорить Рейни.

Недертон потянулся к виски.

11. Тарантул

Флинн поставила велосипед в проулке, защелкнула замок и открыла сотовым заднюю дверь фабы «Форева». Внутри пахло оладьями и рисом с креветками из «Суши-лавки». Оладьи значили, что печатают из пластика, который годится в компост. Креветочный рис Шайлен всегда брала, когда работала по ночам.

Эдвард сидел на табурете посреди комнаты, мониторил. На нем были черные очки от ультрафиолета поверх визы на одном глазу. В полутьме очки не отличались от кожи цветом, только блеском.

– Мейкона видел? – спросила Флинн.

– Не-а.

Голос полукоматозный от нудной работы и недосыпа.

– Подменить тебя, Эдвард?

– Да нет, я пока живой.

Флинн оглядела длинный стол, заваленный фабрикатами, которые предстояло очистить от последа, подшлифовать, собрать. Она провела за этим столом много длинных часов. У Шайлен всегда можно было подработать, если умеешь с ней ладить и руки тем концом вставлены. Видимо, сегодня печатали игрушки. Или украшения к Четвертому июля.

В соседней комнате Шайлен смотрела новости: злобные хари с плакатами.

Увидев Флинн, она подняла голову:

– Бертон звонил?

– Нет, – соврала Флинн. – А что?

Нулевой шанс избежать разговора о Бертоне.

– Безопасность забрала нескольких ветеранов. Я за него волнуюсь. Попросила Эдварда тебя подменить.

– Я его видела, – ответила Флинн. – Завтрак?

– Ты сегодня рано.

– Я не ложилась. – Флинн не стала спрашивать, чего там Шайлен от нее хотела. – Мейкона видела?

Шайлен чиркнула в дисплее модным полимерным ногтем, и луканы провалились в зелень воображаемой саванны.

– Сегодня не поэтому, – ответила Шайлен.

Она хотела сказать, что ночной аврал из-за скопившихся заказов, а не потому, что Мейкону нужны тишина и покой, чтобы печатать леваки. Флинн не знала, какую часть доходов от фабы дает левая продукция, но подозревала, что заметную. В миле по трассе стояло заведение сетки «Самофаб», где принтеры были покрупнее и поразнообразнее, но в «Самофабе» леваков не

напечатаешь.

– Я на диете, – сказала Шайлен.

Над саванной взлетали фламинго.

– Оттого лиловый? – спросила Флинн.

– Бертон.

Шайлен встала и оттянула пальцем пояс джинсов.

– Бертон в состоянии сам о себе позаботиться, – сказала Флинн.

– Ветеранская администрация ни хера не делает, чтобы его вылечить.

Флинн догадывалась, что главным симптомом посттравматического расстройства у Бертона Шайлен считает его упорное нежелание с ней сойтись.

Подруга вздохнула, что Флинн не понимает, как плохо ее брату. У Шайлен волосы без начеса выглядят начесанными, заметила однажды мать Флинн. Это сохранялось, что с ними ни делай, как пометки маркером под латексной краской. Шайлен нравилась бы Флинн всем, если бы не фигня насчет Бертона.

– Увидишь Мейкона, попроси связаться со мной. Нужна помощь с телефоном. – Флинн повернулась к выходу.

– Прости засранку, – сказала Шайлен.

Флинн сжала ей плечо:

– Как только позвонит, я тебе скажу. – И вышла через заднюю дверь, кивнув по дороге Эдварду.

Как раз когда она сворачивала в проулок за фабой, мимо пронесся на своем «тарантуле» Коннер Пенске – то, что от него осталось, угловатой загогулиной чернело между передними колесами. Дженет сшила ему эти длинные чулкоподобные мешки из полартека, с множеством молний. У Дженет на столе они казались чехлами для чего-то невообразимого, и, в общем, правильно казались. Гаптразовцами в городе были только он и Бертон, и с Коннером случилось то самое, чего Флинн боялась для брата: он вернулся без одной ноги, без ступни на другой ноге, без руки и с двумя пальцами – мизинцем и безымянным – на оставшейся руке. Красивое лицо не пострадало нисколько, и это еще добавляло жути. Запах жареного куриного жира из выхлопной трубы трицикла висел в воздухе еще несколько секунд после того, как большое заднее колесо исчезло из виду. Коннер раскатывал ночами, все больше по проселкам их округа и пары-тройки соседних, управляя трициклом с помощью сервопривода, купленного на деньги В. А. Отрывался таким способом. Натягивал кондом-катетер, закидывался «будильником» и ехал, сколько хватит бака. Днем обычно спал. Бертон иногда ходил помочь ему по дому. Флинн отчаянно жалела Коннера: в школе он был очень

славный, несмотря на смазливую физиономию. Ни он, ни Бертон, насколько знала Флинн, никому не рассказывали, как это с Коннером произошло.

Она доехала до «Джиммис», предоставив почти всю работу втулке. Вошла, села в уголке, заказала тосты и яичницу с ветчиной. Кофе брать не стала. Мультяшный красный бык с редбулловского зеркала над стойкой заметил ее и подмигнул. Флинн отвела глаза. Ее бесило, что эта штуковина заговаривает с тобой, называет тебя по имени.

Редбулловское зеркало было самым новым предметом в кафешке, которая считалась старой, еще когда мать Флинн ходила в школу. Всё, включая пол, покрывали наслоения глянцевого коричневого полимера, различных оттенков и степени затертости. Лук для хот-догов зашипел в масле, и у Флинн защипало глаза. Да еще все волосы им провоняют.

«Мегамарт» уже должен был открыться. Флинн представила, как бродит по магазину, пока белые автокары развозят по местам палеты в скукоженной пленке. Ей нравилось бывать там рано утром. Она потратит одну новенькую пятерку: купит два пакета продуктов, таких, какие можно держать в шкафу. Из-за последних дождей овощи у всех уродились так, что их не знали, куда и деть. Потом заглянет в «Фарма-Джон» и оставит еще пятерку на оплату материных рецептов. Приедет домой, выгрузит покупки, перетащит все в кладовку – и хорошо, если не разбудит никого, кроме кошки.

По краю стойки шли светодиоды, как у Бертона в трейлере, под замызганным слоем полимера. Флинн ни разу не видела их включенными, впрочем она уже больше года не была здесь вечером, в барные часы. Она придавила полимер пальцем, почувствовала, как он пружинит.

Бертон с Леоном, до того как завербовались, обнаружили, что этим самым полимером, пока он жидкий, можно с помощью шприца заполнить пространство между дробинами в патроне для помпового ружья и быстро заделать дырку эпоксидкой. При выстреле возникала толстая груша из дроби и полимера – так медленно, что почти можно видеть, как она лезет из дула. Тяжелые, эластичные, эти груши отскакивали от бетонных стен и потолка городского штормового убежища, норовя угодить во что-нибудь за углом. Ключи от убежища раздобыл Леон – жутковатое место, когда ты не прячешься там от торнадо вместе со всеми. Бертон со временем действительно научился попадать по банкам из-за угла, но у Флинн от пальбы из «моссберга» болели уши, даже если их затыкать.

Бертон тогда был совсем другой. Не просто тощий и

долговязый (во что сейчас верилось с трудом); он еще постоянно создавал вокруг себя беспорядок. Накануне вечером Флинн заметила: все в трейлере, к чему она не успела прикоснуться, стоит строго параллельно краю чего-нибудь другого. Леон говорил, что Бертон вернулся из корпуса морской пехоты повернутым на аккуратности, но Флинн как-то раньше об этом не задумывалась. Она напомнила себе, что надо будет выкинуть банку из-под «Ред булла» в контейнер для металлических отходов и вообще немного прибраться.

Официантка принесла яичницу.

Снаружи, за парковкой, протарахтел трицикл Коннера. Очень характерный звук, ни с чем не спутаешь. Полиция фактически закрывала на Коннера глаза, поскольку он катался в основном по ночам.

Хотелось верить, что он едет домой.

12. Тилацин

Ему хотелось произвести на нее впечатление, и подарок казался идеальным: за деньги не купишь, и вообще, судя по объяснениям Льва, что-то из готического романа с привидениями.

Разговор произошел в постели.

– И все они умерли? – спросила она.

– Вероятно.

– Давно?

– До джекпота.

– А в прошлом еще живы?

– Не в прошлом. Когда происходит начальный контакт, в нашем прошлом этого не случается. Возникает развилка. Они уже не движутся сюда, так что здесь ничего не меняется.

– Здесь? В моей постели? – Она с улыбкой раскинула руки и ноги.

– В нашем мире. В истории. Ни в чем.

– И он нанимает их на работу?

– Да.

– А чем он им платит?

– Деньгами. Их валютой.

– А как он ее добывает? Отправляется туда?

– Туда попасть нельзя. Но можно пересылать информацию в обе стороны, а значит – делать деньги там.

– Кто тебе про это рассказал?

– Лев Зубов. Мой бывший одноклассник.

– Русский.

– Старое клептархическое семейство. Лев – младший. Богатый бездельник. Может позволить себе дорогие игрушки. Это из последних его увлечений.

– Почему я до сих пор про такое не слышала?

– Дело новое, неафишируемое. Лев ищет передовые направления, в которые его семья может вложиться. Он думает, это из Шанхая. Что-то связанное с квантовым туннелированием.

– Как далеко назад можно попасть?

– В две тысячи двадцать третий – самое раннее. Лев считает, тогда что-то изменилось. Был достигнут определенный уровень сложности. Что-то, чего тогда никто не заметил.

– Напомни мне об этом позже.

Она потянулась к нему.

По стенам в рамах – три ее последние содранные кожи. Под ним – ее теперешняя, тогда еще чистый лист.

Сейчас было десять часов вечера. На кухне в ноттинг-

хиллском особняке, принадлежащем отцу Льва, его «доме искусства». Недертон знал, что есть еще «дом утех» к югу от Гайд-парка, несколько «домов бизнеса» и «семейный дом» в Ричмонде. Ноттинг-хиллский особняк приобрел еще дед Льва в середине века. Это была его первая лондонская недвижимость, на самой заре джекпота. Благородный упадок говорил о заоблачном блате: здесь не было уборщиков, ассемблеров, никакого наружного контроля. Разрешения на такое за деньги не купишь. Зубов-отец просто входил в круг тех, кому можно всё, и Лев, по праву рождения, тоже, хотя его братья (которых Недертон всячески избегал) с виду больше напоминали брутальных самцов, способных отстоять фамильные привилегии.

За окном кухни один из двух тилацинаналогов Льва присел погадить у ярко освещенной клумбы с функиями, и Недертон задумался, сколько стоит помет такой зверюги. Существовали разные школы тилациноводства, враждующие геномы. Еще одно хобби Льва. Зверь повернулся со своей особой непесьей грацией, показав бок в вертикальных геральдических полосах, и как будто уставился на Недертона. Странная штука – взгляд млекопитающего хищника, который не кошка и не собака, заметил как-то Лев. А может, глазами тилацина смотрела сейчас Доминика. Она терпеть не могла Недертона и при его появлении сразу ушла наверх или в традиционно глубокий айсберг олигархических подземных этажей.

– Это не так просто, – сказал Лев, ставя красную кружку с кофе на изрезанный дубовый стол, рядом с желтым кубиком лего, забытым его сынишкой. – Сахару?

Образ Льва складывался из высокого роста, старомодных очков, русой бородки и художественного беспорядка в одежде.

– Не вижу, в чем сложность. Скажи ей, что система перестала работать. – Недертон глянул на Льва. – Ты мне говорил, такое возможно.

– Я говорил, что никто из нас понятия не имеет, как и почему это началось, кому принадлежит сервер и уж тем более – как долго он будет доступен.

– Вот и скажи ей, что все закончилось. Бренди у тебя есть?

– Нет, пей лучше кофе. Ты знаком с ее сестрой Аэлитой? – Лев опустился на стул напротив Недертона:

– Нет, хотя она планировала нас познакомить. До того как. Вроде бы они не настолько близки.

– Довольно близки. Даэдра его не захотела. И честно говоря, я ее понимаю. Те, кому не безразличен континуум, таким не балуются.

– Не захотела?

– Попросила меня отдать его Аэлите.

– Своей сестре?

– Теперь он в ее охране. Роль минимальная, но она про него знает.

– Уволь его.

– Извини, Уилф. Аэлита заинтересовалась. В четверг мы встречаемся за ленчем. Я надеюсь объяснить ей, что полтеры – далеко не главное в континуумах. Думаю, она поймет. По разговору показалась довольно умной.

– Почему ты мне не сказал?

– У тебя других забот хватало. Да и честно говоря, ты тут был уже ни при чем. Даэдра позвонила, сказала, что ты милый, что ей не хочется тебя обижать и не могу ли я отдать твой подарок ее сестре, которая любит всякие курьезы. Я не придал этому большого значения, поскольку не похоже было, что у вас с нею всерьез и надолго. Потом позвонила Аэлита, я понял, что она искренне заинтересовалась, и отдал его ей.

Недертон обеими руками поднес кружку к губам и задумчиво отхлебнул кофе. По сути выходило, что проблема устранилась сама собой. Он больше никак не связан с Даэдрой. Друг и сестра бывшей любовницы познакомились при его косвенном участии – вот и все. Про Аэлиту Недертон помнил только, что ее назвали в честь советского немого фильма. У Рейни в досье о ней было совсем мало, и Недертон тогда поленился вникать.

– Чем она занимается? Какая-нибудь почетная дипломатическая должность?

– Их отец был спецпредставителем по разрешению кризисных ситуаций. Думаю, Аэлита унаследовала часть его полномочий, хотя многие назовут Даэдру более современной версией.

– С ногтями-стилетами?

Лев наморщил нос:

– Тебя увольняют?

– Очевидно, да. Хотя формально еще не уволили.

– Что будешь делать?

– Катиться вниз. В общем, теперь, когда ты объяснил, я не вижу ничего страшного в том, что у сестры Даэдры останется ее полтер. – Он отпил еще кофе. – Кстати, почему они так называются?

– Кажется, это от ду́хов, которые двигают предметы. Привет, Гордон. Хороший мальчик.

Недертон проследил взгляд Льва и увидел тилацина, который стоял за окном на задних лапах, глядя в дом из внутреннего дворика. Выпить хотелось ужасно, и внезапно Недертон вспомнил, где есть ровно то, что ему сейчас нужно. Он встал:

– Мне надо подумать. Ничего, если я поброжу среди коллекции?

– Ты не любишь машины, – сказал Лев.

– Я люблю историю. И не хочу гулять по улицам Ноттинг-Хилла.

– Составить тебе компанию?

– Нет. Мне нужно пораскинуть мозгами.

– Ты знаешь, где лифт.

И Лев поднялся из-за стола, чтобы впустить тилацина в дом.

13. Легкий Лед

Дневной сон совершенно вышиб Флинн из времени. Сколько ей лет? Семь, семнадцать, двадцать семь? Раннее утро или поздний вечер? Сумерки за окном не давали ответа. Глянула на телефон. Вечер. Дом совершенно тих, мама, наверное, спит. В коридоре – запах дедушкиных «Нейшнл географиков» за пятьдесят лет. Полутемная лестница. На кухне Флинн плеснула себе в чашку остывшего кофе и вышла через заднюю дверь к душевой кабинке во дворе. Солнце как раз нагрело воду до приятной температуры. Флинн вымылась, надела старый банный халат Бертона и, на ходу вытирая голову полотенцем, отправилась переодеваться в рабочее.

Бертон приучил ее к тому, что сам усвоил в корпусе морской пехоты: в домашней одежде дела не делаются. Пока приводишь себя в порядок, возникает настрой. Когда Флинн была разведчицей у Дуайта, она всегда заранее мылась и надевала чистое. Впрочем, с этим покончено, хотя столько ей еще никто не платил. Флинн не тащилась от игрушек, как Мэдисон и Дженис. Просто зарабатывала. Так намастырилась в одной конкретной миссии «Операции „Северный ветер“», что Дуайт не хотел на это место никого другого. Ладно, это дело прошлое.

Сегодня хотелось быть собранной не только для работы. Флинн решила по возможности разглядеть тот Лондон. Занятная игрушка, стоит иметь ее в виду на будущее. Главное, не шутер, если верить Бертону. Хорошо бы снова увидеть брюнетку, узнать, как та живет.

Флинн поднялась к себе в комнату, перерыла груду вещей на кресле и нашла самые новые черные джинсы, и впрямь еще почти черные. И черную рубашку с короткими рукавами, оставшуюся от работы в «Кофе-Джонсе». Военного покроя, с погончиками и накладными карманами. Надпись «Кофе-Джонс» Флинн спорола, оставила только свое имя, вышитое красной ниткой над левым карманом. Кроссовки к черному не подходили, но других у нее не было. Мейкон бы давно сфабил ей новые, да только она никак не находила модель, которую бы захотелось спиратить.

На кухне она сделала сэндвич с ветчиной и сыром, сунула его в контейнер, завернула телик вокруг левого запястья и пошла в темноте к трейлеру, слушая новую вещь «Целующихся журавлей». Перед самым припевом позвонил Леон. Флинн не стала снимать телефон с запястья.

– Привет, – сказала она. – Ну что, забрал его?

– Обещают скоро выпустить всех. Луканы вроде решили, что

уже довольно потрудились во славу Божью.

– И что ты делал?

– Чесал яйца. Погонял шары в бильярдной. Спал в машине, на улицу не совался.

– С Бертоном еще говорил?

– Не-а. Их загнали на середину школьного стадиона. Я мог пойти на трибуны, поглядеть, как он режется в карты, наворачивает сухпаи или спит. Оно мне надо?

Может быть, скука научит Бертона не ввязываться больше в такие истории, хотя Флинн сильно в этом сомневалась.

– Когда выпустят, скажи, пусть мне звякнет.

– Хорошо, – ответил Леон.

«Журавли» заиграли снова, когда Флинн уже шла мимо компостного сортира. Сейчас она обратила внимание, что флакон с антисептиком испещрен номерами заказов и QR-кодами, отчасти выцветшими. Но она сходила в туалет еще дома.

Открывая дверь, Флинн подумала: а ведь Бертон никогда не запирает трейлер. У него даже замка нет. Никто не ходит к нему без спроса.

Она и забыла, как раскаляется трейлер за день. Леон предлагал Бертону поставить кондиционер, но тот сказал, не надо. Он вообще почти не бывал тут днем.

Думая, что зря, наверное, выбрала рубашку и джинсы, Флинн сунула контейнер в холодильник и распахнула окна, насколько они открывались. Золотисто-черный паучок уже начал затягивать паутиной один из тоннелей в пене.

Потом немного прибралась. Пока она ходила по трейлеру, китайское кресло все время норовило под нее подстроиться. Флинн решила, что не хотела бы жить с таким в одном доме, но, когда наконец села, оценила его удобство.

Она согнула телефон и махнула им сквозь дисплей. Проверила Хому. Шайлен уже вернулась в фабу; колечко по-прежнему выражало тревогу. Бертон значился вне карты. Как оказалось, в Дэвисвилле, на парковке у «Мегамарта». Очевидно, там сейчас стояли белые безовские фургоны, в одном из которых находился телефон Бертона. Флинн нахмурилась. Теперь безбаши узнают, что она проверяла его телик, но это норм. Не норм, если заметят, что ее телефон левый. Впрочем, теперь уже ничего не изменишь. Она вышла из Хомы и вернулась к вчерашнему поиску по картинкам.

Бертон все не звонил, но после слов Леона Флинн за него не волновалась, так что спокойно продолжала щелкать наугад по карте Лондона. В игре точно было Сити, но проросшее более высокой и мощной застройкой.

Когда пришло время, Флинн достала из чехла бумажку, движением пальца вывела окно «Милагрос Сольветра» и вбила пароль.

На этот раз она решила при подъеме оглядеться как следует.

Для начала фургон, с которого взлетает коптер. По виду скорее даже бронемашина, чем фургон. Кряжистый, как трицикл Коннера. Взлетная площадка была темная, прямоугольная. Голоса звучали так же настойчиво, как в первый раз, и так же абсолютно неразборчиво.

Время суток то же: сумерки. Облака больше похожи на дождевые, бронзово-черные стены потускнели от конденсата.

Отметила вчерашнюю улицу, подсвеченную снизу и как будто стеклянную. Что там внизу, река?

Поискала глазами машины, нашла три.

Счетчик в левом верхнем углу дисплея показал двадцатый этаж, и голоса смолкли.

Первый раз Флинн заметила серую фигню, когда коптер пролетал мимо двадцать третьего этажа. Что-то серое и сухое на мокром черном фасаде. Цветом как отмершая кожица от содранного волдыря. Размером и формой с детский рюкзак.

«Рюкзак» остался внизу. Флинн в режиме разведки засекала все в трех направлениях сразу. Черные небоскребы одинаковой высоты, на большом расстоянии один от другого по квадратной сетке над старым городом. Ее небоскреб – явно такой же. Ничего китообразного в небе.

Игры приучили ее обращать внимание на все, что выламывается из общей картины, и Флинн скользнула камерой вниз, пытаясь отыскать «рюкзак». Не нашла.

Он обогнал Флинн в районе тридцать седьмого этажа. В движении эта штука напоминала уже не рюкзак, а яйцевую капсулу почти вымершего животного под названием скат. Флинн как-то видела такую на пляже в Южной Каролине – жутковатый прямоугольный мешок с рожками по углам. Штука кувыркалась по фасаду: цеплялась той парой рожек или ног, которая сейчас была сверху, переворачивалась и подтягивалась на другой паре.

Следя за ней в камеру, Флинн попыталась увеличить скорость подъема, но эта функция еще не включилась. Штука пропала. Может, проникла в дом через какое-нибудь незаметное отверстие. Мейкон как-то печатал пневмоботов, вроде больших пиявок. Они двигались примерно так же, только медленно.

Мама называла яйцевую капсулу ската русалкиным кошельком, но Бертон сказал, местное слово – «чертова торба». Капсула выглядела опасной, ядовитой, хотя на самом деле никому ничего не делала.

Флинн высматривала, не мелькнет ли серая штуковина, до самого пятьдесят шестого этажа, где автоматический подъем прекратился. Вчерашний балкон был откинут. Стекло, как назло, матовое. Гости наверняка разошлись, но хотелось пусть бы только заглянуть внутрь, понять, как там все было. Стрекозок будто ветром сдуло. Флинн быстро облетела дом, надеясь отыскать другое окно. Ни фига. И тоже ни одной стрекозки, как и с фасада.

Назад к матовому окну. Пять минут ожидания – не произойдет ли чего. Еще пять. Новый облет здания. Пар из решетки, которую Флинн раньше не замечала.

Как-то даже скучно без стрекоз.

В нижнем обзоре быстро проехал очень большой автомобиль с единственной фарой.

Окно деполяризовалось, как раз когда Флинн была уже на подлете. Темноволосая женщина что-то говорила невидимому собеседнику.

Флинн остановилась, предоставив гироскопам удерживать коптер на месте.

Никаких следов вечеринки. Комната выглядела совсем другой, как будто роботы-пылесосы устроили серьезную перестановку. Длинный стол исчез, вместо него появились кресла, диван, ковры. Более мягкое освещение.

Женщина, видимо, только что встала. Полосатые пижамные штаны, черная футболка. Прическа «со сна», какой она бывает только на очень хороших волосах.

«Следи за жучками», – напомнила себе Флинн, но их по-прежнему не было.

Женщина рассмеялась – наверное, каким-то словам невидимого собеседника. Интересно, это ее зад прижимался вчера к стеклу? С кем она говорит – с тем мужиком, которому тогда отказала в поцелуе? Может, у них все сладилось и они после удачной вечеринки провели ночь вместе?

Флинн заставила себя еще раз облететь дом, медленно, высматривая стрекоз, беглые рюкзаки, другие неожиданности. Пар больше не шел, решетка исчезла. Такое ощущение, будто дом живой, может, даже разумный. Женщина внутри смеется, высоко в чистом – без единой стрекозы – вечернем воздухе. При этой мысли Флинн ощутила духоту трейлера, взмокшие подмышки.

Заметно стемнело. Так мало огней в городе. И ни одного – в высоких башнях.

Завершая круг, Флинн увидела у окна обоих. Они смотрели наружу, мужчина обнимал женщину за талию. Чуть выше ее ростом, лицо как в рекламе, где не хотят подчеркивать этническую принадлежность, темные волосы, бородка, глаза

холодные. Женщина заговорила, мужчина ответил, выражение холодности, которое заметила Флинн, исчезло. Женщина явно не успела его увидеть.

На мужчине был коричневый банный халат. «А ты много улыбаешься», – подумала Флинн.

Часть стекла сдвинулась, и одновременно от переднего края балкона пополз вверх тонкий горизонтальный стержень, таща за собой радужную пленку, похожую на мыльный пузырь. Стержень замер, дрожащая пленка превратилась в зеленоватое стекло.

Лицо мужчины напомнило Флинн эсэсовца времен ее работы у Дуайта.

Она трое суток провела на диване у Мэдисона и Дженис, даже в туалет бегала со своим старым телефоном, лишь бы не упустить шанс грохнуть этого типа.

Дженис заваривала ей травяной чай, которым Бертон велел запивать «будильник» – белые таблетки, их тоже дал Бертон. Сказал, из другого округа, там это дело лепят. И еще сказал, никакого кофе.

Эсэсовец на самом деле был флоридским бухгалтером, против которого играл Дуайт. И его еще никто ни разу не убил. Дуайт в боях не участвовал, только передавал приказы нанятых тактиков. Флоридский бухгалтер был сам себе тактик и маньяк-убийца в придачу. Когда он выигрывал (а это происходило почти всегда), Дуайт терял деньги. Такого рода азартные игры запрещены на федеральном уровне, но есть способы обойти закон. Ни Дуайта, ни бухгалтера выигрыши и проигрыши не колыхали, в смысле денег. Игроки вроде Флинн получали в зависимости от того, сколько противников уложат и сколько продержатся живыми в конкретной кампании.

У Флинн было чувство, что бухгалтеру нравилось их убивать, потому что они реально теряли. Не потому, что он круче, а потому, что им правда от этого плохо. Бойцы ее подразделения кормили детей тем, что получали от игры, Флинн платила за мамины лекарства. У многих не было другого заработка. Сейчас он снова перебил всех в ее подразделении, одного за другим, с кайфом, не торопясь, и теперь охотился на Флинн, пока она кружила по французскому лесу в снегопад, забираясь все глубже и глубже.

Потом Мэдисон вызвал Бертона, Бертон сел на диван рядом с Флинн, понаблюдал за ее игрой и сказал, как ему это все видится. Что эсэсовец, который ее выслеживает, все воспринимает неправильно. На самом деле это она его выслеживает. Или будет выслеживать, как только просечет, что к чему. Эсэсовец не просечет точно, он без оглядки прет по ложному пути. И еще

Бертон сказал, что покажет Флинн, как это увидеть, только надо, чтобы она не спала. Он дал Дженис «будильник» и набросал на салфетке расписание приема. Бухгалтер во Флориде будет спать, оставляя своего персонажа на очень хороший ИИ, а Флинн – не будет.

Итак, Дженис давала ей «будильник» по расписанию на салфетке, а Бертон приходил по какому-то собственному расписанию, садился рядом и объяснял, как ему это видится. Иногда, пока он следил за игрой, Флинн чувствовала его дрожь, тот самый сбой гаптики. Бертон помогал ей нащупать собственное зрение – не научиться, сказал он, потому что этому научиться нельзя, а просто войти в воронку, которая с каждым кругом все у́же, а ты видишь все четче. И так вниз, вниз, до того самого выстрела через поляну, когда внезапный туман брызнувшей сквозь метель распыленной крови стал коэффициентом, с которым уравнение сошлось.

Она тогда была на диване одна. Дженис услышала ее крик.

У Флинн еще хватило сил выйти на улицу, прежде чем ее вырвало чаем. Она тряслась и плакала, пока Дженис умывала ей лицо. Дуайт отвалил тогда чертову уйму денег. Однако Флинн больше не ходила для него в разведку и вообще не ступала ногой в заснеженную военную Францию.

Так почему она вспомнила это сейчас, глядя, как мужчина с бородкой привлекает женщину ближе к себе? Почему, облетая здание, поднялась до пятьдесят седьмого и вернулась обратным ходом?

Почему, если это не шутер, она снова Легкий Лед с головы до кончиков пальцев?

14. Траурный гагат

Тлен, белая как мел, оттянула нижнее веко на левом глазу Недертона. Рука у нее была черной от татуировок – буйство рогов и крыльев, все птицы и звери антропоценового вымирания, штриховой рисунок, трогательный в своей выразительной простоте. Недертон знал, кто она, но не знал, где находится.

Она склонилась над ним, глядя почти в упор. Он лежал на чем-то плоском, холодном и очень твердом. Ее шею охватывало черное кружево – той черноты, которая поглощает свет, – застегнутое камеей с черепом.

– Что вы делали в сухопутной яхте Зубова-деда?

Зрачки в ее серых глазах были двойные, один над другим, маленькие черные восьмерки, – манерность, которую он ненавидел всеми фибрами души.

– И зачем выпили самый старый виски мистера Зубова, который я собственноручно законсервировал инертным газом? – произнес за ее спиной Оссиан. Было отчетливо слышно, как хрустнули его пальцы. – «Лишь пинта портера твой друг»[1], ведь я же вам говорил, мистер Недертон?

Ирландец и впрямь частенько повторял эту фразу, хотя сейчас Недертон решительно не мог понять, к чему она относится.

Оссиан принадлежал к типу дворецкого-громилы: накачанные плечи и ляжки, темная косичка, перевязанная черной лентой. Техник, как и Тлен. Они были партнеры, но не в сексуальном смысле. Обслуживали хобби Льва, приглядывали за его полтерами. А значит, должны были знать про Даэдру и Аэлиту.

Насчет виски Оссиан попал в точку: неэтаноловые компоненты в темных напитках. Следы, но способны вызвать тяжелое похмелье. Собственно, и вызвали.

Тлен отпустила его нижнее веко. Изображения животных, напуганные резким движением, вбежали по руке к белому плечу и пропали. Недертон отметил, что ноготь у нее ярко-зеленый и обломан по краям. Тлен что-то сказала Оссиану – обрывок фразы, похожей на итальянскую. Оссиан ответил на том же языке.

– Это невежливо, – заметил Недертон.

– Когда мы говорим между собой, шифрование обязательно, – ответила Тлен.

Их шифр менялся поминутно, чтобы не порождать фрагментов, достаточных для взлома: фраза, звучащая вначале как испанская, перетекала в псевдонемецкую. Не человеческая речь, а птичье чириканье, которое Недертону было сейчас еще

отвратительнее речи. На каком бы языке ни говорила Тлен, Оссиан ее понимал, и наоборот.

Светлый деревянный потолок был покрыт глянцевым лаком. Где это? Повернув голову набок, Недертон понял, что лежит на полированном черном мраморе с толстыми золотыми прожилками. Сейчас мрамор как раз начал подниматься, потом остановился. Оссиан мощными руками схватил Недертона за плечи и перевел в сидячее положение.

– Держитесь крепче, любезный, – сказал Оссиан. – Зава́литесь назад – раскроите себе череп.

Недертон заморгал. Он видел, что сидит на краю черного мраморного стола, но и стол, и помещение выглядели совершенно незнакомыми. Где это, в Ноттинг-Хилле? Он и не знал, что у Льва в доме есть такие маленькие комнаты. А уж тем более в подвале. Стены были того же цвета светлого шпона, что и потолок. Тлен что-то вынула из сумочки: пластмассовую треугольную пластинку, бледно-зеленую и матово-прозрачную, вроде окатанного морем стеклышка. Как во всех вещах Тлен, была в этой пластинке какая-то нарочитая затертость. Тлен пришлепнула ее к правому запястью Недертона с внутренней стороны. Тот нахмурился, почувствовав, как мягкий треугольник закопошился, бескровно проталкивая невообразимо тонкие щупальца между клетками его кожи. Двойные зрачки Тлен задвигались, читая видимые лишь ей показания.

– Он кое-что вам вводит, – сказала она. – Но алкоголя при этом нельзя нисколько. И впредь не берите спиртное из машин.

Недертон мысленно отметил сложную текстуру ее бюстье, которое видом напоминало микроминиатюрную модель чугунного свода над викторианским вокзалом – бесчисленные просветы словно подернуты дымом крошечных паровозиков, – однако эластично растягивалось при каждом ее вдохе. Вернее, отметил, что зрение обретает четкость, – спасибо «медичи» с его все более приятными манипуляциями.

– Мистер Зубов, – сказал Оссиан (имелся в виду отец Льва) и кашлянул в кулак, – может в любой миг затребовать родительскую сухопутную яхту.

И чего он привязался? Лев не станет переживать из-за одной-единственной бутылки, пусть даже очень старой.

«Медичи» отцепился, и Тлен убрала его назад в сумочку, расшитую – как Недертон заметил только сейчас – бусинами траурного гагата.

Он резко встал. Недоумение полностью рассеялось. Они в сухопутной яхте «мерседес», которую дед Льва заказал для поездки по монгольским пустыням. В ричмондском доме она не

помещалась, поэтому Лев держал ее здесь. Бутылка из-под виски, вспомнил Недертон, в туалете, где-то справа. Впрочем, это Оссиан и Тлен наверняка знают и без него. Может, надо поставить себе этот, как он называется… от похмелья.

– И не думайте, – отрезала Тлен, словно читая его мысли. – Больше месяца-двух не проживете.

– Вы ужасно мрачная, – сказал Недертон и тут же улыбнулся, поскольку она и впрямь была такая.

Нарочито мрачная. Волосы той же наночерноты, что кружева на шее, бюстье из залитого дождем стекла и чугуна, расплывчатого, будто смотришь в подзорную трубу с другого конца, многослойная юбка – словно более длинная и темная версия балетной пачки главного мусорщика. А теперь еще штриховой рисунок одинокого альбатроса, медленно, словно вдалеке, кружащего по ее белому горлу.

Недертон вновь оглядел стол, на котором спал, пока тот был утоплен в полу. Теперь здесь можно было бы позавтракать, сыграть в бридж или разложить карту Монголии. Интересно, осуществил ли дед Льва задуманную поездку? Он вспомнил, как смеялся над вульгарностью того, что Лев называл «гобивагеном», – в тот единственный раз, когда показывал ему яхту. Тогда-то Недертон и приметил в ней основательный запас спиртного.

– Теперь будет под замком, – сказал Оссиан, демонстрируя собственную степень телепатии.

– Где вы были? – Недертон перевел взгляд с Оссиана на Тлен, словно подразумевая нечто недолжное. – Я спустился сюда, чтобы вас найти.

Оссиан поднял брови:

– Вы рассчитывали обнаружить нас здесь?

– Я был вымотан, – сказал Недертон. – Нуждался в подкреплении.

– Устали. Эмоционально, – заметил Оссиан.

Появилась эмблема Льва:

– Полагаю, шестнадцати часов довольно, чтобы проспаться? Жду тебя на кухне. Прямо сейчас.

Эмблема исчезла.

Тлен и Оссиан, не слышавшие ни слова из того, что сказал Лев, сурово смотрели на Недертона.

– Спасибо за помощь, – сказал он Тлен и по трапу спустился в подводную биолюминисценцию гаража: низких широких арок с уходящими вдаль автомобилями.

Чувствуя движения Недертона, живое покрытие арки прямо над ним сделалось ярче. Он обернулся на выпуклый борт

автомобиля. Оссиан по-прежнему следил за ним из наблюдательного отсека, самодовольно ухмыляясь.

Покуда Недертон шел к лифту вдоль бесконечного ряда машин, свет провожал его: фотофоры на арке позади темнели, на следующей разгорались.

15. Ничего хорошего

В прошлый Хеллоуин Леон сделал из тыквы лицо президента Гонсалес. Флинн не нашла сходства, но и ничего расистского не обнаружила, так что оставила тыкву на крыльце. За ночь кто-то погрыз ее изнутри и оставил мелкие катышки помета. Крыса или белка. Флинн еще тогда хотела выбросить тыкву в компост, но забыла и на следующий день увидела, что лицо президента ввалилось: вся мякоть была выгрызена, осталась сморщенная оранжевая кожица и свежий помет. Флинн надела резиновые перчатки, в которых чистила унитаз, и отнесла тыкву на компостную кучу, где скукоженное оранжевое лицо становилось все уродливее и уродливее, пока не исчезло совсем.

Она не думала об этом сейчас, вися в колыбельке гироскопических стабилизаторов и глядя, как дышит серая штуковина.

Только теперь штуковина из серой стала бронзово-черной. Она распласталась прямоугольником, но весь фасад пятьдесят седьмого этажа был запотевшим, в капельках и струйках воды. Штуковина – совершенно сухая – отстояла от стены на ширину ладони, цепляясь ножками, которые теперь превратились в подобие кронштейнов. Точно над серединой откидного балкона.

И дышала.

В темной духоте трейлера Флинн рукой вытерла со лба пот, но все равно часть затекла в глаза, их защипало.

Подвела коптер ближе к штуковине. Увидела, как та выгнулась и вновь стала плоской.

Флинн лишь в общих чертах представляла себе, чем управляет. Квадрокоптером, да, но вот четыре его винта – открытые или в кожухах? Если бы она хоть раз увидела свое отражение в стекле, то знала бы, так ведь нет же! Хотелось подобраться ближе, – может, удастся получить стоп-кадр, как когда она упала на стрекозку. Но если винты открытые и один из них заденет штуковину, коптер упадет.

Вдоль средней вертикальной линии штуковины появилось вздутие, светлее, чем остальное тело.

Внизу, под Флинн, мужчина и женщина вышли на балкон. Руки женщины лежали на горизонтальном стержне. Мужчина стоял сзади. Возможно, обнимал ее за талию.

Выпуклость немного втянулась. Флинн подлетела еще чуточку ближе.

Штуковина лопнула по вертикальному шву, бледные края щели немного закручивались внутрь. Что-то маленькое вылетело

наружу, исчезло. И тут же что-то царапнуло камеру, какая-то мохнатая серая запятая. Еще раз. Будто комар с микроскопической циркулярной пилой. Или алмазный резец. Чиркнуло еще два раза, стремительно, как скорпионий хвост. Пытается ее ослепить.

Флинн быстро отлетела назад и вверх. «Комар» по-прежнему бился в объектив. Камнем упала вниз – на три этажа сразу – и только здесь позволила гироскопам стабилизировать коптер.

«Комар» вроде бы исчез. Камера была поцарапана, но работала.

Резко влево.

Резко вверх. Пролетая мимо пятьдесят шестого, увидела, как мужчина взял ладони женщины, поднял и закрыл ей глаза. С пятьдесят седьмого – как он целует ее в ухо, что-то говорит. Наверняка: «Сюрприз!» Отступил назад, повернулся.

«Нет!» – выкрикнула Флинн, потому что серая штуковина вновь раскрылась и перед щелью закружился рой гнуса. Мужчина глянул вверх, на штуковину. Знал, что она должна там быть. Не удивился, не посмотрел внимательнее, только занес ногу, чтобы шагнуть в комнату.

Флинн направила коптер ему в голову.

Она уже полупривстала в кресле, когда мужчина увидел коптер и бросился на пол, в последний момент спружинив руками.

Наверное, он вскрикнул, потому что женщина обернулась, отняла руки от лица и открыла рот. Что-то залетело в ее разомкнутые губы. Женщина замерла. Это выглядело как гаптический глюк у Бертона.

Мужчина вскочил, толкнувшись, словно бегун со стартовых колодок. Миг – и дверь в окне задвинулась за ним, вернее, просто исчезла. Осталось сплошное стекло, которое тут же поляризовалось.

Женщина даже не вздрогнула, когда что-то крохотное пробурилось через ее щеку наружу, оставив капельку крови. Все новые мошки выскакивали из щели с бледными краями и залетали в открытый рот женщины. Ее лоб ввалился, как у Леоновой тыквы в компостной куче – дни, недели в считаные минуты, словно при покадровой съемке в ускоренной перемотке. Блестящая стальная планка перил начала втягиваться в зеленое стекло, которое уже было не стеклом, а мыльной пленкой. Потеряв опору, женщина рухнула с балкона, руки и ноги выброшены в стороны под нечеловеческими углами. Флинн устремилась за ней.

Крови, кажется, больше не было, только кувыркающееся тело

в черной футболке и полосатых пижамных штанах. С каждым сантиметром оно съеживалось, так что к тридцать седьмому этажу, где Флинн впервые увидела серую штуковину, остались лишь две плещущие на ветру тряпки, одна черная, другая полосатая.

Перед двадцатым этажом Флинн вспомнила голоса и остановила спуск. Повисела немного на стабилизаторах, охваченная горечью и отвращением.

– Всего лишь игра, – сказала она себе в душной темноте трейлера. Щеки были липкие от слез.

Потом, чувствуя себя несчастной и опустошенной, двинулась вверх. Глядя на скользящую перед камерой черную бронзу, не давая себе труда осмотреть город. В жопу. Ну их всех в жопу.

Окна́ на пятьдесят шестом уже не было, балкон сложился и закрыл его. А вот папарацци вернулись, прозрачные капельки их камер смотрели в сторону бывшего окна. Флинн не стала их разгонять.

– Вот почему у нас никогда не бывает ничего хорошего, – услышала она собственный голос в трейлере.

16. Лего

– Пятнадцать минут, – говорил Лев, взбивая омлет на огромной, больше квадроциклов, висящих на кран-балках за кормой дедушкиного «мерседеса», французской плите. – Из которых десять уйдет на чтение их клиентского соглашения. Это здесь, в Патни.

Недертон сидел на том же стуле, что в прошлый раз. Окна в сад были темны.

– Ты шутишь, – сказал он.

– Антон это сделал.

У обоих старших братьев Льва рожи были бандитские, но у Антона – больше.

– С чем я его и поздравляю.

– У него не было выбора, – сказал Лев. – Отец принял оперативные меры.

– Никогда не думал, что у Антона проблемы с алкоголем, – заметил Недертон таким тоном, будто привык объективно судить на такие темы.

Он наблюдал за двумя детальками лего, красной и желтой, между блюдом с апельсинами и перцемолкой от Филиппа Старка[2]. Сейчас оба кубика начали округляться в шарики.

– Уже нет. – Лев перенес присыпанный луком омлет на две белые тарелки и положил на каждую по половинке согретого тушеного помидора. – Там был не только алкоголизм. Еще неуравновешенность характера на фоне психологической расторможенности.

– Но я же вроде видел, как он выпивает? Здесь, недавно?

Недертон был уверен, что видел, несмотря на то что всегда старался сбежать при появлении любого из братьев. Детальки лего, теперь уже идеально сферические, медленно покатились к нему по старой дубовой столешнице.

– Разумеется, – ответил Лев, чистой стальной лопаткой поправляя омлеты на тарелках. – Мы же не в Средневековье живем. Но всегда в меру. Не до опьянения. За этим следят ламинаты. Они совершенно иначе метаболизируют спирт. Плюс модуль когнитивной терапии. В итоге у него все хорошо.

Лев подошел к столу, держа по тарелке в каждой руке:

– Уилф, «медичи» Тлен говорит, что твои дела нехороши. Очень нехороши.

Он поставил одну тарелку перед Недертоном, другую напротив и сел за стол.

– А Доминика разве не придет к столу? – спросил Недертон,

рефлекторно пытаясь сменить тему.

Детальки лего, по-прежнему сферические, бок о бок лежали перед его тарелкой.

– Отец четко дал понять, что лишит Антона наследства, если тот откажется от лечения, – продолжал Лев, не обращая внимания на вопрос.

– Гордон хочет войти, – сказал Недертон. Он только сейчас заметил тилацина за темной стеклянной дверью.

– Тиенна, – поправил Лев, глянув на зверя. – Ей нельзя в кухню, пока мы едим.

Недертон украдкой столкнул красное лего на пол. Оно дзынькнуло обо что-то и покатилось.

– Гиена? – спросил он.

– «Медичи» Тлен не нравится твоя печень.

– Омлет выглядит очень аппетитно.

– Ламинаты, – ровным голосом произнес Лев, глядя Недертону в глаза. Толстая черная оправа еще подчеркивала его серьезность. – И модуль когнитивной терапии. В противном случае, боюсь, твой нынешний визит будет последним.

Чертова Доминика. Это все из-за нее. Наверняка из-за нее. Лев никогда таким не был. Желтое лего вновь приняло прямоугольную форму и теперь лежало неподвижно. Прикидывалось паинькой.

Лев поднял глаза, повел ими в сторону.

– Извини меня, я должен ответить, – это адресовалось Уилфу. – Да?

Он указал на омлет – ешь, мол. Потом коротко что-то спросил по-русски.

Недертон развернул прохладную плотную салфетку, достал вилку и нож. Он будет есть омлет с тушеным помидором в точности как здоровый, спокойный, ответственный человек. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось омлета и тушеных помидоров.

Лев нахмурился и снова заговорил по-русски. В конце фразы прозвучало: «Аэлита». Он действительно ее упомянул или это какое-то похожее русское слово? Затем вопрос, тоже по-русски, и да, последним точно было ее имя.

– Да, – сказал Лев. – Очень.

Ногтем указательного пальца он почесал левое крыло носа – Недертон знал за ним такой жест сосредоточенности. Еще вопрос по-русски. Недертон обреченно отправил в рот кусок омлета. Никакого вкуса. Тилацина за дверью уже не было. Они всегда так исчезали: только что здесь – и вот уже нет.

– Странно, – сказал Лев.

– Кто звонил?

– Моя секретарша и один из наших охранных модулей.

– А что случилось?

Пожалуйста, взмолился Недертон к равнодушному мирозданию, пусть для Льва это окажется важно. Пусть он отвлечется от исправительной клиники в Патни.

– Секретарша Аэлиты Уэст только что отменила ленч. Завтра на Стрэнде. Я забронировал столик в индийском ресторане. Она хотела больше узнать про своего полтера. Твой подарок.

Недертон заставил себя съесть еще крошку омлета.

– Лонпол слушал разговор моей секретарши с Аэлитиной. Мы под колпаком.

– Полицейские? Серьезно? А как она поняла?

– Да где ей, глупой девочке, – сказал Лев. (Недертона всегда раздражало, когда люди говорят о своих программах как о живых людях.) – Понял модуль.

Недертону подумалось, что жизнь клептархических семейств опутана бесчисленными нудными сложностями, однако он оставил эту мысль при себе.

– Охранный модуль интерпретировал слежку как относящуюся к очень недавнему событию.

– Откуда он знает?

– Цель слежки неизбежно проявится в каких-то ее особенностях. Наш модуль умнее полицейского. По характеристикам прослушки можно предположить, что именно расследует Лонпол.

Недертон так радовался внезапному избавлению, что почти не слушал Льва, и только сейчас сообразил: если не поддержать разговор, тема Патни может всплыть снова.

– Так что же он расследует?

– Серьезное преступление, считает наш модуль. Возможно, похищение. Или даже убийство.

– Аэлиты?

Мысль показалась Недертону совершенно абсурдной.

– Ничего пока не ясно. Мы изучаем вопрос. У нее был прием накануне вечером. Пока ты мертвецки спал.

– Ты следил за ней?

– Охранный модуль после звонка ее секретарши провел ретроспективный анализ.

– И что за прием?

– Культурное мероприятие. Околоправительственное. Кстати, изначально задумывалось по поводу твоего проекта. Отметить успех. Когда Даэдра устроила там мясорубку, Аэлита не стала отменять прием, а как-то переиграла повод. Как именно –

неизвестно. Секретность там на уровне.

– И где был прием?

– В резиденции Аэлиты. Жилой комплекс «Парадиз». – Зрачки у Льва двигались: он что-то читал. – Ей там принадлежат этажи с пятьдесят пятого по пятьдесят седьмой. Даэдра присутствовала.

– Вот как? У тебя там кто-то был?

– Нет, но наши модули чуть умнее Аэлитиных. Ешь.

Лев аккуратно нагрузил на вилку омлет с помидором и почти донес их до рта, но внезапно замер и нахмурился:

– Да? – Он опустил вилку. – Не то чтобы такая возможность полностью исключалась, хотя бы на уровне слухов. Я скоро приду.

– Секретарша? – спросил Недертон.

– Тлен. Говорит, кто-то еще контактирует с нашим срезом. И это как-то связано с твоим полтером.

– Кто контактирует?

– Понятия не имею. Скоро все узнаем. – И Лев принялся за омлет.

Недертон последовал его примеру и – то ли какое-то долговременное действие «медичи» так сказалось, то ли временное избавление от Патни и печеночной ламинации – почувствовал, что омлет и помидор обрели вкус.

Красное лего, круглое, медленно выкатилось из-за блюда с апельсинами и, тихонько щелкнув, уже в виде кирпичика воссоединилось с желтым собратом. Недертон гадал, какую форму оно приняло, чтобы вскарабкаться по ножке стола.

17. Тополя

Зря она вернулась в «Джиммис». Флинн поняла это, как только с порога окунулась в темноту, танцы, запах пива, легальной травки и самосада. Бык, высунувшись из зеркала, глазел на девчушку лет, наверное, четырнадцати. Диоды мигали под музон, который Флинн слышала первый раз и надеялась больше не услышать. Она чувствовала себя последним старьем в кафешке – старше допотопной мебели и стен. По-прежнему в доморощенной форме охранника. И она не нашла Мейкона с того края стоянки, где тусовались черные ребята и где он толкал леваки. Флинн думала спросить, что будет, если телик засветился у безбашей. А может, просто надеялась с кем-нибудь поговорить. Сэндвич, приготовленный на после смены, ей не зашел, и вообще чувство было такое, что она уже никогда в жизни не сможет есть.

А все та пакость в игре. Уродская игра. Все игры уродские. Отчего, отчего их делают такими блевотными?

Флинн взяла пиво. Ее телик дзинькнул: «Джиммис» записал бутылку в кредит. Нашла круглый угловой столик, невытертый, но, по счастью, пустой, и села, показывая всем видом: да, я мерзкая старушенция. У девушки, отпускавшей пиво, была в глазнице виза, как у Мейкона и Эдварда, – серебристая паутинка, через которую видишь глаз, наблюдающий то, что транслируют нанизанные на нее элементы. В «Мегамарте» тебе сканируют глазницу и фабят визу точно по ее форме, а левые еще не появились. На черной коже смотрится лучше, подумала Флинн, но в «Джиммис» они были на всех, и от этого – а особенно оттого, что находила их вид немного идиотичным, – она еще сильнее чувствовала себя старухой. Каждый год что-нибудь такое возникает.

– Посылалки не хватает посылать лесом все, что надо бы? – сказала Дженис, возникая из толпы. В руке у нее тоже было пиво.

– Есть отчасти, – согласилась Флинн, уже не чувствуя себя последним старьем.

Она машинально обвела взглядом забегаловку: Дженис и Мэдисон редко бывали порознь. Мэдисон сидел за столиком с двумя ребятами, у каждого на глазу серебрилась виза. Он походил на Тедди Рузвельта. Практически только это Флинн о Тедди Рузвельте и знала – что Мэдисон на него похож. Он носил усы, которые подстригал, но никогда не сбривал, круглые очки в тонкой титановой оправе и темно-зеленый разгрузочный жилет. Сукно жилета поела моль, сложные нагрудные карманы щетинились пишущими ручками и фонариками.

– Хочешь выпить в компании?

– В твоей – да, – ответила Флинн. Дженис всегда ей нравилась.

Дженис села. Как иногда бывает у женатых пар, они с Мэдисоном чем дальше, тем больше походили друг на друга. Дженис носила такие же очки в тонкой оправе, усов, правда, не отрастила. Они запросто могли поменяться одеждой, никто бы и не заметил. Сейчас на ней были камуфляжные штаны, почти наверняка его.

– Что-то у тебя вид невеселый.

– А мне и невесело. Волнуюсь из-за Бертона. Полез в драку с луканами, угодил в безовку. Никаких обвинений, просто задержали для общественного порядка.

– Знаю. Леон сказал Мэдисону.

– Он тут нашел халтурку, – продолжала Флинн, радуясь, что музыка заглушает ее слова от посторонних, и зная, что Дженис поймет про риск лишиться пенсии. – Я его подменяла.

Дженис подняла одну бровь:

– Не понравилось? А что это?

– Бета-тестинг какой-то извратной игрушки. Про маньяков или в таком роде.

– А ты играла во что-нибудь после того раза у нас дома? – Дженис пристально ее разглядывала.

– Только в эту. Дважды. – Флинн опять сделалось неуютно, но уже иначе. – Ты Мейкона видела?

– Он был здесь. Мэдисон с ним разговаривал.

– Вы тут часто бываете, ты и Мэдисон?

– А что, это на нас похоже?

– Такие все, блин, молодые.

– А мы не были молодые, когда сюда ходили? По крайней мере ты. Маленькая сестренка Бертона, – улыбнулась Дженис.

Песня закончилась, и со стороны парковки донеслось громовое тарахтенье мотоциклетного мотора.

– Коннер, – сказала Дженис. – Паршиво. Затеял разборку с теми парнями.

У Флинн на миг мелькнуло неприятное чувство, будто вернулись школьные годы. Она проследила взгляд Дженис. Пять амбалов с обесцвеченными волосами за столиком, уставленным пивными бутылками. Не баскетболисты, слишком квадратные. Наверное, американский футбол. Ни у одного не было визы. Двое встали, взяли за горлышко по пустой бутылке в каждую руку и направились к выходу.

– Он был здесь с час назад, – добавила Дженис. – Пил на парковке. Нельзя ему пить – с таблетками выходит адская смесь.

Один из тех ребят что-то сказал. Мэдисон вмешался, так что до драки не дошло. Коннер уехал.

Снаружи донесся звон бьющегося стекла. Заиграла следующая песня. Флинн встала и пошла к двери, думая про себя, что эта песня нравится ей еще меньше предыдущей.

Двое футболистов стояли на крыльце, и сейчас стало видно, насколько они пьяны. Фонари на тонких шестах ярко освещали «тарантул» в центре гравийной площадки, тарахтевший и трясшийся, вонявший на всю парковку вторичным жиром. Голова Коннера торчала вперед под всегдашним мучительным углом, один глаз был скрыт за чем-то вроде монокля.

– Вали в жопу, Пенске! – крикнул футболист почти веселым от пьяного куража голосом и запустил вторую бутылку. Она разбилась о лобовое стекло трицикла; осколки брызнули в сторону, не задев Коннера.

Тот улыбнулся и чуть мотнул головой. Что-то качнулось над «тарантулом», выше трех высоких шин, между которыми полулежал обрубок, оставшийся от тела Коннера.

Флинн прошла между футболистами, спустилась по ступенькам на гравий. Парни умолкли – она была старше их, незнакомая, с ног до головы в черном. Коннер увидел ее. Снова шевельнул головой. Флинн слышала, как хрустит под ногами, как бьются мошки о фонари, хотя непонятно, как можно было что-то различить за оглушительным тарахтеньем.

Совсем близко подходить не стала: Коннеру бы пришлось тянуть шею, чтобы смотреть ей в лицо.

– Флинн, сестра Бертона, – сказала она.

Взгляд через монокль, улыбка.

– Клевая сестренка, – процедил Коннер.

Флинн подняла взгляд и увидела тонкий членистый скорпионий хвост, управляемый моноклем. Видимо, Коннер нарочно выкрасил его в черный цвет для незаметности. Флинн не могла разглядеть, что на конце. Что-то маленькое.

– Не связывайся, Коннер. Езжай домой.

Он что-то тронул подбородком на приборной панели. Монокль отщелкнулся, словно открылся маленький люк.

– Ты уйдешь с моей дороги, клевая сестренка Бертона?

– Нет.

Коннер извернулся, потер глаз двупалой рукой:

– Я мудак, да?

– Да в этом городе все мудаки. У тебя хоть оправдание есть. Езжай домой. Бертон уже в пути, вернется – зайдет к тебе.

Говоря, Флинн как будто видела все со стороны: себя на сером гравии перед «Джиммис», высокие старые тополя по обе

стороны парковки – старше ее матери, старше всех. Парня, который наполовину машина, человеко-мотоциклетный кентавр. Который чуть было не убил сейчас другого парня или парней – и, может, еще убьет.

Она обернулась и увидела, что Мэдисон теснит футболиста, швырявшего бутылки. Титановые очки были перед самым лицом парня, и тот отступал, чтобы авторучки и фонарики из тедди-рузвельтовской разгрузки не ткнули ему в грудь. Флинн снова поглядела на Коннера:

– Не стоят они того, Коннер. Езжай домой.

Коннер криво ухмыльнулся.

– Гребись все конем, – сказал он и что-то нажал подбородком.

«Тарантул» взревел. Однако, стартуя в поворот, Коннер постарался не обдать Флинн гравием.

С крыльца донеслись пьяные возгласы торжества.

Флинн бросила недопитую бутылку на гравий и, не оборачиваясь, пошла к велосипеду.

18. Клуб Всевышнего

Недертон заранее угадал, что закуток, который Тлен выгородила себе досками и холстиной в самом дальнем, самом маленьком углу подземного гаража, разозлит его своими декадентскими вывертами. Так и оказалось. Бесили не столько ненужная теснота и убранство а-ля богемный вариант бара «Менады», сколько то, что ее дисплей старательно маскировался подо что-то совершенно иное. И вообще, все, что она собиралась им показать, можно было транслировать, не дергая их со Львом сюда.

Полированные шары из сложных кристаллических сростков вроде агата были вмонтированы в ржавый химический прибор (Тлен похвасталась, что купила его у кокни, которые вылавливают из Темзы такого рода металлолом). И она заварила исключительно мерзостный чай в тончайших фарфоровых пиалах, наводивших на мысль, что в них нальют какую-нибудь полынную водку, так нет же. Прижатый к Льву за низким резным столиком, Недертон чувствовал себя в древней телефонной будке, переоборудованной для спиритических сеансов.

Теперь Тлен выбирала из замшевого мешочка кольца и наперстки – интерфейс, который нормальные люди вживляют под кожу перманентно и незаметно. У Тлен это были ржавые магические железяки вымышленных королей, утыканные тусклыми окатышами, причем камешки еще светились и гасли под ее белыми пальцами.

Чай отдавал горелым. Не то что его правда сожгли, просто чувствовался едва уловимый привкус. Занавеси, тяжелые, как в баре «Менады», из облысевшего бархата, были закапаны свечным воском, талибский ковер на полу выцвел так, что традиционное чередование орнаментальных танков и вертолетов превратилось в бесцветный абстрактный узор.

Тлен надела на указательный палец правой руки бурый угловатый перстень; по тыльной стороне ее левой ладони взволнованно метнулось изображение геккона. Животные были не в масштабе, вернее, выглядели будто с разного расстояния. Недертон предполагал, что поэтому невозможно увидеть слона и геккона одновременно. Судя по всему, татуировки жили автономно и Тлен не могла ими управлять.

Она надела четыре кольца и два черненых серебряных наперстка, затем сплела пальцы, спугнув геккона, и сказала:

– Первым делом они дали объявление о найме.

– Кто «они»? – спросил Недертон, не пытаясь скрыть

раздражение.

– Не знаю. – Тлен сложила указательные пальцы шалашиком. – Сервер можно считать платонической идеей черного ящика. В визуализации они возникают прямо перед нами, но это чрезмерное упрощение.

Недертон порадовался, что она хотя бы не назвала дисплей магическим кристаллом.

– О найме кого? – спросил Лев.

– Человека, готового выполнить неназванную задачу, связанную с применением насилия. Объявление размещено на форуме в даркнете, то есть на рынке криминальных услуг. Мы имеем доступ ко всем их сетям, поскольку наши компьютеры куда более быстродействующие. Предлагают восемь миллионов, – по мнению Оссиана, это значит, что речь идет об убийстве.

– Сумма реалистичная? – спросил Лев.

– Оссиан считает, что да. Не настолько большая по меркам конкретного форума, чтобы привлечь внимание правительственных агентов, а они там, без сомнения, присутствуют, но и не слишком маленькая – дилетанты не набегут. Соискатель появился почти сразу, после этого объявление сняли.

– Кто-то откликнулся на объявление «ищем убийцу»? – изумился Недертон; Лев и Тлен обменялись взглядами. – Если их сети для вас прозрачны, почему мы знаем так мало?

– Некоторые традиционные методы шифрования и сейчас чрезвычайно трудно взломать, – ответил Лев. – Наша охранная система, вероятно, справилась бы, но я семью в эту историю не посвящал и не собираюсь.

Тлен расплела пальцы, провела кольцами и наперстками между шарами – примерно такой пантомимы Недертон и ждал. Шары засветились, увеличились, стали прозрачными. Сквозь миниатюрные туманности зазмеились две тонкие, как ниточки, молнии, замерли.

– Мы – синие, они – красные, – сказала Тлен.

Из чернильного облака сгустилась синяя ломаная линяя, рядом алая. Они бок о бок бежали среди медлительных, чуть светящихся скоплений темноты.

– А может, просто китайцы вас разыгрывают, пользуясь превосходством своих компьютеров, – сказал Недертон. Именно эту догадку первым делом высказала Даэдра.

– Не исключено, – ответил Лев, – однако такие шутки не в их характере.

– А такое случалось раньше? – спросил Недертон. – Кто-нибудь проникал в чужой срез?

– Слухи ходили, – сказал Лев. – Учитывая, что мы не знаем, где сервер, как работает и уж тем более кому принадлежит, загадка сторонних проникновений – наименьшая.

– Мифы и легенды континуумистов, – добавила Тлен.

– А как ты вообще этим занялся? – спросил Недертон.

– Через лос-анджелесского родственника. Новый человек может попасть в систему только по приглашению: кто-то должен рассказать ему про сервер, ввести в курс дела.

– А почему до сих пор нет широкой огласки?

– Когда ты в это включился, – ответил Лев, – тебе уже не хочется никого посвящать.

– Почему?

– Клуб Всевышнего, – вставила Тлен.

Лев поморщился, но промолчал.

– Каждый раз, когда мы взаимодействуем со срезом, мы бесповоротно меняем в нем всё, все далекоидущие последствия, – продолжала Тлен.

В одном из шаров сфокусировалось неподвижное изображение: темноволосый молодой человек на фоне чего-то вроде координатной сетки.

– Бертон Фишер, – пояснила Тлен.

– Кто он? – спросил Недертон.

– Твой полтер, – ответил Лев.

– Наши гости наняли кого-то его разыскать, – сказала Тлен. – И, как полагает Оссиан, убить.

Лев почесал нос и добавил:

– Он был на дежурстве во время приема у Аэлиты.

– После, – уточнила Тлен. – Ваши модули датируют время неизвестного события вечером после приема. Тогда полтер и заступил на дежурство.

– Они хотят убить давно умершего человека в прошлом, которое уже и не наше прошлое? Зачем? – спросил Недертон. – Ты говорил, ничто там на нас не влияет.

– Информация течет в обе стороны, – объяснил Лев. – Очевидно, они убеждены, что он обладает некими сведениями, которые могут им повредить, если станут известны здесь.

Недертон взглянул на Льва и внезапно увидел в нем клептарха: клептарха в просвещенном младшем сыне, любящем отце, тилацинаналоговладельце. Что-то твердое и ясное, как стекло. И такое же простое. Хотя, по правде сказать, чувствовалось, что во Льве этого не много.

– Быть может, он что-то видел, – проговорила Тлен. – Я звоню, он не берет трубку.

– Вы ему звоните? – изумился Недертон.

– И шлю эсэмэски, – ответила Тлен, глядя на свои наперстки и кольца. – А он не отвечает.

19. Бирюзовый скотч

Дрон был размером чуть поменьше воробья, с одним ротором. Он летел над Флинн, и под фонарем на прямом отрезке Портер-роуд она разглядела у него на боку квадратик бирюзового скотча.

Леон купил на толкучке целый моток этого скотча примерно в то же время, когда Бертон перебрался в трейлер. Никто из них прежде не видел клейкой ленты такого цвета. Потом Леон и Бертон долго помечали ею свои игровые дроны. Флинн не думала, что они сейчас играют, но дрон явно провожал ее от «Джиммис», а значит, братья уже вернулись из Дэвисвилла.

Голова болела, зато паршивое настроение почти исправилось после того, как Коннера Пенске удалось отправить с парковки домой. Флинн решила, что больше не станет подменять Бертона. Будет помогать Шайлен или найдет еще какую-нибудь подработку.

И еще надо сказать Бертону, пусть узнает, что Коннер установил на «тарантул». Это не дело. Хорошо, если там всего-навсего лазер, но как бы не что похуже.

Флинн быстро крутила педали – помогала втулке подзарядить аккумулятор. А главное, ей хотелось вымотаться так, чтобы упасть и заснуть. Под следующим фонарем она подняла взгляд и снова увидела дрон. Немногим больше папарацци в игре, хотя наверняка отпечатан в фабе.

Она свернула на извилистый, идущий под гору отрезок Портер-роуд и под первым же фонарем увидела Бертона с Леоном. Они стояли у картонного китайского автомобиля, который, наверное, взяли в прокате для поездки в Дэвисвилл. Бертон был в белой футболке, Леон – в джинсовой куртке, такой старой, что другой постыдился бы стричь в ней газон. Леон, в отличие от Бертона, не считал нужным переодеваться для работы, да и вообще ни для чего. Когда Флинн притормозила перед ними, он вскинул руку и поймал дрон в воздухе.

– Привет, – сказала она.

– И тебе привет, – отозвался Бертон. – Слазь, Леон подгонит твой велик.

– Зачем? Он не будет крутить педали, а мне надо подзарядиться.

– Это серьезно.

– Мама?..

– С ней все в порядке. Она спит. Нам надо поговорить.

– Я немножко покручу, – пообещал Леон.

Он придержал велосипед за руль, и Флинн слезла.

– Объясню в машине. Садись, – сказал Бертон.

Флинн забралась в двухместный автомобиль, который их мать назвала бы коробкой для яиц. От бумажного корпуса с герметической нанопропиткой воняло попкорном, на полу перед пассажирским сиденьем валялись обертки от еды.

– Что случилось? – спросил Бертон, как только захлопнул свою дверцу.

– В «Джиммис»?

Леон, держа в одной руке дрон, сел на велосипед. Первые метры он проехал, вихляя, затем выровнялся.

– На долбаной работе, Флинн. Они мне позвонили.

– Кто?

– Люди из «Сольветры».

– Случилось то, что игра – такое же говно, как и все. Я видела, как чувак убил женщину. Фантазии на тему нанорезни бензопилой. Мне хватило. Дальше давай сам.

Бертон смотрел на нее:

– Кого-то убили?

– Съели заживо. Изнутри.

– Ты видела, кто убил?

– Бертон, это игра.

– Леон не знает, – сказал он.

– Не знает чего? Ты говорил, он получает для тебя деньги на свой Мегапал.

– Не знает, в чем именно состоит работа. Знает только, что мне платят бабки.

– Зачем они звонили?

– Спрашивали, что произошло в мою смену. Я не смог ответить.

– А сами-то они почему не знают? Разве у них не все записывается?

– Похоже, что не все. – Бертон побарабанил пальцами по рулю. – Мне пришлось сказать, что ты меня подменяла.

– Тебя уволят?

– Они утверждают, что меня вчера заказали через киллерский форум. Кто-то из Мемфиса. Восемь лимонов.

– Бред. Кто?

– Говорят, что не знают.

– За что?

– Кто-то думает, я видел то, что видела ты. Ты видела убийцу? Кого ты видела, Флинн?

– Почем мне знать? Какой-то козел. В игре. Подстроил все. Знал, что так будет.

– Деньги реальные.

– Какие еще деньги?

– Десять лямов. На Мегапале Леона.

– Если у Леона на Мегапале десять лимонов, завтра к нему придет налоговая.

– Их там еще нет. Он выиграет в лотерею штата в следующий тираж. Я должен купить билет и сказать им номер.

– Не знаю, что там безбаши с тобой сделали, но крыша у тебя съехала.

– Они хотят с тобой побеседовать.

– Безбаши? – Флинн стало уже не странно, а по-настоящему страшно.

– Люди из «Сольветры». Все уже обговорено.

И он с выключенными фарами поехал по Портер-роуд, ссутулив широкие плечи над хлипким рулем.

20. Полтер

Идея устроить офис в сухопутной яхте Зубова-деда принадлежала Тлен – она знала, что мраморная плита, на которой спал Недертон, превращается не только в журнальный столик, но и в очень внушительный рабочий стол. Лев добавил, что тамошняя система камер придаст интерьеру винтажный, а для сестры полтера – современный вид. Почему самого Недертона выбрали на роль эйчара, осталось для него загадкой.

Дедушкины дисплеи, которые Оссиан нашел на каком-то из нижних этажей, привезли на электрокаре. Это были прямоугольные черные зеркала в титановых рамах. Недертон видел такие в старинной медиапродукции, но ему они показались неубедительными. Очевидно, работающий монитор выглядел иначе. Тлен, с ожидаемым азартом включившаяся в подготовку спектакля, прилепила синий светодиод на дисплей, перед которым предстояло сидеть Недертону, чтобы у того на лице лежали голубые отсветы и не чувствовалось, что человек смотрит в погасший экран.

Сейчас он рассматривал свое отражение в зеркальном дисплее. Костюму, изрядно помятому за время сна в яхте, Оссиан дал отвисеться в ванной, пока Недертон принимал душ, так что самая явная пожеванность исчезла. Еще Оссиан дал ему свой черный облегающий свитер, который был широк Недертону в груди и в плечах. Его собственная рубашка, в пятнах – надо полагать, от виски, – отправилась в стирку. Он жалел, что Тлен отказалась еще разок приложить ему к руке «медичи», – это бы благоприятно отразилось на внешности.

Недертон побарабанил пальцами по многофункциональной плите черного мрамора с золотыми прожилками. Ему предстояло изображать сотрудника «Милагрос Сольветра ЮА» – крупной воображаемой корпорации, базирующейся в Медельине. О Колумбии, в которой этот самый Медельин находится, Недертон не знал ровным счетом ничего. Лев зарегистрировал «Милагрос Сольветру» и в Колумбии, и в Панаме своего среза. Обе компании состояли из тонкой пачки документов и нескольких банковских счетов. Управляла ими одна и та же юридическая фирма в Панама-Сити.

Говорить с полтером оказалось на удивление интересно – главным образом поэтому Недертон и сидел здесь сейчас. Даже чересчур интересно. Наверное, подействовал и закуток Тлен, который своим унылым видом еще подчеркнул контраст. Так или иначе, полтер вел машину, глядя на какое-то шоссе,

семьюдесятью годами раньше, по другую сторону джекпота. Его телефон как-то держался на приборной доске. Широкую грудь полтера обтягивала тонкая трикотажная рубашка, а лицо изумило Недертона тем, что было совершенно человеческим. Восхитительно допостчеловеческим. Полтер являл собой воплощение первозданности. И деловой хватки, как вскоре убедился Недертон. Такому умению выманивать деньги, импровизируя на ровном месте, можно было только позавидовать.

Тлен позвонила полтеру, она и говорила с ним первой. Не пытаясь скрыть добровольное измывательство над собственной внешностью и четыре зрачка. Потребовала рассказать, что он видел в последнюю смену. Полтер принялся юлить, и Тлен, взглядом испросив разрешения у Льва, переключила на того звонок. Лев, не представившись, взял быка за рога. Полтер будет уволен и не получит плату за две последние смены, если не объяснится. Тогда полтер быстро сознался, что нанял свою сестру («компетентную и ответственную», как он выразился) подменить его, поскольку сам должен был ехать к родственнику по имени Лукан, который серьезно пострадал в драке.

– Мне срочно надо было к нему. Думали, он не выкарабкается.

– Чем он занимается, этот родственник? – спросил Лев.

– Он религиозный, – ответил полтер. Недертону вроде бы послышался смешок, и полтер быстро оторвал руку от руля.

Затем он сказал, что сейчас едет домой от пострадавшего родственника, сестре еще не звонил. Лев посоветовал и не звонить, а дождаться личного разговора. После чего сообщил про объявление.

Недертону подумалось, что Лев, при всей своей клептархической культуре, дал маху. Полтеру совершенно незачем знать такие подробности. Объяснить, что ему звонят из чужого будущего, где он – игрушка богатого сумасброда, было бы еще глупее, но ровно настолько же излишне. Недертон уже собирался отправить Льву сообщение и даже спроецировал на резную поверхность стола телефонную клавиатуру, но задумался о динамике собственных отношений со Львом. Лучше сидеть, слушать и наблюдать, как полтер выторговывает себе новую, потенциально более выгодную позицию. Недертон видел, что у того явно есть тактические умения, которые Лев, умный и с наследственными задатками, не имел случая полностью развить.

Полтер ответил, что по ряду причин представляет довольно-таки трудную мишень для наемного убийцы. Что он обладает ресурсами, которые может привлечь именно в такой ситуации. А вот то, что его сестра может оказаться в опасности,

«неприемлемо». Слово прозвучало в тесной палатке Тлен неожиданно весомо. И что, спросил полтер, Лев намерен по этому поводу предпринять?

– Мы дадим денег, – сказал Лев. – Вы сможете нанять охрану.

Недертон чувствовал, что Тлен пытается поймать его взгляд. Она явно тоже поняла, что полтер переиграл Льва. Недертон встретился с нею глазами, но нейтрально, без того выражения, которого она ждала.

Лев сказал полтеру, что хочет поговорить с его сестрой, однако тот пожелал прежде услышать конкретную сумму. Лев предложил десять миллионов – чуть больше, чем пообещали предполагаемому киллеру. Полтер ответил, что на какой-то «мегапал» его двоюродного брата столько положить нельзя.

Лев объяснил, что есть другая возможность: он устроит, чтобы двоюродный брат полтера выиграл эти деньги в ближайшем тираже лотереи штата. Выплата будет абсолютно законной. И тут уже Недертон, не выдержав, сам взглянул на Тлен.

– Тебе не кажется, что история с лотереей превращает все в фаустовскую сделку? – спросил он, когда телефонный разговор закончился.

– Фаустовскую? – Лев посмотрел на него непонимающе.

– Как будто у вас есть возможности, которые обычно приписывают Люциферу, – пояснила Тлен.

– А, понятно. На самом деле это такая интересная штука, на которую мой знакомый набрел в своем срезе. Он дал мне подробные инструкции. Я как раз думал с вами обсудить.

– Здесь тесновато. – Недертон встал, приподняв тяжелый бархат плечом. – Если собираемся болтать, давайте перейдем в «мерседес», там удобнее.

Вот, собственно, и все, если не считать того, что теперь он сидел здесь и ждал звонка от сестры полтера.

21. Лохотронщик

Они так и не нагнали Леона. Может быть, он вправду крутил педали, а скорее всего – немножко крутил и одновременно расходовал заряд втулки. Велосипед стоял у дуба во дворе, Леон куда-то исчез, зато в шезлонге сидел приятель Бертона Райс и держал на коленях мандолину. Когда они, оставив машину у ворот, подошли ближе, стало видно, что на самом деле это армейская винтовка: короткая, с дулом, как будто вдвинутым в приклад. Друзья Бертона называли такие «булками». На глаза у Райса была надвинута бейсболка – из тех, что постоянно меняют рисунок. Он был в армии, в каких-то элитных войсках, но не таких элитных, как Гаптраз, и к Бертону относился с восхищением, которое Флинн находила нездоровым, хотя сама не знала, за кого опасается – за Райса или за Бертона.

– Привет, Райс, – сказал Бертон.

– Привет, Бертон, – ответил Райс и, не привставая с шезлонга, тронул рукой кепку, почти как если бы отдал честь. На левой глазнице у него была виза, и Флинн видела, как скользит по зрачку отраженный свет.

– Кто еще здесь? – спросил Бертон, глядя на темный дом. Белая вагонка уже немного просветлела в первых предутренних лучах.

– Дюваль на холме, – ответил Райс. (Пикселированное бурое пятно переползло чуть ближе к тому месту, где у нормальной бейсболки была бы пуговка. На морпеховские кепки их не пришивали, потому что, если тебя ударят по голове, пуговка может впечататься в черепушку.) – Картер за домом, Карлос у трейлера. Поставили сетку: двадцать единиц, двадцать в запасе.

Флинн знала, что это значит: двадцать дронов синхронно курсируют над участком, каждый из ребят контролирует треть дронов. Нехилая такая эскадра.

– Мы пойдем в трейлер, – сказал Бертон. – Предупреди Карлоса.

Козырек бейсболки приподнялся.

– У луканутых на тебя зуб? Мне Дюваль сказал.

– Луканы – фигня. Надо ждать ребят посерьезнее, – ответил Бертон.

Он положил руку Райсу на плечо, затем двинулся вниз, к трейлеру.

– Доброй ночи, Флинн, – сказал Райс.

– Доброе утро, – ответила она и догнала Бертона. – Как они выглядели? Люди, которые тебе звонили.

– Помнишь «Жертвенные аноды»?

Флинн почти не помнила. Группа из Омахи или вроде того.

– Они были еще до меня.

– Она походила на певицу из «Анодов» Кэт Блексток, только с хеллоуинскими контактными линзами. Другой примерно моих лет, высокий, неряшливый, с бородкой и в старинных очках. Привык, что его слушаются.

– Они колумбийцы? Латиносы?

– Англичане.

Флинн вспомнила город, изгиб реки.

– Почему ты им поверил?

Бертон остановился, и Флинн чуть на него не налетела.

– Я не говорил, что поверил им. Я верю в живые деньги, которые мне заплатили. Будут у Леона десять лимонов на Мегапале – поверю в десять лимонов.

– Ты веришь, что тебя заказали.

– Думаю, люди из «Сольветры» верят.

– Ты вызвал Райса и ребят с пушками.

– Не повредит. Они рады поводу. Леон выиграет в лотерею, может поделиться.

– Лотерея подтасована?

– Тебя это удивляет?

– Думаешь, «Сольветра» связана с правительством?

– Это деньги. Тебе кто-нибудь предлагал их в последнее время, кроме меня?

Он повернулся и зашагал по тропе. На деревьях чирикали первые птицы.

– А если это какая-нибудь безовская подстава?

Через плечо:

– Я обещал, что ты им позвонишь. Это надо сделать, Флинн.

– Но ты не знаешь, кто они. Почему они не писали видео, если платили за съемку с коптера?

Бертон снова остановился:

– Почему-то есть форум, где можно подрядиться на убийство незнакомого человека. По той же причине в этой стране прилично живут только те, кто лепит наркоту.

– Ладно, – сказала она. – Я не отказываюсь. Просто все это какой-то бред.

– Офицер внутренней безопасности сказал, что я мог бы к ним вступить. Подчиненные у него за спиной закатили глаза. Трудные времена.

В темноте за деревьями уже угадывался светлый трейлер. Флинн казалось, будто она не была здесь давным-давно.

Кто-то шевельнулся, едва заметный за трейлером. Карлос,

наверное. Он показал им большой палец.

– Где пароль? – спросил Бертон.

– В чехле с твоим томагавком.

– Топориком, – поправил он, открывая дверь и заходя внутрь; зажегся свет. Бертон глянул на сестру. – Я знаю, ты считаешь все это бредом, но, может быть, у нас появился шанс выбраться из финансовой ямы. А такие шансы на земле не валяются, если ты еще не заметила.

– Да поговорю я, поговорю.

Китайское кресло расширилось под Бертона. Флинн достала из чехла полоску сфабленной бумаги и стала читать пароль. Бертон вбивал под диктовку.

Он уже собирался нажать «войти», когда Флинн положила ладонь ему на руку:

– Я все сделаю, но при тебе не могу. Мне надо быть одной. Если хочешь слушать снаружи, я не против.

Он перевернул руку, стиснул ее ладонь. Встал. Кресло попыталось его отыскать.

– Садись, не то его сейчас инфаркт хватит, – сказал Бертон, взял томагавк и вышел, прикрыв за собой дверь.

Флинн села. Кресло с покряхтыванием и пристанываниием сжалось. Она чувствовала себя как в «Кофе-Джонсе», когда надо было идти в офис за очередной нахлобучкой от менеджера ночной смены Байрона Берхардта.

Она сняла телефон, распрямила и глянула в экран, как в зеркальце. Стрижка не фонтан, давно надо подновить, зато в кармане джинсов лежал блеск для губ – Дженет принесла набор пробников из «Мегамарта», когда там работала. Надписи с тюбика стерлись, и давить было почти нечего, но Флинн все равно достала его и намазала губы. В любом случае это будет не бедолага Байрон: через три месяца после того, как он ее уволил, в его машину врезалась идущая на автопилоте длинномерная фура.

Она щелкнула «войти».

– Мисс Фишер?

Вот так сразу. Чувак примерно ее лет, короткостриженый шатен, волосы зачесаны назад, выражение нейтральное. В комнате за его спиной было много очень светлого дерева или пластика под дерево, покрытого чем-то вроде лака для ногтей.

– Флинн, – ответила она, напомнив себе о вежливости.

– Флинн, – повторил он и уставился на нее из-за старинного монитора.

На чуваке была черная водолазка с высоким горлом – Флинн, кажется, ни разу не видела таких в реале. Сейчас она заметила, что он сидит за столом из черного пластика под мрамор, с

толстыми прожилками фальшивого золота. Ни дать ни взять съемный офис из рекламы банка-лохотрона. Может, этот тип и есть колумбиец. Он не походил на латиноса, но и очков с бородкой у него не было – значит, не тот, с которым говорил Бертон.

– А ты? – спросила она резче, чем собиралась.

– Я? – Он вздрогнул, выходя из задумчивости.

– Я только что назвала тебе свое имя.

Он глянул так, что Флинн захотелось обернуться через плечо, и проговорил удивленно:

– Недертон. Уилф Недертон.

– Бертон сказал, ты хочешь со мной поговорить.

– Да. Все правильно.

Выговор у него был британский, как и у тех, с кем общался Бертон.

– Зачем?

– Насколько мы понимаем, ты замещала брата в последние две смены…

– Это игра?

Вопрос выскочил сам – Флинн не собиралась его задавать.

Он приоткрыл рот, чтобы ответить.

– Скажи, что игра.

Флинн точно не знала, что на нее нашло, однако это точно началось после «Операции „Северный ветер“». Как будто, сидя на диване у Мэдисона и Дженис, она заразилась от Бертона посттравматическим синдромом.

Чувак закрыл рот. Немного нахмурился. Покусал губы, потом ответил спокойно:

– Это чрезвычайно сложный конструкт, часть куда более обширной системы. «Милагрос Сольветра» отвечает за безопасность. Не наше дело вникать во все остальное.

– Так это игра?

– Если тебе угодно.

– Что вся эта хрень значит?

Флинн отчаянно хотела знать, только не знала, что именно. Ну разумеется, игра, что же еще?

– Это игроподобная среда. Она не реальная в том смысле, который ты…

– А ты реальный?

Он склонил голову набок.

– Откуда мне знать? – сказала Флинн. – Если это была игра, как мне определить, что ты не ИИ?

– Я похож на метафизика?

– Ты похож на чувака в офисе. Чем именно ты занимаешься,

Уилф?

– Работа с персоналом, – ответил он, сузив глаза.

Флинн подумала: если он – ИИ, то разработчики явно с вывертом.

– Бертон сказал, вы утверждаете, что…

– Не надо, пожалуйста, – быстро перебил он. – Обсудим позже, по более безопасному каналу связи.

– Что там за голубой свет у тебя на лице?

– От монитора. Неисправного. – Он нахмурился. – Ты отдежурила за брата две смены?

– Да.

– Пожалуйста, опиши их мне.

– Почему просто не посмотреть сохраненное видео?

– Что-что?

– Если никто не сохранял видео, на хрена я снимала?

– Это дело нашего клиента. – Он подался вперед, лицо выглядело по-настоящему встревоженным. – Пожалуйста, помоги нам.

Он не внушал особого доверия, но хоть на что-то был похож.

– В первую смену я стартовала с крыши фургона или чего-то в таком роде, – начала Флинн. – Вылетела из люка, ручное управление было отключено…

22. Архаика

Недертон заслушался. Было какое-то особое обаяние в ее выговоре, в голосе из доджекпотовской Америки.

В их прошлом тоже была Флинн Фишер. Если она жива, лет ей сейчас намного больше. Хотя, учитывая джекпот и шансы на выживание, это маловероятно. Однако, поскольку Лев впервые затронул ее континуум всего несколько месяцев назад, Флинн перед ним еще не успела далеко уйти от настоящей Флинн, ныне старой или покойной, которая была этой девушкой до джекпота, а потом пережила его или погибла, как многие другие. Вмешательство Льва еще не сильно ее изменило.

– Голоса на двадцатом, – сказала она, закончив отчет о первой смене. – Я не могла их разобрать. Чьи они?

– Я не посвящен в детали задания, порученного твоему брату, – ответил Недертон.

На ней была черная армейская рубашка, расстегнутая на шее, с погонами и какой-то красной надписью над левым карманом. Темные глаза, темные волосы. Стрижка такая, будто ее делала митикоида. Лев рассказывал о подразделении, в котором служил ее брат, и теперь Недертон гадал, не служила ли там и она.

Тлен подключила его к трансляции, и он поместил канал в центре поля зрения, чтобы удобнее было смотреть в глаза. Предполагалось, что Недертон будет держать голову опущенной, как будто видит девушку на мониторе, но он об этом все время забывал.

– Бертон сказал, что они папарацци. Маленькие дроны.

– У вас такие есть?

Недертон внезапно осознал, как смутно представляет себе ее время. История местами занятна, но уж слишком обременительна. Нахватаешься лишних знаний – станешь как Тлен, одержимая каталогом исчезнувших видов, маниакально ностальгирующая по тому, чего никогда не видела.

– У вас в Колумбии нет дронов?

– Есть, – ответил Недертон.

Почему она в какой-то подводной лодке или воздушном судне со стенами из светящегося меда?

– Спроси, что она видела, – напомнил Лев.

– Ты описала свою первую смену, – сказал Недертон. – Насколько я понимаю, во вторую произошло некое событие. Опиши его.

– Рюкзак, – сказала Флинн.

– Что-что?

– Как детский рюкзачок, только из какого-то паршивого серого пластика. Типа щупальца по четырем углам. Или ножки.

– И когда ты впервые его увидела?

– Вылетела из люка в фургоне, пошла вверх, все как в первый раз. На двадцатом голоса опять умолкли. Тут я и увидела, как он лезет.

– Лезет?

– Кувыркается. Лечу выше, теряю его из виду. На тридцать седьмом он меня обгоняет. На пятьдесят шестом получаю контроль над коптером. Жучков нет. Облетаю дом – ни папарацци, ни жучков. Тут окно разморозилось.

– Деполяризовалось.

– Так я и думала. Увидела вчерашнюю женщину. Вечеринка кончилась, другая мебель, женщина в пижаме. С ней кто-то еще, видно только, что она на него смотрит. Смеется. Облетела дом еще раз. Возвращаюсь, они у окна.

– Кто?

– Женщина. Рядом с ней мужчина. Лет тридцать – тридцать пять. Брюнет. Бородка. Расово – ни то ни се. Коричневый халат.

Выражение у нее изменилось. Она смотрела на Недертона, вернее, на его изображение в своем телефоне, но перед ее глазами был кто-то другой.

– Он стоял рядом, обняв ее за талию. Она не видела его лица. А он знал.

– Что?

– Что та штуковина ее убьет.

– Какая штуковина?

– Рюкзак. Там в стекле открылась дверь. И такие выползли вроде перила, на балконе. Вижу, сейчас эти двое выйдут и заметят коптер. Я вбок, типа захожу на облет, на углу зависаю. Иду вверх, до пятьдесят седьмого, и сразу назад.

– Почему?

– Из-за его лица. Нехорошо он смотрел. – Ее голос звучал ровно, очень серьезно. – Она была над ними, на фасаде пятьдесят седьмого. Штуковина. Замаскировалась под стену, та же форма, что панели, тот же цвет. Только они были мокрые, а она сухая. И вроде как дышала.

– Дышала?

– Сдувалась и раздувалась. Несильно.

– Ты была над ними?

– Они стояли на балконе, смотрели на реку. Я хотела щелкнуть кадр, но не сообразила как. Первый раз получилось само, с папарацци. Видимо, автоматом включается на близком расстоянии, только я не знала, чем управляю. Подлетела ближе, и

тут штуковина что-то выплюнула. Мелкое и быстрое, не разглядеть. И сразу мне в камеру. Куснет – отлетит. Я отключила винты, упала на три этажа. Стабилизировалась. Кусачка исчезла. Я влево и резко вверх. Он стоял у нее за спиной. Взял ее руки, закрыл ей глаза. Поцеловал в ушко, блин, что-то шепнул. «Сюрприз». Зуб даю, он шепнул: «Сюрприз». Потом отступил на шаг, повернулся. Вижу, сейчас уйдет с балкона. И тут они полезли. Тучей. Он поднял голову. Он знал. Знал, что они тут будут.

Она глянула вниз, как будто на свои руки. Снова на него:

– Я нацелилась ему в башку. Не успела. Он упал на колени. А они залетели к ней в рот и начали ее жрать. Он вскочил, забежал в дом, дверь закрылась, окно стало серым. Думаю, она умерла от первого же укуса. Надеюсь.

– Ужасно, – сказала Тлен.

– Тсс, – прошипел Лев.

– Она опиралась на перила, – продолжала Флинн, – и они стали втягиваться. Она упала. Я за ней. Почти до низу. Они ее жрали на лету. Только тряпки остались.

– Эта та женщина? – спросил Недертон, поднимая матовую фотографию, распечатанную с Аэлитиного сайта.

Флинн глянула на нее из глубины семидесяти с чем-то лет, из прошлого, которое уже было не вполне их прошлым, и кивнула.

23. Кельтский узел

Она лежала на кровати в комнате с задернутыми занавесками и думала непонятно о чем. Мерзопакость в игровом городе, похожем на Лондон. Коннер с «тарантулом» на парковке перед «Джиммис». Бертон рассказывает про «Сольветру», про то, что его заказали. И что это из-за виденного ею в игре. И как они приезжают, а у дома – его ребята-ветераны.

И наконец, Уилф Недертон, похожий на дешевую рекламу безымянного продукта. Когда Флинн закончила разговор и вышла, брата рядом не было, так что она пошла к дому, гадая, почему, если это игра, Бертона хотят убить. За то, что он якобы видел убийство в игре? Когда Флинн задала этот вопрос Недертону, тот ответил, что не знает, точно так же как не знает, отчего не сохраняли видео, и знать не хочет, и ей советует не забивать голову. И в эту минуту он больше всего походил на живого человека из реала.

Мама встала рано и варила себе кофе на кухне, в древнем-предревнем, старше Флинн, халате, с кислородной трубкой под носом. Флинн поцеловала ее, отказалась от кофе, а на вопрос, где была, ответила, что в «Джиммис».

– Сто лет ей в обед, этой кафешке, – заметила мама.

Флинн взяла банан и фильтрованной воды в стакане, поднялась к себе. Оставила часть воды, чтобы почистить зубы. Чистя их, как всегда, отметила, что кран над раковиной был когда-то хромированным. Сейчас от покрытия остались редкие чешуйки, главным образом внизу, где смеситель крепился к фаянсу.

Она вернулась в спальню, закрыла дверь, сняла кофе-джонсовскую рубашку со споротой кофе-джонсовской нашивкой, лифчик и джинсы, надела огромную морпеховскую фуфайку Бертона и легла.

Усталость и перевозбуждение мешали уснуть. Через какое-то время Флинн вспомнила, что на старом телике у нее было приложение для дроновских игр Бертона и Леона и что Мейкон должен был перенести его на новый вместе со всем остальным. Достала телефон из-под подушки, проверила. Так и есть. Она запустила приложение, выбрала вид сверху и увидела спутниковый снимок участка: серый прямоугольник крыши, под которой сейчас лежала, и светлые точки, отмечающие положение дронов. Они двигались в сложном танце, вычерчивая узор, название которого Флинн знала по татуировкам: кельтский узел. Каждый по очереди подзаряжался, а его на это время сменял

запасной.

Бертон выиграл много дроновских игр. Очень круто ими управлял. В Первой гаптической разведке все так или иначе связано с дронами. И даже, кто-то ей сказал, сам Бертон был своего рода дроном, по крайне мере отчасти, пока носил татуировки.

Светлые точки, плетущие узел над ее домом, успокаивали. Скоро Флинн почувствовала, что, наверное, сможет уснуть. Она закрыла приложение, сунула телефон под подушку и натянула на себя одеяло.

И уже почти засыпала, когда внезапно увидела трепещущие в воздухе футболку и пижамные штаны.

Гады.

24. Анафема

Тилациниха запрыгнула в «мерседес» впереди Льва, сухо цокая когтями по светлому дереву, глянула на Недертона черными глазами и зевнула. Челюсти у нее были куда длиннее собачьих, скорее как у крокодила, только откидывалась не верхняя, а нижняя.

– Гиена, – без всякой радости приветствовал ее Недертон.

Он провел ночь в хозяйской каюте, по сравнению с которой мраморно-золотая доска выглядела аскетически простой.

Лев хмурился.

Следом вошла Тлен в «конфиденц-костюме», как Недертон называл про себя ее тускло-серый суконный комбинезон с длинными рукавами, старинной алюминиевой молнией от горла до лобка и множеством накладных карманов на стальных скрепках. Тот несколько умерял красноречивость ее телодвижений, а заодно прятал зверей и, видимо, обозначал, что она настроена серьезно и просит воспринимать ее соответственно.

– Итак, ты за ночь все обдумал, – сказал Лев, рассеянно гладя Тиенну.

– Кофе принес?

– Бар приготовит, что хочешь.

– Он заперт.

– Какой тебе кофе?

– Американо, черный.

Лев подошел к бару и приложил большой палец к овалу. Дверца сразу открылась.

– Американо, черный, – сказал Лев.

Бар почти бесшумно выполнил заказ, и Лев принес Недертону дымящуюся чашку на блюдце.

– Что ты думаешь про ее рассказ?

– Если она говорит правду, – начал Недертон, наблюдая, как Тиенна закрывает пасть и сглатывает, – и если она видела именно Аэлиту… – Он поймал взгляд Льва. – Не похищение.

Кофе был обжигающе горяч, но очень хорош.

– Мы надеялись выяснить, что скажет ее дом, – заметил Лев.

– А он молчит, – вставила Тлен.

– Почему?

– Не хочет говорить. А по слухам, и не знает.

– Как ее дом может не знать? – изумился Недертон.

– В том же смысле, в каком ничего не знает этот. Такое можно организовать и на определенное время, однако требуется… – Он

сделал быстрый, еле заметный, чисто русский жест, будто играет на невидимом пианино: клептархия того уровня, о которой не стоит упоминать вслух.

– Понятно, – ответил Недертон, который ничего не понял.

– Нам потребуется капитал. В срезе, – сказала Тлен. – Оссиан исчерпал все возможности, какие мог измыслить. Если вы хотите сохранить влияние…

– Не влияние, – поправил Лев. – Я там царь и бог.

– Уже не единолично, – напомнила Тлен. – Наши гости с порога зарезервировали себе убийцу. Если их капитал будет больше нашего, мы окажемся беспомощны. А вот ваши семейные финматематики…

Недертон подумал, что она надела «конфиденц-костюм», прежде чем подступиться ко Льву с предложением задействовать семейные финансовые модули. Он глянул на Льва и понял, что убедить того будет нелегко.

– Оссиан может оптимизировать манипуляцию виртуальными деньгами в их онлайн-играх. Он над этим работает, – сказал Лев.

– Если наши гости купят политика или главу американского федерального агентства, нам придется вступить в гонку, – заметила Тлен. – И мы легко можем ее проиграть.

– У меня нет желания создавать более грандиозный бардак, чем тот, к которому они идут исторически, – возразил Лев. – А именно это случится при излишнем вмешательстве. Хватит того, что Уилф уговорил меня предоставлять полтеров в качестве курьезной разновидности доморощенных ИИ.

– Надо привыкать, Лев. – Тлен почти никогда не называла его по имени. – У кого-то еще есть доступ. Разумно предположить, что этот кто-то влиятельнее нас, поскольку мы даже близко не знаем, как проникнуть в чужой срез.

– А вы не можете прыгнуть вперед и узнать, что будет? – спросил Недертон. – Глянуть на них через год, а потом внести поправки?

– Нет, – ответила Тлен. – Это не путешествия во времени. После первого же мейла в их Панаму между континуумом и нами установился фиксированный коэффициент длительности: один к одному. Здесь и там время течет с одной скоростью. Мы ровно так же не можем заглянуть в их будущее, как не можем заглянуть в свое, и убеждены только в одном: это не будет известная нам история. И нет, мы не знаем почему. Просто так работает сервер.

– Семейные ресурсы не обсуждаются, – сказал Лев. – Идея прибегнуть к ним – анафемская.

– Анафема – мое второе имя, – не удержалась Тлен.

– Знаю, – ответил Лев.

– Предположу, – сказал Недертон, ставя пустую чашку на блюдце, – что это один из немногих уголков твоей жизни, где их не было. Семейных ресурсов.

– Именно.

– В таком случае, – сказала Тлен, – план Б.

– В чем он состоит? – спросил Лев.

– Мы передаем исторические, социальные и рыночные данные плюс информацию из среза финматематикам-фрилансерам, и они выигрывают нам долю в экономике континуума. Конечно, они будут действовать не так точно и оперативно, как ваши семейные, но, может, хватит и того. И придется им платить. Здесь, реальными деньгами.

– Хорошо, – сказал Лев.

– Тогда для протокола: сперва я предложила обратиться к вашим семейным финматематикам. Ребятки из ЛШЭ умны, но не настолько.

– Ребятки? – переспросил Недертон.

– Если капитал противника превысит наш, вы не сможете меня винить.

Недертон решил, что Тлен изначально подводила к тому, чего в итоге добилась. Занятно; он прежде не думал, что она так умело манипулирует Львом. Возможно, идею предложил Оссиан.

– Очень интересно, спасибо, – сказал он. – Надеюсь, вы и дальше будете держать меня в курсе. Рад был помочь.

Оба вытаращились на него.

– Вынужден вас покинуть. У меня встреча за ленчем.

– Где? – спросила Тлен.

– В Бермондси.

Она подняла бровь. Из-за жесткого суконного воротника выглянуло изображение хамелеона и тут же спряталось, словно испугавшись посторонних.

– Уилф, – сказал Лев, – ты нужен нам здесь.

– Мне всегда можно позвонить.

– Ты нам нужен, потому что мы обратились в полицию.

– В Лонпол, – добавила Тлен.

– Исходя из того, что рассказала сестра полтера и что мы знали о ситуации, нам ничего не оставалось, кроме как обратиться к юристам. – Видимо, Лев имел в виду семейных адвокатов, которые, как Недертон догадывался, составляли отдельную отрасль национальной экономики. – Они договорились о встрече. Разумеется, ты должен на ней присутствовать.

– Инспектор уголовной полиции Лоубир рассчитывает тебя увидеть, – сказала Тлен. – Весьма почтенная дама. Не стоит

обманывать ее ожидания.

– Если Анафема – твое второе имя, то Тлен, выходит, первое? – спросил Недертон.

– Первое Мария, – ответила она. – Тлен моя фамилия. Раньше на конце было два «н», но матушка одно ампутировала.

25. Кайдекс

В щелку между занавесками Флинн видела, как Бертон обогнул угол дома. Он быстро шагал в ярком утреннем свете, помахивая томагавком, который держал за головку, как прогулочную трость. Это значило, что на лезвия надеты кайдексовские мини-чехлы его собственной работы. Бертон с друзьями увлекались изготовлением ножен, чехлов и кобур из термопластика, как другие – петчворком или макраме. Леон шутил, что им пора выдать бойскаутские нашивки «За успехи в ручном труде».

У ворот стоял огромный, древнего вида «Урал», ярко-красный, с коляской того же цвета. И водитель, и пассажир были в круглых черных шлемах. В пассажире по куртке сразу угадывался Леон.

Она снова продрыхла полдня. Снов не помнила. Судя по теням, сейчас было часа четыре. Когда Бертон подошел к мотоциклу, Леон снял шлем, но из коляски не вылез. Достал что-то из кармана, протянул Бертону. Тот глянул, сунул в карман.

Флинн отошла от окна, накинула халат и собрала вещи, чтобы надеть после душа.

Однако прежде надо было сказать Бертону про Коннера. Она, в халате и пантолетах, спустилась по лестнице, неся под мышкой завернутую в полотенце одежду.

Бертон стоял на крыльце. Кайдексовские чехлы были ортопедического телесного цвета – ребята всегда брали такой, считая черный слишком пафосным. Может, если кто увидит розовые ножны или кобуру под рубашкой, решит, что ты носишь корсет после операции.

– Давно Коннера видел?

– Звякнул ему вчера.

– Зачем?

– Спросил, не хочет ли он нам помочь.

– Я видела его вчера ночью. На парковке у «Джиммис». Он мне очень не понравился. Шло к тому, что он уделает двух футболистов. При всем народе.

– Надо кому-то за ним приглядывать. Чувак нарывается. От скуки совсем крышу снесло.

– Что у него там на трайке сзади?

– Скорее всего, просто мелкашка двадцать второго калибра.

– Неужели никто не попытается ему помочь? Он же себя гробит.

– Еще не так гробит, как мог бы. И я пытаюсь помочь. В. А.

ничего делать не будет.

– Мне было страшно.

– Он тебя пальцем не тронет.

– За него страшно. Чего Леон приезжал?

– Вот.

Бертон достал из заднего кармана новенький лотерейный билет и протянул Флинн.

С размытой голограммы смотрел Леон, рядом был отпечатан скан его сетчатки.

– Они скоро и геном будут сюда записывать, – сказала Флинн. Она давно не видела лотереек – мать приучила их обоих не играть в то, что называла «налог на глупость». – Думаешь, он правда выиграет десять миллионов?

– Там меньше, но если выиграет, то нам лафа.

– Тебя не было вчера, когда я закончила говорить с «Милагрос Сольветрой».

– Карлосу надо было помочь с дронами. С кем говорила?

– Не с теми, с кем ты. Какой-то Недертон. Сказал, из отдела по работе с персоналом.

– И?..

– Спросил, что было во время смены. Я рассказала то же, что тебе.

– И?..

– Пообещал быть на связи. Бертон?

– Да?

– Если это игра, почему тебя хотят убить за то, что ты видел в игре?

– Разработка игр стоит туеву хучу денег, вот бета-версию и секретят со страшной силой.

– Ничего там не было особенного, – сказала Флинн. – Во многих играх мочат такими уродскими способами.

Впрочем, она сама не очень-то верила своим словам.

– Мы не знаем, что для них особенное в том, что ты видела.

– Ладно. – Она протянула ему билет. – Я в душ.

Она прошла через кухню во двор, закрыла дверь кабинки и уже сняла халат, когда на руке зазвонил телефон.

– Алло, – сказала Флинн.

– Это Мейкон. Как жизнь?

– Норм. А у тебя?

– Шайлен говорит, ты меня искала. Надеюсь, не клиентскую жалобу хочешь вчинить?

Голос у него был ничуть не встревоженный.

– Скорее, мне нужна техподдержка, но это терпит до встречи.

– Я как раз в закусочной, веду прием. У нас тут меговские

свиные наггетсы. Фирменные. Много.

– Без посторонних.

– Не вопрос.

– Я подъеду на велике. Не уходи.

– Заметано.

Флинн вымылась, надела вчерашние джинсы и просторную серую футболку. Оставила полотенце, халат и пантолеты на полке снаружи душа и пошла к велосипеду.

Бертоновых ребят видно не было, но Флинн не сомневалась, что они здесь и что дроны по-прежнему над участком. Все это казалось нереальным. И билет с голограммой и сетчаткой Леона тоже. Может быть, не один Коннер двинулся умом.

Она отстегнула велик, села, убедилась, что Леон не полностью разрядил аккумулятор, и покатила, вдыхая теплый запах придорожных сосен.

Примерно на трети пути навстречу с ревом пронесся «тарантул» – так быстро, что Флинн не разглядела Коннера.

Запах жареной курицы еще долго преследовал ее, но потом все-таки рассеялся. Через сорок пять минут Флинн уже пристегивала велик рядом с «Мегамартом».

У Мейкона имелся в закусочной собственный столик, в самом дальнем от кассы углу. Он лечил магазинное оборудование, выправлял то, что штаб-квартира сетки в Дели выправить не могла. Когда ломались аэростаты видеонаблюдения за ворами или система отслеживания запасов, Мейкон чинил их на месте. Зарплату ему не платили, но по договоренности он использовал угловой столик в качестве офиса, а также имел открытый кредит на еду и напитки.

Мейкон не брался ни за что, связанное с наркотой. Для его профессии такая щепетильность была редкой. Она могла сильно осложнить ему жизнь, если бы его услуги понадобились кому-нибудь из тех, кто лепит наркотики, однако здорово упрощала ее в остальном. Заместитель шерифа Томми Константайн, единственный, на взгляд Флинн, привлекательный холостяк в городе, рассказывал, что управа обращается к Мейкону, когда свои техники не справляются.

Вся закусочная благоухала свиными наггетсами. У куриных запах не такой сильный, наверное, потому, что в них не кладут красную краску. Когда Флинн подошла к столику, Мейкон сидел, как всегда, спиной к стене и быстро уничтожал наггетсы. Эдвард, слева от него, чинил что-то удаленное.

У Эдварда были визы на обоих глазах, наверное для объемного зрения, и поверх них сиреневая атласная маска для сна, чтобы не мешал свет. Руки в эластичных ядовито-оранжевых

перчатках с узором вроде египетских иероглифов двигались, и Флинн почти видела то, что они чинят, хотя на самом деле видеть не могла, поскольку оно было не здесь, а в кабинете управляющего магазином или вообще в Дели, но Эдвард-то видел и управлял двумя пластиковыми руками, которые это держали.

– Привет, – сказал Мейкон, поднимая взгляд от тарелки.

– Привет, – ответила Флинн и придвинула себе стул. Все стулья здесь были как будто из того же пластика, каким Бертон залил изнутри трейлер, только менее упругого.

Эдвард нахмурился, аккуратно поставил невидимый предмет в шести дюймах над столом и сдвинул маску на лоб. Глянул на Флинн через серебристые визы, широко улыбнулся. Его улыбка была нешуточным знаком внимания.

– Наггетсов? – спросил Мейкон.

– Нет, спасибо, – ответила Флинн.

– Они свежие!

– Из самого Китая.

– Никто не выращивает таких сочных свиных наггетсов, как китайцы. – У Мейкона кожа была светлее, чем у Эдварда, вроде как в конопушках, и очень красивые карие, с зеленой крапинкой глаза. Левый сейчас поблескивал серебристой визой. – Телик залочился?

– Ты их не боишься? – спросила Флинн, имея в виду визу. – Они все видят.

– Наши довольно основательно брейкнуты, – ответил Мейкон. – Тех, что из коробки, стоит бояться.

– Мой не залочился, – сказала Флинн, отлично зная, что Мейкону это и так известно. – Тут другое дело. Безбаши забрали Бертона на стадион в Дэвисвилле, чтобы не навешал луканутым.

– Обидно как. Совсем не успел навешать?

– Успел, потому и забрали. В общем, его телик был у них всю ночь. И я боюсь, не заглянули ли они в мой.

– Тогда они и в мой заглянули, – сказал Мейкон. – У нас с твоим братом много общих дел.

– А ты можешь определить, было или нет?

– Наверное. Если бы безбаш в фургоне от нечего делать полез искать порнушку, я бы понял. А какой-нибудь всевидящий федеральный ИИ? Фиг его разберет.

– Они бы просекли, что мой телик – левый?

– Просечь можно, – сказал Эдвард, – но для этого к тебе должна залезть такая зараза, которая специально проверяет конкретные телефоны.

– Вообще-то, мы всё делаем аккуратно, – добавил Мейкон. – Китайские производители еще ни одного нашего телика не

засекли.

– Насколько нам известно, – заметил Эдвард.

– Верно, – сказал Мейкон. – Но обычно когда они засекают, то действуют.

– В общем, ты не знаешь?

– В общем, да. Но даю тебе бесплатное разрешение не волноваться.

– Ты что-нибудь в последнее время делал для Коннера Пенске?

Мейкон с Эдвардом переглянулись. Эдвард надвинул сиреневую атласную маску для сна и взял из воздуха вещь, которая была не здесь. Повертел ее в руках. Потыкал оранжево-черным пальцем.

– Ты типа про что? – спросил Мейкон.

– Я заходила вчера в «Джиммис». Искала тебя.

– Жалко, что разминулись.

– Там был Коннер. Поцапался с малолетними придурками. У него что-то было на трайке.

– Желтая ленточка?

– Какая-то механическая змея. Управляемая таким типа моноклем.

– Мы ему ее не фабили, – сказал Мейкон. – Списанная военная через *eBay*. Мы сделали только сервоинтерфейс и схему.

– Что там у нее на конце?

– Фиг его знает. Наше дело маленькое.

– Ты понимаешь, что он может серьезно влипнуть?

Мейкон кивнул.

– Ты же не будешь спорить, что Коннер – законченный придурок? – сказал он. – Со своим трайком и этой новой фигней.

– А еще таблетками и бухлом. Просто игрушки и трайк, может бы, и ничего.

Мейкон глянул на нее печально и сказал:

– Маленький манипулятор на конце, как у Эдварда, только с меньшей подвижностью.

– Мейкон, я видела, как ты фабил пушки.

Мейкон мотнул головой:

– Нет, Флинн. Для него – нет.

– Он мог добыть где-нибудь еще.

– В этом городе плюнь – попадешь в сфабленную пушку. Добыть – не проблема. Пойми: если я посылаю Коннера лесом, его драндулет ломается, В. А. починить не может, ему становится еще хреновей. Если не посылаю и мы лечим его драндулет, Коннер улыбается и просит у меня то, чего ему нельзя. Такая вот ерунда.

– Может, Бертон подкинет ему работу.

– Вы хорошие, Флинн. Ты и твой брат. – Он улыбнулся. – Точно не хочешь наггетсов?

– Я пойду. Спасибо за техподдержку. – Она встала. – Пока, Эдвард.

Сиреневая маска кивнула:

– Пока, Флинн.

Она вышла из магазина и отстегнула велосипед.

Над парковкой висел аэростат, делая вид, будто просто рекламирует следующее поколение виз. Однако из-за плаката с увеличенным изображением глаза под серебристой паутинкой визы создавалось впечатление, будто стат за всеми следит, как оно, разумеется, и было на самом деле.

26. Весьма почтенная

Недертон впервые попал в гостиную Зубова-деда. Она показалась ему одновременно мрачной и аляповатой, какой-то чужой в своей чересчур истовой английскости. Дерево – а оно тут преобладало – поблескивало болотного цвета эмалевой краской и позолотой. Мебель была темная и тяжелая, кресла – высокие, с такой же болотной обивкой.

Если бы Тлен не предупредила заранее, что инспектор Лоубир – первый представитель органов правопорядка, вступивший в дом Зубовых с момента приобретения, – женщина, Недертон затруднился бы сразу определить ее пол.

Равномерно розовые руки и лицо инспектора казались слегка раздутыми чем-то немного светлее крови; волосы, густые и белые, как сахарная глазурь, были коротко подстрижены сзади и по бокам, а спереди зачесаны вверх, так что получалась своего рода стоячая челка. Чересчур ярко-васильковые глаза смотрели внимательно и зорко. Костюм отличался той же гендерной неопределенностью, что и весь облик: Сэвил-роу либо Джермин-стрит, ни один стежок не проложен роботом или перифералью. Мужского кроя пиджак идеально сидел на широких плечах, между краем брючин и черными оксфордскими туфлями проглядывали узкие щиколотки в гладких черных носках.

– Исключительно любезно с вашей стороны, мистер Зубов, было встретиться со мной так скоро, – сказала инспектор из кресла, – а уж тем более пригласить меня к себе домой.

Она улыбнулась, показав зубы, в неидеальности которых читалась заоблачная цена. Недертон знал, что в ознаменование ее исторического визита по Ноттинг-Хиллу сейчас кружат два автомобиля с боевым контингентом семейных адвокатов. Сам он всячески избегал гиперфункционально старых людей – они, как на подбор, оказывались чрезвычайно сведущи и очень влиятельны. Правда, и встречались довольно редко – что и было их главным достоинством.

– Пустяки, – сказал Лев.

Оссиан, еще больше обычного похожий на дворецкого, принес чай.

– Мистер Мерфи! – искренне обрадовалась Лоубир.

– Да, мэм. – Оссиан замер с серебряным подносом в руках.

– Извините, я забыла, что мы не представлены. В мои лета связь с миром идет главным образом через трансляции, мистер Мерфи. За свои грехи я имею постоянный доступ практически ко всему, отчего приобрела ужасную привычку вести себя так, будто

уже знакома с теми, с кем мне только предстоит встретиться.

– Я ничуть не в претензии, мэм, – ответил Оссиан, потупясь в точном соответствии со своей ролью.

– Тем более что в определенном смысле я их действительно знаю, – сказала Лоубир остальным, будто не слышала его слов.

Оссиан с тщательной невозмутимостью поставил тяжелый поднос на боковой столик и приготовился обнести всех бутербродами.

– Вам, наверное, известно, – продолжала Лоубир, – что я расследую недавнее исчезновение Аэлиты Уэст, проживающей в Лондоне гражданки Соединенных Штатов. Будет проще, если каждый из вас расскажет о своих отношениях с разыскиваемым лицом и друг с другом. Может быть, мистер Зубов, вы начнете первым? Разумеется, все произнесенное с этой минуты будет зафиксировано.

– Как я понял, достигнута договоренность, что в этом доме не будет каких-либо записывающих устройств.

– Безусловно, – ответила она. – Однако я обладаю сертифицированной памятью, и все запечатленное в ней может быть предъявлено в суде.

– Не знаю, с чего начать, – произнес Лев после короткой паузы, в течение которой он пристально разглядывал Лоубир.

– С лососем, спасибо, – сказала та Оссиану. – Не могли бы вы для начала объяснить, в чем состоит ваше хобби, мистер Зубов? Ваши адвокаты в беседе со мной назвали вас «страстным континуумистом».

– Объяснить непросто, – ответил Лев. – Вы знаете про сервер?

– Да, великая загадка. Предполагается, что он китайский и, как многое в сегодняшнем Китае, абсолютно вне нашего понимания. Вы через него общаетесь с прошлым, вернее, с *неким* прошлым, ибо в нашем реальном прошлом такого не происходило. У меня от этого ум заходит за разум. У вас, мистер Зубов, как я понимаю, нет?

– Куда меньше, чем от парадоксов, которые мы традиционно связываем с путешествиями во времени, – сказал Лев. – На самом деле все довольно просто. Факт взаимодействия порождает развилку – новую, полностью уникальную ветвь. Срез, как мы это называем.

– Почему? – спросила Лоубир, пока Оссиан наливал ей чай. – Почему вы так их называете? Звучит грубо и жестоко. Разве вы не ждете, что новая ветвь будет расти и развиваться дальше?

– Разумеется, ждем, – ответил Лев. – Я не знаю, почему континуумисты остановились на этом термине.

– Империализм, – сказала Тлен. – Мы действуем в

альтернативных прошлых как в странах третьего мира, а слово «срез» психологически облегчает такой подход.

Лоубир глянула на Тлен. Сегодня та была в чуть более строгой версии своего викториански-вокзального наряда.

– Мария Анафема, – проговорила Лоубир, – очень мило. И вы помогаете мистеру Зубову проводить его колонизаторскую политику? Вы и мистер Мерфи?

– Да, – ответила Тлен.

– И это первый континуум мистера Зубова? Первый срез?

– Да, – ответил Лев.

– Ясно, – сказала Лоубир. – А вы, мистер Недертон?

– Я? – Недертон, не глядя, взял бутерброд с протянутого Оссианом подноса. – Друг. Друг Льва.

– Вот эта часть дела мне не ясна, – сказала Лоубир. – Вы – специалист по связям с общественностью и оформлены на работу через крайне запутанную систему подставных контрагентов. Вернее сказать, были оформлены.

– Был?

– Жаль вас огорчать, но да, вы уволены. Сообщение находится в вашей непрочитанной почте. Я также вижу, что вы и ваша бывшая сослуживица Кларисса Рейни, проживающая в Торонто, были свидетелями убийства некоего Хамеда аль-Хабиба американским ударным комплексом.

Она оглядела собравшихся, словно желая понять, какое впечатление произведет это имя. Судя по лицам – никакого.

Недертону раньше не приходило в голову, что главного мусорщика как-то зовут.

– Это было его имя? – спросил он.

– Да, – ответила Лоубир. – Хотя и не слишком широко известное.

– Свидетелей, к несчастью, было много, – сказал Недертон.

– Ваше и мисс Рейни положение уникально тем, что вы наблюдали событие практически непосредственно. В любом случае у вас, судя по всему, была очень напряженная неделя.

– Да.

– Не могли бы вы объяснить, как оказались здесь, мистер Недертон? – Она поднесла чашку к губам и отпила кофе.

– Я пришел ко Льву. Был расстроен. Из-за мусорщиков, из-за той ужасной бойни. Ну и подозревал, что меня уволят.

– Вы искали общества?

– Да, именно так. И в ходе разговора со Львом…

– Да?

– Это довольно запутанная история.

– Я неплохо умею распутывать сложные истории, мистер

Недертон.

– Вы знаете, что сестра Аэлиты – моя клиентка? Вернее, уже бывшая. Даэдра Уэст.

– Я надеялась, что мы к этому подойдем.

– Я договорился со Львом, что он сделает Даэдре подарок от моего имени.

– Подарок. Какой же?

– Я организовал для нее услуги одного из жителей принадлежащего Льву среза.

– Какие именно услуги?

– Охранные. Он бывший военный. Оператор дронов, помимо прочего.

– У вас были основания полагать, что она особо нуждается в услугах охранника?

– Нет.

– Тогда почему, если не секрет, вам пришла в голову эта мысль?

– Лев особо интересовался одним конкретным подразделением в своем срезе, тем, где служил тот молодой человек. Переходная технология, самый канун джекпота. – Недертон глянул на Льва.

– Гаптика, – подсказал тот.

– Мне подумалось, это позабавит Даэдру своей курьезностью, – продолжал Недертон. – Хотя, надо признать, фантазия не самая сильная ее сторона.

– Вы хотели произвести на нее впечатление?

– Да, наверное.

– Вы состояли с нею в интимных отношениях?

– Да, – ответил Недертон, вновь покосившись на Льва. – Однако Даэдре это оказалось не нужно.

– Отношения?

– Полтер в качестве охранника. И отношения, как вскоре стало ясно, тоже. – Недертон обнаружил, что в разговоре с Лоубир все волей-неволей говорят правду. Он не понимал, чем именно инспектор вызывает на откровенность, но ему это очень не нравилось. – Так что она попросила отдать полтера сестре.

– Вы встречались с Аэлитой, мистер Недертон?

– Нет.

– А вы, мистер Зубов?

Лев проглотил последний кусок бутерброда.

– Нет. Мы условились пообедать вместе. Кстати, это должно было произойти сегодня. Она очень заинтересовалась континуумом, – он покосился на Тлен, – или срезом, если угодно.

– Итак, бывший военный из среза должен был находиться на

дежурстве в самый момент предположительного исчезновения Аэлиты Уэст?

– Это был не он, а его сестра, – вставил Недертон и тут же поборол желание прикусить нижнюю губу.

– Сестра?

– Его вызвали по срочному делу, – пояснил Лев. – Сестра заменяла его в последние две смены.

– Его имя и фамилия?

– Бертон Фишер, – сказал Лев.

– Ее?

– Флинн Фишер, – сказал Недертон.

Лоубир поставила чашку с блюдцем на стол.

– И кто беседовал с нею о тех событиях?

– Я, – ответил Недертон.

– Пожалуйста, опишите, что она, по ее словам, видела.

– Она взлетела, чтобы заступить на вторую смену…

– Взлетела? Как?

– В квадрокоптере. В качестве квадрокоптера? Она его пилотировала. Увидела, как что-то взбирается по стене здания. Прямоугольное, с четырьмя конечностям. Как оказалось, оно содержало нечто, по описанию похожее на роевое оружие. Женщина на балконе, которую сестра полтера по нашей цифровой фотографии позже опознала как Аэлиту, была убита этим оружием. Затем уничтожена. Съедена, как выразилась сестра полтера. Без остатка.

– Понятно, – заметила Лоубир уже без улыбки.

– Она сказала, он знал.

– Кто?

– Мужчина, который находился рядом с Аэлитой.

– Ваша свидетельница видела какого-то мужчину?

Недертон, уже не зная, чего наговорит, если откроет рот, просто кивнул.

– И где она теперь, эта Флинн Фишер?

– В прошлом, – сказал Недертон.

– В срезе, – поправил Лев.

– Чрезвычайно занятно. Весьма и весьма необычно, чего никак не скажешь про значительную часть расследований. – Лоубир внезапно поднялась с зеленого кресла. – Вы очень мне помогли.

– И все? – удивился Недертон.

– Простите?

– У вас больше нет вопросов?

– У меня их еще очень много, мистер Недертон. Однако я предпочту дождаться, пока не возникнут следующие.

Лев и Тлен тоже поднялись, так что пришлось встать и Недертону. Оссиан, в черном фартуке с узкими белыми полосами, вытянулся в струнку подле темного буфета с зеркальными дверцами.

– Спасибо за гостеприимство и за помощь, мистер Зубов. – Лоубир пожала руку Льву. – И вам спасибо за помощь, мисс Тлен. – Снова рукопожатие. – И вам, мистер Недертон.

Ладонь у нее была мягкая и сухая, нейтральной температуры.

– Не стоит благодарности, – ответил Недертон.

– Если вы захотите связаться с Даэдрой Уэст, мистер Недертон, не звоните ей отсюда или из других домов мистера Зубова, дабы не порождать лишние, совершенно ненужные сложности. Отправьтесь в какое-нибудь другое место.

– Я не собираюсь ей звонить.

– Вот и отлично. Примите мои благодарности, мистер Мерфи. – Она подошла к Оссиану и пожала ему руку. – Вы замечательно преуспели в жизни, учитывая ваши юношеские конфликты с законом.

Оссиан промолчал.

– Я вас провожу, – сказал Лев.

– Не надо, не утруждайтесь, – ответила Лоубир.

– Наши домашние животные ревниво относятся к своей территории, – сказал Лев. – Лучше, если я пойду с вами.

Недертон ничего такого за Гордоном и Тиенной не знал (помимо того, что самый их вид внушал ужас и отвращение), к тому же был уверен, что их поведенческие инстинкты генно-модифицированны.

– Хорошо, спасибо. – Лоубир повернулась к остальным. – При необходимости я свяжусь с вами индивидуально. Если потребуется мне позвонить, вы найдете меня в списке ваших контактов.

Они вышли, и Лев закрыл за собой дверь.

– Взяла образцы наших ДНК, сука, – сказал Оссиан, разглядывая свою ладонь, которую только что пожала Лоубир.

– Ну конечно, – ответила Тлен, глядя на Недертона, чтобы ее речь не шифровалась. – Как иначе убедиться, что мы те, за кого себя выдаем.

– Мы могли бы провернуть с ней то же самое, – произнес Оссиан, хмуро глядя на чашку, из которой пила инспектор.

– И на нас бы настучали. – Тлен по-прежнему обращалась к Недертону.

– С порога взяла меня за грудки, – сказал Оссиан.

– Мерфи? – спросил Недертон.

– Не наглей. – Оссиан резким движением скрутил полотенце,

затем швырнул задушенную тряпку на буфет, взял с подноса две тартинки, сунул в рот и принялся энергично жевать, сохраняя при этом всегдашнее невозмутимое выражение.

Возникла эмблема Тлен. Недертон встретился глазами со стоящей перед ним Тлен. Та чуть заметно кивнула и открыла трансляцию.

Глазами птицы, способной неподвижно зависнуть в воздухе, Недертон увидел, как Лоубир садится на заднее сиденье автомобиля – уродливого, дутого, тяжелого на вид. Лев что-то сказал, отошел от машины, и по ее матово-черному корпусу мгновенно расползся пиксельный рисунок отраженных зданий.

Невидимая машина тронулась, словно наматывая на себя улицу, и пропала совсем. Лев повернул к дому. Трансляция выключилась.

Оссиан все еще жевал. Теперь он проглотил, плеснул чая в хрустальную стопку, выпил.

– Итак, – сказал он, не обращаясь к Тлен, чтобы речь не шифровалась, – мы подключаем студентов-финматиков из Лондонской школы экономики?

– Лев согласился, – сказала Тлен Недертону.

– Их местная экономика держится на синтезе наркотиков, – сказал Оссиан Недертону. – Наверняка там есть все, что нам нужно.

Лев, улыбаясь, вошел в дверь.

– И как? – спросила Тлен.

По тыльной стороне ее ладони пронеслась стайка птиц. Тлен их не заметила.

– Удивительная женщина! – воскликнул Лев. – Я впервые говорил с полицейским такого ранга. И вообще с полицейским.

– Они не все такие, слава богу, – пробурчал Оссиан.

– Ничуть не сомневаюсь, – ответил Лев.

Тебя только что подцепили на крючок, подумал Недертон. Подцепили очень ловко и основательно, вполне в духе инспектора Эйнсли Лоубир.

27. Мертвые парни

Флинн разбудили мужские голоса где-то совсем близко. Один из них принадлежал Бертону.

Накануне она съездила в «Фарма-Джон», взяла лекарства для матери, вернулась и помогла той приготовить ужин. Они втроем – Флинн, мама, Леон – поели на кухне, потом Леон и Флинн вымыли посуду и вместе с мамой посмотрели новости. Сейчас она выглянула в окно и увидела у ворот большую прямоугольную машину из управы шерифа. «Четверо?» – спросил голос брата под самым окном, на дорожке к парадному крыльцу.

– Для нашего округа больше чем достаточно, уж поверь мне, Бертон, – сказал замшерифа Томми Константайн. – Надеюсь, ты не откажешься поехать со мной? Вдруг кого узнаешь.

– Потому что их убили на середине Портер-роуд, а я живу в ее конце?

– Надежды мало, но я буду признателен, если ты со мной съездишь, – сказал Томми. – Из-за этих мертвых парней у меня все наперекосяк.

– Что за парни?

– Два пистолета, новенький набор разделочных ножей, кабельные стяжки. Никаких удостоверений личности. Машина угнана вчера.

Флинн лихорадочно одевалась.

– Как их убили? – спросил Бертон таким тоном, будто интересовался, какой сейчас иннинг в бейсбольном матче.

– Выстрелом в голову. Судя по диаметру дырок – двадцать второй калибр. Выходных отверстий нет, так что у нас будут пули.

– Они сидели и ждали, пока их перебьют?

– Вот тут и начинаются странности. Китайский четырехместный автомобиль, стреляли снаружи. Водителя убили выстрелом через лобовое стекло, пассажира рядом с ним – через окно в ближайшей к нему дверце, того, что за ним, – через окно задней боковой дверцы, а того, что за водителем, – через заднее стекло. Как будто кто-то обходил машину и щелкал их по одному. Однако у двоих в руках были пистолеты, и непонятно, почему они не отстреливались.

Флинн провела по лицу мокрой губкой, вытерлась вчерашней футболкой. Вытащила из кармана джинсов блеск, мазнула губы.

– У тебя загадка запертой комнаты, Томми, – сказал Бертон.

– У меня полиция штата, вот у меня что.

Флинн вышла в коридор, коснулась дедушкиных «Нейшнл

географиков» – на счастье – и сбежала по лестнице.

Маму она по пути не видела, впрочем из-за лекарств та в это время обычно спала крепко.

– Здравствуй, Томми! – крикнула она через внешнюю сетчатую дверь.

– Здравствуй, Флинн!

Томми наполовину – но только наполовину! – дурашливым жестом снял широкополую шляпу.

– Вы меня подняли, – сказала Флинн, открывая сетчатую дверь и выходя наружу. – Маму не разбудите. Кого убили?

– Извини. – Томми понизил голос. – Четыре трупа. Похоже на профессиональную работу. Примерно на полдороге между вами и городом.

– Разборки между лепилами?

– Вероятно, да. Но эти ребята угнали машину в Мемфисе, так что ехали сюда издалека.

При упоминании Мемфиса Флинн прикусила язык.

– Я поеду с тобой, Томми, – сказал Бертон, пристально глядя на сестру.

– Спасибо. – Томми надел шляпу. – Рад был тебя повидать, Флинн, и прости, что разбудил.

– Я с вами, – сказала Флинн.

Томми глянул на нее:

– Хочешь посмотреть на трупы с дыркой в башке?

– На полицию штата и вообще. Брось, Томми. У нас не так часто что-нибудь случается.

– Будь моя воля, – сказал Томми, – я бы подогнал экскаватор, вырыл большую яму, столкнул туда машину и присыпал землей. Гады они были, туда им и дорога. Правда, тогда я мучился бы вопросом, не больший ли гад тот, кто их пришил. Зато у нас в машине новая кофеварка. «Кофе-Джонс». На выбор: колумбийский или французской обжарки.

Он спустился с крыльца, Бертон и Флинн – за ним.

Все трое уселись в большую белую машину.

Флинн допивала из бумажного стаканчика эспрессо, когда впереди показались огни, палатка, машина полиции штата и «скорая». Томми сбавил скорость. Флинн сидела рядом с ним на пассажирском сиденье, кофеварка стояла между их подлокотниками. В бардачке перед Флинн лежали две курносые винтовки-буллпап.

Палатка была белая, сборная. Ее расширили так, чтобы поместился автомобиль, – он был немногим больше того, который Бертон с Леоном взяли в прокате для поездки в Дэвисвилл. Полицейские приехали на стандартном «приусе-интерцептор» с

кузовом, похожим на фигурку оригами (Леон называл такие «складными самолетиками»). «Скорая» была та самая, на которой Флинн отвозила мать в клэнтонскую больницу. Прожекторы покачивались на тонких оранжевых шестах, обложенных снизу мешками с песком.

Томми затормозил и сказал кому-то, кого здесь не было:

– Я привез местного жителя. Попробует опознать, хотя вряд ли он их когда-нибудь видел. Как там покойники? Не воскресли?

– Что они там делают? – спросила Флинн, указывая пальцем.

Возле палатки, примерно в девяти футах над дорогой, висели два больших квадрокоптера – наверное, примерно того же размера, как тот, которым она управляла в игре и ни разу не видела снаружи. Изредка они дергались в ту или другую сторону – несильно, но удивительно слаженно. Оба довольно громко жужжали, и Флинн порадовалась, что это происходит далеко от дому.

– Большие наносят на карту данные от маленьких, – сказал Томми.

Только тут Флинн увидела целый рой маленьких светло-серых дронов. Они шныряли в нескольких дюймах над землей.

– Вынюхивают молекулы шин, – объяснил Томми.

– Их тут должно быть много, на дороге-то.

– Если набрать достаточно, могут проявиться свежие следы.

– Кто тебя вызвал? – спросил Бертон. Он ехал позади Томми, в клетке Фарадея, куда сажают задержанных.

– ИИ штата. Спутник заметил машину, которая не двигалась два часа. Еще он засек необычную активность дронов над вашим участком, но я объяснил, что это ты играешь с приятелями.

– Спасибо.

– Долго еще собираетесь играть?

– Как получится, – ответил Бертон.

– Типа особый турнир?

– Типа да.

– Ну что, пойдем глянем? – спросил Томми.

– Пошли.

– Ты можешь посидеть в машине, Флинн. Еще кофе хочешь?

– Нет, спасибо. Я с вами.

Флинн вылезла из машины и отметила про себя, какая та чистая. Радость и гордость управы, куплена всего год назад.

Томми и Бертон тоже вылезли. Томми надел шляпу и глянул на экран телефона.

Канава заросла дикой морковью так, что с дороги был виден только сплошной ковер белых зонтиков, как будто никакой канавы и нет. Флинн ходила мимо этого места сотни раз, в школу

и из школы. Тогда оно ничем не отличалось от соседних. Сейчас, с белой палаткой и прожекторами, оно выглядело так, будто здесь снимают рекламный ролик, хотя на самом деле это было место убийства.

Посреди Портер-роуд стояла женщина-полицейский в расстегнутом на груди бумажном костюме биозащиты и жевала сэндвич с тушеной свиной соломкой. Флинн отметила, что у нее красивая стрижка, и тут же подумала, заметил ли это Томми. Вторая мысль была: где среди ночи добывают сэндвичи с тушеной свиной соломкой?

Из палатки вышли двое в таких же белых костюмах. Первый нес в каждой руке по пистолету в большом пластиковом гермомешке. Один пистолет был черный, другой – сфабленный, негритянской сине-желтой расцветки.

– Привет, Томми, – сказал тот, что с пистолетами. Из-за костюма голос звучал глухо.

– Привет, Джефферс, – ответил Томми. – Это Бертон Фишер. Его семья живет тут примерно с Первой мировой. Он любезно согласился взглянуть на наших клиентов, не узнает ли кого, хотя я уверен, что они не здешние.

– Здравствуйте, мистер Фишер, – сказал защитный костюм, потом очки-консервы повернулись к Флинн.

– Его сестра Флинн. Ей на клиентов смотреть не надо.

Костюм отдал мешки напарнику и расстегнул молнии на капюшоне с очками. Показалась розовая бритая голова и моргающие глаза.

– Нашлись пальчики всех четырех клиентов, Томми. Нэшвилл, не Мемфис. Куча прошлых судимостей. Как ты и предполагал, боевики у лепил. Тяжкие телесные повреждения, много подозрений в убийствах, ни одно не подтверждено.

– Пусть Бертон все равно глянет.

– Спасибо, что не пожалели для нас времени, мистер Фишер, – сказал Джефферс.

– Мне надо костюм надеть? – спросил Бертон.

– Нет, мы их надевали для грязной работенки, чтобы не занести клиентам свою ДНК. Теперь можно так.

Бертон и Томми нырнули в палатку. Второй полицейский ушел к машине – отнести пистолеты, Флинн осталась с Джефферсом.

– Как по-вашему, что произошло? – спросила она.

– Они ехали по дороге в ту сторону, откуда прибыли вы. Снаряженные для убийства. Ни у одного не было при себе удостоверений личности – видимо, спрятали, чтобы забрать позже. Передние колеса в кювете, машина въехала туда на

большой скорости. Все убиты выстрелами в голову снаружи.

Флинн смотрела, как маленькие дроны носятся над дорогой, собирая молекулы. В свете прожекторов тени от них были как от стрекоз.

– Допустим, кто-то перегородил дорогу, застрелил водителя из укрытия, машину вынесло в кювет, еще двое-трое выскочили из засады, перебили оставшихся. Или… – Он угрюмо вытаращился на Флинн. – У вас тут ни у кого трайка нет?

– Трайка?

Джефферс полуобернулся в сторону дронов:

– У нас вроде бы есть свежие следы. Похоже на три колеса, но никакой уверенности. Так, намеки.

– А они могут такое определить? – спросила Флинн.

– Когда получается, – уныло ответил Джефферс.

Из палатки вылез Бертон, за ним Томми.

– Хрен их знает кто. Какие-то уроды, – сказал Бертон. – Хочешь глянуть?

– Поверю тебе на слово.

Томми снял шляпу, обмахнулся ею, надел обратно и сказал:

– Я отвезу вас домой.

28. «Дом утех»

«Дом утех» Зубова-отца стоял чуть южнее Гайд-парка и, если не считать углового положения, ничем от окружающих зданий не отличался.

Машину, которая их сюда доставила, вела маленькая периферал – гомункул, сидящий на приборной доске в чем-то вроде вычурной пепельницы. Надо полагать, его контролировала охранная система Зубовых. Бессмысленная глупость вроде наперстков и колец Тлен. Возможно, правда, гомункула завели для детей Льва, однако Недертон сомневался, что их это сильно забавляет.

По пути из Ноттинг-Хилла не было сказано ни слова. Недертон радовался, что вырвался из дома, и жалел только, что его рубашку не погладили. Хорошо хоть выстирали – насколько такое возможно в хозяйстве, где нет роботов. Оссиан сказал, что древнее устройство под названием «Валетор» нуждается в починке.

Сейчас, глядя на поляризованные окна «дома утех», Недертон спросил:

– Ты сам, как я понимаю, сюда не наведываешься?

– Братья наведываются, я – нет, – ответил Лев. – Ненавижу его. Скольких слез он маме стоил.

– Извини, не знал.

Еще не договорив, Недертон вспомнил, что Лев как-то в пьяной откровенности рассказал ему это все с кучей лишних подробностей. Он оглянулся на автомобиль и успел заметить, что водитель-гомункул, уперев руки в боки, наблюдает за ними с приборной панели. Потом окна и лобовое стекло поляризовались.

– Я не думаю, что моего отца и впрямь к такому тянуло, – сказал Лев. – Скорее, он действовал по обязанности, потому что этого от него ждали. Мама, думаю, все понимала и тем больше огорчалась.

– Однако сейчас они вместе, – заметил Недертон.

Лев пожал плечами. На нем была потертая черная куртка из конской кожи, с воротником-стойкой, плотная и жесткая, как доспех.

– Что ты о ней думаешь? – спросил Лев.

– О твоей матери?

– О Лоубир.

Недертон оглядел улицу. В пределах видимости – ни одной машины, ни одного пешехода. Лондонская тишина внезапно как будто навалилась на него со всех сторон.

– Стоит ли говорить здесь?

– Лучше здесь, чем в доме, – ответил Лев. – Слишком многих шантажировали сделанными там записями. Так что ты о ней думаешь?

– Суровая дама, – сказал Недертон.

– Она предложила мне кое с чем помочь. Поэтому мы и здесь.

– Этого я и боялся.

– Вот как?

– Когда ты вернулся, проводив ее до автомобиля, было впечатление, что она тебя покорила.

– Семья временами несколько меня пугает, – заметил Лев. – Занятно встретить столь же влиятельную силу противоположного свойства.

– Разве Лоубир в конечном счете не действует по указке Сити? И разве твое семейство и гильдии не повязаны между собой?

– Мы все действуем по указке Сити, Уилф. Не обольщайся.

– Так что она предложила? – спросил Недертон.

– Сейчас увидишь. – Лев поднялся по ступеням ко входу в «дом утех». – Это я, – сказал он двери, – и мой друг Недертон.

Дверь издала тихий присвист и как будто пошла мелкой рябью, затем плавно и бесшумно распахнулась внутрь. Недертон вслед за Львом оказался в вестибюле разнообразных оттенков розового и кораллового.

– Вульва, – сказал Лев. – Прямолинейно до отвращения.

– Преддверие влагалища, – согласился Недертон, выворачивая шею, чтобы разглядеть ажурную арку, вырезанную из особенно похабно-розового камня, вернее, собранную ботами послойно прямо на месте. Как, вероятно, и все остальное в этом вестибюле.

– Здравствуйте, мистер Лев. Рада вас видеть, мистер Лев. Вы так давно не заглядывали.

Женщина была не юная, но как будто без возраста. Наверное, малазийка. Обе ее скулы подчеркивались изящными дугами треугольных лазерных шрамов. Недертон подумал, что, судя по обращению, она знала Льва еще ребенком.

– Здравствуйте, Анна, – сказал Лев. – Это Уилф Недертон.

– Здравствуйте, мистер Недертон, – кивнула женщина.

– Они здесь? – спросил Лев.

– На втором этаже. Сопровождающая убедилась, что мы добропорядочные потенциальные покупатели, и ушла. Если вы решите совершить сделку, устройство питания и прочие сервисные модули доставят в Ноттинг-Хилл. Если нет, кого-нибудь пришлют ее забрать.

– Кто пришлет? – спросил Недертон.

– Фирма в Мэйфере, – ответил Лев, поднимаясь по изогнутой коралловой лестнице. – Занимается продажами винтажных вещей и б/у.

– Б/у что?

Недертон двинулся за Львом, женщина следовала за ними на расстоянии в несколько шагов.

– Периферали. Вполне элитные. Попадаются довольно старые, коллекционные. Нам некогда печатать новую.

– Это связано с той помощью, которую обещала тебе Лоубир?

– Нет, с тем, что я помогаю ей. Услуга за услугу, – ответил Лев.

– Чего я и боялся.

– Она в голубом салоне, – сказала женщина у них за спиной. – Желаете чего-нибудь выпить?

– Джин с тоником, – ответил Недертон так быстро, что даже испугался: разберет ли она его слова.

– Нет, спасибо, – бросил Лев.

Недертон обернулся на ступенях, поймал взгляд женщины и показал два пальца.

– Сюда, – сказал Лев.

Он взял Недертона под руку и ввел в бездонную синюю-пресинюю комнату. Стены как будто таяли в неопределенной глубине. Фантастической пошлости освещение, как во второсортном ночном клубе или приморском казино, иллюзорно расширяло не такое уж большое помещение.

– Жуть, – с чувством произнес Недертон.

– Самая пристойная из комнат, – ответил Лев. – Спальни чудовищны сверх всякого вероятия. Я переслал Лоубир твой разговор с сестрой полтера.

– Зачем?

– Для скорости. Ей надо кое-что сопоставить на месте. Как она была вообще?

– Ты о чем?

– Встань, – приказал Лев.

С пухлого синего кресла поднялась женщина, которую Недертон сперва не заметил. Кареглазая шатенка в светлой блузке и темной юбке того простого покроя, что не меняется со временем. Девушка с выражением легкого интереса глянула на Льва, потом на Недертона, потом снова на Льва.

– Она говорит, что нашла еще две, более схожие внешне, но эта ей приглянулась больше, – сказал Лев.

Недертон вытаращился на девушку:

– Периферал?

– Десять лет. Один владелец. Индивидуальный заказ. Распродажа наследства. Из Парижа.

– Кто ею управляет?

– Никто. Базовый ИИ. Похожа на сестру полтера?

– Не особенно. А это важно?

– Лоубир считает, будет важно, когда она первый раз глянет на себя в зеркало. – Лев шагнул ближе к периферали, и та подняла на него глаза. – Мы хотим минимизировать шок, ускорить акклиматизацию.

Женщина с лазерной гравировкой скул внесла на подносе два высоких стакана джин-тоника; от кубиков льда поднимались мелкие пузырьки. Лев по-прежнему смотрел на периферали.

Недертон взял один стакан, осушил залпом, быстро поставил на поднос, взял другой стакан и повернулся спиной к женщине.

– Нам придется купить в срезе специализированные принтеры, – сказал Лев. – Их обычные не справятся.

– Зачем?

– Мы отправляем туда файлы для автономной работы.

– Флинн? Когда?

– Чем скорее, тем лучше. Ну как, эта подойдет?

– Да, наверное, – ответил Недертон.

– Тогда она отправится с нами. Фирма пришлет вспомогательное оборудование.

– Что еще за оборудование?

– У нее нет пищеварительного тракта. Она не ест и не испражняется. Через каждые двенадцать часов ей надо вводить питательный раствор. И Доминике она точно не понравится, так что пусть будет у тебя, в дедушкиной яхте.

– Вводить раствор?

– Тлен справится. Она любит устаревшие технологии.

Недертон глотнул джина. Лед и тоник были совершенно лишние.

Периферали глядела на него.

29. Вестибюль

Недертон, чувак из «Милагрос Сольветры», стоял как будто в чьем-то горле, розовом и лоснящемся.

Из кухни, откуда Флинн вышла на крыльцо, чтобы поговорить по телефону, доносилось звяканье посуды.

Ночью Флинн долго ворочалась, ругала себя, что выпила в машине эспрессо, потом все-таки уснула.

Томми высадил их с Бертоном у ворот, и они молча пошли к дому. Не хотелось упоминать Коннера, пока Томми не отъедет.

– Это был он, – сказала наконец Флинн, но Бертон только кивнул, велел ей идти досыпать и направился к трейлеру.

Леон разбудил всех в половину восьмого – сообщить, что выиграл десять миллионов в лотерею, и сейчас мама готовила завтрак. Флинн слышала из кухни голос Леона.

– Дроны, – сказало маленькое, обрамленное розовым лицо Уилфа Недертона, как только она ответила на звонок.

– Привет, Уилф.

– Ты упомянула их в нашем прошлом разговоре.

– Ты спросил, есть ли они у нас, я сказала, что есть. Что там такое розовое у тебя за спиной?

– Наш вестибюль, – ответил он. – Вы сами их печатаете? Дронов?

– Едят ли лошади овес?

Недертон глянул непонимающе, затем повел глазами вправо и вверх – видимо, что-то прочел.

– Печатаете. И схемы тоже?

– По большей части. У нас есть люди, которые это делают. Двигатели магазинные.

– Вы заказываете печать?

– Да.

– Исполнитель надежный?

– Да.

– Опытный?

– Да.

– Нам нужно, чтобы вы кое-что для нас отпечатали. Работу надо сделать быстро, качественно и втайне. Для вашего исполнителя она может оказаться непростой, но я обеспечу техподдержку.

– Об этом вам надо договариваться с моим братом.

– Конечно. Впрочем, время поджимает, так что давай обсудим в основном прямо сейчас.

– Вы не лепилы?

– Это кто?

– Кто делает наркотики.

– Нет, – ответил он.

– Те, кто нам печатает, для лепил ничего делать не станут. Я тоже.

– Это никак не связано с наркотиками. Мы пришлем вам файлы.

– Чего?

– Оборудования.

– Что оно делает?

– Я не смогу объяснить. Вам хорошо заплатят за посредничество.

– Мой двоюродный брат только что выиграл в лотерею. Ты знал?

– Не знал, – ответил Недертон, – но мы придумаем способ получше. Этим сейчас занимаются.

– Хочешь поговорить с моим братом? Мы садимся завтракать.

– Нет, спасибо. Приятного аппетита. Мы с ним свяжемся. А ты пока поговори с печатником. Надо, чтобы дело стронулось.

– Хорошо. Фантастически уродский вестибюль.

– Согласен. – Он быстро улыбнулся. – До связи.

– Пока.

Экран потемнел.

– Лепешки с подливкой готовы! – крикнул Леон из кухни.

Флинн распахнула сетчатую дверь и вошла в прохладный летний сумрак прихожей. Мимо пролетала муха, и Флинн вспомнила прожекторы, белую палатку, четырех покойников, которых она не видела.

30. «Гермес»

– Ее можно отправить к Тлен, – заметил Недертон, глядя на периферaль в подводном спрутосвете гаража и убеждая себя, что она – неодушевленный предмет.

Поверить в это было трудно: шагая между ними под управлением какого-то ИИ, она выглядела вполне одушевленной, пусть и несколько безучастной. Примерно как фигуры в тематических парках, которых Недертон всеми силами избегал.

– Тлен здесь не живет, – ответил Лев.

– Тогда к Оссиану.

– Он тоже живет не здесь.

– Тогда пусть Тлен заберет ее в свой шатер предсказательницы.

– Чтобы она сидела там за столом?

– Почему бы нет?

– Ей надо спать, – сказал Лев. – Не в буквальном смысле, но нужно полежать, отдохнуть. И еще ей необходима разминка.

– Чего бы тебе не взять ее к себе?

– Доминике это не понравится. Положи ее в каюте. Накрой простынкой, если так тебе будет спокойнее.

– Простынкой?

– Отец накрывал свои чехлами от пыли. Две сидели в дальней спальне в креслах, под простынями. Я играл, что это привидения.

– Они даже отдаленно не люди.

– На клеточном уровне – такие же люди, как мы. Что довольно условно и зависит от того, кто перед тобой.

Периферaль смотрела на того из них, кто сейчас говорил.

– Она не особо похожа на Флинн, – сказал Недертон.

– Общее сходство есть. – Во время звонка из розового вестибюля Лев одновременно работал камерой и мониторил разговор. – Тлен сейчас печатает одежду по образу той, что была на ней в прошлый раз. Привычную.

Пытаясь вообразить, что увидит Флинн, Недертон словно в первый раз оглядел непомерную автомобильную коллекцию Зубова-отца под арками рукотворной пещеры. Машины были по большей части доджекпотовские, полностью восстановленные. Хром, эмаль, нержавейка, гексагонально-ячеистые ламинаты, столько итальянской кожи, что хватило бы покрыть несколько теннисных кортов. Недертону не думалось, что на Флинн это произведет большое впечатление.

Они подходили к гобивагену, и арка над ним засветилась, выхватив из темноты беговую дорожку, на которой, держа руки по

швам, стояла белая безголовая гориллоподобная фигура.

– Что это? – опасливо спросил Недертон.

– Экзоскелет для силовых упражнений. У Доминики такой есть. Возьми ее за руку.

– Зачем?

– Я ухожу. Она остается с тобой.

Недертон протянул руку, и периферал вложила в нее свою ладонь – теплую и совершенно живую.

– Тлен зайдет обсудить планы и глянуть на нее, – сказал Лев.

– Хорошо, – ответил Недертон, явно давая понять, что не видит в этом ничего хорошего, затем по трапу провел периферал в яхту, в самую маленькую кабину.

Свет автоматически включился, как только они вошли. Недертон кое-как отыскал на светлой обшивке нужную кнопку и опустил узкую полку.

– Вот, – сказал он. – Садись.

Периферал села.

– Ляг.

Она легла.

– Спи.

В последнем слове Недертон сомневался, но периферал послушно закрыла глаза.

Возникла пульсирующая эмблема Рейни.

– Алло, – сказал Недертон, поспешно выходя из каюты и закрывая складную дверь-гармошку.

– Ты не проверяешь сообщения.

– Да, – с досадой проговорил он. – И почту не читаю. Насколько я понимаю, меня уволили.

Назад по узкому короткому коридору, в главную каюту.

– Мне не верили, когда я говорила, что ты счастливо не знаешь, на кого работаешь. После твоего увольнения все бросились проверять и не нашли, кто тебя уволил. Ты где?

– У друга в гостях.

– Можешь показать?

Недертон показал.

– Зачем тут старые мониторы?

– Мой друг – коллекционер. А у тебя как дела?

– Формально я – госслужащая, так что тут другое дело. И я все свалила на тебя.

– Серьезно?

– Конечно. Ты же не собираешься слать резюме моему правительству?

– Надеюсь, что нет.

– Странные вкусы у твоего друга. Очень тесная квартирка?

– Интерьер большого «мерседеса».

– Чего-чего?

– Сухопутная яхта, выстроенная, чтобы возить русского олигарха по пустыне Гоби.

– И ты в ней едешь?

– Нет. Она стоит в гараже. Не знаю, как ее сюда вкатили. Может быть, разобрали и внесли по частям.

Он опустился в кресло перед черными мониторами, на которых когда-то высвечивалась статистика экспоненциально растущей империи Зубова-деда.

– Брр. У меня клаустрофобия разыгралась от одного вида.

– Мне кто-то сказал, что тебя зовут Кларисса. А я и не знал.

– Это потому, что ты думаешь только о себе.

– Рейни звучит красивее, – сказал он.

– Что там тебя прослушивает, Уилф? Какая-то могучая система. Она дала моей защите полный отлуп.

– Наверное, это семья моего друга.

– Он живет в гараже?

– Он владеет гаражом. Который уходит на много ярусов вглубь. Как и здешняя система безопасности.

– Профиль как у немаленькой страны.

– Значит, она.

– Тебя это напрягает?

– Пока нет.

– Даэдра, – сказала Рейни, помолчав. – Ты знаешь, что у нее была сестра?

– Была?

– Ходят слухи. По неофициальным каналам. Мусорщики. Месть.

– Мусорщики?! – Омерзительный переработанный пластик. Рассказ Флинн Фишер о штуковине, которая взбиралась по стене «Парадиза», чтобы убить Аэлиту. – Кто так говорит?

– Китайские шепотки. Призраки Содружества.

– Новая Зеландия?

Недертон представил, как все их слова через исполинскую воронку размером с город затягивает в невообразимый мозг охранной системы Зубова. И внезапно понял, что дорожит этим претенциозным, кричащим о богатстве уголком, замкнутым, скучным и уютным пространством.

– Я тебе этого не говорила.

– Разумеется. Но когда мы с тобой последний раз беседовали, в проекте оставались только новозеландцы и американцы.

– Теоретически они и сейчас в нем, – сказала Рейни. – Но все вернулось на исходную позицию. Нам или, вернее, им, поскольку

официально я уже не участвую, надо перегруппироваться, провести ребрендинг, заново все оценить. Посмотреть, кто займет место главного мусорщика.

Лоубир назвала его имя – какое-то иностранное, не вспомнить.

– Рейни, скажи честно, для чего ты мне звонишь?

– Семья твоего друга… мне от нее немного не по себе.

– Так, может, встретимся? На том же месте.

– Когда?

– Дай сообразить…

– Добрый день!

В дверях стояла Тлен, держа в каждой руке по алюминиевому кейсу, обтянутому светлой кожей.

– Извини, я тебе перезвоню, – сказал Недертон.

Эмблема Рейни исчезла.

– Где она? – спросила Тлен.

– В кормовой каюте. Что это за кейсы?

– «Гермес», – ответила Тлен. – Ее оригинальные фирменные комплектующие.

– «Гермес»?

– «Виттон» делает только блондинок, – сказала Тлен.

31. Левое

Шайлен купила в «Кофе-Джонсе» коробку крунатов с соленой карамелью. Когда Флинн там работала, то должна была, помимо прочего, ставить противни со свежеотпечатанными крунатами в печку. Если хоть немного нарушить технологию, карамельная сетка проседала в тесто и получался более плоский, менее восхитительный крунат, такой, что, если жевать его быстро, можно оставить в нем пломбы от зубов. И все равно очень мило со стороны Шайлен было купить их для встречи. Еще она попросила Литонию, девушку, которая иногда подрабатывала у Мейкона, подежурить за нее у прилавка, чтобы не отвлекаться на посетителей.

– Первый вопрос, – сказала Шайлен, переводя взгляд с Мейкона на Эдварда, потом на Флинн, – насколько оно левое?

Все четверо сидели за карточным столом, превращенным в разделочный; вся его поверхность была испещрена отметинами.

– Присоединяюсь, – сказал Мейкон.

– Итак? – Шайлен открыла коробку, и оттуда пахнуло теплой карамелью.

– Мы не нашли соответствующих патентов, а уж тем более изделий, – сказал Эдвард. – Значит, не контрафакт. Такое впечатление, что нам заказывают оборудование для чего-то, что более продвинутое железо делало бы лучше.

– Откуда ты знаешь? – спросила Флинн.

– Много избыточности. Куча «заплаток». Словно у них задумано что-то серьезное, а нам поручили слепить это из деталей, которые есть в продаже, плюс тех, которые отпечатаем мы, плюс покупных, которые надо модифицировать, допечатав поверх готового.

Он снял визу и убрал в карман, Мейкон тоже. Профессиональная вежливость.

Шайлен протянула ему коробку. Эдвард мотнул головой. Мейкон взял один крунат.

– Итак, – повторила свой вопрос Шайлен, – насколько оно левое? А если не левое, почему мне готовы купить два навороченных принтера, только чтобы отпечатать один комплект?

– Четыре комплекта, – поправил Мейкон. – Один и три резервных.

– Безбаши иногда устраивают подставы. – Шайлен глянула на Флинн.

– Сделка Бертона, – ответила та.

– Тогда почему он не здесь?

– Потому что Леон сегодня утром взял и выиграл в лотерею. Нужно помочь ему в общении с прессой.

Это был лишь верхний слой правды, сетчатый, словно карамель на крунате.

– Я слышал про его выигрыш, – сказал Мейкон. – Семейству Фишер поперло счастье?

– Там не так уж много. Десять лимонов минус налоги. А вот заказ на печать – уже серьезное дело. Это те люди, у которых Бертон подхалтуривает. Я ему немного помогала.

– Что за халтурка? – спросила Шайлен.

– Игра. Толком ничего не объясняют, но вроде бы мы что-то бета-тестировали.

– Игровая компания? – спросил Мейкон.

– Охранная служба игровой компании, – ответила Флинн.

– Все сходится, – сказал Эдвард. – Нам заказали бесконтактный интерфейс.

– Какой В. А. могла бы сделать для Коннера, будь у нее деньги, – подхватил Мейкон, глядя на Флинн. – Позволяет манипулировать предметами силой мысли. Ближайшие патенты – медицинские, неврологические. – Он разломил крунат, карамель вытянулась ниточками, провисла. – Или даже гаптика, какая была у Бертона в морской пехоте.

– А как оно выглядит? – спросила Флинн, беря у Шайлен предложенный крунат.

– Обруч, на нем закреплена коробочка, – ответил Эдвард. – Тяжеловатый для головы. К нему подсоединяется особый кабель. Один принтер специально для кабеля. Во всем штате таких тридцать два, наш будет тридцать третьим.

– И полностью зарегистрированный, – добавила Шайлен.

– Если не печатать леваков, регистрация не страшна, – заметил Мейкон. – А незарегистрированный фиг добудешь, мы проверяли.

– Оба принтера будут тут завтра, – сказала Шайлен. – Если готка не врет.

– Готка? – переспросила Флинн.

– Погоди, – перебил Мейкон. – Ты уже согласилась взяться за работу?

– Наверное, еще можно отменить доставку, – сказала Шайлен, потом повернулась к Флинн. – Англичанка с кретиническими линзами. Ты дала ей мой номер.

– Наверное, это Бертон дал. Я говорила с мужиком.

– Утверждает, что они в Колумбии, – продолжала Шайлен. – Заказ на принтеры отправлен из Панамы. Стоят они примерно столько, сколько я получаю за год, считая белый и черный

заработок. Сразу после доставки они переходят ко мне, и она даже не заикнулась, чтобы вычесть их стоимость из оплаты. По мне, так очень похоже на лепил.

– Это игра, – возразила Флинн. – Я ее видела. И чувак, который мне звонил, утверждает, что они обеспечивают безопасность игровой компании. Я спросила, лепилы ли они, он сказал, нет. Бабок у них много. Я знаю твои принципы, Мейкон, и поддерживаю, но нельзя сказать, что мы берем деньги у людей, про которых известно, что они лепилы. – Ей не очень-то удалось убедить себя, и она сомневалась, что убедила Мейкона. – Бертон тоже так считает.

Все промолчали. Флинн откусила крунат. Сеточка была в точности как надо.

– Колумбия делала деньги на наркотиках до того, как появились лепилы, – сказал Эдвард. – Теперь она делает деньги на деньгах. Как Швейцария.

Флинн прожевала кусок круната, проглотила.

– Вы возьметесь?

Эдвард глянул на Мейкона.

– Деньги заманчивые, – сказал тот. – В смысле, наша доля от заработка Шайлен.

– Ты осторожный, Мейкон, – заметила Флинн. – Почему ты за это берешься?

– Осторожный, но любопытный. Приходится совмещать.

– Я не хочу, чтобы вы меня потом винили, – настаивала Флинн. – Почему вы за это беретесь?

– Файлы, которые они прислали, – сказал Эдвард. – Нас просят сфабить вещь, какую еще никто не делал. По крайней мере, мы не нашли описаний ничего похожего.

– Может быть, промышленный шпионаж, – добавил Мейкон. – Мы никогда им не занимались. Хочется попробовать.

Эдвард кивнул.

– Если разберетесь, для чего нужно оборудование, сможете его повторить? – спросила Флинн.

– Повторить мы так и так сможем, – ответил Мейкон. – Чтобы это имело смысл, надо сообразить, для чего оно служит. Мы пока не знаем устройства, которым оно могло бы управлять.

Эдвард робко потянулся за крунатом и сказал:

– Не знаем, но, может быть, сумеем узнать. Реверс-инжиниринг.

Шайлен смотрела на коробку с крунатами. Между нею и диетой шла война.

– Значит, беретесь, – сказала она, не поднимая глаз. Потом глянула на Флинн. – Мы согласны.

Флинн снова откусила от круната. Кивнула.

32. Жезл

Эмблема Льва возникла и замигала стробоскопически. Недертон как раз вылезал из такси на Генриетта-стрит.

– Да? – спросил он.

– Как по-твоему, сколько времени это займет?

– Понятия не имею, – ответил Недертон. – Я не знаю, что мы будем обсуждать. Я тебе говорил.

– Как закончите, я пришлю Оссиана.

– Нет, спасибо. Только не его.

– Мне не случалось так делать с подросткового возраста, – произнес, шагнув к нему, незнакомый молодой человек: сказочный белокурый принц в твидовой кепке.

Недертон щелкнул языком по нёбу, убирая эмблему Льва. У юноши были ярко-зеленые глаза.

– Извините? – спросил Недертон.

– Снова опера. В прокате наплыв клиентов. Была маленькая девочка, но я решила дать тебе передышку. Вот было бы забавно, окажись у них знойная красотка.

– Рейни?

Появилась ее эмблема, погасла.

– Привет, – сказал юноша. – Пойдем?

– Веди, – ответил Недертон.

– Какой ты осторожный, – спокойно заметила прокатка. Затем указала на другую сторону Генриетта-стрит. – Глянь, здесь было издательство, напечатавшее первую книгу Джорджа Оруэлла.

Отвратительная привычка всех туристов: открывать трансляцию лондонских синих табличек.

Недертон, оставив без внимания ничем больше не примечательный дом, снова щелкнул по нёбу, убирая текст мемориальной доски.

– Идем, – сказал он.

Прокатка двинулась в сторону Ковент-Гардена. Интересно, подумалось Недертону, вводят ли ей питательный раствор из алюминиевого кейса?

Улицы были относительно оживленны. Преобладали пары – наверное, шли в Оперу. Недертон пытался угадать, много ли среди них периферали, прокатных или собственных. Закапал мелкий дождик, так что пришлось поднять воротник. Недертон велел прокатке идти вперед, поскольку лишь так мог убедиться, что это Рейни. Эмблемы можно фальсифицировать. Кстати, точно так же нельзя было знать наверняка, что это и вправду периферал. Впрочем, говорила она как Рейни – другим голосом,

конечно, но в той же манере.

Зажглись фонари. За освещенными витринами ждали покупателей автоматы, гомункулы, изредка люди – лично или через периферали. Недертон когда-то знал девушку, которая работала в магазине неподалеку, но не мог вспомнить ни ее имени, ни названия улицы.

– Я за тебя волнуюсь, – сказала прокатка. – Творится что-то странное.

Они проходили мимо витрины, за которой митикоида в амазонке складывала шарфы.

– Как ты терпишь бороду? – спросила прокатка, трогая пальцем щеку.

– У меня ее нет.

– Я имела в виду, после того, как она сбрита. Мне взвыть хочется.

– Как я понимаю, это не то, что тебя сильнее всего заботит в моем случае.

Прокатка ничего не ответила. На ней были коричневые полусапожки с эластичными вставками на голенище.

От входа в здание рынка прокатка направилась к лестнице вниз, и Недертон решил, что это и впрямь Рейни. Хотя не сказать, что он раньше сильно сомневался.

– У нас будет немного приватности, пусть и чисто символической, – сказала периферали.

Они как раз спустились с лестницы к узкой галерее. Бар «Менады» был, по обыкновению, пуст. За стойкой митикоида протирала бокалы.

– Хорошо. – Недертон прошел вперед и обратился к митикоиде: – Мы сядем в кабинете. Двойной виски. Обычный. Мой друг не пьет.

– Да, сэр.

Темно-бордовые занавеси напомнили Недертону ярмарочный шатер Тлен. Как только митикоида принесла виски, он их задернул.

– Говорят, что это ты, – сказала прокатка.

– Что я?

– Убил Аэлиту.

– Кто говорит?

– Думаю, американцы.

– У тебя есть доказательства, что она убита? Исчезла, да, но убита… – Он отпил виски.

– Анонимная кампания по очернению. Тщательно срежиссированная. Твое имя начало всплывать в желтых трансляциях.

– Ты правда не знаешь, кто за ней стоит?

– Даэдра? Может, она на тебя злится.

– На нас. Она злится на нас.

– Это серьезно, Уилф.

– И смешно. Даэдра все погубила. Сознательно. Ты там была. Видела, что произошло. Она его убила.

– И пожалуйста, не напивайся.

– Вообще-то, я в последнее время пью гораздо меньше. За что Даэдре на меня злиться?

– Не знаю. Но это именно те последствия, которых я надеялась избежать.

– Извините, сэр, – проговорила митикоида по другую сторону занавеса. – К вам посетитель.

– Ты кому-то сказал о нашей встрече? – Зеленые глаза расширились.

– Нет.

– Сэр? – спросила митикоида.

– Если кто-нибудь проделает дырку в этой штуке… – Прокатка похлопала себя по груди через куртку из вощеного хлопка, – я проснусь на диване. Твое положение куда менее завидно.

Недертон для храбрости глотнул виски и раздвинул занавеси.

– Извините за вторжение, – сказала Лоубир, – но у меня, увы, не оставалось выбора.

На ней был ворсистый твидовый жакет и такая же юбка. Недертону подумалось, что они с перифералью Рейни одеты в одном стиле.

– Позвольте к вам присоединиться, – продолжала Лоубир.

Митикоида внесла еще стул.

– Мисс Рейни, – сказала Лоубир, – я инспектор Эйнсли Лоубир из Лондонской полиции. Вам известно, что юридически вы присутствуете здесь согласно Акту об андроидных аватарах?

– Да, – кисло ответила прокатка.

– Канадские законы рассматривают физическое телеприсутствие как особый случай, мы – нет. – Лоубир села. – Воды без газа, – сказала она митикоиде, потом, глянув на нижний этаж рынка, обратилась к Недертону: – Занавеси лучше не задергивать.

– Почему?

– Возможно, кое-кто на вас охотится, мистер Недертон.

Прокатка подняла брови.

– Кто? – спросил Недертон, жалея, что не заказал тройную порцию виски.

– Мы не знаем, – ответила Лоубир. – Нам сообщили, что

недавно в прокате взята периферaль, которая потенциально может служить оружием. Общественность не догадывается, насколько тщательно отслеживаются такие операции. Мы знаем, что упомянутая периферaль поблизости, и предполагаем, что цель – вы.

– Я же тебе говорила, – сказала прокатка Недертону.

– Могу ли я полюбопытствовать, почему вы считаете, что мистеру Недертону грозит опасность? – спросила Лоубир.

Митикоида поставила перед ней стакан воды.

– Очевидно, можете, – ответила прокатка, вполне успешно передавая расстройство Рейни. – Полиция, Уилф. Ты мне не сказал.

– Я собирался.

– Вы были коллегой мистера Недертона в истории с Мусорным пятном. Вас тоже уволили? – Лоубир отпила воды.

– Мне разрешили уйти по собственному желанию, но только из проекта. Я – профессиональный чиновник.

– Я тоже, – сказала Лоубир, – и присутствую здесь в официальном качестве. А вы?

Зеленые глаза пристально разглядывали инспектора.

– Нет. Я здесь как частное лицо.

– Участвуете ли вы в продолжении бывшего проекта?

– Я не вправе это обсуждать, – ответила прокатка.

– Однако вы здесь, встречаетесь с мистером Недертоном и выражаете беспокойство по поводу его безопасности.

– Она сказала, американцы распространяют слухи, будто я убил Аэлиту, – неожиданно для себя выложил Недертон.

– Нет, – поправила прокатка. – Я сказала, что с наибольшей вероятностью это они.

– Ты сказала, что подозреваешь Даэдру.

Недертон допил виски и огляделся в поисках митикоиды.

– Мы знаем о распускаемых слухах, но у нас нет уверенности касательно их источника. – Лоубир вновь обвела взглядом этаж. – Ах ты господи, – сказала она, торопливо встала и открыла коричневую сумочку. – Боюсь, нам придется отсюда уйти.

Она достала корпоративную карточку и протянула митикоиде, которая подошла мгновением раньше, словно ее вызвали. Митикоида взяла карточку двумя руками, поклонилась и быстро ушла. Лоубир опять сунула руку в сумочку и достала цилиндрик из рифленой слоновой кости с золотой крышечкой – не то тюбик роскошной губной помады, не то аэрозольный баллончик. В следующий миг предмет трансформировался в рифленую костяную палочку, увенчанную золотой короной. Жезл пристава, надо полагать. Недертон впервые такой видел.

– Следуйте за мной, пожалуйста, – сказала Лоубир.

Периферaль Рейни поднялась. Недертон глянул на пустой стакан и начал вставать. Тут жезл трансформировался в богато украшенный пистолет с длинным золоченым стволом и рукоятью слоновой кости. Лоубир подняла его, прицелилась и выстрелила. Грянул взрыв, но где-то на этаже; пистолет не издал ни звука. Все стихло. В звенящей тишине был слышен град мелких осколков о стены и мощеный пол. Потом кто-то закричал.

– Дьявол, – обеспокоенно и чуть удивленно проговорила Лоубир; пистолет вновь превратился в жезл. – Идемте.

Они вышли из бара «Менады». Крики не умолкали.

33. Налог на глупость

Леон у стойки «Джиммис» заканчивал второй завтрак. Флинн села рядом. Сейчас Леон должен был сняться в рекламном ролике (это входило в условия лотереи) вместе с тем, как он выразился, «гондоном», у которого купил билет. Бертон привез их на машине.

– Зачем ты купил билет у гондона? – спросила Флинн.

– А чтобы он изошел говном, когда я выиграю, – ответил Леон.

– Сколько ты получишь, когда вычтут налоги и комиссию Мегапала?

– Примерно шесть лямов.

– По-моему, это экспериментальное подтверждение.

– Чего?

– Хотела бы я знать. Считается, что лотерею подтасовать нельзя. Какая-то охранная фирма в Колумбии?

– По мне, вся эта фигня сильно смахивает на кино, – сказал Леон и тихонько рыгнул.

– Ты что-нибудь положил на мамин аптечный счет?

– Восемьдесят штук. – Леон ослабил ремень на одну дырочку. – Последний курс биолекарств почти все съел.

– Спасибо, Леон.

– Когда ты богат, как я, все зарятся на твои деньги.

Флинн искоса глянула на него, ухмылки не заметила. Потом увидела в глубине зеркала над стойкой, за отраженными огнями парковки, мультяшного быка. Он подмигнул. Флинн пересилила желание показать ему средний палец, зная, что это впишется в ее профиль, который бык ведет.

«Джиммис» и парковка напомнили ей о Коннере, о белой палатке на Портер-роуд и дронах-вынюхивателях. У нее так и не было времени поговорить об этом с Бертоном. Получалось, что Коннер в первую же ночь на работе убил четверых парней.

Быстрота, решимость и натиск, с которыми он действовал, были фирменным стилем и даже идеологией корпуса морской пехоты и Гаптраза в особенности. Пусть у тебя паршивые разведданные, сомнительного качества план и нелучшее снаряжение – все это можно компенсировать собранностью и прытью. У Бертона была еще идея, что надо увидеть правильно, но Флинн подозревала, это охотничий взгляд. У Коннера – другое.

– Что ты делала в фабе? – спросил Леон.

– Встречалась с Мейконом и Шайлен.

– Не связывайся ни с чем левым.

– И ты мне это говоришь? Сегодня?

– Сегодня я всего лишь помогу землякам заплатить налог на глупость в следующей лотерее.

Он слез с табурета, подтянул джинсы.

– Где сейчас Бертон? – спросила Флинн.

– У Коннера, если его сегодняшние дела идут по плану.

– Возьми напрокат машину и отвези меня туда, – сказала Флинн. – Велик я привешу сзади.

– У Леона денег куры не клюют, он может взять машину.

– Бертон надеется, что ты привыкнешь.

– Не знаю, – ответил Леон, внезапно посерьезнев. – Люди, с которыми вы разговариваете, они какие-то… выдуманные. Помнишь гулявшую по соцсетям историю про педиатра, который отдал все свои деньги воображаемой девушке из Флориды? Типа того.

– Знаешь, что хуже воображаемого, Леон?

– Что?

– Полувоображаемое.

– Что это значит?

– Хотела бы я знать.

Она вызвала автомобиль, и они вышли на улицу ждать, когда тот подрулит.

34. Безголовый

– Вы не возражаете, если я зажгу ароматическую свечу? – спросила Лоубир. – Я плохо реагирую на взрывы. – Она перевела взгляд с Недертона на периферал. – Мне приглушили воспоминания, но некоторые триггеры все равно их включают. Чистый воск, ароматические масла, фитиль без копоти. Ничего вредного.

– У этого устройства нет обоняния, – ответила Рейни. – Не такая продвинутая модель.

Тлен, подумалось Недертону, сейчас бы что-нибудь заметила про воск в мире, где нет пчел.

– Зажигайте, конечно, – сказал он, по-прежнему видя, как бритая голова высокого, очень красивого чернокожего разлетается вдребезги, снова и снова, в замедленной перемотке, с разных ракурсов и расстояний.

Это произошло на лестнице перед баром «Менады». Вполне могло быть, что безголовое тело и сейчас лежало на ступенях, раскинув руки и ноги. Лоубир показала им трансляцию с нескольких камер. Лучше бы не показывала.

В пассажирском отсеке автомобиля Лоубир не было видимых окон. Четыре небольших мягких кресла стояли вокруг низкого круглого столика. Недертону и прокатке достались задние, лицом по ходу движения, Лоубир села напротив. Кожаная обивка была слегка вытерта на сгибах, что придавало всей обстановке странно уютный вид.

– Периферал арендовали в качестве спарринг-партнера в шордичской студии боевых искусств, – сказала Лоубир, доставая из сумки стаканчик с воском. – Арендовали в ту минуту, когда вы сказали такси отвезти вас в Ковент-Гарден, мистер Недертон. Когда я засекла ее, то предполагала, что вам собираются нанести телесные повреждения – скорее всего, удары руками и ногами без применения оружия, но все равно смертельные, так как данная модель оптимизирована для рукопашного боя.

Недертон перевел взгляд с Лоубир на пламя свечи. Когда они вышли из бара «Менады», воздух кишел дронами. Четыре лонполовских аппарата в желто-черную диагональную полосу, каждый с двумя синими мигалками на боках, зависли над обезглавленной фигурой, распростертой на лестнице, по которой они с Рейни спустились меньше получаса назад. Аппараты поменьше – некоторые с обычную муху – носились взад-вперед и жужжали.

Вся кровь попала на каменную стену. Крики оказались

истерическими рыданиями женщины, которая сидела, обхватив руками колени, на плитах у основания лестницы.

– Окажите ей помощь. Немедленно! – приказала Лоубир кому-то невидимому.

Она на мгновение поднесла жезл к плечу и повернулась, демонстрируя его собравшимся. Те запоздало отводили глаза, боясь попасть в поле зрения жезла, хотя, разумеется, уже попали.

Встречные продолжали отводить глаза и потом, когда Лоубир вела Недертона и периферал в другой конец здания к другой лестнице. Как только они вышли, автомобиль развуалировался и открыл пассажирскую дверь. Недертон не мог сообразить, где они сейчас припаркованы. Где-то неподалеку от Ковент-Гардена. Возможно, в направлении Шефтсбери-авеню.

– Бедная женщина, – сказала Лоубир.

– Ее вроде бы не ранило, – заметила прокатка. Она сидела в клубном кресле, откинувшись и надвинув кепку на глаза.

– Моральная травма, – ответила Лоубир, глядя на свечу. – Масло нероли. Аромат для барышень, но мне он всегда нравился.

– Вы взорвали ему голову, – сказал Недертон.

– Ненамеренно. Периферал покинула Шордич в автомобиле, арендованном у студии боевых искусств. Якобы одна. Но очевидно, там был кто-то еще, поскольку ей вскрыли череп.

– Вскрыли череп?

– Черепа сборно-разборные. Отпечатанные кости, склеенные биологическим составом. Структурная прочность как у обычного черепа, но есть возможность его вскрыть.

– Зачем?

– В черепной коробке модели для спарринга обычно находится отпечатанная клеточная копия мозга. Тренажер, никаких когнитивных функций. Регистрирует уровень сотрясения, отмечает менее серьезные травмы. Пользователь может точно оценить эффективность нанесенных ударов. Однако заводская гарантия не предусматривает доступа пользователя к тренажеру и вообще в черепную коробку. Неизвестное лицо либо лица по пути из Шордича, вопреки инструкции, извлекли тренажер и поместили на его место взрывное устройство, которое взорвалось бы рядом с вами. Я, не зная этого, вызвала флешботов. Ближайшие четыре откликнулись, как только мой запрос был подтвержден. Они заняли позиции вокруг головы устройства и одновременно сдетонировали. Заряд взрывчатки в каждом составляет доли грамма, но при точно подобранном расстоянии и взаиморасположении его хватает, чтобы обездвижить практически любого. А в итоге мои действия, лишь по счастью, не повлекли за собой по крайней мере одну человеческую жертву.

– Однако в противном случае устройство убило бы Уилфа, – сказала прокатка.

– О да, – ответила Лоубир. – Взрывчатые вещества используются редко, и мы стараемся поддерживать такое положение вещей. Слишком похоже на асимметричную войну.

– Терроризм, – сказала прокатка.

– Мы стараемся не употреблять этот термин, – Лоубир смотрела на свечу, и в ее взгляде читалось что-то вроде сожаления, – хотя бы потому, что террор должен оставаться прерогативой государства. – Она глянула на Недертона. – Кто-то покушался на вашу жизнь и, возможно, хотел запугать тех, с кем вы сотрудничаете.

– Наше с Уилфом сотрудничество в прошлом, – ответила прокатка.

– Вообще-то, я имела в виду мистера Зубова, – сказала Лоубир. – Хотя тот, кто решил его запугать, либо очень плохо знает его семью, либо исключительно влиятелен, либо чрезвычайно опрометчив.

– А как вы узнали, что периферал двинется сюда? – спросил Недертон.

– Тетушки, – ответила Лоубир.

– Тетушки?

– Так мы их называем. Алгоритмы. У нас их много, и они наращивались десятилетиями. Едва ли сегодня кто-нибудь вполне понимает, как они работают в конкретную минуту. – Тут она взглянула на прокатку и произнесла гораздо мягче: – Кто-то довольно романтично придал этой периферали облик Фитц-Дэвида Ву. Едва ли вы о нем слышали. Безусловно лучший шекспировский актер своего времени. Я довольно близко дружила с его матушкой. Зеленые глаза она придумала в последний момент и потом сильно жалела о своем выборе. По тем временам это было не так просто исправить.

Недертон, мечтая о виски, задумался, не жалеет ли Лоубир о выборе ярко-василькового цвета для своих глаз.

35. Свалка в его дворе

Коннер жил на Грейвли-роуд, за «Джиммис». В старших классах парочки ездили сюда тискаться – на Грейвли было удобно припарковать машину. Когда Леон свернул – надо понимать, к дому Коннера, – Флинн попыталась вспомнить, бывала ли хоть когда-нибудь здесь, в дальнем конце Грейвли. Последний отрезок дороги казался незнакомым, хотя такое непримечательное место недолго и забыть. Однако Флинн вроде бы не помнила, что на Грейвли-роуд есть дома так далеко. По большей части тут был саженый лес и разгороженные участки, на которых никто не стал строиться, и они заросли бурьяном.

Одноэтажный дом Коннера был не такой старый, как у них, но в куда худшем состоянии. Его давно не подновляли, и там, где краска облупилась, дерево стало серым. Он стоял в стороне от дороги; газон перед крыльцом давно превратился в свалку металлолома, затянутую вьюнками. Старый высокий трактор, одна сплошная ржавчина, ни следа краски, трейлер поменьше, чем у Бертона, на полностью спущенных шинах, кухонные плиты и холодильники – целая экспозиция по истории бытовой техники, и большой армейский квадрокоптер, размером с «тарантул» Коннера, на четырех бетонных плитах. Чтобы такой запускать, нужно особое разрешение, и его еще не всякому дадут.

«Тарантул» стоял на дальнем конце подъездной дороги, у дома. Позади трайка, рядом с длинной тонкой штуковиной, возились Эдвард и Мейкон. Их ящики с инструментами были разложены тут же на голубой клеенке.

Как только Леон затормозил, Флинн выпрыгнула из машины и подошла к ним. Ей хотелось узнать, что там на змеевидном щупальце, которое она видела на стоянке перед «Джиммис».

– Привет, – сказал Мейкон, выпрямляясь. Они с Эдвардом были в синих латексных перчатках и без виз.

– Что делаете? – Флинн оглядела механизм на конце манипулятора и ничего не поняла.

– Да вот, помогаем с трайком. – Мейкон указал на механизм. – Захват для заправочного пистолета. Для Коннера – большое подспорье на бензоколонке.

– Это вы ему новое ставите?

– Нет. – Мейкон выразительно глянул на нее. – Сняли вместе с манипулятором, чтобы починить. Он что-то барахлил.

– Теперь не будет, – спокойно добавил Эдвард.

Оба понимали, что она знает: ей врут в глаза. Флинн догадывалась, что так и положено себя вести, когда твой

знакомый кого-то убил, а ты не хочешь, чтобы его посадили. Они излагают ту версию, которую ты сможешь честно всем пересказывать.

– А что на нем такое черное? – спросила Флинн.

На захвате не было ничего черного, но она надеялась, что Эдвард с Мейконом это исправят.

– Похоже, резиновое напыление, – сказал Эдвард. – Как для багажного коврика.

Они сняли ружье, или что там было, и поставили захват. Теперь оно в ящике с инструментами, а может, кто-нибудь из Бертоновых ребят его забрал.

– Надеюсь, не будет больше ломаться, – сказала Флинн. – Бертон здесь?

– В доме, – ответил Мейкон. – Вообще-то, нам надо просканировать тебе голову. Лазером.

– Чего?

– Измерить тебе голову, – объяснил Эдвард. – Обруч, который мы печатаем, не гибкий. Для контакта нужно плотное прилегание.

– И для комфорта, – ободряюще добавил Мейкон.

– Мою голову?

– Обруч для тебя, – сказал Мейкон. – Спроси Тлен.

– Кто такая Тлен?

– Женщина из «Сольветры». Техконсультант. Постоянно нам названивает. Жутко дотошная.

– Вы тоже, – сказала Флинн.

– Мы ладим.

– Хорошо, – ответила она, хотя не видела в происходящем ничего хорошего.

– Поздравляем, – сказал Мейкон подошедшему Леону. – Говорят, ты теперь мультимиллионер.

– Вы молодцы – делаете вид, будто нисколько не завидуете. – Леон вытащил из-под спутанных вьюнков выцветший ящик с полинялой надписью «ДИНАМИТ ДЛЯ ПРОХОДКИ ТРАНШЕЙ». – Надо выставить на *eBay*. – Он внимательно прочел мелкий шрифт, прежде чем сесть на ящик. – Коллекционная штука. Люблю смотреть на работающих.

– Это почему? – спросил Мейкон.

– У вас красиво получается. Профессионально. Залюбуешься.

Флинн поднялась по ступеням в дом и открыла сетчатую дверь в деревянной раме, старше динамитного ящика. В кухне было относительно чисто, но, видимо, оттого, что ею почти не пользовались. Флинн прошла в гостиную. Бертон устроился на продавленном диване с коричнево-бежевой цветочной обивкой,

Коннер очень прямо сидел в кресле. Когда он встал, Флинн поняла, что это не кресло.

Коннер был пристегнут липучками к протезу, который купила ему В. А. С этой штукой он походил на персонажа аниме: щиколотки шире ляжек. И только когда Коннер двинулся вперед, Флинн поняла, отчего он не любит свой протез.

– Сестренка, – сказал Коннер, широко ухмыляясь. Он был свежевыбрит и выглядел на удивление в здравом уме.

– Привет, Коннер, – ответила она и глянула на Бертона, гадая, будет ли разговор с ним таким же, как недавний с Мейконом и Эдвардом. – Видела Мейкона перед домом.

– Мы позвали их починить трайк, – сказал Бертон. – У Коннера были проблемы с заправкой.

– В прошлый раз ты не был такой веселый, – заметила Флинн Коннеру.

Тот улыбнулся еще шире:

– За твоего братца переживал. Боялся, безбаши его не выпустят. Пива? – Он левой рукой с двумя оставшимися пальцами указал в сторону кухни. – «Ред булл»?

– Нет, спасибо.

В. А. пересадила бы ему палец с ноги на место большого на руке, будь у него пальцы на ногах. Он и теперь мог бы получить донорский, если бы записался в очередь и подождал. Наверное, и правую ступню ему бы со временем трансплантировали. А вот правую руку и левую ногу – нет, поскольку культи слишком короткие. Что-то такое насчет минимальной длины собственных нервов. И внезапно Флинн поняла: то, что произошло у него с головой, куда хуже. Вот сейчас он вполне умиротворенный, почти что счастливый, оттого что убил четырех незнакомцев. У нее защипало в глазах, и она быстро села на диван – на противоположный от Бертона конец.

– Они и правда не скупятся, – сказал Бертон.

– Знаю, – ответила Флинн. – Приехала сюда с обладателем шести миллионов.

– Не только это. Они готовят кое-что получше.

– О чем ты?

– Прислали сегодня чувака из Клэнтона, с деньгами.

– Откуда ты знаешь, что они не лепилы, Бертон?

– Чувак – адвокат.

– У лепил есть адвокаты.

– Я буду пиво, – сказал Бертон.

Протез переместил Коннера на кухню к холодильнику, новому и блестящему. Когда Коннер взялся за ручку двумя пальцами, послышался комариный писк маленького

сервопривода. Сейчас Флинн заметила, что у протеза есть собственный большой палец. Коннер открыл холодильник, достал пиво, повернул плечо протеза так, чтобы толкнуть дверцу, и проковылял обратно к Бертону. Похоже, у протеза была только одна походка. Коннер приставил горлышко бутылки к чему-то, что было бы правым бицепсом, останься у него правая рука, дернул, и крышка отскочила. Флинн увидела приклеенную к черному пластику ржавую открывалку. Крышка упала на голый виниловый пол и закатилась под диван. Коннер улыбнулся Флинн и вручил Бертону бутылку.

– Все отлично, – сказал Бертон и глотнул пива. – Я уверен, что они не лепилы и не безбаши. Думаю, все дело в игре. И они хотят, чтобы ты туда вернулась. Им нужна Легкий Лед. Вот почему они заказали Мейкону интерфейс.

– К чертям их игру, – ответила Флинн.

– Твои игровые активы здорово подскочили в цене. Из-за этого и приезжал клэнтонский чувак. – Бертон отпил еще, глянул на уровень пива в бутылке, хотел вроде бы добавить что-то еще, но не стал.

– Ты согласился от моего имени?

– Это было их условие. Только ты.

– Хоть бы меня сперва спросил.

– Нам нужны деньги на аптеку. Мы не знаем, надолго ли фишка поперла. Так что надо работать и откладывать сколько сможем, а дальше будет видно. Я решил, что ты не откажешься.

– Ну, наверное, да.

Протез сел на корточки, вновь превратившись в кресло.

– Слазь с дивана, – сказал Коннер. – Посиди со мной.

– Мы готовы измерить тебе голову, – объявил Мейкон из дверей кухни. Он показал что-то ядовито-оранжевое, из тонких палочек и ободка, больше похожее на мегамартовский аксессуар для стрельбы из лука, чем на лазер. – Сядешь на тахту?

– Пойдем на крыльцо, – ответила Флинн. Когда Леон подъезжал, она заметила там красное пластмассовое кресло, старое и выцветшее, а ей непременно требовалось отсюда выйти. – Я как-нибудь с тобой посижу, Коннер, но сейчас мой братец меня достал.

Коннер широко улыбнулся.

Флинн вышла на крыльцо, смела с кресла спрессованные прошлогодние листья и села лицом к ржавому трактору. Мейкон протянул ей что-то вроде защиты на глаза, которую дают в солярии, только из нержавейки.

– Сильный лазер? – спросила Флинн.

– Нет. По большому счету защита на глаза не нужна, но мы

перестрахуемся.

– Много времени займет?

– После того, как все наладим, – минуту или чуть больше.

Флинн надела защиту – сзади там была белая эластичная полоска, – пристроила стальные чашечки на глаза и осталась в кромешной тьме. Мейкон тем временем опустил мягкие ножки своего прибора ей на плечи.

– Когда начнете печатать? – спросила она.

– Схему уже печатаем. Обруч сделаем к вечеру. Ложиться не будем, так что, может, к завтрашнему дню все уже соберем. А теперь не двигайся. И не разговаривай.

Что-то затикало по ободку, сдвигаясь вправо. Флинн мысленно видела свалку во дворе у Коннера, затянутую вьюнками, и воображала, что он не завербовался в морскую пехоту. Допустим, его завернула медкомиссия из-за какой-нибудь незамеченной раньше безобидной болячки. Он остался бы здесь, нашел нелевую работу, женился. Не на ней, точно, и не на Шайлен, но на ком-нибудь. Может, на какой-нибудь девушке из Клэнтона. Завел бы детей. Его жена выполола бы вьюнки, выбросила мусор, посадила газон. Однако Флинн никак не могла в это поверить, хотя и очень старалась.

Лазер тикал уже напротив ее затылка, потом за левым ухом, потом спереди. Мейкон убрал его и снял с глаз Флинн защиту.

Во дворе по-прежнему была свалка.

36. Несмотря ни на что

– У Антона был такой спарринг-партнер, – заметил Лев, когда Недертон закончил рассказ о событиях в Ковент-Гардене. – Антон в припадке пьяного гнева оторвал ему челюсть во время вечеринки в саду.

Они вместе стояли на трапе гобивагена и смотрели, как периферaль разминается на беговой дорожке.

– Ей нельзя отказать в некоторой красоте, – произнес Недертон, пытаясь сменить тему, чтобы разговор случайно не вырулил на Патни.

Впрочем, он и впрямь находил периферaль красивой. Тлен стояла рядом с беговой дорожкой и, судя по сосредоточенному виду, читала какие-то данные в трансляции.

– Доминика была в бешенстве, ведь наши дети могли это увидеть, – сказал Лев. – Антон отправил его обратно на фабрику. Потом застрелил. Несколько раз. На танцполе в клубе «Волох». Меня там не было. Разумеется, дело замяли, но для отца это стало поворотной точкой.

Тлен что-то сказала периферали, и та начала замедлять бег. Когда она бежала, ее красота воспринималась иначе; изящество, вносимое в повторяющееся действие, рождало некое подобие индивидуальности.

– Чем он так Антону досадил? – спросил Недертон, наблюдая за безупречным сокращением мышц на бедре устройства.

– Антон отказывался снижать уровень сложности. Проводил схватки на максимуме. Всегда проигрывал. И тот танцевал гораздо лучше Антона.

Периферaль пробежала несколько шагов трусцой, потом спрыгнула с дорожки и побежала на месте. Она была в свободных черных шортах и черном топе. Одежду, которая теперь заполняла два шкафа в яхте, делала для периферали Тлен, так что черный цвет преобладал.

Периферaль повернула голову и вроде бы увидела Недертона.

Лев зашел в яхту, Недертон за ним, все еще чувствуя на себе взгляд периферали. Каюта выглядела более обжитой, а может, просто более заставленной, теперь, когда тут появились древние мониторы и чемоданчик с комплектующими.

– Лагер, – сказал Лев.

Недертон сморгнул. Лев приложил большой палец к маленькому стальному овалу на дверце бара. Она отъехала в сторону, стойка бесшумно выдавила из себя открытую бутылку. Лев взял ее, потом заметил Недертона и передал холодное пиво

тому.

– Лагер, – повторил он. Бар выдал вторую. – Хватит.

Дверца закрылась. Лев чокнулся с Недертоном бутылкой и отпил большой глоток, затем произнес:

– О чем вы говорили на обратном пути, после того как сдали прокатку твоей знакомой?

– Она рассказала мне про Ву, – ответил Недертон.

– Про кого?

– Фитц-Дэвида Ву. Актера. Она дружила с его матерью.

– Ву, – повторил Лев. – Гамлет. По-прежнему дедушкин любимый. Фильму никак не меньше сорока лет.

– Сколько ей, по-твоему?

– Сто или больше, – ответил Лев. – Вы правда больше ничего не обсуждали?

– Она выглядела огорченной, *рассеянной*. Зажгла ароматическую свечу.

– Свечи, благовония. Я такое видел. Как-то связано с памятью.

– Она сказала, что ей приглушили некоторые воспоминания. Что-то насчет взрывов, как я понял.

– Да, некоторые так делают, – сказал Лев. – Дедушка считает это грехом и как-то справляется сам, но он очень религиозен. Мне бы хотелось яснее представлять, что она задумала.

– Ну, это ты с ней договаривался, – напомнил Недертон, – и молчишь о чем.

– Верно, но дело неразглашаемое. Если я не буду соблюдать условия, она, боюсь, узнает.

– Она может тебя спросить, и ты невольно ответишь.

– Тут ты прав. – Лев, хмурясь, допил лагер и поставил пустую бутылку на мраморный стол. – А пока у нас в срезе какой-никакой прогресс. Тлен очень довольна техниками, которых ты нашел через сестру полтера. У них уже почти готов примитивный нейронный отсекатель. А финматики Тлен из Лондонской школы экономики более чем успешно разрешили наши денежные затруднения в срезе. Хотя если они будут продолжать в том же темпе, нас скоро заметят. Еще как заметят.

– Что они делают? – спросил Недертон. Он только что допил свой лагер и теперь жалел, что нельзя попросить еще.

– Главным образом – гуртуют трейдинговые алгоритмы. В срезе такого пока как следует не умеют, хотя знают, что иногда это происходит само собой. Они так и так скоро бы этому научились. Короче, теперь у нас есть средства на случай чрезвычайных обстоятельств, что уже пригодилось.

– Уже?

– Киллеры прибыли выполнить контракт, в количестве

четырех, но не успели, поскольку их обезвредил товарищ полтера.

– И теперь он требует денег?

– Операция была незаконной, – ответил Лев. – Ему поручили наблюдать, не появятся ли люди, похожие с виду на киллеров. Они появились, и он их убил. Чтобы такое замять, нужны деньги. Тамошняя административная единица называется округ. Глава правоохранительной системы – шериф. Наиболее жизнеспособная отрасль экономики в округе – молекулярный синтез запрещенных наркотиков. Шериф на жалованье у самого крупного местного наркопроизводителя.

– Откуда ты все это знаешь?

– Оссиан выяснил.

– И полтер с сестрой откупились твоими деньгами от полиции?

– Нет, – ответил Лев. – Полтер заплатил наркопроизводителю. Оссиан счел, что это подходящий канал, и полтер согласился. Но ведь тебя сегодня пытались убить. Тебе не страшно?

– Я как-то об этом не думал, – ответил Недертон и внезапно понял, что правда не думал. – Лоубир сказала, убийство, возможно, задумывалось как предупреждение тебе.

Лев глянул на него:

– Знаю, что я не похож на гангстера, и рад, что так, но я бы не испугался. Огорчился бы и, наверное, разозлился, но не испугался.

Недертон попытался представить, что Лев горюет о его смерти, и не смог. Это казалось нереальным, как, впрочем, и происшествие в Ковент-Гардене. И жаль, что бар Зубова-деда не станет выдавать ему по бутылке холодного немецкого лагера по первому требованию.

37. Округ

Она не собиралась рассказывать обо всем Дженис, просто так вышло. Дженис как раз начала варить кофе. На ней была бандана Мэдисона, черная с белыми черепами и скрещенными костями. Мейкон как-то довольно точно заметил, что Дженис и Мэдисон похожи на школьных учителей с байкерской ДНК. Флинн знала, что может сказать Дженис что угодно и та не передаст никому, кроме разве что Мэдисону, а тот тоже никому не разболтает.

Дженис вспомнила сцену у «Джиммис» и добавила, что Флинн спасла Коннеру шею. Флинн ответила, что она сильно преувеличивает.

– Ненавижу этих сволочей, – сказала Дженис, имея в виду футболистов. Она с отточенной неторопливостью вращала ручку кофемолки. – Меня от них трясет. Каждые четыре года подрастает новое поколение.

– Коннер сам их задирает, – сказала Флинн.

Дженис пересыпала смолотый кофе в банку и взвесила ее на весах, похожих на подставку под пивную кружку.

– Я понимаю, а вот они – нет. Думают, они его задирают. Начислить им очки за тупость? А ты его видела с тех пор?

– Только что была у него дома.

– Он не то что псих. – Дженис пересыпала тщательно отмеренный кофе в бежевый бумажный фильтр, который вставила в керамическую воронку и заранее смочила водой, чтобы отбить химический привкус. – Просто бесится со скуки. Я все понимаю, но меня это уже достало. – Она проверила температуру воды в чайнике, залила кофе и стала ждать, пока настоится. – А ты расстроенная, и вряд ли из-за Коннера.

– Да.

– Так что случилось?

И Флинн рассказала все, начиная с того, как Бертон поехал в Дэвисвилл и попросил его подменить. Дженис слушала, продолжая исполнять свой ритуал. Вскоре перед каждой стояло по чашке очень хорошего крепкого кофе. Флинн добавила в свой сахара и молока. Дженис пила черный и почти не задавала вопросов, просто слушала и кивала, когда надо, расширяла глаза в самых страшных местах и снова кивала. Когда Флинн дошла до поездки с Томми по Портер-роуд и палатки над машиной, которую она так и не увидела, Дженис остановила ее жестом:

– Не говори.

– Не говорить?

– Я сама угадаю. Коннер.

Флинн кивнула.

Дженис нахмурилась, легонько покачала головой:

– Давай дальше.

Флинн досказала остальное, не особо расписывая, что, по ее мнению, делали Мейкон и Эдвард у Коннера во дворе (Дженис явно и так поняла), вплоть до того, как Леон вез ее сюда и всю дорогу их провожали два маленьких дрона с квадратиками бирюзового скотча.

После кофе обе перебрались из кухни на диван в гостиную, тот самый, на котором Флинн последний раз играла в «Операцию „Северный ветер“».

– Чувак из Клэнтона, который привез мешок денег, знаешь, кто он? – спросила Дженис.

– Нет. Адвокат?

– По фамилии Битти. Адвокатская фирма в Клэнтоне.

– А ты откуда знаешь?

– Два часа назад тут был Райс, договаривался с Мэдисоном, что тот возьмется за одну работенку. Теперь часть клэнтонских денег у нас в подвале, в дыре за топкой.

– Серьезно?

– Я не сочиняю сказок. И деньги не настолько уж сказочные.

– Что за работенка?

– Помочь с дроном. Большим. У Коннера есть армейский коптер. Мэдисона попросили им управлять.

Флинн вспомнила квадрокоптер у Коннера во дворе:

– Я его видела. Похож на орудийную платформу.

– Сумма в подвале больше, чем мы заработали бы в «Су – двадцать семь» за год, – сказала Дженис без всякой радости.

– Что говорил Райс?

– Больше, чем хотелось бы Бертону и Коннеру, меньше, чем хотелось бы мне. Восторженный дурачок этот Райс. Обожает секреты: должен их всем выбалтывать, иначе никто не узнает, что он посвященный. Без ума от Бертона и Коннера, поэтому должен рассказывать и про их дела. А еще без ума от Пиккета.

Флинн смогла вспомнить только одного Пиккета, владельца «Корбелл Пиккет Тесла», дилерской фирмы по продаже новых автомобилей, которая разорилась позже других в городе. Он по-прежнему считался одним из богатейших людей округа, хотя появлялся здесь редко. Флинн видела его раза два на городских парадах, но не в последние годы. Он отправил дочку ее лет учиться в Европу, и, насколько Флинн знала, та обратно не вернулась.

– Корбелл Пиккет?

– Он, сука.

– При чем тут он?

– Здесь начинается левизна, – сказала Дженис.

– Ты думаешь, что деньги от Корбелла Пиккета?

– Да нет же, блин. Бертон заплатил Корбеллу бóльшую часть клэнтонских денег. Райс кипятком писал оттого, что им с Карлосом поручили эти деньги отвезти. Сто раз повторил, что понадобились два магазинных пакета.

– Зачем Бертон платит Пиккету?

– Четверо убитых на Портер-роуд. Чтобы про них забыли. В округе забыли сразу. У полиции штата память не такая короткая, но у Корбелла есть деньги Законодательного собрания, чтобы ее укоротить.

– Он был дилером «Теслы» и ездил с мэром на рождественских парадах, когда мы были маленькими.

– В новехонькой «тесле», – добавила Дженис. – Жаль разрушать твою веру в Зубную фею, детка, но Корбелл имеет свою долю с каждого грамма наркотиков, слепленных в этом штате.

– Не может быть. Я бы слышала.

– Твои друзья и родные тебя оберегали, практически не упоминая при тебе эту мразь. Поэтому ты так легко про него забыла.

– Ты его не любишь, – заметила Флинн.

– Еще как.

– Но если Бертон откупился от управы шерифа, значит Томми в курсе.

Дженис глянула на нее:

– Не совсем.

– Он либо знает, либо не знает, – сказала Флинн.

– Томми хороший человек. Как Мэдисон. Поверь мне. О’кей?

– О’кей.

– Как ты. И вот ты по уши в сделке с людьми, которые говорят, что они в Колумбии, но могут подтасовать лотерею для Леона. Это серьезно левое, Флинн, но ты же не перестала от этого быть хорошим человеком?

– Не знаю, – ответила Флинн и тут же поняла, что правда не знает.

– Подруга, ты ввязалась в эту непонятную хрень не потому, что хочешь разбогатеть. Ты платишь «Фарма-Джону» раковую ренту за мать. Как многие. Как большинство, думаю.

– У нее не рак.

– Знаю. Но ты понимаешь, о чем я. А Томми сохраняет в округе какой-никакой порядок. Насколько может. Он честный, верит в закон. Шериф Джекман – другое дело. Джекман делает что делает, переизбирается раз за разом. Округу нужен Томми,

как твоей матери нужны вы с Бертоном, и, может быть, это означает, что ему по временам надо прилагать большие усилия, чтобы чего-то не заметить.

– Почему я узнаю об этом только сегодня?

– Люди тебя жалеют, молчат. Экономика округа держится на лепке еще с того времени, когда мы учились в старших классах.

– Это я вроде как знала. Догадывалась.

– Добро пожаловать в округ, детка. Еще кофе хочешь?

– Боюсь, я и так его перепила.

38. Девушка из среза

Доминика звонком вызвала Льва наверх, а Недертон вернулся на трап и стал смотреть, как периферaль делает силовые упражнения в экзоскелете. Мышцы на ее голых руках и ногах были и впрямь очень рельефными. Недертон гадал, изначально их такими отпечатали или нет.

Угол яхты закрывал от него Тлен, которая о чем-то спорила с Оссианом. Тот был где-то не здесь, и Недертон слышал лишь реплики Тлен на какой-то псевдославянской итерации их общего криптоязыка. Недертон подошел к закрытому бару, надавил на стальной овал. Ничего не произошло.

Показалась Тлен с цветами в белой керамической вазе, прошла мимо периферали и поднялась по трапу.

– Это лишнее, – заметил он.

– Она заслужила торжественную встречу, – ответила Тлен. Ее белое лицо сильно контрастировало с яркими цветами. – Раз уж нельзя предложить ей выпивку.

У Недертона чуть кольнуло сердце от не вполне представимой мысли о Флинн в периферали. Ей, Флинн, тоже выпивку предложить будет нельзя.

– Воду, раз в несколько часов, – сказала Тлен, ошибочно решив, что его заботит периферaль. – При дегидратации она подает тревожный сигнал. Алкоголь – категорически нет.

Она прошла мимо него в яхту.

– Когда мы ее ждем?

– Через два часа, – ответила Тлен за его спиной.

– Через два часа?

Он обернулся.

– Мейкон большой молодец, – сказала Тлен, примеряя, на какое место мраморного стола красивее будет поставить букет.

– Кто?

– Мейкон. Ее печатник. Очень быстро работает.

– Что за имя такое?

– Город. В Джорджии. – Она поправляла цветы в вазе, и на тыльной стороне ее левой ладони толкалась целая стая далеких зверей. – Я буду тут.

– Вот как?

– Давно ты последний раз пользовался периферaлью?

– В десять лет, – ответил Недертон. – На дне рождения одноклассника. Праздник гомункулов в Хемпстед-Хит.

– Вот именно.

Тлен развернулась к нему, уперев руки в боки. Она снова

была в «конфиденц-костюме». Недертону вспомнилась поза гомункула на приборной панели в машине Льва.

– Это ведь ты вела машину, когда мы ездили в другой дом?

– Конечно. Что ты ей скажешь, когда она окажется здесь?

– О чем?

– Чтó это все. Где. Когда. Разве мы не за это тебе платим?

– Никто мне ничего не платит, спасибо.

– Обсуди это со Львом.

– Я не считаю себя на работе. Я просто помогаю Льву.

– Она не будет понимать, что это и о чем. Она никогда не бывала в периферали. Ты сам практически тоже. Тем больше у меня причин быть здесь.

– Лев не сказал мне, что она будет здесь через два часа.

– Он не знает, – ответила Тлен. – Оссиан только что выяснил. Лев наверху со своей супружницей, и нам запрещено звонить, когда он с ней. Как только мы ему сообщим, он известит Лоубир. Думаю, она даст какие-нибудь указания. А пока надо решить, что говорить ей, если Лоубир не произнесет свое веское слово.

– Не знаешь, что там у него за дела с Лоубир? Он мне не сказал.

– Значит, он не законченный идиот. Пока.

– Но ведь это ее идея, – перенести Флинн сюда?

– Ее, – ответила Тлен.

– Зачем?

– Зачем бы ни было, она явно торопится.

Тлен тронула полированную деревянную панель, которая тут же сдвинулась. За панелью был пульт управления. Тлен чего-то коснулась, и Недертон почувствовал легкий ветерок.

– Душно, – объяснила Тлен.

– Считается, что наш офис в Колумбии.

– В Колумбии точно были кондиционеры. Лоубир велела отпечатать для вас обоих несколько разных костюмов, часть – определенно не для сидения здесь. Она отправится гулять по Лондону. С тобой.

– Она заказала мне одежду?

– И очень кстати. Сейчас ты не похож на сотрудника фирмы.

– В первом разговоре Флинн предположила, что я – персонаж в игре, в которую она якобы играет.

– Мы сказали ее брату, что это игра.

– Стоит сказать ей правду.

Тлен промолчала, только поглядела на него.

– Что ты так на меня смотришь? – спросил Недертон.

– Гадаю, произносил ли ты когда-нибудь эту фразу.

– Зачем ее обманывать? Она умная. Догадается.

– Не знаю, будет ли так лучше стратегически, – сказала Тлен.

– Тогда дайте ей еще денег. Вам принадлежат все деньги ее мира или будут принадлежать, и здесь вы их все равно тратить не можете. Расскажите ей правду и удвойте жалованье. Мы – щедрое будущее.

Тлен повела глазами вверх и влево. Защебетала на синтетическом языке, которого не существовало мгновение назад. Глянула на Недертона:

– Сходи в душ. У тебя вид липкий. Твоя одежда в шкафу слева, в дальнем конце.

– Лоубир выбирала?

– Нет, я с ее подсказкой.

Черное, решил Недертон, если только Лоубир не запланировала что-нибудь менее официальное.

– Я начинаю чувствовать себя частью системы, – сказал он.

– Знаю, как бы я это назвала.

– Как?

– Реализмом, – ответила Тлен. – На ближайшее время ты нам нужен.

39. Волшебный башмачник

В прокатной машине Мейкона пахло свежеотпечатанной электроникой – как от телика, когда Мейкон отдал его, новехонький, в закусочной «Мегамарта». Часа через два запах выветривался.

– Ты не рассчитывал закончить до завтрашнего дня, – сказала Флинн.

– Нам помогли ребята из «Самофаба». Мы одолжили им принтер.

– Вы печатаете леваки в «Самофабе»?

– Это не леваки, – подал голос Эдвард с заднего сиденья. – Просто что-то необычное.

– «Самофаб» – сетка и принадлежит «Меге», – не успокоилась Флинн.

– Мой двоюродный брат работает там старшим смены на полставки, – сказал Мейкон. – И да, обычно к нему не подкатить, но твой брат сделал очень заманчивое предложение. Правда, единственный подходящий полимер у них выглядит как сахарная глазурь. Обычно он идет на рождественские украшения, но отлично соединяется с кожно-электрической частью, так что у тебя будет венец Белоснежки. Тоже хорошо, потому что никто в «Самофабе» не понял, что мы печатаем.

– Что за кожно-электрическая часть?

– Которая на лбу. Первый экземпляр был черновой, для него пришлось бы выбрить тебе на затылке полосу в два дюйма шириной.

– Нет уж нафиг.

– Вот и мы подумали, что ты так скажешь, поэтому взяли тот китайский полимер. Теперь достаточно будет контакта через лоб, просто смочишь его хорошенько соляным раствором.

– Ты сказал, это игровой контроллер.

– Бесконтактный интерфейс для телеприсутствия.

– Ты на себе попробовал?

– Не мог. Не с чем пробовать. У твоих друзей есть что-то, чем ты должна управлять, но они не дали нам проверить на себе. Управляешь лежа, иначе тебя может переклинить.

– В каком смысле?

– Если заработает, а вроде должно, ты будешь контролировать их устройство с полным диапазоном движений, но твое тело двигаться не будет. Интересно, как это происходит.

– Чем интересно?

– Мы не нашли почти никаких похожих патентов. Если бы

такие патенты существовали, то были бы очень дорогими. Очень.

– Может, что-нибудь военное, – сказал Эдвард сзади.

Они проехали половину Портер-роуд, и Флинн уже не могла точно сообразить, где стояла белая палатка и дроны вынюхивали следы от Коннеровых шин.

Справа тянулись поля, на которые она почти не глядела, и кривые, поломанные ураганом сосны. По левую сторону дороги склон уходил вниз, к ручью, возле которого стоял трейлер Бертона. Скоро в сумерках впереди уже должны были показаться верхушки деревьев перед домом.

– Вам сказали, что я должна буду делать?

– Нет, – ответил Мейкон. – Мы просто волшебные башмачники. На бал отправляешься ты.

– Сомневаюсь, что на бал.

– Погоди, увидишь корону, которую мы тебе сделали.

Флинн не стала продолжать разговор и задумалась о том, что Дженис сказала насчет Корбелла Пиккета и Томми. Стена дома, где раньше была дилерская фирма, и сейчас гласила «КОРБЕЛЛ ПИККЕТ ТЕСЛА», но гласила некрашеным бетоном на месте отвалившихся букв из алюминия и углеволокна.

У ворот их ждал Карлос.

– Твоя мама сейчас обедает вместе с Леоном и Райсом, – сказал он, когда Флинн начала вылезать из машины. – Ела что-нибудь недавно?

– Нет. А что там на обед?

– Они просили тебя не есть, – сказал Карлос. «Они» означало тех, кто платит деньги; ничего другого он, скорее всего, не знал. – Говорят, в противном случае в первый раз может и стошнить.

Флинн вспомнила, что он состоит в добровольческой медицинской службе.

– О’кей.

Мейкон и Эдвард разгружали багажник. Два вещмешка из дайнимы – синие, как хирургические перчатки, три новенькие картонные коробки с логотипом «Самофаба».

– Помощь нужна? Могу кого-нибудь позвать. Мне нужны обе руки вот для этого. – Карлос указал на буллпап, висевший у него на уровне пояса. Ствол щетинился насадками, назначения которых Флинн угадать не могла.

– Не-а, – ответил Мейкон. Они с Эдвардом уже закинули на плечи по хрустящему вещмешку. Эдвард взял две картонные коробки, Мейкон одну большую. По виду все было совсем не тяжелое. – Нести в трейлер, да?

– Бертон там, – ответил Карлос и рукой показал Флинн идти туда же.

Ей вспомнился вечер, когда брат уезжал в Дэвисвилл. Такое же освещение: солнце почти село, луна еще не встала.

В трейлере горел свет. Подойдя ближе, Флинн увидела Бертона у закрытой двери. Он курил трубку, и красный огонек из чашечки озарял нижнюю половину его лица. Повеяло табаком.

– Если ты курил внутри, убью нафиг.

Бертон ухмыльнулся, не вынимая трубку изо рта. Она была дешевая, голландская, из белой глины, с длинным чубуком, который ломается в первые же дни, так что остается короткая трубочка, как у мультяшных матросов. Бертон вынул ее изо рта:

– Я не курю. И не начинал.

– Ты только что курил. Теперь начинай бросать.

Он поднял ногу, согнув ее в колене, и выбил трубку о подошву. Комочек горящего самосада выпал на дорожку, и Бертон его затоптал.

– Дайте нам минуту на подготовку, – сказал Мейкон.

Эдвард поставил коробки на землю, открыл дверь и вошел. Мейкон передал ему сперва свою коробку, потом две другие, вошел, придерживая мешок, чтобы не ударился о раму, и закрыл за собой дверь.

– Никто меня не предупредил, что это надо делать натощак, – заметила Флинн.

– Ребята справились быстрее, чем мы думали, – ответил Бертон.

– Ты знаешь, что там будет?

– Они хотят, чтобы ты встретилась с тем эйчаром, с которым говорила раньше, и с Тлен, техническим специалистом.

– В игре?

– Где-то.

– Корбелл… – начала Флинн и в темноте увидела, как нахмурился Бертон. – Нам надо поговорить.

– Кто тебе сказал?

– Дженис.

– Пришлось ему заплатить. Коннер.

– Они знают, что это он?

– Теперь никто не знает.

– Всё они отлично знают. Просто им заплатили, чтобы они притворялись, будто не знают.

– Примерно так.

– Томми в курсе?

– Томми прилагает большие усилия, чтобы не знать многого.

– Вот и Дженис так сказала.

– Не я эту систему создал.

– Теперь ты ее часть?

– Я так не считаю.

– А как ты считаешь?

Дверь трейлера открылась.

– К встрече Белоснежки готовы, – объявил Мейкон.

Он поднял руки и показал ей что-то похожее на фюзеляж дрона-вертолета, только больше. И согнутое в овал по размеру ее головы, так что передний выступ фюзеляжа оказался на лбу. Корону это нисколько не напоминало, но было из чего-то белого, искрящегося, как снеговик в пластмассовом елочном шарике.

40. Штатное трепло

После душа Недертон надел серые брюки, черный свитер без высокого горла и черный пиджак. Все это было среди вещей, которые Тлен положила в шкаф.

Теперь в душ отправилась перифераль. Недертон слышал, как работают насосы, и гадал, какая часть льющейся сейчас воды недавно текла по его телу. Водный баланс в яхте был рассчитан на путешествие по пустыне; Тлен предупредила Недертона не открывать в душе рот, чтобы ничего не попало внутрь. Когда включался душ, работали по меньшей мере два насоса, втягивая всю влагу до капли для последующей очистки.

Журчание душа утихло. Через несколько минут вышла Тлен, за ней перифераль, которая после мытья лучилась, будто только что создана. Сама Тлен по-прежнему была в «конфиденц-костюме», а вот перифераль сменила шорты с топом на черную рубашку и джинсы, сделанные по образцу тех, что были на Флинн при их первом разговоре.

– Она подстриглась? – спросил Недертон.

– Мы обратились к парикмахеру Доминики. Показали ему файлы вашего разговора. Он, кстати, искренне восхитился прической.

– Она совсем не похожа. Разве что волосы. А такое делали прежде? Кто-нибудь из срезов пользовался периферальюю?

– Чем больше я об этом думаю, тем естественнее мне это кажется, однако, насколько я знаю, никто еще не пробовал. Впрочем, континуумисты скрытны, а периферали такого качества находятся преимущественно в частном владении. Хозяева их часто не афишируют.

– Так как мы это будем делать, с Флинн?

Перифераль глядела на него, а может, и не глядела, просто ему казалось. Он нахмурился. Она отвела взгляд, и он подавил желание извиниться.

– Мы положим ее на койку в задней каюте, – сказала Тлен. – Поначалу возможны нарушения равновесия, тошнота. Я поздороваюсь с ней, помогу сориентироваться. Потом приведу ее сюда. Ты можешь сидеть за столом, где она видела тебя прежде. Непрерывность впечатлений.

– Нет, я хочу видеть, как она прибудет.

– Зачем?

– Я чувствую некоторую ответственность, – ответил Недертон.

– Ты наше штатное трепло. Вот и держись своей роли.

– Я не претендую на то, чтобы тебе нравиться…

– Если бы ты сильно мне не нравился, я бы дала тебе понять.

– Лоубир звонила?

– Нет, – ответила Тлен.

Возникла эмблема Лоубир, мягко пульсируя золотом и слоновой костью.

41. Ноль

Все в трейлере стояло очень ровно, под прямыми углами, за исключением того, что принесли Мейкон с Эдвардом. Они распаковали синие мешки и коробки. Эдвард, сидя в китайском кресле, подсоединял оборудование к дисплею Бертона. Один провод шел к белому контроллеру, который лежал посредине идеально заправленного армейского одеяла на кровати.

– Никакой беспроводной гарнитуры? – спросила Флинн.

– Это не просто провода. Они сами по себе – примерно треть системы. Дай мне твой телик.

Флинн отдала Мейкону телефон, который тот передал Эдварду.

– Пароль?

– «Легкий лед». С маленькой буквы, без пробела.

– Это такой дерьмовый пароль, что даже не пароль.

– Я просто обычный маленький человек.

– Обычные маленькие люди не делают того, что собралась делать ты. – Мейкон улыбнулся.

– Готово, – сказал Эдвард. Он уже присоединил ее телефон к проводу и вместе с креслом откатился от стола.

– Нельзя чуть притушить свет? – спросил Мейкон. – Глаза у тебя будут закрыты, но все равно слишком ярко. Или вот есть глазная повязка.

Флинн подошла к дисплею и провела сквозь него рукой, приглушив светодиоды до подросткового эротического полумрака:

– Годится?

– Отлично, – ответил Мейкон.

– Как это будет происходить?

– Ты ляжешь на койку, выберешь удобный угол для головы, наденешь это. – Мейкон указал на контроллер. – Закроешь глаза. Мы будем рядом на случай, если понадобится.

– Понадобится что?

Он показал на желтое пластиковое ведро с еще не отклеенными мегамартовскими этикетками:

– Поначалу может тошнить. Что-то связанное с внутренним ухом. Фантомное внутреннее ухо, сказала она, но думаю, она упростила для нашего понимания. Ты натощак?

– По случайности. Жрать хочу страшно.

– Сбегай в туалет, и тронемся, – сказал Мейкон.

– Тронусь я одна.

– Знаю. И завидую по-черному.

– Хочешь такую же корону?

– Любопытно до жути.

– Я тебе расскажу.

– По ходу дела ты ничего рассказать не сможешь. Пока эта штука работает, ты будто в сонном параличе, только искусственном.

– Это как мы не можем пораниться, когда нам снится, словно мы что-то делаем?

Флинн видела такое в эпизоде «Чудес науки», кроме того, ей самой частенько снились кошмары.

– Да. Беги в туалет. Уже пора.

Она вышла из трейлера. Бертон и Карлос стояли футах в пятнадцати от входа. Флинн показала им средний палец, вошла в сортир (света там не было совсем), пописала, сыпанула кедровых опилок, надеясь, что не попала в темноте на сиденье, вышла, протерла руки антисептиком и вернулась в трейлер, не обращая внимания на Бертона и Карлоса. Закрыла за собой дверь.

Мейкон и Эдвард смотрели на нее.

– Разувайся, – сказал Мейкон.

Она села на кровать, Мейкон бережно отодвинул от нее контроллер. Снимая кроссовки, Флинн получше рассмотрела обруч. Он был стильный, как все, что делал Мейкон, стильный, как ее телефон, без лишних прибамбасов, если не считать той сахарно-рождественской глазури, которую на него нафабили. Эдвард пытался удобнее пристроить подушку Бертона.

– А еще подушек нет? – спросил он.

– Нет, – ответила Флинн. – Сложи ее пополам. Их логин у вас есть?

– Да. – Мейкон достал пластиковую трубочку, показал Флинн логотип «Фарма-Джона». – Будет круто.

– Все это обещают, – сказала она; Мейкон набрал соляной пасты на палец. – Смотри, чтобы в глаза не попало.

Он мазнул ей лоб прохладной влажной пастой, будто в каком-то странном и потенциально нежеланном благословении. Потом взял контроллер:

– Убери волосы со лба.

Флинн послушалась, и Мейкон опустил контроллер ей на лоб:

– Плотно прилегает?

– Вроде да. Только давит. Спереди.

– Мы так думаем, что настоящая штука должна весить как одноразовые солнцезащитные очки, но мы отпечатали что можно было за такое короткое время на наших принтерах. Нигде не жмет?

– Нет.

– Отлично. Значит, тяжелый? Я буду придерживать его, а ты ложись, медленно. Эдвард поправит подушку. Готова? Начали.

Флинн легла на спину и вытянула ноги.

– Не подноси руки к голове, не трогай лицо, чтобы не задеть провод, хорошо? – сказал Мейкон.

– Хорошо.

– Питание идет от нашего аккумулятора.

– Зачем?

– Тоже доктор прописал.

Флинн, не поворачивая головы, перевела взгляд на Эдварда, потом обратно на Мейкона.

– Ну? – спросила она.

Мейкон крепко стиснул ее правое запястье и сказал:

– Если что-нибудь пойдет не так, мы сразу все отрубим. Мы встроили несколько простейших датчиков, от себя. Жизненно важные функции.

Он выпустил ее руку.

– Что я должна делать?

– Закрой глаза и считай от пятнадцати назад. Примерно на десяти тряхнет.

– Тряхнет?

– Так она сказала. Не открывай глаза, считай до нуля. Потом открой их. Если мы увидим, что ты их открыла, значит не сработало.

– Ладно, только ждите, пока я не скажу: «Начали».

Задержав дыхание, Флинн глянула вверх и вправо: окно, стена. Вверх: потолок, светящиеся трубочки в полимере. В сторону ног: дисплей Бертона, Эдвард. Влево: Мейкон, за ним закрытая дверь.

– Начали, – сказала она, закрывая глаза – Пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать. Двенадцать. Одиннадцать. Десять.

Чпок.

Цвет как гаптические шрамы у Бертона, только Флинн ощущала его вибрацией в зубах.

– Девять. Восемь. Семь. Шесть.

Не сработало. Ничего не происходило.

– Пять. Четыре. Три.

Надо сказать ребятам, что ничего не вышло.

– Два, один, ноль.

Она открыла глаза.

Плоский потолок уехал вверх, лакированный, на шесть футов выше, чем в трейлере. Комната поплыла, стала другой, вес короны исчез, в животе все перевернулось. Глаза женщины,

близко, двоятся.

Флинн не помнила, как села. Она увидела свои руки. Нет, не свои. Чужие.

– Если понадобится, – сказала женщина, держа круглый стальной контейнер. – В тебе нет ничего, кроме воды.

Флинн нагнулась над контейнером, увидела в зеркальном дне чужое лицо. Застыла. Чертыхнулась. Чужие губы двигались, пока она произносила слово.

– Что за хрень? – спросила она и спрыгнула с кровати.

Не с кровати. С мягкой полки. И еще рост – Флинн теперь была выше.

– Что-то не так. – Говорила она, но голос был не ее. – Цвета…

– Ты получаешь входящую информацию от антропоморфного дрона. Аватара с эффектом присутствия, – сказала женщина. – Тебе не надо контролировать его сознательно, так что даже не старайся, все равно не получится. Сейчас мы его подстраиваем под тебя. Контроллер Мейкона не идеален, но работает.

– Ты знаешь Мейкона?

– Виртуально, – сказала женщина. – Меня зовут Тлен.

– Твои глаза…

– Контактные линзы.

– Слишком много цвета… – Флинн имела в виду собственное зрение.

– Извини, – ответила женщина. – Это мы не учли. Твоя периферaль – тетрахромат.

– Что?

– Она видит больше оттенков, чем ты. Но мы нашли, где это регулируется, так что подстроим тоже. Коснись лица.

– Мейкон велел этого не делать.

– Тут другое.

Флинн подняла руку, тронула свое лицо не думая:

– Черт…

– Отлично. Настройка идет успешно.

Снова, теперь двумя руками. Ощущение, будто трогаешь что-то, что не совсем здесь.

Она подняла глаза. В потолке из светлого полированного дерева неярко горели маленькие встроенные светильники, круглые, в стальных ободках. Комната была совсем крохотная, больше в высоту, чем в ширину. Уже «Эйрстрима». Стены – из того же дерева. В дальнем конце, у открытой двери, стоял мужчина в темной рубашке и пиджаке.

– Здравствуй, Флинн, – сказал он.

– Работа с персоналом, – ответила она, узнав его.

– Похоже, тебе это не понадобится, – сказала женщина по

имени Тлен.

Она поставила стальной контейнер на мягкую полку, на которой проснулась Флинн. Проснулась? Прибыла?

– Хочешь поговорить сейчас с Мейконом? – продолжала Тлен.

– Как?

– По телефону. Он беспокоится. Я сказала ему, что все хорошо, но лучше бы ты повторила это сама.

– У тебя есть телефон?

– Да. И у тебя тоже.

– Где?

– Точно не знаю. Это не важно. Смотри.

В поле зрения Флинн появился маленький кружок. Как бляшка в Хоме. Белая, с гифкой бегущей антилопы или кого-то в таком роде, штриховым рисунком. Флинн повела глазами. Кружок с гифкой тоже сдвинулся.

– Что это? – спросила она.

– Мой телефон. У тебя тоже такой есть. У меня на проводе Мейкон. Теперь я открываю трансляцию…

Справа от гифки возник второй кружок, больше. Флинн увидела Мейкона перед дисплеем Бертона.

– Флинн! Это ты?

– Мейкон! Рехнуться можно!

– Что ты делала до того, как мы тебя подключили? – хмурясь, спросил он.

– Бегала поссать.

Мейкон широко улыбнулся:

– Вау… – Он все так же с улыбкой покачал головой. – Привет тебе из ЦУПа!

– Он видит то же, что я, – пояснила Тлен.

– Ты там норм? – спросил Мейкон.

– Вроде да.

– Мы еще свяжемся с тобой, Мейкон, – сказала Тлен, – но пока нам надо поговорить с ней.

– Сгоняй кого-нибудь в дом мне за сэндвичем, – попросила Флинн Мейкона. – Я буду голодная как зверь.

Мейкон улыбнулся, кивнул, сжался в точку, исчез.

– Можно перейти в мой кабинет, – сказал мужчина.

– Пока рано, – ответила Тлен. Она тронула полированную стену: панель отъехала вбок.

Унитаз, раковина, душ – все стальное. Зеркало. Флинн шагнула к нему.

– Блинский блин, – сказала она, глядя на отражение. – Кто это?

– Мы не знаем.

– Это… машина?..

Флинн потрогала… себя? Живот. Грудь. Снова глянула в зеркало. Французская девушка из «Операции „Северный ветер“»? Нет.

– Это должен быть кто-то, – сказала она.

– Да, – ответила Тлен, – хотя мы не знаем кто. Как ты себя чувствуешь?

Флинн тронула стальную раковину. Чужой рукой. Своей.

– Я ее чувствую.

– Мутит?

– Нет.

– Голова кружится?

– Нет. Почему у нее рубашка, как у меня, только из какого-то шелка? И мое имя вышито.

– Мы хотели, чтобы ты чувствовала себя привычно.

– Где мы? В Колумбии? – Она по голосу услышала, как мало верит в последнее слово.

– А вот это уже, так сказать, моя сфера деятельности, – произнес мужчина у нее за спиной. Недертон, вспомнила Флинн. Уилф Недертон. – Идем в мой кабинет, там немного просторнее. Я попытаюсь ответить на твои вопросы.

Флинн повернулась к нему. Глаза у него были больше, чем ей помнилось по телефонному разговору. Как будто он увидел привидение.

– Да, – сказала Тлен, кладя руку на плечо Флинн. – Идем.

Ее рука, подумала Флинн, но чье плечо?

Она позволила Тлен вывести себя из комнаты.

42. Язык тела

Когда Тлен направила периферал к нему, Недертон осознал, что устройство стало совершенно другим: Флинн полностью изменила язык его тела. Лицо было не ее и в то же время ее.

Он поймал себя на том, что пятится по узкому – чуть шире его плеч – коридору. Из какого-чувства, отчасти похожего на страх, он не мог повернуться к периферали спиной.

Тлен раньше объяснила ему, что периферали под управлением ИИ выглядят людьми, поскольку их лица запрограммированы постоянно менять микровыражения и не остаются неподвижными. Без этого, сказала она, рядом с ними было бы очень тягостно находиться. Теперь, когда Флинн придавала периферали свои микровыражения, та преобразилась.

– Все в порядке, – услышал Недертон собственный голос, не понимая, говорит он себе или ей. Событие было куда страннее, чем он ожидал. Словное некое немыслимое рождение или пришествие.

Недертон, пятясь, вступил в каюту, и его обдало запахом цветов. Оссиан по просьбе Тлен убрал мониторы Зубова-деда и чемоданчики тоже (она считала, что они нарушают гармонию пространства), так что ваза стояла теперь на конце стола перед двумя креслами, которые Тлен выдвинула из пола. Они немного напоминали кресла в машине Лоубир, только были глаже, без потертостей.

– Это в твою честь, – сказала Тлен, указывая на цветы. – Мы не можем предложить тебе еду или выпивку.

– Я страшно хочу жрать, – ответила Флинн. Интонации были ее, голос – чужой. Глянула на Тлен. – Или не хочу? Я…

– Автономное просачивание, – сказала Тлен. – Это голод твоего тела. Периферал его не испытывает. Она не ест, у нее нет пищеварительного тракта. А запах цветов ты чувствуешь?

Флинн кивнула.

– Краски более нормальные?

Флинн задумалась, два раза медленно, глубоко вдохнула, потом ответила:

– Раньше они резали глаза, теперь нет. Я вспотела.

– Ты вызвала в ней прилив адреналина. Следующие переходы будут не такими тяжелыми. Мы никак не могли облегчить тебе первый, только посоветовать, чтобы ты лежала с закрытыми глазами, на пустой желудок.

Флинн медленно повернулась, оглядывая комнату:

– Такая же аляповатая, только мне казалось, она больше. А

где вестибюль?

– В другом месте. Хочешь сесть?

Флинн, не обращая внимания на последние слова Тлен, подошла к окну. Они с Недертоном поспорили, оставлять ли шторы открытыми. В конце концов Тлен отправила Оссиана в свой рабочий угол, а шторы опускать не стала. Поскольку в гараже никто не двигался, арки фосфоресцировали совсем слабо. Флинн легонько нагнулась и выглянула в окно. Ближайшая арка это почувствовала, запульсировала слабым зеленоватым светом. Наверное, Флинн увидела машины Зубова-отца, потому что спросила:

– Парковка? Мы в кемпере?

– В чем? – переспросил Недертон.

– В доме на колесах. – Она вертела головой, пытаясь увидеть больше. – Ваш офис в доме на колесах?

– Да, – ответил Недертон, не зная, какое впечатление это на нее произведет.

– Я попала сюда из трейлера, – сказала она.

Рекламный ролик к фильму, вспомнил Недертон:

– Извини?

– Жилой автофургон, – пояснила Тлен. – Пожалуйста, сядьте, вы оба. Мы попытаемся ответить на твои вопросы, Флинн.

Она села, оставив Флинн место поближе к цветам.

Недертон опустился за мраморно-золотой стол, жалея, что этот гангстерский шик нельзя куда-нибудь спрятать.

Флинн последний раз глянула в окно, почесала затылок – жест, который Недертон не мог представить у периферали, – и втиснулась в свободное кресло: колени подняты и широко расставлены. Она подалась вперед, уставилась на свои ногти, потом тряхнула головой и сказала:

– Я гамала для одного богатого чувака. Чисто ради денег. Чувак, против которого мы играли, был редкая сволочь, но это просто совпадение. Их обоих выигрыш-проигрыш не колыхал, в смысле бабок. Не то что нас. Для них это было хобби. Зажравшиеся придурки. Держали пари, кто победит. – Она посмотрела на Недертона.

Все его умение убалтывать – весь этот сложный механизм вкрадчивых речей не находил зацепки в ее словах и беззвучно проворачивался вхолостую.

– Говорите, вы не лепилы. – Она глянула на Тлен. – Охранная служба в игровой компании. Но если это не игра, зачем кто-то отправил тех парней нас убить? Не только Бертона, всех нас. Включая мою мать. – Она снова глянула на него. – Откуда вы знали, какой номер выиграет в лотерею, мистер Недертон?

– Уилф, – сказал он. Прозвучало не столько как имя, сколько как неловкое откашливание.

– Мы не знали, – поправила Тлен. – Твой кузен купил билет, твой брат сообщил нам номер. Затем мы вмешались в механизм выбора и сделали так, чтобы этот номер выиграл. Никаких магических предсказаний. Просто большее быстродействие компьютеров.

– Вы прислали адвоката из Клэнтона, с мешками денег. Ему вы тоже устроили выигрыш в лотерею?

– Нет, – ответила Тлен и с досадой взглянула на Недертона, словно спрашивая: почему я выполняю твою работу? Справедливый упрек.

– Это не твой мир, – сказал он.

– А что же? – спросила Флинн. – Игра?

– Будущее, – ответил Недертон, чувствуя себя ужасно глупо, и под влиянием порыва добавил год.

– Ерунда.

– Однако это не твое будущее, – продолжал он. – Вступив в контакт, мы направили твой мир, твою вселенную, или как там это называется…

– Континуум, – подсказала Тлен.

– …на другой путь, – закончил он.

Ему в жизни не случалось произносить слов, которые звучали бы так нелепо. Притом что, насколько он знал, они были полнейшей правдой.

– Как?

– Мы не знаем.

Флинн завела глаза к потолку.

– Мы обращаемся к некоему серверу, – объяснила Тлен. – Мы абсолютно ничего о нем не знаем. Ты можешь подумать, что мы уходим от ответа, но просто это то, чем здесь некоторые занимаются. Примерно как… – взгляд в сторону Недертона, – твои два зажравшихся придурка.

– Зачем вы наняли моего брата?

– Идею предложил Недертон. Может быть, он и объяснит? А то он что-то необычно молчалив.

– Я думал, это позабавит мою знакомую… – начал он.

– Позабавит? – нахмурилась Флинн.

– Я понятия не имел, во что все выльется.

– На самом деле это правда, – сказала Тлен. – Он был в куда худшем положении, чем тогда догадывался. Пытался произвести впечатление на женщину, с которой у него был роман, поэтому предложил ей услуги твоего брата.

– Но на нее это впечатления не произвело. И она отдала его,

вернее, услуги своей сестре.

Недертон был теперь в свободном падении. Все умение заговаривать людям зубы его покинуло.

– Ты, возможно, видела убийство ее сестры, – сказала Тлен.

У периферали расшились глаза:

– Это было на самом деле?

– «Возможно»? – переспросил Недертон.

– Флинн что-то видела, – ответила Тлен, – но мы не знаем точно, что именно.

– Съели ее, – сказала Флинн. Капелька пота стекла по лбу на бровь. Флинн вытерла его сгибом локтя – еще один жест, который Недертон не мог представить у периферали.

– Если ты задумаешься, как находишься здесь сейчас, виртуально и в то же время физически, ты поймешь, отчего мы не знаем точно, что именно ты видела, – сказала Тлен.

– Ты сбиваешь ее с толку, – вмешался Недертон.

– Я пытаюсь ее акклиматизировать, чего ты делать пока не начал.

– Где мы? – спросила Флинн.

– В Лондоне, – ответил Недертон.

– В игре?

– Никакой игры изначально не было, – сказал Недертон. – Мы сказали твоему брату про игру, потому что так было проще объяснить.

– А это все где? – Она обвела рукой каюту.

– В Ноттинг-Хилле, так называется район, – ответила Тлен. – В гараже под домом. Вернее, под несколькими соседними домами.

– В Лондоне с небоскребами?

– Шардами, – сказал Недертон. – Мы зовем их шардами[3].

Она встала – перифераль с плавной, но на удивление мощной грацией распрямилась из неудобного положения.

– Что там за дверью? – спросила она, указывая рукой.

– Гараж, – ответила Тлен. – С коллекцией исторических автомобилей.

– Дверь заперта?

– Нет, – сказала Тлен.

– Что-нибудь здесь может убедить меня, что мы в будущем?

– Давай покажу кое-что.

Тлен встала, жесткий материал комбинезона пошел складками. Она расстегнула молнии от запястья до локтя на обоих рукавах и быстро их закатала. Штриховые рисунки пустились наутек.

– Они в панике, потому что ты им незнакома, – объяснила

Тлен, продела палец в алюминиевое кольцо центральной молнии, у горла, и потянула.

Под лифчиком из многоярусного черного кружева испуганно жались вымершие животные, черные графические штрихи мельтешили на белой коже. При виде Флинн они умчались снова – на спину, решил Недертон. Тлен застегнула сперва главную молнию, потом оба рукава:

– Сойдет за доказательство?

Флинн, глядя круглыми глазами, кивнула.

– Можно мне выйти? – спросила она.

– Конечно, – ответила Тлен. – И кстати, это не линзы.

Недертон, поймав себя на том, что не шелохнулся, возможно, даже не дышал с тех пор, как Флинн встала, толкнулся ладонями от мраморной с золотом столешницы.

– Как мне убедиться, что это не игра? – спросила Флинн. – По меньшей мере в половине игр действие происходит в будущем.

– Тебе платили за них крупные суммы? – задал Недертон встречный вопрос.

– Я играла не за «спасибо», – ответила Флинн, открывая дверь.

Он успел опередить Тлен, правда ушибившись боком об угол стола. Флинн стояла на трапе и глядела на ближайшую арку, которая засветилась при ее появлении.

– Что это? – спросила Флинн.

– Генно-инженерный продукт на основе морских животных. Активируется движением.

– У моего брата на войне был спрут-костюм. Камуфло по типу каракатицы. А это что? – Она указала на белую человекообразную глыбу экзоскелета.

– Это твое.

– Мое?

– Твоей периферали. Тренажер. Его надевают.

Флинн повернулась к Недертону, приложила ладонь к его груди и легонько толкнула, словно проверяя, настоящий ли он.

– Не знаю, заорать или обделаться, – сказала она. И улыбнулась.

Дыши, напомнил он себе.

43. Отъезд на отдых

Рот у нее был полон свиной вырезкой с чесночным майонезом на белой хрустящей булке.

– Не подавись, – посоветовала Дженис, сидя рядом на койке Бертона. – Обидный был бы финал твоим неведомым приключениям. Запить?

Она протянула Флинн черную фляжку с логотипом «Су-27».

Флинн прожевала свинину, запила водой и вернула фляжку.

– Это тело, – сказала она. – В него встроен телефон. Как виза, только где-то внутри. Включение-выключение и менюшки на нёбе, как клавиатура.

– У тебя язык куда острее моего.

– На самом деле – просто крошечный магнит, на самом кончике.

Тогда, в будущем, она снова отсчитала до нуля, испытала на десяти совсем легкую встряску и открыла глаза в «Эйрстриме». Бертон, Мейкон, Эдвард и Дженис – все смотрели на нее. Шея затекла, есть хотелось зверски.

– Ты снова туда отправишься? – спросила сейчас Дженис. – Сегодня вечером?

Флинн откусила еще сэндвича, кивнула.

– Может, тогда не съедать сейчас всё? Они говорили, тебя может стошнить.

Флинн прожевала, проглотила:

– Плохо только первый раз, потом, говорят, привыкаешь. Мне надо хорошенько наесться, чтобы пробыть там дольше.

– Почему называется «периферал»?

– Потому что это внешнее устройство. Типа как аксессуары.

– Анатомически точная?

– Не догадалась проверить.

– Выстави такую в «Мегамарте», весь округ подвалит. Даже фанаты винтажных авиатренажеров. Кроме стариков и религиозных. Мог бы Мэдисон такой управлять?

– Думаю, да.

– Красапеточка она, которую тебе дали. Мейкон показал мне скриншот. – Дженис улыбнулась. – Круто ты сказала Бертону и ребятам, что девушке надо прийти в себя.

– Еще как надо!

– Ты же не веришь, что это и вправду будущее? – спросила Дженис. Лицо совершенно непроницаемое.

– Типа иначе меня пора в дурку везти?

– Типа да.

Флинн положила остатки сэндвича на пластиковую тарелку, на которой его принесла Дженис, и сказала:

– Может, все и правда. Мы поднялись из гаража в лифте в большой старинный дом. Потом вышли во дворик, ночью. И там были два тасманийских волка.

– Они вымерли, – сказала Дженис. – В одной серии «Чудес науки» их клонировали.

– Это не совсем они. Их вывели из ДНК тасманийского дьявола. Я чуяла запахи разных цветов, земли, слышала птиц. Они вроде как устраивались спать. Жуть.

– Почему жуть?

– Слышать птиц посередь города. Там слишком тихо.

– Может, просто ночь.

– Тихо, как здесь ночью.

– Так что это, по-твоему?

– Если игра, то не как другие. Может, совершенно новая платформа. Тогда понятно про деньги.

– Но не понятно, как они подтасовали лотерею штата.

– Они не говорили мне, что это игра. Они говорили, это будущее. Не совсем наше, потому что, как только они к нам влезли, прямо с первой минуты мы пошли куда-то не туда.

– Куда?

– Они говорят, что не знают. Не как путешествие во времени, которое в кино. Просто информация, оттуда сюда и наоборот. Минута там – минута здесь. Если бы я пробыла там неделю, здесь бы тоже прошла неделя.

– Зачем им это?

– Не знаю. Лев – все было в его доме, то есть на самом деле в другом доме его отца, – он типа Дуайта с «Операцией „Северный ветер“». Денег много, заняться нечем. Придумал себе такое хобби. Он платит Уилфу, Тлен и еще одному чуваку, чтобы они всем занимались, всеми деталями. А Уилф облажался из-за какой-то бабы, и кто-то еще пролез сюда, к нам, и нанял тех ребят из Теннесси убить всю нашу семью.

Дженис округлила глаза:

– Отъезд крыши на отдых.

– Хрен ей, а не отдых, – сказала Флинн. – Мы не знаем, в какую фигню мы влезли, но эта фигня уже завертелась, и в ней куча винтиков и шестеренок. Бертон считает, что управится. Он договаривается с Корбеллом Пиккетом, выставляет условия Льву, и все из-за меня. В смысле, потому что я видела того гада. Может, я одна его и видела.

– Тогда первый пункт, – объявила Дженис, стискивая Флинн руку, – добиться для тебя права голоса.

44. Головоломка для мазохистов

Без Флинн периферaль занимала как будто меньше места. Она сидела в том же кресле и смотрела на Льва, который стоял, опершись на край стола.

– Отлично получилось, – заметил Лев, глядя поочередно на сидящих Недертона и Тлен. – Незаурядная девушка, а?

– Я разговаривал перед тем с Лоубир, – сказал Недертон, – и она согласилась, что стоит ненадолго выйти из дома.

Вообще-то, идея исходила от Лоубир, но визит Флинн прошел так удачно, что Недертон считал правильным приписать себе некоторую долю успеха. Правда, Флинн сама потребовала, чтобы они вышли наружу, однако именно Недертон, случайно глянув на вазу с цветами, предложил пойти в сад. Там они встретили Льва с Гордоном и Тиенной, удобрявшими функии своей дорогостоящей генно-модифицированной ДНК.

– Да. – Лев пристально глянул на Недертона. – Лоубир звонила мне, когда вы поднимались на лифте.

– Она вернется, – сказала Тлен.

– Лоубир? – спросил Недертон.

– Твоя девушка-полтер. Мы ее заинтересовали. Хотя она не станет просто делать все, что мы велим. – Говоря, Тлен смотрела на Недертона.

– Верно.

– Ты вроде бы умеешь манипулировать людьми, – сказала Тлен. – Если честно, я пока не заметила.

– У меня бывают удачи, – ответил Недертон. – Результаты не всегда воспроизводимы. Кстати, я заметил, что у тебя это тоже отлично получается.

– Прекратите, – сказал Лев. – Тлен больше стратег, ты – тактик. Меня это вполне устраивает.

– Мне мешает отсутствие контекста, – пожаловался Недертон. – Пока ты не скажешь, чего хочет Лоубир и что она намерена делать, мне не с чем будет работать.

– Что она сказала тебе, когда звонила? – спросил Лев.

– Я поделился своим намерением рассказать Флинн, что это не игра. Лоубир одобрила, но поручила мне постепенно объяснить Флинн про срез. Все, что знаю сам, а это, если не сильно ошибаюсь, немногим меньше, чем знаешь ты. Вы действительно не имеете представления, где сервер?

– Ни малейшего, – ответил Лев. – Мы предполагаем, что он в Китае или, по крайней мере, китайский, но это всего лишь наши догадки. У кого-то есть оборудование, позволяющее отправлять

информацию в прошлое и принимать ее из прошлого. При первом контакте возникает новый континуум. А может, континуумы существуют и без того, несчетное количество, но это уже чисто теоретическая разница. Система, как бы она ни работала, тщательно зашифрована. Оссиан и Тлен не один месяц в нее пробирались, притом что им охотно помогали несколько любителей со стажем.

– Головоломка для мазохистов, – добавила Тлен.

– И все-таки, чего хочет Лоубир? – спросил Недертон, не особо рассчитывая на осмысленный ответ.

– Узнать, что случилось с Аэлитой и почему, – сказал Лев. – И кто виноват.

– Если ты любишь головоломки для мазохистов, – произнес Недертон, – все перечисленное можно вытянуть из Даэдры и ее приятелей, при условии что они знают. Но я в такие игры не игрок.

Лев глянул на него внимательно, и Недертону очень не понравился этот взгляд.

45. Оттуда

– Я поговорю с Бертоном, – сказала Флинн, – а ты с Мейконом. Нужно прямо сейчас снять мерки головы и отпечатать.

– Что это тебе даст – вытащишь его туда? – спросила Дженис. – Серьезно, детка. Ты уходишь от решения.

– Я буду не одна. И мне нужен свидетель, кто-нибудь, кто подтвердит мою версию. Потом, если понадобится, мы сможем вдвоем надавить на Бертона.

– Поэтому ты и не захотела сразу с ним говорить?

– Да, наверное. Я просто импровизирую, Дженис.

– Оно и заметно.

Флинн взялась за ручку двери.

– Погоди секундочку, – сказала Дженис. – Костюмерный цех.

Она перебирала одежду Бертона на передней стенке «Эйрстрима» – по большей части вдрызг заношенное тряпье, которое тем не менее висело идеально ровно на одинаковых мегамартовских плечиках. Дженис вытащила что-то длинное, лоснящееся, рыжевато-коричневое. Куртка, которую он надевал на турнире по смешанным единоборствам в Дэвисвилле прошлой зимой. Нейлоновый рипстоп с бордовыми лацканами и нафабленным на спине кричащим американским орлом. Типа боксерского халата. Флинн удивилась, что Бертон хранит куртку.

– Идеально, – объявила Дженис.

– Это?!

– Ты только что побывала в будущем, детка. Или в каком-то месте, которое выдают за будущее. Важное событие.

– Она мне велика, – пробурчала Флинн, надевая куртку.

Дженис плотнее запахнула на ней полы, завязала бордовый пояс, поправила узел.

– Как будто ты только что раздела морпеховского единоборца. Ничего лучше у нас все равно нет.

– Ладно, – сказала Флинн, – но ты уговоришь Мейкона.

– Не боись.

Флинн повернулась, расправила плечи, которые под курткой как будто пропали совсем, и открыла дверь. Шквал аплодисментов.

В свете из открытой двери стоял Бертон, за ним Мейкон, Эдвард, Леон и Карлос. Леон свистнул в два пальца.

– В наших краях никогда ничего не происходит, – объявила Флинн и спустилась по лесенке.

– Это может измениться, – ответил Мейкон. – Помнишь, как я увидел тебя там?

– У них для тебя еще работа, – сказала ему Флинн и, слыша, что Дженис тоже спустилась, добавила: – Дженис тебе все объяснит. – Оглядела остальных и сообразила, что мало кто понимает происходящее, включая ее саму. – Нам с Бертоном надо поговорить. Мы вас на время бросим.

Она пошла по дорожке и остановилась, когда брат ее нагнал.

– Ну что, теперь готова? – спросил он тихо.

– Не могла говорить раньше. Разучилась говорить. И думать. Что-то у меня произошло с головой.

– Мейкон говорит, ты где-то побывала. Говорит, видел тебя в своем телефоне. Где ты была?

– Не в Колумбии. Они говорят, это будущее. Лондон. Который мы видели в игре.

– А по-твоему?

– Не знаю.

– Если ты была в трейлере, то как Мейкон мог видеть тебя в другом месте?

Она глянула на его освещенное луной лицо:

– Вроде робота. Мейкон видел. Но чувствуешь себя в нем как человек. Как дрон, только им управляешь не думая. То, что у меня на голове, в трейлере, они называют нейронным отсекателем. Не дает твоему телу реагировать, когда ты что-нибудь делаешь в периферали.

– В чем?

– В периферали. Так их называют. Роботов.

– Кто называет?

– Тлен, та, которая говорила с тобой первой, она работает на Льва. Я думаю, он русский, но вырос в Англии.

– И что они говорят, когда это? – спросил Бертон.

Флинн ответила.

– Через семьдесят лет? И насколько оно отличается?

– Ты сам видел, – сказала Флинн. – Отличается, но не сильно. А может, сильно, но не все видно.

– Ты им поверила?

– Что-то в этом есть.

– У них много денег. – Интонация была не вопросительная, но Флинн чувствовала: Бертону не хочется услышать «нет».

– Дофигища, насколько я поняла, но сюда их никак не переправить. Зато они придумывают, как выигрывать здесь на бирже.

– Потому что заранее знают, что произойдет?

– Говорят, нет. Они тратят деньги у себя на людей, которые придумывают, как делать деньги здесь, а проворачивают всё сольветровские адвокаты на месте. Информация оттуда влияет на

события у нас. Им не надо знать будущее, чтобы размазать наших биржевиков по полу. Просто они всегда могут точно узнать про нас все, что им нужно. Их компы на семьдесят лет быстрее наших.

– О'кей, – сказал Бертон, и в его глазах вроде бы сверкнули морпеховские быстрота, решимость и натиск, а может, собственный способ видеть. Потому что он отсек все невероятное и сосредоточился на тактике.

Флинн вдруг поняла, насколько это странный вывих мозга, чисто бертоновский, и на долю секунды задумалась, нет ли у нее такого же.

– Ищи, кому выгодно, – сказал он. – Зачем им это?

– Вот тут начинается жопа.

– А все остальное не жопа? – Он сощурил глаза, как будто сейчас рассмеется ей в лицо.

– Для Льва это была типа игра. Мы не их прошлое. Мы идем куда-то в другую сторону, потому что они вмешались. На их мир не влияет то, что происходит здесь сейчас или будет происходить. И все равно это дело вышло им боком. Потому что я видела, как убили ту женщину. И видела чувака, который знал, что ее убьют. Специально вывел на балкон, чтобы та штука ее съела. И теперь кто-то оттуда здесь.

– Здесь?

– Сейчас. В нашем времени.

– Кто?

– Кто нанял тех парней из Мемфиса, чтобы нас убить.

– А что в этом Льву? Он ведь по-прежнему командует?

– Не знаю. Сейчас вернусь туда и попробую выяснить.

– Сейчас?

– Вот только сбегаю в человеческий сортир, где можно спустить воду, и сразу надену шапку Белоснежки. Дженис принесла мне сэндвич и воды, так что я не умру с голоду, пока там у них. После этого у нас будет больше материала. Ничего не делай пока, ладно? Все и без того запутано черт-те как. Просто не пускай на участок никого, кроме самых близких. Никого, понял? Мы слишком мало знаем, и как-то действовать пока рано.

Бертон глянул на нее.

– Легкий Лед… – сказал он, и в лунном свете было видно, как его передернула гаптическая дрожь. И тут же прошла.

– Где Коннер? – спросила Флинн.

– У себя дома.

– Вот и отлично. Скажи ему, пусть там и сидит.

– Беги в свой человеческий сортир. Никто тебя здесь не держит.

46. Виды

Недертон наблюдал, как периферал открыла глаза. Тлен заранее уложила ее обратно на койку в дальней каюте и приглушила свет.

– О'кей, – неуверенно протянула она. Потом: – Неплохо.

– Добро пожаловать назад, – сказал Лев из-за плеча Недертона.

– Как тетрахромия? – спросила Тлен.

– Я уже не помню, как это было, – ответила Флинн, – только что мне не понравилось.

– Попробуй сесть, – предложила Тлен.

Флинн села, склонила голову набок, тронула ее, замерла:

– Моя стрижка. Видела в прошлый раз в зеркале, но не сообразила. Ваших рук дело?

– Парикмахер был в полном восхищении, – ответила Тлен. – Полагаю, он будет ее копировать.

– Это Карлота, она лучшая, – сказала Флинн. – Живет на Марианских островах, держит бот-кресло в «Мегапричесоне». Следит, чтобы мы не отстали от моды.

– Значит, телеприсутствие для вас не новость, – заметил Лев.

– У нас, на Диком Западе, это называют «пойти подстричься», – ответила Флинн, сверкнув на него глазами. Она встала.

– Мы хотели показать тебе кое-что интересное, – сказал Лев.

Он повернулся за спиной у Недертона и пошел по коридору. Недертон смущенно улыбнулся Флинн и двинулся вслед за Львом, Тлен – за ним.

– Где ваши собаки? – спросила Флинн позади них. В узком коридоре ее голос прозвучал особенно громко.

– Наверху, – ответил Лев, обернувшись, когда она вошла в большую каюту.

Недертон смотрел, как Флинн все трогает: ведет пальцем по лакированному шпону. Постукивает костяшками пальцев по дверной ручке. Видимо, проверяет органы чувств периферали.

– Мне они понравились. Было видно, что не собаки, но из той же оперы. – Она коснулась черных штанов. – Почему от этой одежды такое чувство, будто ты в трениках?

– Она без швов, – ответила Тлен. – Наружные швы декоративные, дань традиции. То, что на тебе, сделали ассемблеры. Сразу целиком.

– Сфабили, – подытожила Флинн. – Не обижайся, но если у тебя не линзы, то что? Какая-то болезнь?

– Модификация. Своего рода визуальная шутка на тему мифического заболевания *pupula duplex*. Обычно его описывают как двойную радужку, но я выбрала буквальный вариант.

– И как при этом все выглядит?

– Я редко использую нижнюю пару. Она видит в инфракрасном диапазоне, что удобно в темноте.

– А ничего, что я все время спрашиваю? Я же тут ничего не знаю. Может, ты с ними родилась. Или у тебя такая секта. Откуда мне знать? А вот насчет бегающих тату я вроде как поняла.

– Спрашивай, конечно, – ответила Тлен.

– Где телефон, здесь? – Флинн подняла руки. – Я пыталась объяснить подруге.

– Я могу спросить у «Гермеса», – сказал Лев. – Впрочем, компоненты очень маленькие и распределены по телу. Я не смогу ответить, где мои, не сверившись с медицинской картой. У моего двоюродного брата часть как-то воспалилась, пришлось менять. В основании черепа. Хотя их могут вживить куда угодно. – Он оперся на край стола. – Хочешь посмотреть Лондон? Сейчас над домом вертолет, такой же, каким ты управляла для нас. Советую сесть.

– Можно, я им поуправляю?

– Позволь нам показать тебе виды, – с улыбкой проговорил Лев.

Флинн перевела взгляд на Тлен, потом на Недертона, сказала: «О'кей» – и села.

Тлен заняла другое кресло, Недертон встал рядом со Львом у края стола, радуясь, что не сидит на начальственном месте.

– Во второй раз это не было для тебя таким потрясением, – заметил он.

– Мне было невтерпеж попасть сюда снова, – ответила Флинн. – Только я не обязательно буду во все верить, о'кей?

– Разумеется, – ответил Лев.

Недертон поймал себя на том, что улыбается глупейшим образом. Тлен с усмешкой скосила на него двойные зрачки. Потом повернулась и заговорила с Флинн:

– Сейчас ты увидишь мою эмблему.

Флинн кивнула. Недертон тоже увидел эмблему Тлен. Следом появились эмблемы Льва и Флинн – последняя была без рисунка.

– Я открою трансляцию, – сказала Тлен. – Полное бинокулярное зрение.

Каюта сменилась туманным утренним Лондоном с птичьего полета. Остроугольные ледышки шардов торчали среди плотного лабиринта старых улочек, разреженных променадами, по которым

Недертон катался в детстве, и густыми лесами на месте снесенных зданий, портивших городской ландшафт. Бледное солнце отражалось в стеклянном покрытии очищенных и выведенных на поверхность рек, Темзу испещряли плавучие острова, опять на каком-то другом месте: подводные лопасти перемещали их так, чтобы полнее использовать силу течения.

– Черт, – проговорила Флинн. Зрелище явно произвело на нее впечатление.

Тлен полетела к Хэмпстеду, куда родители в десять лет водили Недертона на день рождения одноклассника. Праздник проходил в керамической трубе под ажурной железной скамьей. Узкий тоннель освещали гирлянды цветных фонариков, мыши в забавных костюмчиках пели, танцевали и разыгрывали поединки на шпагах. Руки у его гомункула были грубые, полупрозрачные, примерно как у мусорщиков. Пока Недертон все это вспоминал, Тлен рассказывала Флинн о гидротурбинах, приводимых в движение восстановленными реками. Однако она обходила молчанием то, что было раньше, – ужасы, тьму.

Недертон кончиком языка провел по нёбу, выключил трансляцию и вернулся в гобиваген. Наблюдать за Флинн было куда интереснее.

– А где все? – спросила она. – Людей совсем нет.

– Это довольно сложно, – ровным голосом ответила Тлен, – но с такой высоты ты бы никого не разглядела.

– И машин почти нет, я еще раньше обратила внимание.

– Подлетаем к Сити, – сказала Тлен. – Чипсайд. Вот тебе и толпы.

Однако это не люди, подумал Недертон, наблюдая за лицом Флинн.

– Косплейная зона, – пояснил Лев. – Тысяча восемьсот шестьдесят седьмой. Нас бы оштрафовали за вертолет, если бы он не вуалировался или был слышен.

Недертон щелкнул языком по соответствующему участку нёба и вернул трансляцию Тлен. Они висели над утренним уличным затором: кебы, двуколки, ломовые телеги, все на конной тяге. У старших Зубовых, деда и отца, были собственные лошади, на которых они, по слухам, даже катались, хотя, разумеется, не в Чипсайде. В детстве мать водила его по здешним лавкам. Серебряная посуда, духи, шали с каймой, приспособления для вдыхания табака, толстые часы, оправленные в золото и серебро, мужские шляпы. Он дивился, как обильно лошади роняют навоз, который тут же сметали прыткие мальчишки, младше его. Такие же ненастоящие, как лошади, они тем не менее казались совершенно живыми и пугающими в том рвении, с которым,

ругаясь на чем свет стоит, шаркали короткими щетками между ногами у лошадей. Люди в цилиндрах, про которых мама сказала, что это банкиры, поверенные, коммерсанты и биржевые маклеры, вернее, их симулякры, торопливо шагали под живописными вывесками: «Обувь», «Фарфор», «Кружево», «Страхование», «Стекольная мастерская». Вывески зачаровывали маленького Недертона, и он, идя за руку с матерью, в обязательной неудобной одежде, режущей под мышками, старался защелкать их все. Отчаянные мальчишки с криками «Разойдись!» бегом катили тачки и пропадали в темных дворах, откуда несло вонью, такой же аутентичной, как конский навоз. Мама для этих прогулок надевала коричневое платье с узким лифом и длинной, подметавшей мостовую широкой юбкой, узкий жакет и невероятную шляпку. Ей это все было совершенно неинтересно, она просто считала, что должна водить ребенка сюда, и, может быть, ее неприязнь еще усилилась в нем, превратившись с годами в стойкое отвращение.

– Ну надо же! – проговорила Флинн.

– Это ненастоящее, – сказал Недертон. – Разработано по архивным материалам. Среди тех, кого ты видишь, почти нет людей, а те, что есть, – туристы или школьники на уроке истории. Вечером иллюзия полнее.

По крайней мере, меньше раздражает, подумал он про себя.

– Лошади ненастоящие? – спросила Флинн.

– Да, – ответила Тлен. – Лошади теперь редки. С другими домашними животными у нас получилось лучше.

Пожалуйста, не начинай, взмолился про себя Недертон. Лев, наверное, подумал о том же, потому что сказал:

– Мы доставили тебя сюда, чтобы кое с кем познакомить.

Они начали снижаться.

Недертон увидел Лоубир, в юбке и жакете, примерно как были у его матери. И она смотрела вверх.

47. Субординация

Посреди движущегося леса черных цилиндров стояла седая женщина с очень яркими голубыми глазами. Прохожие, судя по всему, ее не видели, как не видели и аппарат, которым управляла Тлен и про который Лев сказал, что он завуалирован, хотя ощущали завихрения воздуха и каждый на ходу поднимал руку придержать цилиндр. Они обходили женщину, а та стояла, глядя вверх на то, чего они не видели, и рукой в серой перчатке придерживала шляпку.

Рядом с бляшками Уилфа, Льва и Тлен появилась еще одна: золотая корона – силуэтом на бежевом фоне. Остальные потускнели.

– Сейчас мы в приватном режиме, – сказала женщина. – Другие нас не слышат. Я инспектор Эйнсли Лоубир из Лондонской полиции.

Ее голос звучал у Флинн голове, шум толпы и скрип колес сделались тише.

– Я Флинн Фишер. Это из-за вас я здесь?

– Ты здесь из-за себя самой. Если бы ты не согласилась подменить брата, то не стала бы свидетельницей преступления, которое я расследую.

– Извините, – ответила Флинн.

– Не стоит извиняться. Наоборот, без тебя у меня бы не было ничего. Раздражающее отсутствие каких бы то ни было улик. Тебе страшно?

– Иногда.

– Нормально в таких обстоятельствах, насколько их можно назвать нормальными. Ты довольна своей пери?

– Чем?

– Перифералью. Я выбирала ее сама и, боюсь, в большой спешке. Мне почудилась в ней некоторая поэзия.

– Зачем вы хотели со мной поговорить?

– Ты наблюдала крайне неприятное убийство. Видела лицо человека, который мог быть организатором или сообщником.

– Я так и думала, что по этой причине.

– Неустановленное лицо либо лица пытались убить тебя в твоем родном континууме, предположительно с целью устранить свидетеля. Я была шокирована, когда узнала, что покушение на твою жизнь не составляет здесь преступления, поскольку наши ведущие юристы не признают тебя реальной.

– Я такая же реальная, как вы.

– Безусловно. Однако люди, которые на тебя покушались, без

колебаний убили бы тебя или кого-либо другого здесь, сейчас и когда угодно. Люди такого сорта – моя забота. – Ярко-голубые глаза, очень холодные. – Однако и ты – моя забота. Я за тебя отвечаю, но в несколько другом смысле.

– Почему?

– За мои грехи, наверное. – Она улыбнулась, но ее улыбка не успокаивала. – Тебе следует знать, что Зубов нарушит экономику твоего мира.

– Она уже и так в жопе, – ответила Флинн и тут же пожалела, что не выбрала другое слово.

– Я ее представляю, так что да, ты права, хотя я говорила о другом. Мне не нравится то, чем занимаются континуумисты, включая Зубова, хоть я и нахожу это крайне увлекательным. В определенном смысле ты реальнее меня.

– Как так?

– Я настолько стара за счет такого числа искусственных ухищрений, что сама не ощущаю себя вполне реальной. Однако, если ты согласишься мне помочь, я помогу тебе, насколько в моих силах.

– У вас есть мужской вариант этой штуки? Периферали?

Инспектор подняла нарисованные брови:

– Ты хочешь мужскую?

– Нет. Я не хочу быть единственной, кто здесь был и все видел. Мне нужен человек, который подтвердит мои слова, когда я вернусь и расскажу, что тут происходит.

– Я уверена, что Зубов сможет это устроить.

– Вы ищете того, кто отправил серый рюкзак ее убить, верно? И гада, который вывел ее на балкон?

– Именно так.

– Я дам показания. Когда дело дойдет до суда. При любом раскладе.

– Суда не будет. Только наказание. Но все равно спасибо.

– Только вторая периферали мне все равно нужна. И поскорее. Договорились?

– Считай, что ты ее получила, – сказала Лоубир.

Другие эмблемы зажглись, слух заполнили чипсайдские шумы, и теперь к ним добавился низкий перезвон церковных колоколов.

– Мы закончили разговор, – объявила Лоубир. – Спасибо, что привезли ее сюда. До свидания!

Чипсайд сжался до размеров бляшки, уменьшился еще, исчез. Флинн заморгала, глядя через стол на Льва. Было ясно, что он ее видит и Уилф тоже, а вот странный взгляд Тлен упирался в голую полированную стену.

– Да, инспектор, я даже знаю, кажется, где ее можно взять. Да. Конечно. Я поговорю с мистером Зубовым. Спасибо. – Она повернулась ко Льву, теперь уже видя его. – Спарринг-партнер вашего брата. Ваш отец держит его в Ричмонд-Хилле, чтобы периодически напоминать Антону о прежних выходках?

– Более или менее так, – ответил Лев, косясь на Флинн.

– Попросите прислать его в машине. Он нужен Лоубир здесь.

– Зачем?

– Я не спросила. И вы бы не спросили. Она сказала, что нам нужна мужская периферал, как можно скорее. Я вспомнила про ту.

– Да, наверное, так проще всего. Для кого она? – Лев глянул на Флинн.

– Туалет в хвосте машины? – спросила она.

– Да.

– Извините меня. – Флинн встала.

В узком совмещенном санузле за дальней комнатушкой она закрыла за собой дверь и посмотрела в зеркало. Расстегнула черную рубашку, нашла лифчик, которого раньше не чувствовала, и груди чуть больше своих. Не ее, и это успокаивало. Как и маленькая черная родинка над левой ключицей. Именно ради этого и понадобилось смотреть, осознала Флинн, застегивая рубашку, хотя понимание пришло задним числом.

Интересно, хочет ли периферал пи́сать? Флинн прислушалась к своим ощущениям и решила, что не хочет. Она пьет воду, сказала Тлен, но не ест. Тот, кто ее стриг, не посрамил Карлоту.

Флинн открыла дверь и вернулась в комнату, которую Недертон тогда давно выдавал за офис «Милагрос Сольветры». Уилф и Лев ушли. Тлен стояла у окна и смотрела наружу.

– Куда они ушли? – спросила Флинн.

– Наверх. Недертон и Оссиан будут ждать периферал. Надеюсь, тебе понравится челюсть.

– Челюсть?

– У нее довольно выступающая нижняя челюсть. И очень высокие скулы. Своего рода сказочный славянин.

– Ты знакома с ней… с ним? – Флинн не знала, как правильно сказать.

– Я ни разу не видела ее с человеком-оператором. Только под управлением облачного ИИ от производителя. Она принадлежала брату Льва.

– Брат Льва умер?

– Увы, нет, – ответила Тлен.

Ладно, подумала Флинн.

– Она спортивная? Как эта?

– Очень. И даже непропорционально спортивная.

– Отлично, – сказала Флинн.

– Что ты задумала? – Тлен сузила глаза, так что остались только верхние зрачки.

– Ничего такого, о чем не знала бы Лоубир.

– А ты быстро разобралась с субординацией.

– Скоро периферал будет здесь?

– Примерно через полчаса.

– Покажи мне, как позвонить Мейкону, – сказала Флинн.

48. Павел

Прихожая в доме Льва была заставлена предметами детского обихода. Миниатюрные резиновые сапожки, целая вешалка ярких дождевиков, беговел, напомнивший Недертону о мусорщиках, разнообразный инвентарь для битья по мячу и сами мячи, много. Несколько потерянных кубиков лего нервно елозили в нижних слоях, словно яркие прямоугольные жуки.

Недертон и Оссиан сидели на деревянной скамье, лицом к этой выставке. Ближайший к Недертону конец скамьи был чем-то вымазан, судя по виду – чуть подсохшим вареньем. Спарринг-партнер Антона должен был приехать с минуты на минуту, и Оссиан отверг предложение ждать снаружи.

– У нянь от нее родимчик случался, – заметил Оссиан непонятно о ком или о чем.

– От кого?

– Да от коляски. – Оссиан указал рукой на вешалку с дождевиками. – Завуалирована.

Теперь Недертон различил очертания сложенной прогулочной коляски, мимикрирующей под то, что сейчас за ней, то есть под бежевую стену и клетчатую подкладку пальто.

– Дедушка выписал ее из Москвы сразу после рождения девочки, – продолжил Оссиан. – Везли дипломатической почтой. Иначе бы не пропустили.

– Почему?

– В нее встроена орудийная система. Два ствола. Впрочем, не огнестрельных. Стрельба ведется очень короткоживущими ассемблерами. Вернее, дизассемблерами. Они отыскивают мягкие ткани и разбирают их на молекулы. Видел ролик, где такое показывали на половине говяжьей туши.

– И что происходит?

– Остаются кости. Коляска автономная, самонаводящаяся. Имеет собственную систему оповещения об уровне угрозы.

– А кто может представлять угрозу?

– Русские киднепперы.

– Она это делает, когда в ней ребенок?

– Ребенку она показывает панд, чтобы не было психологической травмы. И едет домой в режиме боевого отступления, бросив нянь к чертям собачьим.

Недертон пристально вгляделся в едва различимую, безобидную по виду коляску.

– Супружница Зубова отказалась возить в ней ребенка. Так и не поладила с дедом. Взяла сторону нянь.

– Давно ты тут работаешь? – спросил Недертон.

Оссиан глянул на него, сощурился:

– Скоро будет пять лет.

– А чем раньше занимался?

– Тем же самым. Примерно.

– Ты этому учился?

– Да, – ответил Оссиан.

– Как?

– На ошибках молодости. Как ты научился юлить и врать всем напропалую?

Недертон глянул на него:

– Как ты. Примерно.

На одно из окошек у двери легла тень. Мелодично звякнул звонок.

– Наверное, устройство приехало. – Оссиан встал, одернул темный пиджак и, расправив плечи, открыл дверь.

– Добрый вечер. – Высокий, широкоплечий, в темно-сером костюме. – Рад видеть вас, Оссиан. Вы меня, возможно, не помните. Павел.

– Пошевеливайся! – рявкнул Оссиан, отступая от двери.

Устройство вошло, Оссиан закрыл за ним дверь.

– Павел, – сказало оно Недертону. Выступающий подбородок, ширококостное лицо, глаза голубые и чуть насмешливые.

– Уилф Недертон.

Он протянул руку. Ладонь у периферали была теплая, пожатие – крепкое и бережное.

– В гараж, – сказал Оссиан.

– Конечно, – ответил Павел и зашагал впереди них к лифту, как у себя дома.

49. Благим матом

Ну и скулищи, думала Флинн, глядя на Павла. А вот голос приятный.

– Личность – ИИ. Мы ее отключим, чтобы освободить место для твоего приятеля.

– Меня зовут Флинн, – сказала она.

– Рад знакомству, – ответило устройство, нагло глядя на ирландца.

– Запрограммирован изгаляться, – заметил Оссиан. – Часть спарринг-функционала. Должен вызывать желание двинуть в его хамскую рожу.

Устройство переступило с ноги на ногу. Оно было выше Бертона, шесть футов с лишним. Светлые волосы расчесаны на косой пробор. Заломив светлую бровь, оно спросило Флинн:

– Чем могу служить?

– Иди в заднюю кабину, – распорядилась Тлен. – Ляг. Извести производителя, что облако нам будет не нужно.

– Конечно, – ответило устройство. Ему пришлось чуть развернуть плечи, чтобы войти в узкий коридор почти одного цвета с его волосами.

– Я понимаю, почему Антону все время хотелось его убить, – проговорил Оссиан. – Без мозгов, а вечно тебя достает.

Тлен что-то сказала на том странном языке, на котором они общались между собой.

– Она говорит, это можно было отрегулировать, – перевел Оссиан для Флинн. – Да, но у Антона свой гонор. Я все надеялся, он расхреначит эту дрянь так, что на заводе не сумеют собрать обратно.

– У Мейкона все готово, – сказала Тлен. – Он у меня на проводе. Хочет поговорить с тобой.

– Ага, – сказала Флинн.

Появилась бляшка Тлен и рядом другая – желтая, с бесформенной красной штукой посредине. Потом Мейкон.

– Наггетс? – спросила Флинн. – Уже забацал себе бляшку в духе будущего?

– Твоя хреновастенькая. Пустая. Скажи Тлен, пусть сделает тебе получше.

– Сейчас типа не до того, – ответила Флинн.

– Ты там норм?

– Чуть-чуть пообвыклась. Немного посмотрела здешние края. Он готов?

– Даже слишком, на мой взгляд.

– Бертон знает? – спросила Флинн.

– Да вот так получилось. – Мейкон скосил глаза вбок.

– Он здесь, что ли?

– Тсс.

– Черт.

– Не боись, все на мази.

– Тогда давай уже сделаем.

– Мы на низком старте. Ждем вашей команды.

Бляшка с наггетсом потускнела.

– Мы с Тлен пойдем туда, – сказала Флинн Недертону и Оссиану. – Не знаю, как он это все воспримет. Главное, не давите на него. Если он начнет заводиться, просто сдайте назад, быстро. О'кей?

Недертон с Оссианом переглянулись.

– Идем, – позвала она Тлен и прошла три шага в комнатку, где устройство лежало, свесив ноги с короткой полки.

– Павел, закрой глаза, – сказала Тлен из-за ее плеча.

Периферaль глянула на Флинн, затем послушалась.

– Пятнадцать, – сказала Тлен, видимо обращаясь к Мейкону.

Флинн про себя начала обратный отсчет. На десяти она представила встряску и продолжила считать.

– Ноль, – сказала Тлен.

Устройство широко открыло глаза.

– Едрён корень, – сказало оно, поднося большие руки к глазам. Пошевелило пальцами на обеих, тронуло большим на каждой все остальные, от указательного до мизинца и обратно. Село, как будто его подбросило пружиной. Вскочило.

– Это я, Коннер, – сказала Флинн.

– Знаю. Мейкон показал мне скриншот. – Он повернулся к Тлен. – Я видел похожую в Атланте, в клубе. Ребята сказали, это называется гиперпространственный эльф, а если по-простому, то передоз.

– Ее зовут Тлен, – сказала Флинн. – Веди себя прилично. Цвета нормальные?

– Модель не тетрахроматичная, – вставила Тлен.

Коннер глянул на нее с подозрением.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Флинн.

– Охреннно. Только глянь на все эти пальцы!

– Сюда, – сказала Флинн. – Только там двое мужчин. Они за нас. Наши люди. Все хорошо. О'кей?

– Да, блин. – Коннер снова глянул на свои руки. – Ну ни фига ж себе.

Она взяла его за руку и вывела в коридор.

Тлен стояла рядом с Оссианом, Недертон за ними.

– Коннер Пенске, – представила Флинн, отпуская его руку. – Коннер служил в морской пехоте вместе с моим братом.

Все трое кивнули, внимательно смотря на периферaль. Поза, осанка у нее изменились. Коннер обвел мужчин глазами, решил, что без рукопожатий можно обойтись, и сунул руки в карманы серых брюк. Оглядел комнату:

– Катер? Сухой док?

– Большой навороченный автофургон, – ответила Флинн.

Он подошел к окну, пригнулся, выглянул наружу и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Охренеть!

Флинн была у Коннера за спиной, когда тот рывком открыл дверь. Не стал спускаться по трапу, сделал сальто вбок, через перила, приземлился пятнадцатью футами ниже и побежал – она еще не видела, чтобы люди бегали так быстро, – вдоль бесконечных машин, про которые ей сказали, что они принадлежат отцу Льва. Каждая арка, под которой он пробегал, начинала светиться – тонкая дуга в темноте – и тут же гасла. Флинн и не знала, что их тут столько, что гараж такой большой. На бегу он орал благим матом, как, может быть, не орал, когда ему оторвало полтела, а между выкриками издавал гортанное уханье, наверное от невероятной радости, что можно бежать, что у него есть пальцы, и слышать это уханье было даже горше, чем ор.

Затем последняя арка померкла за ним, остались лишь темнота и его вопли.

50. Пока поезд не ушел

– Сходить за ним? – спросила Тлен.

Недертон знал, что Оссиан выключил лифт и, возможно, кое-что еще, так что спарринг-партнер Антона с тем, кто сейчас в нем, никуда с этажа не денется.

– Не надо, – сказала Флинн с трапа. Она стояла на верхней ступеньке и смотрела в темноту гаража.

– Что он делает? – спросил Недертон у Оссиана, который по виду пристально щурился на закрытую дверцу бара, а на самом деле наблюдал за бывшим Павлом через внутридомовую систему.

– Пятится, – ответил Оссиан. – Теперь идет вперед. Делает что-то сложное руками.

– Комплексные упражнения, – ответила Флинн, заходя обратно в яхту. – Он помногу ими занимался, пока не стал инвалидом.

– Что с ним случилось? – спросил Недертон.

– Война.

Недертону вспомнилась обезглавленная фигура в Ковент-Гардене.

– Отряхивает пиджак, – объявил Оссиан. – Глядит на свои руки. Кстати, освоил включение ночного зрения у периферали. Направляется сюда неспешной рысцой. – Он посмотрел на Флинн, видимо отключившись от внутридомовых камер. – Ну и красавчик твой приятель. Бывший военный?

– Первая гаптическая разведка, – ответила Флинн. – «Всегда впереди». У него, возможно, такая же дрянь от имплантов, как у моего брата. В. А. пыталась выяснить.

– Виктория и Альберт? – спросила Тлен.

– Ветеранская администрация.

Недертон подошел к двери. Ближайшая арка как раз засветилась над перифералью. Он предпочел бы облачный ИИ той нестабильности, на которую намекала Флинн. Чего ради она притащила сюда этого типа, а не своего брата?

Устройство поднялось по трапу.

– Кажись, палец вывихнул, – сказало оно в дверях. Выговор у него был примерно такой же, как у Флинн. Мизинец на левой руке выставлен вперед. – Все о'кей, даже лучше, чем о'кей. Они все такие, эти штуковины?

– Твоя оптимизирована для боевых искусств, – сказал Недертон.

Устройство подняло бровь.

– Тренажер, – продолжал Недертон. – Принадлежит брату

нашего друга.

Тлен достала «медичи»:

– Подойди сюда, пожалуйста.

Устройство приблизилось к ней, по-детски выставив палец. Она приложила «медичи» к его мизинцу и сказала:

– Растяжение. Боль должна уже пройти, но постарайся в ближайшее время его не нагружать.

– Что это? – спросила периферал, глядя на «медичи».

– Больница, – ответила Тлен, убирая прибор.

– Спасибо, – сказала периферал, собрала пальцы в кулак, разжала. Подошла к Флинн, положила руки ей на плечи. – Мейкон считает, это и правда оно.

– Я просила его не рассказывать тебе слишком много, боялась, вдруг не получится.

– У меня типа всё супер, – сказала периферал, убирая руки с ее плеч. – Потом я думаю, может, это сон, и мне не супер.

– Это не сон, – ответила Флинн. – Не знаю что, но точно не сон. И сомневаюсь, что у кого-нибудь из нас всё супер.

– Ни разу ничего не растягивал во сне, – сказала периферал. – Типа усек, что ей недолго и шею ненароком свернуть.

– Да, – ответила Тлен. – Считай ее человеком. Она генетически и есть человек по большей части. И еще это очень дорогая вещь, которую мы взяли для тебя на время.

Устройство вытянулось по стойке смирно, звонко щелкнув каблуками и комично выставив массивный подбородок, молодцевато отдало честь и тут вновь приняло ту расслабленную, слегка балансирующую позу, которая была не совсем от Павла.

– Мейкон думает, это правда будущее, – сказало оно Флинн. – И Бертон тоже.

– Он сейчас у тебя? – спросила она. – Бертон, в смысле.

– Был, когда я закрыл глаза. Может, уже ушел.

– Злится на меня?

– Ему, кажись, не до того. Кто-то купил Законодательное собрание, оно давит на шерифа. Томми хочет поговорить со мной про мемфисских ребят. – Устройство оскалилось в улыбке, которую Недертон назвал бы довольно жуткой. – Бертон говорит, им это надо, чтобы подкопаться под него и под тебя. Просил тебе передать, чтобы тут подсуетились.

– В каком смысле «подсуетились»?

– Говорит, пусть купят губернатора, пока поезд не ушел, – сказало устройство. – У вас таких денег нет.

– Это к Оссиану и Тлен, – вставил Недертон.

Флинн и периферал разом повернулись к нему.

– Извините, – продолжал он, – но, если вопрос срочный, советую поставить его прямо сейчас. Лондонская школа экономики, к вашим услугам. По крайней мере ее неофициальная студенческая часть.

Теперь на него в упор смотрели Тлен и Оссиан.

– Деньги, ничего больше, – сказал он им.

51. Браво, Чарли, фиг поймешь

Дворик в доме Льва был такой же, как прежде: высокие глухие стены, мощеные дорожки, несколько клумб. Флинн вышла сюда с Коннером, оставив других на кухне, где Лев готовил им кофе. Высокая блондинка – надо понимать, миссис Лев – была там, но при их появлении сразу вышла, злобно глянув на Недертона. Оссиан и Тлен рассказали Льву, что надо будет купить губернатора, причем у Флинн было чувство, что для них добыть деньги не проблема, однако они говорят так, будто проблема. Потом отрапортуют, что справились. Она сама так делала на работе. Льва, судя по виду, разговор не радовал.

Небо было тусклее, чем когда они летали над Чипсайдом. Как матовая плошка для микроволновки.

– Это будущее, Флинн? – спросил Коннер.

– Постарайся себя не изводить. Никто из нас не сошел с ума, и мы оба думаем, что это оно.

– Я думал, что схожу с ума, потом Мейкон пришел и надел мне на голову ту штуковину. Открыл глаза и увидел тебя. Только ты – не ты. Разве не сумасшествие?

– Не хмурься. Слишком жутко выглядит.

– Допустим, чувак слышит голоса. И ты телепортируешь его на Венеру. Будет ли он по-прежнему слышать голоса или будет думать, что спятил, потому что рассекает по Венере?

– Ты слышал голоса?

– Типа пытался. Просто для разнообразия.

– Черт, Коннер. Не веди себя так.

– Я и не веду, сейчас. А кто они все такие? – Он обернулся на стеклянную дверь кухни.

– Высокий – Лев. Ты в периферали его брата. Он взял ее на время.

– Четырехглазка?

– Тлен. Они с Оссианом шестерки у Льва. Или айтишники. И еще Уилф Недертон. Сказал, из отдела по работе с персоналом, но компания, в которой он служит, по большей части воображаемая.

– Ты знаешь, что им надо?

– Довольно смутно, даже если все, что мне рассказали, правда.

– С чего это началось? – спросил Коннер.

– Недертон облажался.

– На него похоже. – Коннер глянул на нее. – Хочешь, я их урою?

– Нет! – Она ущипнула его за руку – все равно что щипнуть камень. – Хочешь вернуться к себе на диван? Я могу позвонить Мейкону.

– Мне нечем тебя отблагодарить. Просто первое, что пришло в голову.

– Не за что благодарить. Я очнулась здесь, подумала, – она тронула лицо, – и вспомнила о тебе. Может, мы еще оба об этом пожалеем.

– В будущем или где, но у меня есть пальцы. Просто скажи, чего делать, чего не делать.

Бляшка Тлен.

– Эдвард, – сказал ее голос.

Новая бляшка рядом, желтая, с двумя красными наггетсами, одним над другим:

– Флинн? Мейкон меня соединил. – Только голос, без картинки.

– Что случилось?

– В трейлере, с тобой.

– Где Мейкон?

– У Коннера. Мне не очень удобно тебе говорить…

– Что такое?

– Кажись, тебе надо по-маленькому.

– Что?!

– Ты ерзаешь. Здесь.

Флинн представила Эдварда в китайском кресле, как тот смотрит на нее лежащую.

– Ты хочешь, чтобы я вернулась?

– На минутку.

– Не отключайся. Тлен!

– Да? – спросила Тлен.

– Мне нужно на минутку вернуться. Это можно устроить?

– Конечно. Возвращайся в дом, мы найдем, где тебя усадить.

– Ты слышал, Эдвард?

– О’кей. Спасибо, – сказал он.

Бляшка с двумя наггетсами исчезла.

– Пошли назад в дом, – обратилась Флинн к Коннеру. – Мне надо на минутку в трейлер.

– Зачем?

– Эдвард думает, что мне нужно пописать.

Широкоскулое лицо обернулось к ней.

– Да, он за тебя этого сделать не может. – Коннер зашагал к дому. – Впрочем, буду иметь в виду.

– Что?

– Для следующего раза возьму катетер из «тарантула».

– Сюда, – сказала Тлен, когда они вошли в кухню. – Можешь устроиться в галерее.

Она поставила чашку кофе и шагнула к двери, Флинн за ней, Коннер позади. Налево в широкий коридор, потом направо, в огромную комнату.

– Она слишком велика для дома, – заметила Флинн.

– Зал продолжается в два соседних дома, – объяснила Тлен.

– Фальшивые Пикассо? – спросила Флинн. Она помнила некоторые из картин по старшим классам.

– Если фальшивые, кое-кому придется несладко. Садись сюда. – Тлен указала на старинного вида мраморную скамью. – Ты уже привыкла к переходам, так что теоретически тебе довольно вдохнуть, закрыть глаза, выдохнуть, открыть.

– Зачем закрывать глаза?

– Некоторым переходные ощущения неприятны. Мистер Пенске может посидеть с тобой.

– Коннер, – сказал он. – Я и собирался.

Флинн села. Через джинсы периферали чувствовался холодный мрамор. Прямо перед нею висели две картины, которые она видела на экранах сколько себя помнит.

– Готово, – сказала она, вдохнула и закрыла глаза.

– Поехали, – произнесла Тлен.

Флинн выдохнула и открыла глаза. Чувство было такое, будто она упала на спину, но без настоящего движения. Вазелиново-светящийся потолок «Эйрстрима» нависал слишком низко.

Эдвард был прав. Ей хотелось пи́сать.

– Погоди, – сказал он, видя, что она начала садиться, – дай сниму эту штуку.

На глазу у него была виза. Он снял с Флинн венчик Белоснежки.

– Бертон здесь? – спросила она, садясь окончательно. В голове плыло.

– У Коннера, вместе с Мейконом.

– Дженис?

– В доме, сидит с твоей матерью.

Флинн неуверенно встала:

– Ладно, сейчас вернусь.

На пути к выходу ее немного повело. Открыв дверь, она первым делом услышала выстрелы. Короткую автоматную очередь, потом два отдельных. Не близко, но и не далеко.

– Черт. – Флинн обернулась к Эдварду.

Его свободный от визы глаз округлился.

– Кто дежурит?

– Я не успеваю следить, – ответил он. – Несколько человек.

– Выясни, что там, – сказала она и вышла наружу.

Прислушалась. Гудение насекомых. Плеск ручья. Ветер в древесных кронах. Добежала до сортира. Дверная пружина скрипнула, закрываясь. Флинн спустила джинсы, села в темноте, в целой вселенной от Пикассо. В последний момент вспомнила сыпануть в отверстие опилок.

Пружина на двери теперь скрипнула иначе. В свете от трейлера пронеслись четыре дрона с наклейками из бирюзового скотча.

– Кто стрелял? – спросила она Эдварда, вбегая в «Эйрстрим».

– Кто-то был на вашем участке.

– Был?

– Вроде да, но они орут на своем диком армейском жаргоне: чарли, браво – фиг поймешь. Твой брат в курсе. Едет сюда.

– Наверняка это гребаное Законодательное собрание, – сказала Флинн, садясь на кровать. – Давай. – Она указала на сахарную корону.

– Что ты собираешься делать? – спросил Эдвард.

– Вернусь туда. Попытаюсь выбить денег. Пусть Бертон мне туда звякнет. Тлен его соединит. Если не дозвонишься ему, скажи Мейкону.

– Коннер там нормально?

– Вот уж с ним, по крайности, все ясно. Нормально, наверное, чересчур сильно сказано.

Эдвард провел холодной соленой мазью по ее лбу, опустил корону. Помог Флинн лечь.

Она вдохнула, закрыла глаза.

52. Солдат в горячей точке

Недертон остановился у входа в галерею. Периферaль Флинн сидела на скамье, метрах в трех, спиной к нему, и как будто бы любовалась двумя лучшими Пикассо Зубова-отца. Спарринг-партнер стоял рядом, руки в карманы, и глядел на дверь.

– Держи дистанцию, – сказал он.

– Да, – ответил Недертон, который как раз собирался шагнуть ближе.

– Это музей? – спросил спарринг-партнер.

– Частная галерея. В доме, – ответил Недертон.

– Они живут в музее?

– Они живут среди картин, – сказал Недертон. – Хотя настоящий хозяин живет в другом месте.

– Не было бы столько картин, мог бы жить здесь. Места как на парковке внизу.

– Я Уилф Недертон.

– Коннер, – сказало устройство.

– Если у тебя есть вопросы, я постараюсь на них ответить.

– Она сказала, ты облажался.

– Кто «она»?

– Флинн. Сказала, все началось с того, что ты облажался.

– В целом – да.

– Как?

– Поставил личное выше профессионального. С женщиной. А одно за другое…

– Много что.

– Да, наверное…

Недертон, забывшись, сделал шаг вперед.

– Стой, – сказало устройство.

Недертон остановился и спросил:

– Ты хорошо знаешь Флинн?

– Учились вместе. Сестра лучшего друга. Умница. Она бы уехала куда-нибудь, если бы не мать.

Интересно, подумал Недертон, получает ли периферaль Флинн зрительную информацию и, если да, куда та попадает? Тут она повернулась.

– Где все? Мне надо с ними поговорить. И побыстрее, – сказала Флинн.

– Спроси его, – ответило устройство, имея в виду Недертона.

– По-прежнему в кухне.

Флинн встала:

– Уже добыли денег купить губернатора?

– Как я понимаю, денег там уже много, надо лишь найти способ их применить, – сказал Недертон.

– Так найдите.

В следующий миг она уже шагала по коридору. Спарринг-партнер стремительно прошел мимо Недертона, и тот подумал, что устройство не считает его большой угрозой, раз подставило ему спину.

– Добрый вечер, – произнес голос Лоубир. У входа в кухню, со Львом и Тлен. – А это, как я понимаю, мистер Пенске.

– Неприятности дома. Стреляют, – сказала Флинн.

– Кто стреляет в кого? – спросила Лоубир.

– Я там была всего минуту. Перестрелка на участке. Эдвард слышал, ребята разговаривают, как будто ведут бой. Так удалось купить губернатора?

Последний вопрос был обращен ко Льву.

– Надо приобрести контрольные пакеты акций в двух фирмах, которые составили основную его поддержку на выборах, – ответил Лев. – Оссиан этим занимается.

– Твоя обеспокоенность понятна, – сказала Лоубир.

– Там в доме мама. Наши считали, что на участок никто проникнуть не может. Над ним дроны.

– Можете узнать, что там сейчас происходит, и сообщить нам? – обратилась Лоубир к Тлен. – Мы будем в той прелестной комнате наверху. К сожалению, у меня совсем мало времени, однако я хотела увидеть Флинн в ее периферали. – Она улыбнулась. – И мистера Пенске, разумеется. У меня есть предложение. План действий.

Тлен что-то быстро спросила на очередном синтетическом языке. Прислушалась к ответу, которого не слышали остальные.

– Оссиан на телефоне, говорит с Эдвардом, – сказала она Флинн. – Ситуация под контролем.

– А как мама?

Тлен задала короткий вопрос, уже на совершенно другом языке, выслушала ответ:

– Она ничего не слышала. С ней твоя подруга.

– Дженис, – с заметным облегчением произнесла Флинн.

– Если твои волнения на время успокоены, – сказала Лоубир, – пожалуйста, поднимись с нами в гостиную. Мой план целиком строится на тебе. И вы, пожалуйста, с нами, Коннер.

Устройство взглядом испросило согласия у Флинн, та кивнула.

– Ни хрена в этом не понимаю, – сказало оно Лоубир.

– Вы наш солдат в горячей точке, мистер Пенске, как говорили в моей юности. Нам это нужно.

– Обрадовали, – ехидно произнес спарринг-партнер, по виду, впрочем, ничуть не огорченный.

– Тогда показывайте дорогу, мистер Недертон, – сказала Лоубир.

Недертон двинулся по ступеням, мысленно воображая лучший мир, такой, где в гостиной им предложили бы выпить.

53. Штаб-квартира Санта-Клауса

Дом Льва местами как обычный, жилой, думала Флинн, поднимаясь по лестнице вслед за Недертоном, впереди Лоубир. В кухне, например, пахло жареной ветчиной, хоть там и стоит плита размером с пол-«Эйрстрима». А есть картинная галерея длиной с футбольное поле. И гараж, и еще что-то под гаражом. Лестница же как лестница, полированного дерева, застланная узким ковром, который придавлен бронзовыми арматуринами с навороченными штуками на концах. Ковер потерт, видно, что по нему ходят.

От квадратной площадки лестница повернула вправо и через пролет закончилась. Дальше был коридор со старинной мебелью, картинами и зеркалами в больших рамах, лампами накаливания, хрустальными люстрами. Недертон, впереди нее, шагнул через открытую двустворчатую дверь в отделанную золотом лесную зелень мегамартовской «Штаб-квартиры Санта-Клауса».

Голограмму в витрине ставили сразу после Хеллоуина, всякий раз другую, но Флинн больше всего понравилась комната. Эта была лучше, реалистичнее, и Флинн удивилась, зачем здесь голограмма, но тут Лоубир за плечо ввела ее внутрь и отодвинула стул рядом с длинным темным столом. Высокие окна прятались за длинными зелеными шторами. Следом вошли остальные: Тлен, Оссиан и Лев, Коннер последний. Лев повернулся закрыть дверь, Коннер наблюдал за каждым его движением.

– Садитесь, мистер Мерфи, – сказала Лоубир. На ней был мужского покроя брючный костюм. – Сейчас вы не изображаете дворецкого.

Оссиан сел напротив Флинн, Тлен рядом с ним. Лоубир опустилась в высокое зеленое кресло во главе стола, Лев в другое. Коннер стремительным движением встал у темно-зеленой стены подле буфета, на котором стоял серебряный поднос с хрустальным графином и такими же стаканами. Недертон замер, глядя на графин, потом огляделся, заморгал и сел возле Флинн.

– Спасибо, что заглянули, – сказал Лев инспектору.

– Адвокатов не видно, – ответила она. – Очень душевный прием.

– Они отказываются признать, что совершенно излишни, но согласились присутствовать менее очевидно.

– В любом случае очень любезно с вашей стороны. – Лоубир обвела взглядом остальных. – Я собираюсь изложить план действий.

– Прошу, – сказал Лев.

– Спасибо. Через четыре дня, во вторник вечером, Даэдра устраивает прием, о котором еще не объявлено. Возможно, в одной из гильдий. Список гостей весьма занятен. – Лоубир взглянула на Льва. – Возможно, будет сам поминарий Сити. Чиновники рангом пониже. Мы не смогли выяснить даже мнимый повод. Я бы предположила, мистер Недертон… – (тут Флинн увидела, что глаза Недертона немного сузились), – что вы сумеете изобрести достаточно правдоподобную причину и добыть приглашение.

– Для кого? – Недертон нагнулся над столом, как будто держит карты.

– Для себя, – сказала Лоубир, – и еще для одного лица.

– Я сомневаюсь, что она вообще ответит на мой звонок. Она не пыталась со мной связаться.

– Мне это прекрасно известно. Однако, если я правильно понимаю ваш метод, вы в силах измыслить историю, которая естественно приведет к тому, что она вас пригласит. Я скажу вам, когда, по-моему мнению, разумно будет к ней обратиться. Присутствие бывших любовников создает неловкость, однако оно вполне в рамках традиции. Впрочем, если вы откажетесь наотрез, я не вижу способа продолжать. – Волосы у нее были такие же белые, как корона, которую Мейкон отпечатал в «Самофабе». – По плану вы должны взять Флинн, чтобы та посмотрела на гостей Даэдры. – Лоубир глянула на Флинн. – Ты попытаешься найти человека, которого видела на балконе у Аэлиты Уэст.

– Они богатые, да? – спросила Флинн.

– Да, очень, – ответила Лоубир.

– Так почему нет хреновой тучи снимков всех, кто был на вечеринке? – спросила Флинн. – Почему нет записи того, что видела я? Что снимали папарацци? Зачем я вообще была там нужна?

Она заметила, как мало места занимает Коннер, несмотря на размеры своей периферали. Вид у него был такой, будто он очутился здесь только что и еще этого не осознал. Он подмигнул ей.

– В вашей культуре уже достаточно развита массовая слежка, – сказала Лоубир. – В нашей ее еще больше. Дом мистера Зубова, по крайней мере изнутри, редкое исключение. Для такого требуются не столько деньги, сколько значительное влияние.

– Не поняла, – сказала Флинн.

– Вопрос того, с кем человек знаком и насколько его считают значительным.

– Чтобы в доме не было наблюдения, договариваются по-левому?

– Наш мир сам вообще весь левый, – сказала Лоубир. – Званый вечер у Аэлиты проходил по сходному протоколу, но временному, квазидипломатическому. Никто ничего не записывал. Ни системы Аэлиты, ни «Парадиз», ни твой дрон. Новостные агентства и фрилансеров не подпустили близко. В этом, кстати, и состояла твоя работа.

– Тот тип может быть на приеме?

– Не исключено, – ответила Лоубир. – Если ты туда не попадешь, мы этого не узнаем.

– Протащи нас туда, – сказала Флинн Недертону.

Тот глянул на нее, потом на Лоубир. Закрыл глаза. Открыл.

– Анни Курреж, эксперт по неопримитивизму. Англичанка, несмотря на фамилию. Даэдра встречалась с нею в моем присутствии, на рабочем ленче в «Коннахте». Позже я убедил Даэдру, что у Анни есть лестная теория касательно творческого развития ее карьеры. Сейчас Анни, к своему величайшему сожалению, не сможет присутствовать на приеме физически, но будет счастлива сопровождать меня… – он покосился на Флинн, – в периферали.

– Спасибо, мистер Недертон, – сказала Лоубир. – Я ничуть в вас не сомневалась.

– С другой стороны, – продолжал Недертон, – по словам Рейни, Даэдра, возможно, предполагает, что я убил ее сестру. Или поручила друзьям распространять подобные слухи. – Он встал. – Так что я считаю, по такому поводу необходимо выпить.

Недертон обошел стол. Периферали Коннера следила за ним взглядом.

– Еще кто-нибудь будет? – спросил Недертон через плечо.

– Я не прочь, – ответил Лев.

– Я тоже, – сказал Оссиан.

– Спасибо, для меня слишком рано, – проговорила Лоубир.

Тлен промолчала.

Недертон принес серебряный поднос с графином и стаканами на стол.

– Мистер Пенске отправится с вами в качестве телохранителя, – продолжала Лоубир. – Без охраны вы бы слишком выделялись на общем фоне.

– Как Флинн решит, – ответил Коннер.

– Ты идешь, – сказала Флинн.

Он кивнул.

Недертон наливал виски – если это был виски – в три стакана.

– Надо купить губернатора, – сказала Флинн. – Дела паршивые. Стрельба у нас на участке.

– Работа идет, – ответил Оссиан, беря у Недертона стакан.

Тот поднес два других Льву, Лев взял один.

– Будем здоровы, – сказал Недертон.

Все трое подняли стаканы, выпили. Недертон поставил на стол свой, пустой, Лев – почти нетронутый. Оссиан покрутил виски в стакане, понюхал, отпил еще.

– Это всё? – спросила Флинн у Лоубир. – Мне надо вернуться, поговорить с Бертоном. И Коннеру тоже.

– Мне самой уже пора. – Лоубир встала. – Будем на связи.

Улыбнувшись и кивнув всем, она вышла, Лев за ней. Флинн не привыкла видеть, как высокие люди семенят, но Лев явно семенил за Лоубир, как будто у нее есть ключ к чему-то, что ему очень нужно. Они спустились по лестнице.

– Где нам оставить эти штуки? – спросила Флинн, имея в виду периферали. – Мы надолго.

– В «мерседесе», – ответила Тлен. – Твоей пора вводить питательный раствор, мы введем, пока тебя не будет.

Она встала. Ирландец поставил стакан и тоже поднялся.

Флинн начала было отодвигать свой стул, но Коннер уже сделал это за нее. Она и не видела, как он обошел стол. От его периферали пахло лосьоном или чем-то в таком роде, цитрусово-металлическим.

Недертон взял стакан Льва.

– В хозяйской каюте постель больше, – сказал он Коннеру. – Можешь лечь там. – И отпил виски.

Тлен вывела их из того, что, как понимала теперь Флинн, вовсе не было штаб-квартирой Санта-Клауса, как бы сильно ее ни напоминало. Недертон допил виски Льва, и они все спустились по лестнице, потом на лифте в гараж.

– Возвращение может немного выбить тебя из колеи, – сказала Тлен, стоя рядом с Флинн в лифте.

– Раньше не выбивало.

– Существует кумулятивный эффект, не говоря уже о десинхронозе.

– Это еще что?

– Эндокринный аналог дальнего перелета. Ваше время на пять часов отстает от лондонского плюс шесть часов изначальной разницы между нами и вашим континуумом.

– А это отчего?

– Чистая случайность. Разница установилась, когда мы отправили первое электронное письмо в вашу Колумбию. И с тех пор сохраняется. Ты тяжело переносишь сдвиг времени при перелетах?

– Никогда не летала, – ответила Флинн. – Слишком дорого.

Бертон летал, когда был в морской пехоте.

– И еще, чем дольше ты здесь, тем вероятнее, что по возвращении ты заметишь отличия. Органы чувств периферали не так сложны, как твои. Ты можешь обнаружить, что ощущения изменились, и в нелучшую сторону. Стали более грубыми, некоторые говорят. Ты успела привыкнуть к несколько иному восприятию, хотя сейчас вряд ли это замечаешь.

– Будут серьезные проблемы?

– Нет. Но лучше знать о них заранее.

Бронзовые двери открылись.

Оссиан довез их до жилого автофургона в тележке для гольфа, такой же бесшумной, как лифт. Недертон сел рядом с Флинн. От него пахло виски. Коннер устроился сзади. Арки зажигались одна за другой, когда тележка проезжала под ними мимо фар и радиаторов старых автомобилей. Флинн обернулась:

– Кто будет у тебя дома, когда ты вернешься?

– Мейкон, наверное.

– Тлен говорит, мне, возможно, будет хреновато. Тебе, наверное, тоже. Как от сдвига времени при перелете.

Коннер ухмыльнулся, и, хотя лицо периферали было совершенно другое, улыбка получилась его.

– Мне это раз плюнуть. Когда возвращаемся сюда? – Он расширил глаза периферали.

– Не знаю. Думаю, скоро. Тебе надо поесть, поспать, если сможешь.

– Что ты там собираешься делать?

– Выяснить, что происходит, – ответила она и увидела безголового робота для фитнеса, он стоял там, где его оставили.

54. «Синдром самозванца»

– Вот уж не подумала бы, что тебе нравятся такие клубы, – сказала Тлен, глядя на тематическое оформление (как знал Недертон, лишь одно из нескольких): гипертрофированно живописный рассвет над обобщенной пустыней. Что-то связанное с рухнувшими дирижаблями.

Клуб располагался на Кенсингтон-стрит, над шоу-рум известного дизайнера, который делал кухни по индивидуальному заказу.

– Я был здесь как-то с друзьями. Они выбрали место, не я, – ответил он.

Тлен привезла его сюда в одном из экспонатов Зубова-отца, двухместном автомобиле, от которого несло ископаемым топливом. Она была закутана или замурована, смотря как посмотреть, в наполеоновскую шинель из чего-то вроде почерневшего от копоти мрамора. В статичной позе фигура казалась высеченной из камня, в движении ткань струилась, как шелк.

– Ты вроде бы говорил, что терпеть такого не можешь.

– Ты сама мне сказала, что Лоубир велела сейчас поговорить с Даэдрой. Она настаивает, чтобы я не звонил от Льва.

– Еще она настояла, что сама тебя отсюда заберет. Пожалуйста, будь осторожен. Здесь мы не можем тебя защитить. Особенно от себя самого.

– Вообще-то, ты можешь остаться, – сказал он, надеясь, что Тлен откажется. – Пропустить рюмочку.

– По-моему, тебе лучше не пить, но это не я решаю.

И она ушла через оптически расширенное помещение, которое пошлостью вполне могло поспорить с ультрамариновым салоном Зубова-отца.

– Что изволите, сэр? – спросила митикоида.

Он не слышал, как она подошла. Тонкие руки и лицо были из блестящего алюминия, одежда напоминала лохмотья древнего летного костюма.

– Столик на одного, завуалированный, ближайший к выходу. – Недертон протянул руку, давая митикоиде считать его кредитку. – И пусть никто, кроме обслуживающих устройств, ко мне не подходит.

– Да, сэр, – сказала митикоида и повела его к тому, что должно было выглядеть (но не выглядело) так, будто построено из обломков древних авиамашин. Все венчал потолок в виде газовых отсеков доисторического аэростата, в которых метались

зыбкие отблески огня.

Играла музыка какого-то неведомого жанра, но у завуалированных столиков была опция «без звука». Разбитые секции фюзеляжа, деревянные винты – все новодел, хотя, возможно, в этом и состоял замысел. Недертон заметил Фитц-Дэвида Ву, но наверняка не того, в котором приходила Рейни. Устройство было в ретропролетарском комбинезоне, одна щека художественно испачкана мазутом. Оно безразлично смотрело на высокую блондинку, созданную, надо думать, по образцу какой-нибудь доджекпотовской медиадивы.

Митикоида развуалировала стол – только на минуту, чтобы Недертон сел. Он заказал виски, выбрал беззвучный режим и стал наблюдать за пантомимой периферали. Когда другая митикоида принесла выпивку, он решил, что выбрал это место за пристойный алкоголь, который тут подают. Иначе не объяснить, зачем его сюда понесло. Разве что потому, что никто другой не в силах такое вытерпеть. Либо из смутного желания что-то косвенно понять о Флинн. Чересчур косвенно, думал он, глядя на периферали.

Что они не в его вкусе, стало ясно еще тогда, в первый визит. Недертон и его друзья тоже взяли завуалированный столик. Он гадал, как можно подобным образом себя вести, если знаешь, что почти наверняка кто-то скрытно наблюдает. Один из друзей заметил, что клиенты платят именно за присутствие публики, и разве они сами не платят за возможность смотреть? По крайней мере здесь, в первом зале, эксгибиционизм не заходил дальше обычного флирта. И на том спасибо.

Возбуждало происходящее не больше, чем если сидеть одному в шатре Тлен. И все равно Недертон был рад, что вырвался из гаража. И конечно, тут был виски. Недертон махнул проходящей митикоиде, которая его видела, чтобы принесла еще.

Кто бы ни управлял периферали, где бы они ни находились, эти люди воплощали для Недертона беспросветную скуку его эпохи. Все они, надо думать, совершенно трезвые, лежат где-то под автономными отсекателями и не могут даже выпить. Люди феноменально неинтересны.

А вот Флинн – совсем наоборот, в периферали или сама по себе.

Появилась пульсирующая эмблема Лоубир и на мгновение заслонила искусственно шершавое не-лицо митикоиды, которая принесла наконец виски.

Недертон не ждал звонка.

– Да? – спросил он.

– Курреж, – сказала Лоубир.

– Что с ней?

– Вы точно остановились на этой версии?

– Да, наверное.

– Решайте окончательно. Речь о чужой жизни. Вы отправляете ее в дальнее путешествие.

– Куда?

– В Бразилию. Судно отбыло три дня назад.

– Она отправилась в Бразилию?

– Отправилось судно. Мы пошлем ее вдогонку, задним числом изменив список пассажиров. Во время путешествия она будет полностью недосягаема. Погружена в медитации, которые требуются, чтобы ее приняли неопримитивисты.

– Как-то чересчур сложно, – заметил Недертон. Он предпочитал простые обманы, дающие бóльшую свободу маневра.

– Мы не знаем, что в силах выяснить Даэдра, – сказала Лоубир. – Поэтому рассчитывайте, что вашу историю станут проверять всерьез. История простая. Курреж отбыла три дня назад с целью предаться бразильским неопримитивистским медитациям. Название судна и порт назначения вам неизвестны. Пожалуйста, не сочиняйте лишних деталей.

– Лишние детали, как я понимаю, по вашей части. – Недертон отпил крохотный глоток виски.

– Мы не станем мониторить вас цифровым способом. Слишком заметный след. Наш человек в клубе будет читать у вас по губам.

– Завуалированность не помеха?

– С тем же успехом вы можете считать себя невидимым, когда закрываете глаза, – ответила Лоубир. – Звоните ей прямо сейчас, до того как допьете стакан.

– Хорошо, – сказал Недертон, глядя на виски.

Эмблема исчезла.

Он поднял глаза, ожидая увидеть, что кто-то смотрит на него через маскировочную завесу, однако периферали флиртовали друг с другом или старательно делали вид, будто не флиртуют, а у официанток-митикоид глазницы были пусты. Недертон вспомнил, как митикоида в мобиле Даэдры выпустила глаза – по меньшей мере четыре пары, разного размера, черные, сферические, пустые. Он отпил виски.

Ему представилось, как Анни Курреж сажают в какую-то правительственную авиамашину и мчат к мобилю над океаном. Все ее планы стремительно поменялись по воле Лоубир. Лоубир не просто офицер Лонпола. Люди таких лет не бывают «просто» кем-то. Недертон глянул на отблески огня в сдувшемся вымышленном аэростате и впервые заметил, что они имеют

очертания человеческих фигур. Пленные электрические души? Кто придумывает такое жуткое оформление?

Он допил виски. Пора звонить Даэдре. Но прежде он закажет еще порцию.

55. Очень сложно

С закрытыми глазами она не узнала стук дождя по гермопене – ровное повторяющееся чмоканье. Открыв глаза, увидела полимер с утопленными в нем светодиодами.

– Ты уже с нами? – спросил замшерифа Томми Константайн.

Флинн повернула голову так быстро, что чуть не уронила белую корону, еле успела поймать ее двумя руками.

Он сидел подле кровати, лицом к Флинн, на старом металлическом табурете. Черная форменная куртка блестела каплями дождя. Серую фетровую шляпу Томми держал на коленях, благо штаны были с непромокаемой пропиткой.

– Томми, – сказала Флинн.

– Я самый.

– Давно ты здесь?

– На твоем участке – с час. Здесь – минуты две. Эдвард ушел в дом за сэндвичем. Не хотел идти, но он не ел с двенадцати, и я сказал, что в голодухе чести нет.

– Зачем ты приехал?

– Как-то в ваших краях часто стали убивать.

– Кого убили?

– Теперь уже прямо на вашем участке. Там, в лесу. – Томми показал рукой.

– Кого?

– Двоих. Оба молодые ребята. Твой брат считает, что вроде него или, по крайней мере, вроде его компании. Которая каждую ночь, сутки за сутками, а сейчас вот под проливным дождем проводит дроновские соревнования с командой из соседнего округа, во что верится все труднее и труднее. Бертон думает, убитые служили в армии операторами. Они запросто прошли по территории, за которой наблюдали дроны, и проникли бы в дом, если бы рядом не дежурил кто-то – я так полагаю, Карлос и Райс – с винтовками, по старинке.

Флинн, держа корону на коленях, свесила необутые ноги на полимерный пол. Вот совпадение: они с Томми сидят друг напротив друга и каждый держит идиотский головной убор. И еще она пожалела, что не намазала губы блеском.

– Что произошло?

– Они мне не говорят.

– Кто «они»?

– Бертон и остальные. Я думаю, примерно так: Карлос и Райс в инфракрасных очках заметили тех двух ребят в таких же очках и застрелили обоих.

– Черт, – сказала Флинн.

– Вот и я так подумал, когда мне позвонили.

– Бертон?

– Шериф Джекман. Которому, как я догадываюсь, позвонил твой брат. И который для начала разговора напомнил о новых правилах игры.

– Что за правила?

– Что я здесь в неофициальном качестве.

– То есть?

– Я здесь, чтобы помочь Бертону. И тебе, наверное, хотя тебя Джекман не упомянул.

Она взглянула на Томми, не зная, что ответить.

– Почему, если не секрет, ты спала тут, если спала, под каким-то сахарным пирожным? И что – именно это я в последнее время хочу у всех спросить – за ерунда тут творится?

– Тут? – Собственный голос показался Флинн ужасно глупым.

– Тут, в городе, с Джекманом, с Корбеллом Пиккетом, в Клэнтоне, в Законодательном собрании…

– Томми… – начала она и осеклась.

– Да?

– Все очень сложно.

– Вы с Бертоном лепите какие-то наркотики?

– А ты, сколько мы знакомы, работаешь на Корбелла Пиккета?

Томми наклонил шляпу, сливая с обтянутых полиэтиленом полей дождевую воду.

– Ни разу не видел его в глаза. Ничего не делал для него до сегодняшнего дня. Джекман переизбирается благодаря ему и довольно ясно дает понять, что Корбелла касается, а что нет. И я стараюсь, насколько могу в таких условиях, поддерживать в округе порядок. Поскольку кто-то должен этим заниматься. А если мы в один прекрасный день обнаружим, что Корбелл и вся наркоэкономика отправились в лучший мир, то через несколько недель людям здесь станет нечего есть. Так что тут тоже все сложно и печально, на мой взгляд, но так обстоят дела. Как насчет вас?

– Мы не лепилы.

– Главный приток денег в округ изменился, Флинн, изменился в одночасье. Твой брат платит Корбеллу, чтобы тот давил на шерифа и Законодательное собрание. Довольно долго источник больших доходов тут был только один. Так что извини, если я сделал поспешные выводы.

– Я не стала бы лгать тебе, Томми.

Он глянул на нее, склонил голову набок:

– О’кей.

– Бертона наняла охранная фирма в Колумбии. Тамошние люди говорят, что работают на игровую компанию. Ему поручили управлять квадрокоптером, насколько он понял, в игре.

Томми теперь смотрел иначе, но не так, будто считал ее сумасшедшей. Пока, по крайней мере.

– Я его подменяла, когда он был в Дэвисвилле. Так что теперь мы оба работаем на этих чуваков. У них есть деньги.

– И видать, много, если Корбелл Пиккет танцует перед ними на задних лапках.

– Да, знаю. Очень мутная история, Томми. Лучше, если позволишь, я не буду тебе все сразу объяснять.

– Те четверо в машине?

– Кто-то влип. В охранной фирме. Я случайно видела кое-что, и я – единственная свидетельница.

– Можно спросить что?

– Убийство. Тот, кто послал тех ребят, хотел убрать Бертона, потому что думал, я – это он. И наверное, всю нашу семью, на случай если он кому-нибудь рассказал.

– Поэтому теперь у вас над домом дроны и ребята дежурят в лесу.

– Да.

– А сегодняшние двое?

– Наверное, примерно та же история.

– Откуда приходят деньги?

– От колумбийской фирмы. Им надо, чтобы я опознала убийцу или, по крайней мере, сообщника. А я его видела и знаю, что он виноват.

– В игре, ты сказала?

– Слишком сложно объяснить. Ты мне веришь?

– Наверное. Деньги такие, что за ними стоит что-то недоморощенное. – Томми тихонько побарабанил пальцами по полиэтиленовому чехлу на шляпе. – Так под чем ты спала? – Он поднял бровь. – Косметический прибор?

– Пользовательский интерфейс. Бесконтактный. – Флинн подняла корону, чтобы Томми было виднее, потом аккуратно, вместе с проводами, положила на постель.

– Летаешь? – спросил Томми.

– Хожу. Это как другое тело. Я не спала. Телеприсутствовала в другом месте. Когда это делаешь, то отделяешься от своего тела, так что не можешь ему повредить.

– С тобой все хорошо, Флинн?

– В каком смысле?

– Ты очень уж спокойно рассказываешь.

– Похоже на бред?

– Есть отчасти.

– Все еще бредовее на самом деле. Но если я начну сходить с ума по поводу того, какой это бред, то будет вообще писец. – Она пожала плечами.

– «Легкий Лед».

– Кто тебе рассказал?

– Бертон. Вообще тебе подходит, – улыбнулся Томми.

– То были просто игры.

– А теперь нет?

– Деньги реальные, Томми. Пока.

– И твой двоюродный брат выиграл в лотерею.

Флинн решила не отвечать.

– Встречалась как-нибудь с Корбеллом Пиккетом? – спросил Томми.

– Не видела его с тех пор, как он разъезжал с мэром на рождественских парадах.

– Я тоже лично не видел. – Томми поднял руку и глянул на часы, наверное, еще дедушкины, старинные, показывающие только время. – Но мы оба сейчас увидим. В доме.

– Кто сказал?

– Бертон. Хотя, как я понимаю, инициатива исходит от мистера Корбелла Пиккета.

И он старательно, обеими руками, надел шляпу.

56. Свет в ее голосовой почте

Все происходило без сознательных усилий, в идеальном для него режиме. Язык, развязанный превосходным виски, сам собой нашел ламинат на нёбе. Появилась незнакомая эмблема – туго свернутая спираль, какая-то этническая черная вышивка. Видимо, с намеком на круговое течение. Значит, мусорщики стали частью того нарратива, в который со временем превратится нынешняя кожа Даэдры.

На третьем гудке эмблема поглотила все. Недертон был в огромном терминале, сером и гранитном, под исчезающе высоким потолком.

– Будьте добры представиться, – произнес голос невидимой молодой англичанки.

– Уилф Недертон. Могу я поговорить с Даэдрой?

Он глянул на свой столик, на бар, на пустой стакан. Алюминиевый пол вокруг столика был теперь с ювелирной точностью вмонтирован в гранитный пол Даэдры: демаркатором служил вуалирующий механизм клуба. Теперь Недертон не видел ни бара, ни митикоид, а значит, не мог заказать еще порцию.

По длине уходящего вдаль зала, словно упражнение на линейную перспективу, стояли прямоугольные пилоны, а на них, на уровне глаз, – знакомые миниатюры ее хирургически содранных кож между двумя стеклами. Типичное бахвальство: на сегодня она вырастила всего шестнадцать экспонатов, и, значит, здесь стояли по большей части дубликаты. Бледный, будто зимний, свет пробивался через невидимые окна. Слышался звук, такой же неопределенный, как освещение, и настолько же неприятный. Намек ясен. Приемная для нежеланных гостей.

– Отлично, – сказал он и услышал, как слово эхом отразилось от гранитных стен.

– Недертон? – спросил голос, словно подозревая, что это какой-то незнакомый эвфемизм.

– Уилф Недертон.

– По какому вопросу вы хотели бы обратиться?

– Я до недавнего времени был ее агентом по связям с общественностью. Личный вопрос.

– Сожалею, мистер Недертон, но вас в нашем архиве нет.

– Куратор Анни Курреж из галереи Тейт-постмодерн, эксперт по неопримитивизму.

– Что-что?

– Спокойно, дорогуша, пусть система распознавания образов поработает.

– Уилф? – спросила Даэдра.

– Спасибо, – ответил он. – Никогда не любил Кафку.

– Кто это?

– Не важно.

– Что тебе надо?

– Незаконченное дело, – произнес он с тихим и совершенно безыскусным вздохом, который воспринял как знак, что вступил в игру.

– Насчет Аэлиты?

– С какой бы стати? – изумленно ответил он.

– Ты не слышал?

– Что?

– Она исчезла.

Недертон мысленно сосчитал до трех:

– Исчезла?!

– Она устраивала прием в мою честь, после истории с Мусорным пятном, в «Парадизе». Когда после этого включились охранные системы, Аэлиты не было.

– Куда она делась?

– Она не находится, Уилф. Нигде.

– А почему охрана была отключена?

– Протокол. Для приема. Это ты испортил мне молнию?

– Нет.

– Тебя огорчили мои татуировки.

– Не до такой степени, чтобы вмешиваться в твой творческий процесс.

– Кто-то вмешался, – сказала она. – Ты заставил меня согласиться. На тех скучных встречах.

– В таком случае хорошо, что я позвонил.

– А что? – спросила она после несколько затянувшейся паузы.

– Мне бы не хотелось, чтобы все закончилось так.

– Если ты воображаешь, будто все не закончилось, то сильно ошибаешься.

Недертон снова вздохнул. Тело работало за него. Вздох был короткий, дрожащий. Сожаления мужчины, полностью осознающего, чтó он потерял окончательно и бесповоротно.

– Ты неправильно поняла. Но я вижу, что позвонил не вовремя. Твоя сестра…

– Как ты мог не знать? Не верю.

– Я был полностью отключен от всех средств информации. Кстати, только недавно узнал, что меня уволили. Анализировал.

– Что анализировал?

– Мои чувства. С психотерапевтом. В Патни.

– Чувства?

– Совершенно новые для меня горькие сожаления, – сказал он. – Можно тебя увидеть?

– Увидеть меня?

– Твое лицо. Сейчас.

Молчание, затем Даэдра все-таки открыла трансляцию.

– Спасибо, – сказал он. – Наверное, ты самая поразительная творческая личность, какую я видел в жизни.

Ее брови чуть поднялись. Не столько одобрение, сколько признание, что изредка он все-таки способен верно судить о вещах.

– Анни Курреж, – продолжал Недертон. – Ее восприятие твоих работ. Помнишь, я рассказывал, в мобиле?

– Кто-то испортил молнию на моем комбинезоне. Его пришлось на мне разрезать.

– Ничего об этом не знаю. Я хотел просить, чтобы ты кое-что устроила.

– Что? – спросила она, не пытаясь скрыть всегдашнюю подозрительность.

– Анни с ее ви́дением твоего творчества. Чистая случайность, что она раскрыла его мне, и, разумеется, она не знала о наших отношениях. И теперь, когда мне открылась хотя бы часть ее ви́дения, притом как я знаю тебя, я чувствую, что обязан поделиться с тобой.

– Что она говорила?

– Бесполезно пересказывать своими словами. Теряется вся суть. Услышишь ее – поймешь.

– Ты у психотерапевта слов нахватался?

– Есть отчасти.

– Чего ты от меня хочешь, Уилф?

– Чтобы ты позволила мне представить тебе Анни. Еще раз. Чтобы я внес свой, пусть очень маленький, вклад в то, значимость чего, возможно, никогда полностью не осознавал.

Даэдра смотрела на него как на предмет снаряжения. Допустим, на параплан. Решая, оставить или купить новый.

– Говорят, ты что-то с нею сделал.

– С кем?

– С Аэлитой.

– Кто говорит? – Недертон подумал, что если сейчас махнуть пустым стаканом, то митикоида может принести ему полный. С другой стороны, Даэдра тоже это заметит.

– Слухи, – сказала она. – СМИ.

– А что они говорят про тебя и главного мусорщика? Едва ли хорошее.

– Погоня за сенсациями, – ответила Даэдра.

– Значит, мы оба жертвы.

– Ты не знаменитость, – сказала она. – В том, чтобы тебя обвинить, никакой сенсации нет.

– Я твой бывший пиарщик. Аэлита твоя сестра. – Он пожал плечами.

– Где ты? – Даэдра внезапно появилась перед ним целиком, не только лицо, между двумя миниатюрами на пилонах. На ней был знакомый изумрудный кардиган, длинный, руки и ноги – голые.

– Завуалированный столик, бар в Кенсингтоне «Синдром самозванца».

Между ее бровями возникла запятая подозрения.

– Почему ты в пери-клубе?

– Потому что Анни в отъезде. На мобиле по пути в Бразилию. Если ты согласишься ее принять, ей понадобится перифераль.

– Я занята. – Запятая стала глубже. – Может быть, в следующем месяце.

– Она летит в экспедицию. Намерена жить среди неопримитивистов. Они технофобы, так что ей пришлось удалить телефон. Если все пойдет хорошо, пробудет год или два. Увидеться надо поскорее.

– Я сказала тебе, что занята.

– Я тревожусь за Анни. Случись что, ее ви́дение будет утрачено вместе с нею. До публикации дело дойдет не скоро. Ты, по сути, труд ее жизни.

Даэдра сделала шаг к столику:

– Все настолько важно?

– Исключительно. Впрочем, она так благоговеет перед тобой, что не знаю, удалось ли бы ее вытащить, даже не будь ты занята. Встречу один на один ей точно не выдержать. Если бы вы смогли побеседовать как бы случайно на каком-нибудь людном приеме… Она, вообще-то, очень уверенно держится в обществе, но рядом с тобой в «Коннахте» словно язык проглотила. До сих пор не может себе простить. Подозреваю, она и к неопримитивистам-то поехала от отчаяния.

– У меня тут кое-что намечено… Не знаю, много ли у меня будет на нее времени.

– Зависит от того, насколько интересной ты ее найдешь. Может, я ошибаюсь.

– Может, ошибаешься, – сказала она. – Я подумаю.

И она исчезла вместе с изумрудным кардиганом и голыми ногами, и тут же исчез зябкий гранитный свет ее голосовой почты.

Недертон вновь смотрел на периферали в «Синдроме

самозванца», на их суетливую аниматронную диораму, наблюдаемую в беззвучном режиме. Он махнул проходящей митикоиде. Время опрокинуть еще стаканчик.

57. Парадный сервиз

Мама как-то сказала, что богатые люди выглядят как куклы, и сейчас, видя Корбелла Пиккета в маминой гостиной, Флинн вспомнила те давние слова. Каждый квадратный дюйм его тела покрывал равномерный загар, благородная густая седина отливала единообразным серебром.

На Флинн была старая фиштейл-парка Леона, такая, которая сзади длиннее, чем спереди. Леон нанес на ткань вредную водоотталкивающую нанокраску, потому что парка протекала от малейшего дождичка. Раритет времен корейской войны, сказал Леон. Не той, на которую он и Бертон не попали по возрасту, а предыдущей, древней. Флинн нашла парку на вешалке у Бертона, после того как перед его бритвенным зеркальцем мазнула губы блеском. Дождь все так же барабанил по «Эйрстриму». Надевая парку, Флинн старалась не коснуться ее снаружи. В старших классах им показывали ролики, что нельзя трогать такую краску, примерно в то же время, когда правительство начало изымать ее из магазинов.

– Черт, – сказала Флинн, глядя на белый контроллер. – Он подключен к моему телику. Не хочется оставлять телефон, а как отсоединить, не знаю.

– Пусть лежит здесь, – произнес Томми, застегивая куртку. – Если сегодня на участок и зайдет кто-нибудь, кроме ближайших друзей, обратно он уже не выйдет.

– Ладно, – ответила Флинн из-под нависающего капюшона и вслед за Томми шагнула под дождь, гадая, не началось ли уже то, о чем предупреждала Тлен. Вроде бы краски стали чересчур насыщенными, как в старом кино, а вещи – более шершавыми на ощупь.

Ноги заскользили по грязи. Кроссовки были не водоотталкивающие, да и вообще неудобные. Флинн предпочла бы другие, но они остались в будущем, к которому ее мир никогда не придет. И может, они вообще не ее размера. Она подумала о периферали на койке в дальней комнате огромного автодома. Чувство, которое при этом возникло, не имело названия. Может, оно тоже от возвращения в собственное тело? Носки и кроссовки мгновенно промокли насквозь. Флинн шла за Томми по тропе, слушая свистящий звук, с которым капли торопились скатиться по крашеной ткани.

У заднего входа Флинн вытерла ноги о коврик, открыла дверь и сразу увидела Эдварда. Он сидел за кухонным столом, без визы, и приканчивал сэндвич. Эдвард кивнул ей. Рот у него был набит,

глаза – круглые. Через открытую дверь гостиной Флинн видела, что мама достала парадный сервиз. Кивнув Эдварду, она сняла жесткую парку и повесила рядом с холодильником.

– А вот, Элла, и твоя красавица-дочь. – Пиккет стоял у камина, рядом с Бертоном, мама сидела на середине дивана. – А это, должно быть, замшерифа Томми.

– Добрый вечер, мэм, – сказал Томми. – Здравствуйте, мистер Пиккет. Привет, Бертон.

– Здрасте, – выдавила Флинн. Она почти онемела от того, насколько Корбеллу Пиккету было не место в их доме. – Я вас видела на рождественских парадах, мистер Пиккет.

– Корбелл, – ответил он. – Слышал о тебе много хорошего и от Эллы, и от Бертона. И про вас, Томми, от шерифа Джекмана. Рад познакомиться очно, Томми.

– Очень приятно, мистер Пиккет, – сказал Томми.

Флинн обернулась к нему. Он повесил черную куртку рядом с ее паркой и теперь прилаживал шляпу на крючок. Его коричневая форменная рубашка с заплатами на локтях была тщательно отглажена, шерифская звезда блестела, лицо не выражало ничего.

Больше всего Флинн хотела спросить Бертона, купили ли уже губернатора, но нельзя было задать такой вопрос при маме, а уж тем более при мистере Пиккете.

– Привет, – сказал Бертон.

То, как он стоял, напомнило Флинн Коннера в периферали: неустойчивое равновесие, из которого можно быстро прыгнуть в любую сторону.

– Привет, – ответила она.

– Устала, небось?

– Да вроде нет.

– Принеси кофе, Флинн, – попросила мама. – Бертон, помоги встать. Мне уже давно пора в постель.

Бертон подошел, взял ее за руку. Флинн видела, что мама пересиливает болезнь: она это иногда по-прежнему могла, если очень надо. Не хотела, чтобы Пиккет увидел. Кислородную трубку куда-то спрятала.

Флинн вернулась на кухню и взяла кофейник с плиты. Эдвард, в бесплатном дождевике с мегамартовской эмблемой на спине, как раз собрался незаметно выскользнуть на улицу. Он нервно помахал на прощанье. Пластиковые створки на окошке в двери хлопнули, когда Эдвард закрыл ее за собой.

– Съел свой сэндвич? – спросила мама из комнаты.

– Да, – ответила Флинн, возвращаясь с кофе.

– Знала его тетушку Риту. Работали вместе. Извини, что бросаю тебя, Корбелл. Очень приятно было увидеться после

стольких лет. Налей Корбеллу кофе, Бертон. А ты, Флинн, пожалуйста, проводи меня в спальню.

– Да, мам, – сказала Флинн и поставила кофе на стол, на подставку из деревянных бусин, которую Леон сделал, когда был бойскаутом. Потом вслед за мамой вышла в дверь рядом с камином и тихонько притворила ее за собой.

Мама согнулась, ухватила кислородный баллончик, повернула крантик, сунула прозрачные рожки в нос.

– Что у вас с Бертоном за дела с этим типом?

Флинн видела, что мама изо всех сил сдерживается, чтобы не добавить крепкое словцо. А это значило, что она очень, очень сердита.

58. Ву

Прокатный Фитц-Дэвид Ву, тот, что в рабочем комбинезоне и с пятном мазута на щеке, шел к его столику, неся бокал виски.

– Ты меня видишь, – с обидой проговорил Недертон.

– Да, – ответила периферaль, ставя виски перед ним. – Но больше никто. Это последняя порция. Ваш счет заблокирован.

– Кем? – спросил он, хотя уже знал ответ.

Периферaль вытащила что-то из кармана и показала на ладони: оправленный в золото цилиндрик рифленой слоновой кости. Он трансформировался в медальон, который раскрылся и показал тонированное черно-белое фото строго смотрящей Лоубир, в рыжем твидовом пиджаке и зеленом галстуке, затем плавно перетек в крошечного геральдического льва, увенчанного короной и стоящего на задних лапах, потом опять в богато украшенный цилиндрик.

– С чего мне верить, что он подлинный? Легко сделать ассемблерами.

Периферaль убрала цилиндрик:

– Наказание за подделку жезла крайне сурово и продолжительно. Пейте. Нам пора идти.

– Почему? – спросил Недертон.

– Как только вы вошли в ее голосовую почту, различные лица с разных концов долины Темзы двинулись в этом направлении. Ни одно из них, по имеющимся данным, не связано с нею или с вами, однако тетушки отметили нарушение статистической нормы. Мы должны вывести вас отсюда, по возможности не намекнув на вмешательство властных структур. Пейте.

Получив такое безусловное разрешение, Недертон залил в себя виски, встал, слегка пошатываясь, и запнулся о стул.

– Сюда, пожалуйста, мистер Недертон, – устало проговорила периферaль и, крепко обхватив пальцами его запястье, повела Недертона вглубь «Синдрома самозванца».

59. Адвенчурные капиталисты

– Все думают, будто самые большие мерзавцы какие-то особенные, но это не так, – говорила мама, сидя на краешке кровати, рядом с заставленным лекарствами ночным столиком. – Маньяки-убийцы и насильники губят меньше людей, чем такие, как Корбелл. Тридцать с чем-то лет назад его отец был членом муниципального совета, а сам Корбелл – эгоистом и воображалой, хотя, по сути, не хуже многих других мальчишек. Сегодня за ним больше раздавленных жизней, чем он в силах упомнить. – Говоря, она смотрела на Флинн.

– Мы тут взялись за одну халтурку, – сказала дочь. – Получили деньги. Насколько нам известно, работа с ним никак не связана. И вот он объявился. Мы его не звали и за него не просили.

– Если Бертон левачит и В. А. узнает, его лишат пенсии.

– Если все получится, может, это будет и не важно.

– Ветеранская администрация хоть по крайней мере не прогорит, – сказала мама.

Сзади скрипнула дверь. Флинн обернулась.

– Извини, – сказала Дженис, – но этот козел трет Бертону мозги. Не хотелось оставаться там, где он может меня увидеть и решить, что я слышала.

– А где ты была?

– На твоей кровати, тряслась от злости. Когда Бертон сказал, кто идет, я поставила кофе, помогла Элле причесаться и свалила в твою комнату. Вы как, тетя Элла?

– Хорошо, спасибо, золотко, – сказала мама, но было видно, как ей плохо.

– Вам надо принять лекарства, – заметила Дженис. – А ты бы шла к ним. Там, кажись, дела обсуждают.

Флинн заметила фотографию очень молодого папы, в парадной форме. Моложе Бертона. Когда-то это была его комната, потом мама тут шила. Когда ей стало трудно подниматься по лестнице, ее кровать перенесли сюда.

– Ну, я пошла, – сказала Флинн. – Еще загляну. Если к тому времени не уснешь, поговорим.

Мама кивнула, продолжая отсчитывать таблетки.

– Спасибо, Дженис, – сказала Флинн и вышла.

– Нет, пока не буду лучше представлять, кто покупатель, – говорил Пиккет, когда она вошла в гостиную.

Он сидел в кресле-качалке на бежевом пледе, который, как теперь видела Флинн, не мешало бы постирать. Бертон и Томми

расположились на противоположных концах дивана, кофейный столик стоял между ними троими. Пиккет увидел Флинн, но продолжал без паузы:

– Мои люди в Законодательном собрании с вами говорить не станут. Все будет идти только через меня. И еще ваши друзья-приятели должны знать: указанная сумма – только первый взнос. Необходимы дальнейшие выплаты на регулярной основе.

Сидя между Бертоном и Томми, Флинн поняла, что помнит эти интонации по рекламным роликам его дилерской фирмы: каждая фраза вбивается как гвоздь.

– Вот ты, – Пиккет посмотрел ей в глаза, – напрямую общалась с нашими колумбийскими адвенчурными капиталистами.

Флинн твердо выдержала его взгляд:

– Да.

– Расскажи мне о них. Твой брат либо не знает, либо не хочет говорить.

– У них есть деньги, – ответила Флинн. – Часть этих денег теперь у вас.

– А какой у них запашок? Китайский? Индийский? Я даже не уверен, что это офшор. Может, начало и конец здесь, а Колумбия – для видимости.

– Ничего не знаю. Компания колумбийская.

– Колумбия есть и в Южной Каролине, – сказал Пиккет. – Ты и Бертон – их партнеры?

– Пытаемся, – ответил Бертон.

Пиккет перевел взгляд с него на Флинн:

– Может, это правительство.

– Мне такое в голову не приходило, – ответила Флинн.

– Подставная контора. А за ней – безбаши.

– Очень непохоже. Или это какие-то особенные безбаши, – сказала она.

– «Милагрос Сольветра», – произнес Пиккет с таким видом, будто ему противно выговаривать иностранные слова. – Даже не испанский, как мне объяснили. «Соль ветра».

– Я не знаю, отчего ее так назвали, – сказала Флинн.

– Ваша «Милагрос» купила долю в Голландском банке. Как раз пока я сюда ехал. Потратили больше, чем бюджет округа за этот год и три следующих. Что у тебя и Бертона есть такого, чего не хватает этим людям?

– Они выбрали нас, – сказала Флинн. – Ничего больше не объяснили. Могли бы вы купить этот банк, мистер Пиккет?

Она ему явно не нравилась. Хотя, может быть, ему никто не нравился.

– Вы считаете, что можете быть партнерами такой организации? – спросил Пиккет, обращаясь к Флинн.

Ни она, ни Бертон не ответили. У нее не было сил взглянуть на Томми.

– А я могу, – продолжал Пиккет. – И если я стану их партнером, вы получите деньги, о каких не умеете даже мечтать. А если вы не пойдете на сделку со мной, всякая поддержка Законодательного собрания прекращается. Прямо сейчас.

– Вам неспокойно, что вы не знаете, откуда деньги? – спросила Флинн. – Что вам надо, чтобы успокоиться?

– Прямой доступ к тем, с кем я веду дела. Три месяца назад этой компании не существовало. Мне нужен человек с фамилией, который объяснит, кто за ними стоит.

– Недертон, – сказала Флинн.

– Что?

– Это его фамилия. Недертон.

Флинн поймала на себе взгляд Бертона. Его выражение оставалось прежним.

– Томми, – сказал Пиккет, – очень приятно было познакомиться. Почему бы вам не пойти и не снять вопрос с этими двумя жмуриками? Джекман говорит, вы очень профессионально работаете.

– Да, сэр. – Томми встал. – Пока, Бертон, Флинн.

Он кивнул им обоим и вышел в кухню. Было слышно, как он надевает куртку и застегивает молнию. Потом хлопнули створки на двери.

– А у тебя умная сестра, Бертон, – сказал Пиккет.

Бертон не ответил.

Флинн поймала себя на том, что разглядывает пластмассовый подносик на каминной полке. Такие подносы с мультяшной картой Клэнтона выпустили к двухсотлетию города, когда Флинн было восемь. Мама возила их с Бертоном на юбилейные торжества. Флинн помнила поездку, но сейчас казалось, будто это было в чьей-то чужой жизни.

60. До кондиции

– Не злитесь, – сказал Ву.

Недертон не помнил про него ничего, кроме фамилии. Ву был одет для какой-то косплейной зоны, в которую Недертон, к счастью, никогда не заглядывал. Наверное, что-то связанное с «блицем»[4].

– Надеюсь, вас не стошнит, – продолжал Ву.

А не исключено, подумал Недертон. Комнатушка без окон, в которой они сидели, куда-то двигалась, спасибо хоть в одном направлении и плавно.

– Ты актер, – сказал Недертон. Это внезапно всплыло в памяти. Хотя какой актер, поди сообрази. Какой-то.

– Я не Ву, – ответил Ву. – Такая нашлась в прокате, и мне вспомнилось, что в ней была ваша бывшая коллега. Постарайтесь не пить так быстро, мистер Недертон, это плохо влияет на вашу память. Нам надо обсудить ваш разговор с нею, поскольку мне известно лишь то, что было видно по вашим губам.

Недертон выпрямился в кресле. Его роль в ситуации понемногу прорисовывалась, хотя в целом оставалась вполне смутной. Он вспомнил, как его вели узкими, отвратительно чистыми кирпичными коридорами. Спрутосвет и ни пылинки. Мертвенная чистота ассемблеров – лондонских микроскопических уборщиков.

– С кем «с нею»? – спросил он.

– С Даэдрой Уэст.

Недертон вспомнил давящую огромность ее голосовой почты.

– Мы в машине, – сказал он. – Куда едем?

– В Ноттинг-Хилл.

– Нас пригласят, – заявил Недертон. Он вспомнил, что у него была такая надежда.

– У меня создалось впечатление, что вы действительно закинули крючок. При условии, что ее самовлюбленность и впрямь граничит с умственной инвалидностью. Боюсь, что не могу себе позволить так легко обольщаться на сей счет. Возможно, и вам не следует обольщаться, мистер Недертон.

До чего же занудный народ эти актеры.

61. Десинхроноз

– Я пойду спать, – сказала Флинн Бертону в кухне.

Громила с зонтиком для гольфа только что зашел за Корбеллом и увел того к автомобилю. Глаза так и слипались.

– Думаешь, Недертон управится с Корбеллом?

– Лоубир и другие объяснят ему, что говорить.

– Это еще кто?

– Коннер ее видел. Как я понимаю, мы работаем на нее, а платят нам деньгами Льва. Вернее, деньгами Льва здесь, насколько они его. Тьфу. Я на ногах не стою.

– Ладно.

Бертон стиснул ее плечо, надел куртку и вышел. Дождь уже прекратился. Флинн выключила электричество на кухне, заглянула в гостиную – не пробивается ли свет из-под маминой двери – и вышла на лестницу. Ступеньки редко бывали такими крутыми.

Дженис сидела по-турецки на ее кровати, обложившись «Нейшнл географиками».

– Офигеть, какие были национальные парки до приватизации, – сказала она, поднимая голову. – Козел ушел?

– И Бертон тоже.

Флинн тронула запястье и проверила все четыре кармана джинсов, прежде чем вспомнила, что телик остался в трейлере. Она сняла и бросила на кресло футболку, потом вынуждена была рыться под ней, чтобы достать морпеховскую фуфайку. Надела фуфайку, села на кровать, стащила мокрые кроссовки и носки. Расстегнула джинсы и кое-как вылезла из них, не вставая.

– У тебя вид дохлый, – заметила Дженис.

– Сбой внутренних часов, они говорят.

– Как там Элла?

– Я к ней не заходила, – ответила Флинн, – но свет погашен.

– Лягу на диване, – объявила Дженис, собирая журналы.

– Я сегодня видела столько всякой жести. У тетки, которая сказала мне про сбой внутренних часов, по два зрачка в каждом глазу и по жопе бегают анимированные тату.

– Только по жопе?

– По шее, по рукам. Зверье всякое. Видела у нее на животе, но они сбежали за спину, как в мультике, потому что меня не знают. Может, на жопу. Не пойму.

– Чего не поймешь?

– Привыкаю ли я к этому всему. То жесть, то вроде так и надо, то снова жесть.

Дженис села. На ней были самовязаные домашние тапочки из розового акрила.

– Ляг уже, Флинн. Тебе нужно поспать.

– Мы только что купили губернатора, блинский блин. Вот это жесть.

– Он сука почище Пиккета.

– Не то что совсем купили. Договорились с Пиккетом заносить ему на регулярной основе.

– Что это вам даст?

– Защиту. Двое Бертоновых ребят убили двух бывших военных, которые пытались проникнуть в дом. Не просто громил. Там, за трейлером.

– А я-то пыталась понять, чего они такие ошалелые.

– Пиккет поручил Томми разобраться с трупами. – Она непроизвольно скроила детскую гримасу. – Где Мэдисон?

– У Коннера, с Мейконом. Осваивают армейский коптер. По крайней мере, был там, когда я последний раз заходила в Хому. Может, уже дома. – Дженис встала, прижимая к животу старые «Нейшнл географики». – Но я побуду с Эллой.

– Спасибо, – ответила Флинн и уронила голову на подушку. Ее мутило от десинхроноза, а может, от десинхроноза и большей фактурности предметов. Старая джинсовая наволочка под щекой казалась непривычной, грубой, как мешковина.

62. Не ждали

Когда дверца в автомобиле Лоубир отъехала в сторону, Тлен уже стояла наготове. Она ухватила Недертона за руку, прижала мягкий «медичи» к его запястью и потянула. Он выбрался наружу, с трудом нащупывая ногами ноттинг-хиллский асфальт.

– Постельный режим, – посоветовала Лоубир из закрывающейся дверцы. – Легкое снотворное.

– Прощайте, – сказал Недертон. – Прощайте навсегда.

Дверца – единственная незавуалированная часть машины – исчезла за мельтешением пикселей и стала удаляться под затихающий шорох невидимых шин.

– Сюда, – сказала Тлен, прижимая «медичи» к его запястью и продолжая тянуть за руку. – Если тебя вырвет у Льва дома, Оссиану придется за тобой убирать.

– Он меня ненавидит. – Недертон оглядел улицу, лениво гадая, сколько зданий тут объединено с домом Льва.

– Ничего подобного, – ответила Тлен. – Хотя в своем нынешнем состоянии ты и вправду малоприятен.

– «Состоянии»! – с горькой издевкой повторил Недертон.

– Говори тише.

Тлен провела его по ступеням в дом, мимо дождевиков и резиновых сапожек в прихожей. Мысль о Доминике заставила Недертона заткнуться.

В лифте он почувствовал себя если не лучше, то по крайней мере спокойнее. «Медичи» явно действовал.

Они спустились в безмолвный гараж и залезли в тележку для гольфа. Тлен крепко пристегнула Недертона ремнем и повезла к гобивагену.

В яхте она выпустила его руку и убрала «медичи».

– Ляжешь наверху. Ее периферал в задней каюте, периферал Антона – в хозяйской.

Тлен коснулась чего-то на стене; из полированной стены почти бесшумно выпала невидимая прежде лестница, ее туго натянутые стальные тросы блестели.

– Иди первым, – сказала Тлен.

Недертон с трудом выбрался в «воронье гнездо»: стеклянные стены и серая кожаная обивка.

– Это гидротерапевтическая ванна, опционально, – сказала Тлен. – Пожалуйста, не включай ее. «Медичи» ввел тебе кое-что для сна и кое-что от похмелья. Вот туалет. – Она указала на узкую, обитую кожей дверь. – Сперва туда. Потом спать. Мы позовем тебя к завтраку.

Тлен повернулась и пошла вниз по лестнице, напомнившей Недертону сырорезку.

Он сел на обитую кожей полку, гадая, служит ли она частью ванной, снял ботинки, потом пиджак, не без усилий поднялся и толкнул дверь-гармошку. За ней оказался комбинированный писсуар-раковина, который, видимо, мог служить и унитазом. Недертон помочился и проковылял обратно к вмонтированной в стену койке. Лег. Освещение сразу погасло. Недертон закрыл глаза, пытаясь сообразить, что такое ввел ему «медичи». Что-то приятное.

Проснулся он – как показалось, почти сразу – от шума внизу.

Оттуда пробивался свет, хотя здесь, в «вороньем гнезде», было темно. Недертон сел, чувствуя невероятную ясность в голове и полное отсутствие похмелья. Внизу кого-то рвало. Недертон подумал, что, может быть, он спит и его тошнит во сне, однако гипотеза не казалась слишком правдоподобной.

Он встал в носках на кожаный пол и на цыпочках – как ребенок, право! – подошел к опасному краю лестницы. Внизу лилась вода. Недертон крадучись спустился на несколько ступеней, пока, нагнувшись, не увидел периферал Флинн, в черных джинсах и рубашке. Она горстью набрала воды из-под крана в открытом баре, прополоскала рот и энергично сплюнула в круглую стальную раковину, потом резко вскинула голову.

– Привет, – сказал Недертон.

Она, продолжая смотреть ему в глаза, склонила голову набок, вытерла губы тыльной стороной ладони и сказала:

– Стошнило.

– Тлен говорила, что это возможно, в первый раз.

– Недертон, верно?

– Как ты открыла бар?

– Не заперт.

До Недертона только сейчас дошло, что бар закрыт для него одного. Специально так настроен.

– Тебе нельзя пить ничего, кроме воды. – Он спустился по оставшимся ступенькам, сам дивясь своему совету.

– Стой, – сказала она.

– Что-то случилось?

– Где мы?

– В «мерседесе» дедушки Льва.

– Коннер сказал, это автодом.

– Вы так его называете.

Периферал сузила глаза и сделала шаг вперед. Недертону вспомнилась ее мускулатура в экзоскелете.

– Флинн? – спросил он.

Кто-то с топотом бежал вверх по трапу.

Периферaль в два шага оказалась у выхода. Ворвавшийся Оссиан, словно под собственной тяжестью, перелетел через ее бедро. В то же мгновение периферaль развернулась и со всей силы ударила его ногой в плечо, сзади, полностью распрямив колено. Оссиан со стуком впечатался лбом в пол.

– Лежать, – проговорила периферaль, ничуть не запыхавшись. Руки, чуть согнутые, она держала перед собой. – Кто этот наш друг? – спросила она Недертона через плечо.

– Оссиан, – ответил тот.

– Вывихнул… плечо… нафиг, – прошипел сквозь зубы Оссиан.

– Скорее, просто повредил суставную сумку, – заметила периферaль.

Оссиан глянул на Недертона:

– Ее чокнутый братец, да? Парнишка оттуда только что позвонил Тлен. – Слезы внезапно хлынули у него из глаз.

– Бертон? – спросил Недертон.

Периферaль повернулась.

– Бертон, – уже с уверенностью повторил Недертон, видя, что это он.

– Мистер Фишер, – сказала, входя, Тлен. – Рада встретиться лично, пусть и относительно. Вижу, с Оссианом вы уже познакомились.

Оссиан выдал новосозданное ругательство на каком-то синтетическом языке.

– Рад оказаться здесь, – ответила периферaль Флинн.

Тлен коснулась стены, так что из пола выдвинулось кресло.

– Помоги мне усадить Оссиана, – попросила она Недертона. – Гляну, что у него с плечом.

Это оказалось легче сказать, чем сделать, поскольку ирландец отличался мощным телосложением и был сам не свой от боли и злости. Когда его, с мокрым от слез лицом, все-таки усадили в кресло, Тлен достала «медичи» и прижала к черной ткани пиджака над поврежденным плечом, затем убрала руку. «Медичи» быстро вспух, затем обмяк, неприятно похожий на мошонку и неравномерно просвечивающий. Он делал свое неведомое дело через черный пиджак, и от этого Недертону стало еще противнее. «Медичи» уже раздулся больше Оссиановой головы, внутри закручивалась водоворотами кровь и, возможно, волокна мяса. Недертон отвел взгляд.

– Эй! – крикнула периферaль с верхней ступеньки трапа. – Это что?

Недертон подошел на безопасное расстояние:

– Что?

– Вон там. Большое белое.

Недертон вытянул шею:

– Экзоскелет для силовых упражнений. Фитнес-тренажер.

– Мне пойдет, – сказала периферaль и глянула вниз, кажется на свои груди. – Коннер предупредил, что будет жесть, но…

Она легонько пожала плечами, груди колыхнулись. Периферaль растерянно глянула на Недертона.

– Это легко устроить, – произнесла сзади Тлен. – Экзо не периферaль, хотя у него тоже полный диапазон движений. Однако им можно управлять через гомункула, миниатюрную пери. Пока мы не подберем что-нибудь еще, лучше тебе пользоваться им, чем периферaлью своей сестры. Надеюсь, ты не повредил ее, когда ударил Оссиана? У нас на нее большие планы.

Периферaль подняла ногу, покрутила стопу, словно проверяя, не болит ли.

– Нет, – сказала она, опуская ногу. – Крутая штука.

Тлен, твердой рукой удерживая Оссиана в кресле, произнесла какое-то односложное отрицание, которого не было в человеческих языках минуту назад.

Периферaль легкой и (вынужден был признать Недертон) соблазнительной походкой сбежала по трапу и обошла экзоскелет, склонив голову набок, примериваясь.

63. Блеванул

– Начало шестого. – Дженис поставила кружку кофе на столик у кровати. – Я бы дала тебе поспать подольше, но только что позвонил Эдвард. Он в трейлере с твоим братом. Говорит, чтобы ты шла туда.

Флинн сунула руку под подушку, не нашла телефона, вспомнила, что он не здесь. По краям занавесок просвечивало солнце. Наволочка на ощупь была совершенно обычной.

– Что стряслось?

– Говорит, Бертон блеванул, тебе надо прийти.

– Блеванул?

– Так Эдвард сказал.

Флинн села. Глотнула кофе. Вспомнила, как смотрела на белую корону и провода, идущие поверх армейского одеяла к дисплею Бертона и ее телику.

– Черт. – Она поставила кружку. – Он в нее влез.

– Во что?

– Во все. – Флинн вскочила и принялась рыться в одежде на кресле, ища чистые носки. Нашла непарные, зато оба черные. Села на кровать, натянула их. Принялась развязывать мокрые шнурки на кроссовках.

– Выпей кофе, – сказала Дженис. – Вы не такие богатые, чтобы выливать Эллин кофе в раковину.

Флинн подняла голову:

– Как она?

– Злится на тебя и на Бертона, что вы связались с Пиккетом, но для нее это хоть какое-то занятие. Серьезно, выпей кофе. Ничего не случится, если ты придешь туда на две минуты позже.

Флинн взяла кружку, подошла к окну и отодвинула занавеску. Ясное солнечное утро, трава и деревья, мокрые от дождя. У ворот красный «Урал» с коляской, подле него «тарантул», скорпионий хвост заканчивается новехоньким заправочным пистолетом, который якобы был там всегда.

– Коннер здесь?

– Минут десять назад приехал. Карлос и еще один парень внесли его в трейлер на таком вроде стула, из полотна и двух кусков пластиковой трубы.

Флинн допила кофе.

– Томми уехал? – спросила она.

– Не видела его. Я там кофе сварила на всех, отнеси им.

Через несколько минут Флинн, умытая, быстро шла к трейлеру. Большой оранжевый термос при каждом шаге бил ее по

колену. Дорожка выглядела так, будто по ней, увязая в грязи, промаршировала рота солдат, хотя ходили тут лишь бертоновские ребята и Томми, но, видимо, много раз. Маленький дрон пронесся со стороны дома, завис на мгновение и полетел дальше.

Бертон, в серой водолазке, голубых трусах-боксерах и развязанных кроссовках, сидел в открытой двери, и его лицо было белее незагорелых ног. Флинн остановилась, термос в последний раз ударил ее по колену.

– Ну?

– Ты не сказала мне, что от этого тошнит.

– А ты меня не спросил. Ни о чем.

– Ты спала. Я захожу, та штука на кровати, Эдвард сидит рядом. Ты же знаешь, я видел, как Коннер подключался. Ты бы так же поступила на моем месте.

– Эй, Флинн! – крикнул Коннер из трейлера. – Что там у тебя?

– Кофе.

– Давай сюда. Здесь раненый боец.

– Что ты сделал? – спросила Флинн Бертона.

– Загрузился в твою подружку. Встал, блеванул, уложил первого же, кто вбежал в комнату.

– Черт. Кого?

– С косичкой. Одет как на похороны.

– Оссиан. Ты мне все там испортил, да?

– Тлен его вылечила. Чем-то средним между бычьими яйцами и медузой. У нее что, контактные линзы?

– Что-то вроде пирсинга. Сколько быстроты, решимости и натиска ты в это дело вложил?

– Он злится на меня, не на тебя.

– Долго ты там пробыл?

– Часа три.

– И чем занимался?

– Обустраивался. Перелез из твоей подружки в другую штуку, от которой хоть не краснел на каждом шагу. Обсудил бизнес-планы с четырехглазкой. Твоя девочка вообще кого должна изображать?

– Никто не знает.

– Я всякий раз подпрыгивал, как видел себя в зеркале. На тебя смахивает.

– Просто прическа такая же.

– Раненый боец хочет кофе! – заорал Коннер.

– Встань, – сказала Флинн. – Пропусти меня.

Бертон встал. Флинн поднялась по ступеням и прошла мимо

него. Коннер полулежал на койке, подложив под спину подушку Бертона и синий вещмешок Мейкона. Глядя на черные сосиски из полартека на месте недостающих частей тела, Флинн вспомнила, как Коннер бежал в периферали.

– Что такое? – спросил Коннер, смотря на нее.

– Да вот вспомнила, что чашки забыла.

– У Бертона есть, – сказал Эдвард с китайского кресла. Она нагнулся и вынул из прозрачной мегамартовской коробки желтую резиновую кружку.

Флинн поставила термос на стол рядом с белыми проводами, идущими к ее телефону.

– Я думала, контроллер сделан индивидуально для моей головы.

– У тебя волос больше, – ответил Эдвард. – Я напихал сзади бумажных салфеток и придерживал его у Бертона на лбу. Вместе с соленой мазью вроде хватило.

– Отпечатай ему другой. Не хочу, чтобы кто-нибудь пользовался моим. И моей перифералью тоже.

– Извини, – расстроенно сказал Эдвард.

– Знаю, он тебя заставил.

– И я моего сладкого красавчика никому не уступлю, – капризным тоном объявил Коннер.

– Ему там кое-что подобрали, – сказал Эдвард. – Он вернулся сюда на несколько минут, потом ушел снова.

– Периферал? – спросила Флинн.

– Телепузика, – ответил Бертон за ее спиной.

Она обернулась. Лицо у него было уже почти обычного цвета.

– Чего?

– Шесть дюймов ростом. На экзоскелет, на место головы, поставили рубку, в нее посадили телепузика. Синхронизировали их. Я делал сальто назад. – Он улыбнулся во весь рот.

Флинн вспомнила безголовую белую машину:

– Ты был в той штуке для упражнений?

– Тлен не разрешила мне оставаться в твоей девочке.

– И я не разрешаю. Штаны надень.

Бертон с Эдвардом исполнили что-то вроде танца в тесном пространстве: Бертон протиснулся к вешалке, а Эдвард с кружкой в руке пересел на кровать. Он поднес кружку Коннеру к губам, Бертон снял с вешалки новенькие камуфляжные штаны.

– Есть разговор на минутку, – сказал он и вышел со штанами в руках. Флинн за ним. – Дверь закрой.

Перед трейлером Бертон вытащил ногу из незавязанной кроссовки, продел в штанину, вставил обратно в кроссовку, затем повторил то же с другой ногой.

– Ты выходила там из дома? – спросил он, застегивая ширинку.

– Только в сад. И виртуально, в коптере.

– Там почти никого на улицах. Заметила? Самый большой город Европы. Видела кого-нибудь?

– Нет, только в одном месте, но это вроде туристического аттракциона, и Недертон потом сказал, там почти все ненастоящие. И слишком тихо во дворе. Для города, в смысле.

– Меня Тлен тоже катала на коптере, пока тот, с косичкой, налаживал моего телепузика для экзо.

– В Чипсайд?

– Никаких чипсов я не видел. Мы пролетели над рекой, низко. Плавучие острова, что-то типа приливных электростанций. Но за все время я видел пятьдесят, от силы сто человек. Если это были люди. Как в старых исторических играх, до того, как научились делать толпы. Если это не игра, то где все?

Флинн вспомнила, как сама подумала о том же, когда впервые поднялась над городом в коптере.

– Я ее спросил, – сказал Бертон.

– И я. Что она тебе ответила?

– Что людей сейчас меньше, чем было в наше время. А тебе?

– Сменила тему. Она объяснила, почему меньше?

– Пообещала объяснить, когда будет время.

– А ты что думаешь?

– Ты заметила, она считает, что у них всё – отстой?

– Она тебе сказала?

– Нет, но по ней видно. Ты заметила?

Флинн кивнула.

64. Стерильно

Бар был заперт. Недертон снова прижал большой палец к стальному овалу. Ничего не произошло.

Однако он заметил, что ничуть не огорчился. Может, так чувствуют себя те, кто поставил ламинаты в Патни. Мысль была настолько необычная, что Недертон огляделся, словно проверяя: не видел ли кто, как она у него мелькнула. Видимо, он находился в каком-то сложном биофармакологическом состоянии, «медичи» что-то сделал с его допаминовыми уровнями, рецепторами – в общем, с чем-то. Радуйся, посоветовал он себе, хотя, возможно, все было не так просто.

Тлен сказала Недертону, что заснул он сразу и спал беспробудно до самого появления Бертона. «Медичи», объяснила она, эмулировал эффект гораздо более долгой фазы быстрого сна, чем на самом деле, и еще много чего. Однако, после того как они усадили Оссиана в кресло, Тлен отправила Недертона досыпать, предварительно еще раз приложив «медичи» к его руке. После того крайне неаппетитного и кровавого, что происходило с Оссианом, процедура казалась негигиеничной, хотя Недертон знал, что на своем наноуровне «медичи» всегда стерилен.

Теперь он проснулся снова и спустился по лестнице-сырорезке. В яхте никого не было, кроме двух периферале́й. Приятель Флинн, Коннер, оставил свою на шикарной кровати Зубова-деда. Она лежала, раскинув руки крестом и плотно сдвинув щиколотки.

Появилась эмблема Лоубир – пульсирующая корона. Недертон стоял лицом к столу, и создавалось впечатление, что в кресле за мраморной столешницей сидит коронованный призрачный сотрудник «Милагрос Сольветры», фирмы тоже по-своему призрачной.

– Да?

Эмблема перестала мигать.

– Вы спали, – сказала Лоубир.

– Появился брат Флинн. Неожиданно, – ответил он.

– Его тщательно отбирали в армию за исключительное сочетание импульсивности и объективного расчета.

Недертон чуть повернул голову, переместив эмблему за окно, но теперь казалось, что призрак стоит снаружи, смотрит внутрь.

– Мне показалось, что он все-таки уравновешеннее того, другого.

– Изначально так не было. Их армейские досье сохранились в нашем мире со времен до вмешательства Льва. Они оба

искалечены, в разной степени.

– Мне было неприятно, что он в ее периферали. – Говоря, Недертон подошел ближе к окну, поскольку заметил, что вдалеке вроде бы запульсировала арка.

Загорелась другая, ближе, и он увидел Оссиана, который шел к гобивагену, как-то странно выставив вперед чуть согнутые в локтях руки.

– У Оссиана такой вид, будто он толкает что-то, чего здесь нет.

– Русскую коляску. Я поручила техникам в срезе Льва ее разобрать.

– Коляску? – Тут Недертон вспомнил, что видел ее, завуалированную, в прихожей.

– Мы сделали практически невозможным хранение запрещенного оружия. То, что извлекут из коляски, будет почти стерильно.

– В каком смысле стерильно? – спросил Недертон. Ему представился «медичи».

– Лишено опознавательных знаков.

– Зачем оно вам?

– Вы ели? – спросила Лоубир, пропуская вопрос мимо ушей.

– Нет. – Он внезапно понял, что и впрямь голоден.

– Тогда лучше подождать, – сказала Лоубир.

– Чего подождать?

Но ее эмблема уже исчезла.

65. Черный ход в настоящее

Фаба занимала один конец торгового центра, ближе к городу, «Суши-лавка» – противоположный, их разделяли три пустых магазина. Тот, что сразу за фабой, зачах, когда схлынула мода на пейнтбольных мини-роботов. В соседнем, пока он еще работал, наращивали ногти и волосы. Третий на памяти Флинн был закрыт всегда.

Бертон припарковал прокатную машину перед бывшим мини-пейнтболом. Серый полимер, которым витрины замазали изнутри, уже начал лупиться по углам.

– Теперь он наш, – сказал Бертон.

– Кто «он»?

– Вот. – Бертон указал прямо вперед.

– Арендовали?

– Купили.

– Кто купил?

– «Сольветра».

– «Сольветра» купила магазин?

– Торговый центр. Сегодня утром порешили.

– Кого порешили?

– Не кого, а что. Дело. Бумаги выправляют прямо сейчас.

Флинн не знала, что труднее вообразить: деньги, на которые можно приобрести торговый центр, или идиота, который на него польстится.

– А на фига?

– Мейкону надо где-то держать принтеры. Нам нужно место для работы. К Шайлен мы все не влезем. Она, кстати, толкнула свой бизнес «Сольветре».

– Чего?

– Глянула на тебя, на Мейкона, решила, ей тоже надо. А мы не можем вести дела из трейлера. Да и лучше, если вся веселуха будет подальше от мамы.

– Да, наверное, – сказала Флинн.

– У нас тут дроны в воздухе и еще на подходе, ими занимается Карлос. Главное, не будет этой петрушки, когда адвокаты из Клэнтона возят наличку мешками: в банк не положишь, налоги не заплатишь, отмывать – половину отдашь дяде. Все равно что деньги от лепил. Если мы в «Сольветре США», это наша зарплата. Зарплата и дивиденды.

– А чем занимается «Сольветра США»?

– Строительством и недвижкой. С сегодняшнего дня. У адвокатов готовы документы тебе на подпись.

– У каких еще адвокатов?

– У наших.

– Что за документы?

– Регистрация. Покупка торгового центра. Твой контракт как внешдира «Милагрос Сольветра США».

– Ну нафиг. Кто такой внешдир?

– Директор по внешним сношениям. Ты уже на должности. Только не подписала контракт.

– Кто сказал?

– Лондон. Мы с Тлен все обсудили, пока я был там.

– Допустим, я внешдир, а ты тогда кто?

– Гендир, – ответил Бертон.

– Знаешь, как глупо это звучит?

– Поговори с Тлен. Ты директор по внешним сношениям, вот и начинай сношать ей мозги.

– Пока это ты мне сношаешь мозги. Соглашаешься хрен знает на что от моего имени.

– Приходится реагировать быстро.

На пустую стоянку въехал «тарантул» и затормозил, пердя жареной курицей. Флинн глянула вниз и встретила широкую улыбку Коннера. Тот заглушил мотор.

– Во что его засунули? – спросил Бертон.

– Что-то среднее между балетным танцором и рубщиком мяса, – ответила Флинн под прищуренным взглядом Коннера. – Демонстратор боевых искусств.

– Спорю, ему понравилось.

– Даже слишком. – Флинн открыла дверцу.

Бертон вылез со своей стороны и обошел машину.

Коннер вывернул шею, чтобы видеть Флинн:

– Давай скорее туда, где есть все пальцы.

– Не забывай, кто тебя туда вытащил. Мой брат тут совсем охренел. Воображает, будто мы затеяли стартап и он – гендир. Не будь таким же.

– Пальцы, ноги-фигоги, мне ничего больше не надо. Привез катетер. В гермопакете в багажнике трайка.

– Ах как интересно, – сказала Флинн.

Бертон отстегивал Коннера от трайка.

– Дамы и господа, – произнес Мейкон, распахивая изнутри закрашенную серым стеклянную дверь, – наш североамериканский флагман рад приветствовать гостей.

На нем была строгая голубая рубашка с черным полосатым галстуком, застегнутая на все пуговицы и накрахмаленная, но не заправленная в драные джинсы.

– Солидно, – сказала Флинн, увидев за спиной Бертона

Шайлен в темно-синей офисной юбке и таком же пиджаке. Даже копна волос выглядела деловой прической.

– Привет, Шайлен, – сказал Бертон.

Он нагнулся и взял Коннера на руки, словно неходячего десятилетнего ребенка. Коннер закинул левую – единственную – руку Бертону на шею. Судя по всему, привычным жестом.

– Привет, Коннер, ты как? – спросила Шайлен.

Флинн чувствовала в подруге какую-то перемену, хотя не могла бы сказать, что именно не так.

– Помаленьку. – Коннер подтянулся на согнутой руке и звонко чмокнул Бертона в щеку.

– А ведь я могу просто бросить этого ушлепка на асфальт, – проговорил Бертон, словно размышляя вслух.

– Уйдем с чужих глаз, – сказал Коннер.

Мейкон отступил с дороги. Бертон с Коннером на руках шагнул вперед, Флинн за ним, Шайлен вошла последней и закрыла дверь.

Просторное помещение ярко освещали светодиоды в прозрачных желтых проводах. На заляпанных краской гипсокартонных стенах четко выделялись места, где раньше были прилавки и перегородки. Кто-то уже пропилил сюда прямоугольную дыру из заднего помещения фабы и завесил ее с другой стороны синим полиэтиленом. На полу перед дырой лежали две новые электропилы.

Чуть дальше стояли три больничные койки с белыми матрасами в не до конца снятой пузырчатой пленке, три капельницы и штабель упаковочного пенопласта высотой с Флинн.

– Что это? – спросила она.

– Тлен продиктовала, я заказал, – ответил Мейкон.

– Я думала, ты лазарет открываешь, – заметила Флинн. – Для больницы что-то сильно говнецом припахивает.

– Сантехник уже выехал, все исправит, – сказала Шайлен. – Электрика в норме, мини-пейнтбольщики поставили розеток – хоть попой ешь. Буду помаленьку прибираться в перерывах между основными делами.

– Мы снова туда, верно? Койки для нас? – спросила Флинн.

– Коннер первый, – ответил Бертон, укладывая того на ближайшую.

– Только что закончил печатать ему новый телик, – сказал Мейкон. – Такой же, как у тебя, Флинн. Тлен считает, ему надо поскорее акклиматизироваться. Пока его периферaль упражняют с помощью облачного ИИ.

Флинн глянула на Мейкона:

– Ты уже во все въехал?

– Главная часть работы. По большей части все логично, но иногда упрешься в такое, что кажется невозможным или в корне неправильным. Тогда Тлен либо объясняет, либо говорит не брать в голову.

Флинн обернулась. Бертон разговаривал с Шайлен. Слов было не разобрать, но чувствовалось, что Шайлен уже не лезет на стенку, как раньше, стоило им оказаться рядом.

– Она продала фабу? – спросила Флинн.

– Да, – ответил Мейкон. – Не знаю за сколько, но, думаю, за много. Очень кстати, а то я в последнее время здорово замотался, а она тут как рыба в воде.

– Как она с Бертоном?

– Нормально.

– Был напряг. Еще день или два назад.

– Да, – согласился Мейкон. – Но при том она ухитрялась кормить себя и еще многих в городе за счет дела, которое было не «Мега», не лепка наркотиков и хотя бы отчасти не левое. В этом смысле, я бы сказал, она не изменилась. Просто стала сосредоточенной.

– Я не думала, что она когда-нибудь успокоится насчет Бертона.

– Что тут действительно меняется, – продолжал Мейкон, – так это экономика.

Флинн вспомнила, как они в старших классах изучали гражданское право. Мейкон тогда единственный понял про коллегию выборщиков. Сидел очень прямо и объяснял им всем. С таким же, как сейчас, выражением лица.

– В каком смысле? – спросила она.

– На макро– и микроуровне. На микроуровне Пиккет уже не самый богатый человек в округе. – Мейкон поднял брови. – А вот на макроуровне супержесть. Рынок взбесился, все стоят на ушах, Хома гудит, слухи ходят самые бредовые. И все с тех пор, как Бертон вернулся из Дэвисвилла. Это все устроили мы. Мы и они.

– Кто «они»?

Флинн вспомнила, как хорошо он соображал в математике, лучше всех, но после школы не смог пойти в колледж: надо было кормить семью. Мейкон, наверное, самый умный из ее знакомых, сколько бы ни прикидывался дурачком.

– Тлен сказала, кто-то еще оттуда сумел к нам проникнуть. Ты знала?

– Да, – кивнула Флинн. – Нанимают людей, чтобы нас убить.

– Угу. Тлен говорит, сейчас на рынке есть две разные аномальные пролиферации субсекундных экстремальных

событий. Мы и они. Ты петришь в субсекундной финансовой фигне?

– Нет.

– На рынке действует уйма хищных трейдинговых алгоритмов. Они эволюционировали и научились охотиться стаями. У Тлен есть люди, которые заставляют эти стаи работать на «Сольветру» так, что хрен кто заметит. Но те, другие, у которых свой черный ход к нам, обладают такими же инструментами или очень похожими.

– И что это значит?

– Что-то вроде невидимой мировой войны, только в экономике. Пока, по крайней мере.

– Мейкон, душа моя! – крикнул с больничной кровати Коннер, обрамленный ореолом разорванной пузырчатой пленки. – Принеси раненому бойцу его катетер, пока какая-нибудь сволочь не сперла.

– А может, я просто сошел с ума, – сказал Мейкон, поворачиваясь к двери.

Флинн прошла в самый дальний угол, за койки и капельницы, и остановилась перед грязным зарешеченным окном. Углы были затянуты пыльной паутиной с мертвыми мухами и паучьими яйцами. Представила, как дети стреляют пейнтбольными шариками по маленьким роботам и танкам в большой песочнице, которая когда-то занимала всю центральную часть помещения. Такое чувство, что это было сто лет назад. Даже два дня казались огромным сроком. Флинн вообразила, как паучьи яйца проклевываются и оттуда лезут не пауки, а неведомо что.

– Хищные алгоритмы, – сказала она.

– Чего-чего? – переспросил Коннер.

– Понятия не имею.

66. Падуны

– Она тебе позвонит, – сказала Тлен, передавая Недертону дугообразную полоску бесцветного пластика, вроде женского обруча на волосы. – Надень.

Недертон глянул на обруч, потом на Тлен:

– Надеть?

– На лоб. Не ел, надеюсь?

– Она велела подождать.

Нехорошие предчувствия у него возникли еще раньше, когда Тлен вошла, держа в руках стальной тазик, с которым встречала Флинн. Сейчас тазик стоял на полу, подле самой большой секции кожаной обивки.

Появилась эмблема Лоубир.

– Да? – спросил Недертон раньше, чем она запульсировала.

– Автономный отсекатель, пожалуйста, – сказала Лоубир.

Тлен уже спускалась по лестнице, стальные тросы вибрировали под ее шагами. Недертон опасливо надел обруч, ближе к волосам, чем к бровям.

– Советую лечь, – произнесла Лоубир тоном стоматологической медсестры.

Он нехотя лег, обитая кожей койка с чрезмерной услужливостью подстроилась под его голову.

– Закройте глаза.

– Терпеть этого не могу, – сказал Недертон, закрывая глаза.

Теперь осталась только эмблема.

– С закрытыми глазами считайте до пятнадцати. Потом откройте их.

Недертон не стал считать. Ничего не происходило. Затем на мгновение эмблема Лоубир стала как на древнем фотографическом негативе. Он открыл глаза.

Мир перевернулся, швырнул его вниз.

Недертон лежал, свернувшись клубком, в совершенно сером месте. Слабый свет был таким же серым, как все остальное. Потолок нависал так низко, что нельзя было бы встать или даже сесть.

– Прибыли, – сказала Лоубир.

Недертон вывернул шею. Почти перед самым его лицом копошилось что-то немыслимое. Раздалось короткое лающее поскуливание, и Недертон понял, что сам и скулил.

– Австралийские военные зовут их падунами. В местном фольклоре есть такое животное – медведь-падун, убивает туристов, сваливаясь им на голову, – сообщила Лоубир.

Тупорылая мордочка, похожая на коалью, не двигалась при ее словах, чуть приоткрытая пасть демонстрировала немлекопитающее обилие крохотных острых зубов. – Устройства-разведчики, маленькие, расходные. Их десантировали на парашюте, затем переместили сюда. Как вы себя чувствуете?

Пустые серые глаза были круглые и гладкие, как бусины, одного цвета с безволосой мордочкой. Вогнутые уши – или локаторы – судорожно поворачивались, одно независимо от другого.

– Поверить не могу, что вы притащили меня сюда. Только не это, – сказал Недертон.

– Придется смочь. Вас не тошнит?

– Я настолько зол, что даже тошноты не чувствую, – объявил Недертон и внезапно понял, что так оно и есть.

– За мной! – И зверек быстро пополз вперед, низко держа голову, чтобы не удариться о потолок (если это был потолок).

Боясь остаться в одиночестве, Недертон пополз следом, вздрагивая при виде своих передних лап. У них был отстоящий большой палец.

Выбравшись из-под неведомого укрытия, периферaль Лоубир поднялась на короткие задние лапы.

– Вставайте, – сказала она.

Недертон встал, сам не понимая, как это сделал. Он оглянулся и увидел, что они вылезли из-под карниза в нише. Все было млечно-просвечивающе-серым. Свет впереди, видимо, шел от луны и пробивался через бесчисленные мембраны тошнотворной архитектуры.

– Наши устройства уже пожираются островными ассемблерами, которые уничтожают все, что не сами создали, – от дрейфующих кусочков пластмассы до сложных чужеродных объектов, – сказала Лоубир. – Поскольку нас едят, мы не сможем пробыть здесь долго.

– Я вообще не хочу здесь находиться.

– Не забывайте, что вы совсем недавно участвовали в проекте по монетизации острова. Как бы он вас ни раздражал, он не менее реален, чем вы. И даже более реален, возможно, поскольку ни у кого сейчас нет планов монетизировать вас. А теперь – за мной!

И коалоподобная зверюшка припустила к свету то на двух, то на четырех лапах. Недертон рванул следом, обнаружив в себе неожиданную прыть. Лоубир бежала по серой безобразной местности, а может быть, зданию, поскольку они находились в каком-то замкнутом пространстве, больше голосовой почты Даэдры. Поверхность, по которой они бежали, была слегка волнистой.

– Надеюсь, у вас были достаточно веские резоны, – сказал Недертон, нагоняя ее, хоть и знал, что такие, как Лоубир, могут без всяких резонов позволить себе что угодно, например отправить Анни Курреж на мобиль, идущий в Бразилию, или его сюда.

– Каприз, скорее всего, – ответила она, словно читая его мысли. Бег не мешал ей говорить, как, впрочем, и ему. – Хотя, надеюсь, так вы лучше запомните то, что я вам здесь скажу. Например, что мое нынешнее расследование целиком держится на одном пункте протокола.

– Протокола?

– Тело аль-Хабиба не уничтожили при атаке, а оставили лежать в неприкосновенности: очень странно, если вспомнить протокол, и особенно протокол американских низкоорбитальных ударных систем.

– Почему? – спросил Недертон, цепляясь за сам факт разговора как за спасательный круг.

– Система, ставящая приоритетом безопасность Даэдры, первым делом устранила бы всякую возможность посмертной угрозы с его стороны.

– С чьей?

– Аль-Хабиба. В него, например, могла быть имплантирована бомба. С учетом его размеров, довольно мощная. Или роевое оружие. Однако система занялась остальными.

Недертон вспомнил силуэт летящей руки.

– Протокол требовал, чтобы с ним поступили так же. Этого не произошло. Значит, была какая-то стратегическая причина. Помедленнее, пожалуйста. – Она довольно ощутимо постучала его по груди серой когтистой лапкой. – Мы уже близко к ним.

Музыка. Если не считать шороха его и Лоубир лап, первый звук, который Недертон тут услышал. Как завывание ветроходов, но более низкий, гулко-ритмичный.

– Что это? – Недертон резко остановился.

– Реквием по аль-Хабибу, возможно. – Она тоже остановилась. Покрутила ушами. – Сюда.

Она повела его вправо, к ближайшей колонне. Колонна была прямоугольной в основании; добравшись до края, Лоубир опустилась на четыре лапы и выглянула из-за угла, словно зверюшка в какой-то очень неправильной детской книге.

– Вот и они.

Недертон упер правую лапку в колонну, перегнулся через падуна Лоубир и тоже заглянул за угол. Маленькие, серые, ожидаемо мерзкие фигуры – довольно много, целая толпа, – сидели на корточках вокруг стоящего тела главного мусорщика.

Теперь оно было пустое, из тонких мембран, как все на острове. Безглазое, с раззявленным ртом, оно держалось за счет подпорок из просоленного дерева.

– Включают его в ткань острова, – сказала Лоубир. – Не столько в мифологию, сколько в пластик. Каждая клетка его тела заменена крохотным полиэтиленовым пузырьком. Как видите, он благополучно улизнул.

– Улизнул?

– В Лондон. Американцы дали ему такую возможность, не уничтожив останков. Хотя нашему Хамеду цирковые исчезновения не в новинку. Клептархическое семейство третьего ряда. Регион Персидского залива. Дубай. Но пятый сын. Быстро пошел по дурной дорожке. Очень дурной. Еще до двадцати получил смертный приговор, сумел убежать. Особенно рьяно ищут его саудовцы. Тетушки, разумеется, знали, где он, хотя я совершенно про него забыла. И мы, конечно, не стали бы ничего сообщать саудовцам, разве что в этом появилась бы какая-нибудь выгода. Кстати, его мать швейцарка, специалист по культурной антропологии. Занималась неопримитивистами. Наверное, отсюда он взял своих мусорщиков.

– Он инсценировал свою смерть?

Музыка (если это была музыка) инфразвуковым буром ввинчивалась в мозг Недертона. Он выпрямился, отступил от Лоубир и колонны:

– Не могу больше.

– Инсценировал, причем самым тщательным образом. ДНК периферали принадлежат некой фиктивной личности, хотя и с подробнейше задокументированным прошлым. Собственная ДНК Хамеда, подозреваю, тоже уже в заметной степени фиктивна, чтобы обмануть саудовцев. Однако я сжалюсь над вами, мистер Недертон. Вижу, как вам трудно. Закройте глаза.

Недертон послушался.

67. Черная красавица

Их адвокатская контора – «Клейн, Крус, Верметт» – базировалась в Майами. Из трех чуваков, с которыми они встретились в закусочной «Меги», один, Брент, носил фамилию Верметт. Впрочем, он был не основатель фирмы, а сын основателя, еще даже не полноправный партнер.

Идею сесть в закусочной предложил Мейкон. Иначе бумаги пришлось бы подписывать в фабе, или в соседнем помещении, или в полицейской машине Томми, который привез адвокатов с футбольного поля, где сел арендованный ими в Клэнтоне вертолет. В Клэнтон из Майами они прилетели на собственном самолете. Все трое были ужасно любезны. Надо думать, «Сольветра» отвалила им бешеные бабки, чтобы вели себя так, будто Флинн, Бертон и Мейкон в роли директоров корпорации – никакая не дикость. Впрочем, любезность адвокатов сильно упрощала дело. Брент, у которого загар на вид был еще дороже, чем у Пиккета, умял тарелку свиных наггетсов, двое других ограничились мегамартовским латте.

Флинн видела Томми лишь один раз, когда тот привел адвокатов с парковки, и не имела случая перемолвиться с ним хоть словом. Она догадывалась, что роль охранника и шофера – теперь часть его работы или часть сделки Джекмана с Пиккетом. На обратном пути к машине Томми кивнул Флинн, она улыбнулась в ответ.

Она подумала было, что все это – Томми везет адвокатов на встречу – чересчур демонстративно, потом прикинула, что его отношения с горожанами всегда отдавали левизной. Очень многие знали про Джекмана и Пиккета, и даже не хочется думать, сколько народу кормилось от лепки, пусть и не напрямую. Так что если видишь, что Томми высаживает у «Мегамарта» людей в деловых костюмах и ждет в автомобиле, пока они проведут встречу, ты притворяешься, будто ничего не заметил. А может, даже подходишь к нему поздороваться и Томми угощает тебя эспрессо из кофе-джонсовской машины, а ты не спрашиваешь, чего он тут делает.

Теперь в закусочной остались только Мейкон и Флинн. Бертон вместе с Томми повез адвокатов обратно к вертолету. Флинн взяла себе полпорции наггетсов, к которым питала тайную страсть.

– Будь у нас по две головы, они бы все равно делали вид, что так и надо, – заметил Мейкон.

У него в глазу была виза, и Флинн догадывалась, что он

буквально приглядывает за биржевыми новостями.

– Они вели себя ужасно любезно.

– Скажи спасибо, что они не адвокаты твоих врагов.

– Ты техдир, да? – спросила она.

– Ага.

– Шайлен ведь не в совете директоров? Это Бертон решил?

– Вряд ли он. Сдается, они прикинули, кто необходим для их затеи. Ты, Бертон, я, по-видимому, и Коннер.

– Коннер?

– Тоже не в совете, но, похоже, необходим.

– Как ты определяешь?

– Он уже проглотил такую. – Мейкон достал из кармана новой голубой рубашки прозрачную пластиковую коробочку. В единственном углублении на белом пенопласте лежала блестящая черная капсула. – Тебе будет нужна вода, запить.

– Что это? – Флинн взглянула на Мейкона.

– Трекер. Не он сам, желатиновая оболочка. Так труднее потерять, легче проглотить. Сам трекер и разглядеть-то трудно. Тлен заказала их в Бельгии. Внедряется в слизистую желудка, живет там полгода, потом саморазрушается и выходит естественным путем. У компании собственная система низкоорбитальных спутников. Штука недолговечная, но компания сделала это не багом, а фичей, поскольку все время меняет вшитый шифр.

– Это чтобы следить, где я?

– Практически в любом месте, если тебя не засунут в клетку Фарадея или в шахту. Чуток понадежней Хомы, – он улыбнулся, – да и телефон ты можешь потерять. Вода нужна?

Флинн открыла коробочку, вытряхнула капсулу. По виду – самая обычная. Крохотные отражения огоньков бара в глянцевой черноте.

– Не надо. – Флинн положила капсулу на язык и запила черным кофе из бумажного стаканчика, который Бертон оставил на столе. – Если бы еще кто-нибудь в Бельгии мог сказать, на каком я свете и вообще.

– Знаешь, что такое сопутствующий урон?

– Когда людей ранит или убивает из-за того, что они случайно оказались поблизости?

– Считай, это про нас. Мы в нынешнюю историю попали случайно, не потому, что мы такие или этакие. И теперь люди, которые в силах менять фундаментальные законы физики или, по крайней мере, экономики, делают что-то по каким-то своим причинам. Мы можем разбогатеть или погибнуть, и все это будут побочные эффекты.

– Похоже на правду. И что же нам делать?

– Постараться не стать сопутствующими жертвами. Не мешать тому, что происходит, поскольку от нас ничего не зависит. И потому что это интересно. А еще я рад, что ты проглотила капсулу. Теперь, если потеряешься, трекер нам скажет, где тебя искать.

– А если я захочу потеряться?

– Это ведь не они пытаются тебя убить, верно? – Мейкон снял визу, глянул Флинн в глаза. – Ты их видела. Решат они тебя замочить, если ты по-крупному им подгадишь или выставишь их на бабки?

– Нет. Даже не скажу точно почему. Но они все равно могут своими играми угробить наш мир, к чертовой бабушке. Ведь могут?

Пальцы Мейкона сомкнулись на сложном переплетении жестких серебристых нитей, в которых бегали огни проекторов.

Он кивнул.

68. Антитело

Недертон лежал, крепко зажмурившись, и всеми печенками ненавидел серый свет мусорного острова. Внезапно на него пахнуло чем-то теплым, сладким и в то же время чуть металлическим.

– Сожалею, мистер Недертон, – произнесла Лоубир совсем рядом, – не было никакой необходимости брать вас на эту тягостную экскурсию.

– Я не открою глаза, пока не буду знать точно, что мы уже не там.

Он чуть-чуть приподнял одно веко. Лоубир сидела напротив.

– Мы в куполе сухопутной яхты, – сказала она. – Не периферально.

Недертон открыл оба глаза и увидел, что она зажгла свечу.

– Вы были здесь?

– Нет, в шатре Тлен. Если бы я пришла раньше, вы бы спросили, куда мы отправляемся, и, возможно, отказались.

– Пакостное место. – Недертон имел в виду остров, но слова могли с тем же успехом относиться к палатке Тлен.

Он сел, подушка, державшая его голову, втянулась в койку.

– Тлен, – сказала Лоубир, обнимая пальцами свечу, словно для тепла, – считает вас консерватором.

– Вот как?

– Или романтиком. Она думает, вы воспринимаете прошлое как утерянный рай. Верите, что при старом порядке или, вернее, беспорядке жизнь была более естественной.

Отсекатель съехал на глаза. Недертон снял его и, переборов желание сломать пополам, отложил в сторону.

– Это она оплакивает массовые вымирания. Я всего лишь думаю, что тогда в целом было не так скучно.

– Я лично помню мир, который вы рисуете себе в фантазии, воображая, что он лучше нынешнего. Эпохи – удобное приспособление для тех, кто их не пережил. Мы выпиливаем историю из необъятного целого. Привинчиваем к выпиленному таблички. Приклеиваем ярлыки. Потом говорим о ярлыках так, будто они есть время.

– Не представляю, как может быть иначе, – сказал Недертон. – Мне просто не нравится нынешнее положение дел. И ровно так же оно не нравится Тлен.

– Знаю. Это есть в вашем досье.

– Что?

– Что вы хронический оппозиционер, впрочем совершенно

пассивный. Иначе бы мы встретились раньше. – Васильковые глаза глянули пристально.

– А почему вы думаете, что аль-Хабиб здесь? – спросил Недертон, чувствуя острую потребность сменить тему.

– Аль-Хабиб периферально присутствовал на острове много лет, хотя не в той пери, в какой видели его вы и Рейни, – сказала Лоубир. – То, во что Даэдра вонзила ноготь, было очень дорогим индивидуальным заказом, доставленным на остров всего за несколько дней до памятного события. Полный геном, комплект органов, отпечатки пальцев. Все, что нужно для констатации смерти. Создание острова приписывается вымышленной фигуре. Прежнюю периферaль аль-Хабиба, вероятно, выбросили в океан, чтобы ее утилизировали ассемблеры. Спасибо американцам, все ближайшее окружение главаря уничтожено, а те, кого мы видели, вплели его тело в ткань острова. Увековечили то, за что он себя выдавал.

– Так он и не бывал раньше на острове?

– Точно присутствовал в самом начале вместе с первой флотилией, или что там было. Вполне возможно, участвовал в каннибализме. Он совсем не паинька, наш Хамед. А вот притворяться умеет замечательно.

– За кого он себя выдавал?

– За пророка. Шамана. Крайне мотивированная личность, а это всегда заразительно. Принимал те же наркотики, что и мусорщики. Которые, кстати, сам им и поставлял. То есть, разумеется, лишь делал вид, будто принимает. Если вы так не любите скуку, рекомендую искусственно созданные сообщества, особенно те, во главе которых стоят харизматичные лидеры.

– Вы считаете, он осуществлял это все отсюда?

– Нет. Из Женевы.

– Из Женевы?

– Вполне удобное место, чтобы ждать возможности оптимально монетизировать остров. И разумеется, его мать – гражданка Швейцарии.

– С двумя членами и жабьей головой?

– Все легко заменить обратно. – Лоубир пальцами затушила свечу. – Впрочем, он допустил ошибку, не оставшись там. Лондон – его ошибка. Поспешность.

– Почему?

– Потому что он снова попал в сферу моего внимания.

Недертон увидел выражение ее лица и поспешил еще раз сменить тему:

– Раз уж вы поощряете мое любопытство, позволю себе задать еще вопрос: что вы пообещали Льву?

– Помощь с его хобби.

– Будете ли вы мне лгать?

– Если возникнет серьезная необходимость, да.

– Вы говорите мне, что помогаете ему управлять срезом?

– У меня, в конце концов, есть некоторый исторический кругозор. Доступ к сведениям, которые здесь мало кто может получить. Да и там тоже. Знание, где спрятаны определенные скелеты. Истинная, а не показная политика некоторых официальных и неофициальных лиц. Снабжая Тлен и Оссиана нужной информацией, я значительно увеличиваю их возможности. Сама удивляюсь, насколько это оказалось захватывающе.

– Кто там еще пытается убить Флинн и ее брата? Вы знаете?

– Нет, хотя у меня есть подозрения. – Лоубир достала из внутреннего кармана крахмальный белый платок и вытерла пальцы. – История с аль-Хабибом так же скучна, как ее претенциозная экзотичность, мистер Недертон. Здесь мы на той же странице. Недвижимость, переработанный пластик, деньги. Тот, кто проник в срез Льва, почти наверняка с этим всем связан. Куда интереснее, конечно, как им удалось туда пролезть.

– Неужели?

– Да, поскольку из-за таинственной природы сервера все остается полной загадкой.

– Можно спросить, чем вы на самом деле занимаетесь?

– Вы гордились тем, что не знаете, на кого работаете. Очень вне тренда. Я, когда у меня возникает такое настроение, могу гордиться, что не знаю, чем занимаюсь.

– Буквально?

– При достаточной широте взглядов – да. В молодости мне довелось служить во внешней разведке. Думаю, в некотором смысле я остаюсь разведчиком и сейчас, но сегодня у меня есть возможность расследовать то, что я считаю нужным. Скажем так, вопросы государственной безопасности. И еще я сотрудник правоохранительных органов, что бы это ни означало в наше откровенно клептархическое время. Иногда я чувствую себя антителом, мистер Недертон. Только защищающим болезнь.

Лоубир улыбнулась нехарактерно грустной улыбкой. Недертону вспомнилось, как они с Рейни – Ву ехали в автомобиле Лоубир и та сказала, что воспоминания у нее подавлены. Видимо, остались и неподавленные, потому что в эту минуту он ощутил их тяжесть.

69. Звучит ужасно

Флинн еле успела заметить, что на столе у Бертона все лежит неровно, когда Райс приложил ей к шее что-то, что она поначалу приняла за фонарик. Боль. Потом она вырубилась.

Накануне, после разговора с Мейконом, Флинн поехала домой, неторопливо крутя педали. Она постаралась не заметить то место на дороге, где машина киллеров съехала в кювет. Не высматривала дронов. Делала вид, будто все как обычно.

Мама уже спала. Дженис ушла, вместо нее сидела Литония, которая сказала, что Леон привез ее из фабы. Флинн поднялась к себе, легла, не собираясь спать, и ей приснился Лондон. С воздуха все улицы были запружены, как в Чипсайде будущего, но не лошадьми и повозками, а грузовиками, легковушками и автобусами. И людьми. Только это был не Лондон, а их город, разбогатевший, разросшийся, отчего в нем появилась река шириной с Темзу.

Проснувшись, Флинн спустилась на первый этаж. Мама все еще спала. Литония что-то смотрела в визе. Флинн пошла к трейлеру, думая, что, может быть, Бертон уже там, просто поленился зачекиться в Хоме.

– Черт, Райс! – возмутилась она сейчас, дергая кабельные стяжки на запястьях.

Райс, за рулем, ничего не ответил, только глянул через плечо, и от этого стало по-настоящему страшно. Не оттого, что он вырубил ее электрошокером и привязал к сиденью кабельными стяжками, а оттого, что по лицу было видно: он напуган до потери пульса.

У Флинн было по кабельной стяжке на каждом запястье: одна продета в другую, и обе закреплены на большой, уходящей под сиденье. Флинн могла положить руки на колени, а поднять их выше уже не могла. Машина была незнакомая, но не картонная и не электрическая.

– Меня заставили, – сказал Райс. – Выбора не оставалось.

– Кто заставил?

– Пиккет.

– Сбавь скорость.

– Он будет за нами гнаться, – объявил Райс.

– Пиккет?

– Бертон.

– Черт…

Флинн не могла понять, где они едут. Грейвли-роуд? То вроде похоже, то нет. Мимо проносились кусты.

– Сказали, убьют мою семью, – продолжал Райс. – И убили бы, только у меня никого нет. Один я. Меня бы и убили.

– За что? Что ты сделал?

– Ни хера я не делал. Убьют, если не привезу тебя к нему. У него свои люди в безопасности. Безбаши кого хошь найдут. Отыщут меня, и он отправит кого-нибудь меня замочить.

– Мог бы сказать нам.

– Ага, чтобы меня убили. В любом случае точно убьют, если я не привезу тебя прямо сейчас.

Флинн видела, как у Райса ходят желваки, словно передавая его историю шифром, все, что он не хочет говорить или даже не знает сам.

– Я не хотел, – говорил Райс. – Выбора не было, верить им или нет. Сказали убьют, значит убьют.

Флинн ощупала карманы джинсов. Телефона там не было, и на запястье тоже, и она на нем не сидела.

– Где мой телик?

– В медной сетке, которую мне дали.

Флинн глянула в окно. Потом на пластиковые буквы на бардачке:

– Что у тебя за машина?

– «Джип-виндикатор».

– Нравится?

– Ты что, сбрендила?

– Поддерживаю разговор, – сказала она.

– Не картонная. Американская.

– Разве их не все делают в Мехико?

– Тебе охота сейчас обсирать мою машину?

– В которой ты меня похитил?

– Не говори так!

– Почему?

– Звучит ужасно, – процедил Райс сквозь зубы, и Флинн поняла, что он готов разрыдаться.

70. Агент

На кухне пахло блинами, которые пек Лев.

– Она помогает тебе со срезом. Сама мне сказала, – сообщил Недертон.

В саду шел дождь, капли падали на яркие, словно синтетические, листья функий. Интересно, тилацины не любят сырость? Ни Гордона, ни Тиенны было не видно.

Лев поднял глаза от сегментированной чугунной сковороды:

– Я не думал, что ты поймешь.

– Что именно?

– Привлекательность континуума. Или сотрудничества с ней. Она уже провела нас в Белый дом.

– Там ведь сейчас первый срок Гонсалес?

– Не прямой контакт. Пока. Но мы близко. Я еще не слышал, чтобы кто-нибудь внедрялся в континуум так глубоко. Лоубир знает, где нужные шестеренки. Как они работают.

– Это она тебе и предложила в первую встречу?

– Взаимовыгодное сотрудничество, – сказал Лев, снимая сковороду с конфорки. – Она помогает мне, мы защищаем Бертона и его сестру, ты помогаешь ей в деле Аэлиты, с Даэдрой или еще с чем. – Он лопаточкой начал перекладывать блины на тарелки. – Черная икра или семга?

– Икра настоящая?

– Если хочешь настоящей икры из осетра, тебе к моему деду.

– Да нет; вообще-то, не хочу.

– Я пробовал, – продолжал Лев. – Не почувствовал разницы. Эта совершенно как настоящая.

– Спасибо, положи мне ее.

Лев аккуратно нагрузил каждый блин икрой и сметаной.

– Оссиан пригнал из Ричмонд-Хилла «бентли», – сказал Недертон. – Похож на серебристо-серый паровой утюг. Без окон, шесть колес. Кошмарище. Стоит у вигвама Тлен. Что это и зачем?

– Представительский автомобиль. Начало джекпота. Нужно кое-что разобрать, и это будут делать в «бентли», чтобы ассемблеры не вылетели.

– Коляску?

Лев поднял глаза от блинов:

– Откуда ты знаешь?

– Оссиан показал мне ее, когда мы ждали периферaль твоего брата. Не упомянул, что будете разбирать. Потом я увидел, как он катит ее по гаражу, и Лоубир объяснила, что ей нужно оружие.

– Когда ты в первый раз ее видел, Оссиан еще ничего не знал.

Лоубир спросила про коляску сразу после того, как вы вернулись из клуба. Вернее, не про коляску. Спросила, есть ли у меня оружие. Я оружия не держу. Потом вспомнил.

– Ассемблеры?

– Короткого действия. Саморазрушающиеся. Если что-нибудь пойдет не так, из автомобиля они не вылетят.

– Оссиан сказал, Доминике не понравилась коляска.

– Мне тоже. Дедушка хотел как лучше, но он человек другого поколения. Ты когда-нибудь бывал в Федерации?

– Нет, – ответил Недертон.

– Вот и я счастливо избежал.

– Доминика родилась здесь?

– Буквально в Ноттинг-Хилле.

Лев принадлежал к числу людей, созданных для семейной жизни, – состояние, в котором Недертон себя вообразить не мог. И чем дальше, тем больше становилось состояний, для него немыслимых.

– Зачем Лоубир оружие из коляски? – спросил он, принимая у Льва теплую тарелку.

– Не сказала. Учитывая качество советов, которые она дает Оссиану и Тлен, я не склонен угадывать ее мотивы.

– Ты не знаешь, кто там еще в срезе?

– Нет. Но финматики у них не хуже, чем у Тлен.

Они теперь сидели за дубовым столом, и Лев занес вилку над тарелкой с блинами. Потом нахмурился:

– Да? Когда? Они знают кто? – Взгляд на Недертона, хотя на самом деле сквозь него. – Держите меня в курсе. – Лев отложил вилку.

– Что случилось? – спросил Недертон.

– Сигнатура телефона Флинн исчезла в двух милях от ее дома.

– Вы не знаете, где она?

– Знаем, – ответил Лев. – У нее в животе трекер. Система извещает нас, как только она оказывается за пределами заданного периметра. И телефон, и трекер доехали до ближайшего городка, где она бывает часто, затем повернули на север. Тут телефон исчез. Либо она выключила его, чего никогда не делает, либо кто-то блокировал сигнал. Вскоре после этого она покинула периметр. Автомобиль движется по очень плохой дороге, часто превышая скорость.

– Флинн в автомобиле?

– Да, но приближается к дому наркосинтезатора, контролирующего ее округ.

– Ее похитили? – спросил Недертон.

– Тлен говорит, Лоубир вне себя.

– Что вы намерены предпринять?

– У Лоубир есть в срезе свой агент или агенты, – ответил Лев. – Тлен говорит, они уже этим занимаются. И ее брат с Мейконом, разумеется, тоже.

– Что за агенты?

– Она не говорит. Тлен и Оссиану это не нравится. Вероятно, те самые люди, у которых есть доступ в Белый дом к Гонсалес, но сама Лоубир молчит. – Он взял вилку. – Ешь, пока не остыли. Потом спустимся в гараж, поговорим с Тлен.

71. Мегафазенда

Дом Пиккета, насколько Флинн смогла его разглядеть, оказался совсем не такой, как ей представлялось.

Райс проехал мимо белых ворот с окошками-бойницами, но не свернул к ним, а покатил дальше, вдоль белой пластиковой ограды, сфабленной по чьим-то представлениям о старой плантации, к другим воротам, попроще. Там ждал гольф-кар и рядом с ним двое в камуфляже и шлемах. У обоих были винтовки. Райс вылез и обменялся парой слов с одним, пока другой общался с кем-то по беспроводной гарнитуре. На Флинн никто не смотрел.

Она бросила попытки говорить с Райсом несколькими милями раньше, заметив, что из-за этого он ведет машину еще хуже. Не хватало только угробиться в темноте на паршивой дороге, пусть даже и в такой ситуации. Они все время проезжали мимо разбитых автомобилей, которые так и лежали, поскольку у штата, а уж тем более у округа не было денег их убрать. Флинн гадала, не болтали ли пассажиры с кем-нибудь вроде Райса, когда произошло крушение. Потом вспомнила, что проглотила черную пилюлю. Интересно, сработает ли. Райс убрал ее телефон в клетку Фарадея, а про трекер не знал.

Потом Райс вернулся к джипу, открыл дверцу со стороны Флинн, достал кусачки, разрезал кабельную стяжку, держащую ее на сиденье, и велел вылезать.

При этом он положил руку ей на голову, как полицейские в телешоу, и Флинн подумала, что за три года знакомства Райс ни разу ее не коснулся. Даже руки не пожал.

– Увидишь Бертона, скажи, я ничего поделать не мог.

– Знаю, – ответила Флинн, и ей стало еще горше от мысли, что это правда. Что такие, как Пиккет, действительно могут сказать Райсу: «Сделай то-то, или мы тебя убьем».

Он закрыл дверцу машины, отдал сетку с ее телефоном ближайшему охраннику, сел на водительское место, закрыл свою дверцу, выехал на дорогу и укатил.

Охранник, взявший телефон, защелкнул что-то вроде собачьего поводка на кабельной стяжке, удерживающей вместе ее запястья. Второй смотрел, как закрываются ворота. Потом ее усадили в гольф-кар с надписью «КОРБЕЛЛ ПИККЕТ ТЕСЛА» на боку. Тот, что с поводком, плюхнулся рядом на заднее сиденье, другой сел за руль. В полном молчании они подъехали к дому Пиккета откуда-то сзади, по гравийной дороге, даже не выровненной как следует.

Задний фасад дома был освещен снаружи прожекторами и

страшен как атомная война. Чтобы создать ощущение целостности, его сплошь замазали белой краской, и все равно это выглядело так, будто фабрику или магазин по продаже автомобилей превратили в мегафазенду, а затем присобачили к ней дешевый сетевой ресторан и пару бассейнов. Возле дороги торчали будки и какие-то механизмы, накрытые брезентом. Неужели Пиккет лепит наркоту прямо здесь? Трудно поверить, но, может, ему по барабану. Или он вообще живет в другом месте.

Кар подкатил к белой рулонной двери в фабричной части здания, остановился, и охранник на соседнем сиденье легонько дернул за поводок: выходи, мол. Наблюдая за Флинн, но не глядя ей в глаза. Второй что-то тронул у себя на поясе, и дверь с лязгом поднялась. Флинн провели в большое, главным образом пустое пространство и дальше между рядами белых пластмассовых бочек, как для дождевой воды.

Наконец они уперлись в бетонную стену, наверное от первоначального дома. Здесь была дверь, обычная, из «Меги», но с привинченным ржавым железным засовом. Это уже больше походило на деревенский амбар, чем на жилье наркобарона, но, видимо, Пиккет и правда не заморачивался, что тут как выглядит. Флинн ждала – а что ей еще оставалось? – пока второй охранник отодвигал засов и открывал дверь. Войдя, он сразу включил свет: очень много светодиодных фонарей, висящих низко под невысоким бетонным потолком. В середине стоял стол, привинченный к полу оцинкованными скобами, и два стула, как из мегамартовской закусочной, по его длинным сторонам. Больше мебели не было. Флинн подвели к столу. Точно в середине кто-то просверлил дыру и вставил туда загнутый крюк, на какой вешают детские качели. Все покрытие из нержавейки было во вмятинах и царапинах, словно разделочный стол в кафетерии, и Флинн не хотелось думать об их происхождении. Охранник с поводком подвел ее к стулу с дальней стороны стола, напротив двери, и указал на сиденье. Флинн села. Он вытащил синюю безовскую стяжку, пристегнул ее руки к железному крюку, отцепил поводок, и оба ушли, оставив свет и закрыв за собой дверь. Было слышно, как скрежещет вдвигаемый засов.

– Бляха-муха, – сказала Флинн и тут же поняла, что это звучит по-детсадовски и ее, возможно, записывают.

Она огляделась в поисках камер, не нашла ни одной. Хотя они почти наверняка тут были, поскольку не стоят почти ничего, а вдруг пленник скажет или сделает что-нибудь такое, про что ты хочешь знать. Свет резал глаза: такой белый светодиодный, в каком твоя кожа выглядит абсолютно кошмарной. Флинн, наверное, могла бы встать, но побоялась, что уронит стул и не

сможет сесть обратно.

Заскрежетал засов.

Вошел Корбелл Пиккет в панорамных черных очках. Подошел к столу, оставив дверь открытой. Часы у него были как с приборной панели старого самолета, но золотые, на кожаном ремешке.

– Ну? – спросил он.

– Что «ну»?

– Когда-нибудь вывихивала челюсть?

Флинн просто смотрела на него.

– Могу устроить, – сказал он, глядя ей в глаза, – если не расскажешь еще про людей из вашей липовой Колумбии.

Она кивнула, самую малость.

– Много еще ты знаешь помимо того, что сказала мне в доме?

Она собралась было открыть рот, но Пиккет поднял руку – ту, что с золотыми часами. Флинн застыла.

– Твои колумбийцы, – произнес он, опуская руку, – липовые или нет, не единственные с деньгами. Допустим, есть кто-то еще. Допустим, я с ними говорил. О тебе. И насрать им на всех адвокатов из Майами. Я бы сказал, что ты зарвалась, но это слишком слабое слово.

Флинн ждала, что сейчас он ее ударит.

– Не вздумай рассказывать мне байки. – Его ровный загар в ярком свете выглядел еще жутче, чем ее кожа.

– Нам ничего толком не объяснили.

– Люди, с которыми я говорил, хотят, чтобы я тебя убил. Прямо сейчас. Они получают доказательства твой смерти и отваливают мне больше денег, чем ты можешь вообразить. Значит, ты не такая рядовая вшивота, какой выглядишь. В чем твоя ценность?

– Понятия не имею, зачем я кому-то сдалась. Или почему «Сольветра» захотела работать именно с нами. Знала бы, сказала. – И тут на нее что-то нашло, какой-то отчаянный пофигизм, как в «Операции „Северный ветер“». – Откуда эти ваши люди, по их словам?

– Не сказали, – ответил он, злясь, что это правда, и тут же разозлился на себя, что ответил на вопрос.

– Если я мертвая сто́ю больше, чем живая, почему я до сих пор жива? – спросила внутренняя пофигистка.

– Разница между обналиченным чеком и козырем. – Он подался вперед. – Ты ведь не дура?

– Уилф Недертон, – сказала Флинн, и внутренняя пофигистка исчезла так же резко, как появилась. – В «Сольветре». Он предложит больше.

Пиккет улыбнулся самую чуточку, даже не улыбнулся, а едва приподнял уголки рта.

– Если позвонить по твоему телефону отсюда, – сказал он, отступая от стола, – они сразу поймут, где ты. Мы выждем, пока он не окажется в другом месте, и сделаем перенаправленный звонок, ты и я, мистеру Сольветре. А пока ты посидишь здесь.

– Свет не выключите?

– Нет. – Пиккет вновь улыбнулся своей микроулыбкой и ушел, закрыв за собой дверь.

Лязгнул засов.

72. Типа культурный

Недертон наблюдал, как Оссиан трансформирует развуалированную прогулочную коляску, глянцевую, словно обсосанный красно-белый леденец, во что-то условно человекоподобное.

Две пары задних колес превратились в ступни-восьмерки, на которые опирались леденцово-полосатые ноги. Блестящая броня вокруг детского сиденья сплющилась и расширилась наверху, имитируя плечистую фигуру. Передние шины, поднятые в воздух, наводили на мысль о сжатых кулаках. Недертон подумал, что ребенку такое и впрямь могло бы понравиться. В новом обличье коляска выглядела если не опасной, то, во всяком случае, задиристой.

Нажимая большим пальцем на бело-розовый пульт, Оссиан подвел коляску к открытому представительскому «бентли». Она залезла внутрь, цепляясь лапами-колесами за серебристо-серую обивку, устроилась на сиденье, смотрящем против хода движения, и замерла, как только Оссиан последний раз щелкнул по пульту.

Тлен велела Недертону оставаться с Оссианом, покуда она и Лев занимаются исчезновением Флинн. Тлен и Оссиан были на связи, однако Недертон слышал только реплики Оссиана, да и то на их меняющемся тарабарском языке.

Оссиан надел на белый экзоскелет две карикатурно большие перчатки или даже руки. С неестественным количеством пальцев, черные, обмяклые, они походили на анатомически неправильных исполинских пауков. Со второй у Оссиана что-то не заладилось, так что он временно бросил ее и занялся развуалированием и раскладыванием коляски.

– Когда они доберутся до Флинн? – спросил Недертон.

– Ты отлично знаешь, что я не знаю. – Оссиан бросил пульт в широкий карман фартука, нагнулся поправить желтые щитки, надетые поверх черных брюк, и встал на колени перед белым экзоскелетом.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Да. Не стоять над душой, – ответил Оссиан, не поднимая головы.

– Бертон поехал за ней?

– Похоже на то.

– Думаю, он толковый малый.

– Если не принимать во внимание тенденцию слетать с катушек. – Оссиан ткнул чем-то вроде карандаша в обвисший

палец непослушной перчатки. Мигнул красный огонек.

– Он был дезориентирован, – сказал Недертон. – Вполне объяснимо. Когда ты ворвался, он среагировал.

– Я бы тебя с удовольствием дезориентировал, не будь ты нужен Льву, чтобы врать твоей бывшей телке. Правда, что она периодически себя свежует и продает свою кожу желающим?

– Если предпочитаешь такую формулировку, – сказал Недертон.

– А ты извращенец, да?

– Она – творческая личность, – ответил Недертон. – Тебе не понять.

– В рот мне ноги, – глубокомысленно произнес Оссиан, словно изрекая глубокую философскую истину, затем несколько раз прижал инструмент-карандаш к черному пауку, который теперь на целую минуту зажегся ровным зеленым светом.

– Зачем они?

– Для помощника Мейкона. Полевые манипуляторы, армейские. Могут что угодно, от укладки кирпичей до нанохирургии. После того как я его запру, уже не смогу выпустить за гаечным ключом нужного размера.

– Запрешь?

– Там. – Оссиан указал на серебристый автомобиль без окон. – Запру обоих вместе, откачаю воздух до частичного вакуума. Если что-нибудь вылетит, останется в машине. На самом деле это чисто для спокойствия Зубова. Ассемблеры самоуничтожающиеся. А иначе ничего в этой машине их бы не остановило.

Недертон глянул на экзоскелет. Еще раньше, во время визита Бертона, Оссиан прилепил ему на плечи прозрачный цилиндрический колпак. Под колпаком неподвижно, расставив ноги, стоял гомункул, который вез их в «дом утех». Только на самом деле, как знал теперь Недертон, машину вела Тлен.

Оссиан встал, бросил черный карандаш в карман к пульту.

– У Лоубир кто-то есть в срезе, – сказал он. – Ты, небось, не в курсе?

– Не в курсе, – соврал Недертон. – Кто?

– Знал бы, не спрашивал. Кто бы они ни были, им не платят. По крайней мере мы. Тлен ведет учет всех наших расходов там. У Лоубир есть шестерки, которые могут проникнуть куда угодно, выяснить что угодно.

– Я бы сказал, именно то, что вам нужно.

– Нам не нужны неизвестные величины в команде. Получается игра Лоубир.

– Она сама неизвестная величина. И очевидно, что игра уже

давно ее. С тех пор, как она и Лев поговорили наедине.

– Он этого не видит. Только что она улучшила для него игру. Хотя тебя, может, послушает. Ты у нас типа культурный. – Оссиан заморгал, отвел взгляд, прислушался. Что-то сказал на очередном эсперанто. Снова прислушался и наконец сказал Недертону: – Они к ней приближаются.

– Она в безопасности?

– Жива, по крайней мере. Трекер в животе передает нам основные жизненные показатели.

– Трекер?

– Иначе мы бы не знали, где она.

Новые руки экзоскелета с неожиданным сухим шелестом растопырили пальцы в гиперманипулятивной готовности.

– Придержи коней, – сказал Оссиан, обращаясь не к Недертону и, очевидно, не к Тлен. – Я должен еще засунуть тебя внутрь и откачать воздух.

Гомункул в прозрачном куполе опустил руки, и тут же черные пальцы экзоскелета безвольно обвисли.

73. Красный, зеленый, синий

В сортире был унитаз с сиденьем, но не было двери, и охранник с поводком стоял футах в шести, приглядывая за Флинн уголком глаза. Винтовку он где-то оставил и был теперь с пистолетом в черной нейлоновой кобуре, которая цепляется на пояс и пристегивается ремешком к бедру, где носила бы пистолет горилла.

Флинн радовалась, что ей надо только по-маленькому, учитывая, что оправляться предстояло на людях. Она убедила охранников, что ей правда очень надо в туалет, иначе она написает в штаны и это будет неприятно Пиккету, когда тот вернется, а он точно собирался еще прийти, хотя и нескоро. Так что Флинн верно угадала про камеру и правильным голосом объяснила, что ей приспичило. Без крика и злости, просто обращаясь к двери, поскольку не знала, где камера. Дважды, с интервалом в несколько минут, постаравшись во второй раз не вложить в голос больше нажима. Довольно скоро пришли охранники, прицепили поводок, разрезали синюю безовскую стяжку и вывели Флинн из помещения. Примерно в тридцати футах влево, в противоположную сторону от рулонной входной двери, обнаружилась туалетная кабинка без двери.

Сидя на унитазе, Флинн подумала, что сейчас героиня «Операции „Северный ветер“» разрезала бы поводок спрятанным в трусах мини-кинжалом. У нее не было мини-кинжала, но охранники ее не обыскали, и Райс, возможно, тоже. А значит, они расхлябаннее многих ИИ, против которых ей случалось играть, и не в курсе, что у нее есть тюбик блеска для губ, который может быть ядом или взрывчатым гелем. Правда, охранник был все-таки не совсем лох: он пристегнул нейлоновое кольцо поводка к облезлой трубе прямо над унитазом, так что Флинн, даже будь у нее оружие, никого бы не смогла уложить, разве что из пистолета. Когда она натянула джинсы и встала, он подошел, разрезал стяжку и отвел Флинн обратно.

Именно тогда она впервые заметила мошку, хотя и не обратила внимания. Комар и комар. Промелькнул совсем близко и пропал.

Чуть позже, пристегнутая к столу новой безовской стяжкой, Флинн услышала жужжание возле самого уха. Оба охранника уже ушли. Если в бочках за дверью стоячая вода, тут должны быть комары. Со связанными руками их даже не отогнать.

Флинн, за неимением выбора, смотрела на запертую дверь. Внезапно в поле ее зрения, точно на уровне глаз, проплыли

справа налево три огонька, один за другим, потом исчезли. Красный, зеленый, синий. То ли квадратные, то ли прямоугольные. Флинн не успела толком задуматься, что с ней – инсульт или какой-то приступ, – как они проплыли снова, опять справа налево, в том же порядке, сблизились и слились в один длинный. Бирюзовый.

И зависли на белой, захватанной руками двери.

Флинн повернула голову, думая, что пиксельный рисунок сдвинется. Однако он остался на месте, над столом, ближе, чем ей сначала показалось. Как будто там правда что-то есть – бирюзовое, невозможное.

– Хм, – произнесла Флинн, вспоминая мошек, которые убили и съели женщину, потом – бесчисленные серии «Чудес науки» про НЛО. Там таких мелких не было.

Штука спускалась к ее связанным запястьям. Вертикально, как маленький лифт. Вытянулась и принялась вращаться на стальном столе, так что превратилась в бирюзовый диск размером с древний десятицентовик. И все это с жужжанием. А Флинн даже руки шире развести не могла.

Бирюзовый цвет сменился желтым, и в центре диска возникло стилизованное изображение красного наггетса. Штука по-прежнему вращалась, поскольку Флинн слышала звук. Что-то вроде мультика.

– Мейкон?

Диск вспыхнул красным.

Она что-то сделала не так.

Снова бирюзовый. Потом изображение уха, одной черной линией, как в предупреждающих роликах. Потом муха, тоже контуром. Потом то и другое рядом, муха сжалась и скользнула в ушную раковину. Потом опять желтый, вместо одного наггетса два, бляшка Эдварда. Желтый фон стал бежевым, превратился в значок Лоубир – бледную золотую корону. И тут же диск исчез, осталась крохотная мошка. Не муха. Прозрачная, будто восковая.

– Нет, – чуть слышно проговорила Флинн и подалась вперед.

Вжих – в ее левое ухо. С жужжанием. Глубже. Жужжание превратилось в голос Мейкона:

– Молчи. Тебя слушают через камеру. Делай вид, будто ничего не происходит. Исполняй в точности, что я скажу.

Флинн заставила себя поглядеть на дверь. Голос был и правда как у Мейкона, но она по-прежнему видела пижамные штаны и футболку над пустой улицей.

– Щелкни зубами дважды, раз-два, не открывая рта, как можно тише.

Флинн посмотрела вниз. Щелкнула зубами два раза подряд.

Самый громкий звук в мире.

– Теперь минуту сиди не двигайся. Как сейчас, только не шевелясь. Но и не застыв, как камень, потому что я запишу видео с камеры, а потом закольцую и отправлю обратно на камеру, чтобы они видели этот кусок, а не то, что будет дальше. Поняла?

Щелк-щелк.

– Не дергай головой или руками. Резкие движения в повторе подчеркивают, что фрагмент закольцован. Как скажу: «Давай!» – действуй. Сперва затычки в уши, потом костюм.

Она ничего не поняла. Какой костюм?

– Все нормально? – спросил он.

Щелк-щелк.

– Записываю, – сказал голос.

Флинн уставилась на дверь. Ручка, следы пальцев. Только бы у мамы было все хорошо и Литония сидела с нею.

– Готово, – сказал наконец Мейкон. – Закольцевал. Вставай.

Флинн уперлась ладонями в стол и поднялась, оттолкнув мегамартовский стул. Лязгнул засов.

Дверь открылась. Вошел ужас. Как будто у нее плавится сетчатка. Клубящееся пятно.

– Спрут-костюм, – сказал Мейкон в ее ухе; Флинн вспомнила: камуфло по типу каракатицы, как у Бертона и Коннера на войне.

Костюм считывал и воспроизводил то, что ближе всего, однако частично был забрызган кровью. Словно кусок взломанного игрового кода. Затем возникла спрут-перчатка с томагавком Бертона, метнулась вперед, зацепила и рассекла синюю безовскую стяжку. На нижнем изгибе головки был специальный вырез, острый-преострый, острее остального лезвия. Для веревок и проводов. Секунда, и он рассек стяжку, держащую вместе запястья Флинн. Другая перчатка – серо-стальная, как стол, – протянула два оранжевых комочка на оранжевом шнурке, вроде самых дешевых мегамартовских леденцов. Флинн сунула их в уши, как велел Мейкон. Интересно, он так и хотел, чтобы она заперла мошку внутри?

Бертон упал на пол, пролез под столом, вскочил рядом с нею. Хруст липучки, глаза Бертона. Спрут-материя развернулась, стала оттенка ее лица под безжалостными диодами, с двумя размазанными пятнами цвета ее глаз – костюм пытался эмулировать Флинн, – и вот уже она нырнула в него головой, руками, потянула вниз, слишком широкий и свободный, темный внутри, приглушающий белое свечение ламп. Бертон застегнул собственный костюм, нагнулся и застегнул костюм Флинн, начиная с ног.

– Вперед, – сказал Мейкон. Из-за затычек его голос звучал

иначе.

Бертон схватил ее, бросил через стол, перескочил сам, как гимнаст через коня, потащил Флинн к двери и дальше. Она споткнулась. Ее нога – пятно бетона. Рядом кобура охранника, залитая кровью, пистолет так и не вынут.

Шагнула через него.

– Дверь, – сказал Мейкон в самом ухе. – Давай!

Рулонная дверь, через которую ее сюда провели, открыта, снаружи темная ночь. Широкая ползунковая штанина спрут-костюма цепляла за все, и Флинн боялась, что упадет.

Не игровая кровь, заметила про себя какая-то другая Флинн или ее часть, наблюдающая со стороны.

74. Первое нежное касание

– Все, добрался до нее, начинает эвакуацию, – сказал Оссиан.

Оператор из среза только-только усадил экзоскелет в машину, на заднее сиденье напротив неподвижной коляски.

– Кто? – спросил Недертон.

– Ее психоненормальный братец. Тлен говорит, она перегибает палку.

– Флинн?

– Лоубир. Запечатай дверь. – Последнее, вероятно, относилось к «бентли».

Отверстие в боку автомобиля послушно стянуло края. Что-то в этом было неприятное, какое-то осьминожье, особенно завершающий этап превращения дыры в сплошную серебристо-серую поверхность.

– Полная герметизация. Откачать треть внутренней атмосферы.

Зашипел выходящий воздух.

– Разбирай, – сказал Оссиан, надо думать, оператору. – Если в инструкции непонятно, спроси меня.

– Перегибает палку? – спросил Недертон.

– Она собирается предпринять серьезный шаг. Необратимый.

– Пусть прежде освободит Флинн.

– Соединить тебя с ней? Она будет страшно рада услышать совет под руку от нашего штатного трепла.

Недертон, пропустив замечание мимо ушей, спросил:

– Что экзоскелет там делает?

– Пытается избавить коляску от двух самонаводящихся, самоограничивающихся роевых орудий. Ты видел, как я только что раскладывал ее голыми руками, и, наверное, думаешь, что и остальное раз плюнуть. Но нет, садисты, которые ее проектировали, не собирались облегчать нам жизнь. И сейчас наш техник как раз вскрыл проблему… – Оссиан слушал что-то, чего не слышал Недертон. – Так и есть. Я был прав.

– В чем? – спросил Недертон.

– Ей не понравилось первое нежное касание, – довольным тоном сообщил Оссиан. – Она выбросила ассемблеры. Они съели бóльшую часть кожаной обшивки Зубова-отца и биологические элементы нашего манипулятора. Никто не хотел мне верить, что эта штука не переходит в спящий режим. У нее нет выключателя. Только и ждет случая убить того, кто попытается вытащить ее из коляски. Впрочем, оба орудия теперь у нас. И то, что сработало, выпустило всего несколько тысяч мошек. Остались еще

миллионы. Эту дрянь хрен перезарядишь ближе чем в Новосибирске.

Появилась золотая корона на бежевом фоне.

– Флинн в безопасности? – спросил Недертон.

– Я тебе говорил, что не знаю, – буркнул Оссиан.

Недертон отошел от «бентли».

– Насколько я могу судить, да, – ответила Лоубир.

– Оссиан сказал, Тлен считает, что вы перегибаете палку.

– Тлен умница, но не привыкла действовать с позиции силы. Пиккету в наших дальнейших планах места нет. И кто-то недавно покушался на вашу жизнь, мистер Недертон. Пиккет, надо понимать, уже связан, пусть даже и не напрямую, с людьми, которые заказали ваше убийство. Хотите отправиться туда?

– Куда?

– В срез Льва.

– Это же вроде невозможно?

– Физически – да. Виртуально, пусть очень примитивным образом, – детская забава.

– Забава?

– В данном случае даже чересчур буквально, – сказала Лоубир.

75. Исходные

За попытку сфабить спрут-кос безбаши тебе руки оторвут. Хуже, чем за печать деталей для превращения винтовки в автомат, хуже, чем за лепку большей части наркотиков. Флинн не ожидала увидеть такой костюм, кроме как на экране, и уж тем более не думала когда-нибудь такой надеть.

На задворках у Пиккета было неестественно тихо. Флинн все ждала, что сейчас поднимется крик, стрельба, завоет сигнализация. Ничего. Только хруст гравия под колесами квадроцикла. Электрического, такого нового, что еще чувствовался запах. Куплен, наверное, на часть выигрыша в лотерею или на клэнтонские деньги. Такой мощный, что, поставь на него грейдерный отвал, выровнял бы дорогу как нечего делать. Через фабричные багажные крепления протянули канат, чтобы удобнее держаться. Колеса скелетные, непневматические: на гравии были как у горного велосипеда, а как только Бертон свернул с дороги – расширились. По траве они шуршали уже совсем тихо.

– Мейкон? – спросила Флинн, не уверенная, что он ее слышит.

– Здесь, – отозвался комар в ухе. – Погоди, вытащим тебя, поговорим.

Флинн не видела, куда они едут. Ее комбинезон – та часть, через которую предполагалось смотреть, – почти упирался в спину Бертона, и оба спрут-коса без остановки пытались эмулировать друг друга. От мельтешения искаженных шестиугольников рябило в глазах и голова шла кругом. В «Чудесах науки» такое показывали. Наконец Бертон затормозил, выключил мотор, спрыгнул с квадроцикла. Дернул липучку у себя, потом ухватился за костюм Флинн возле шеи, потянул с хрустом. Ночной воздух в лицо. Бертон стиснул ее руку у плеча, шепнул: «Легкий Лед». Флинн едва слышала его через затычки. Вынула одну, левую, на оранжевом шнурке.

– Не вытаскивай, – сказал Бертон. – Может быть громко.

Вталкивая затычку обратно, Флинн повернула голову и увидела за спиной Бертона, в тени металлической будки, Коннера в анимешном протезе с щиколотками шире ляжек.

Нет, не Коннера. Торс и обе руки были такие, будто в полартековские ползунки напихали пластилина, комками. И – как заметила она, подойдя ближе, – для полной бредовости нацепили на место головы резиновую маску президента Гонсалес; знаменитые шрамы от прыщей – кратеры на широких скулах.

Флинн заглянула в прорези глаз. Ничего.

Из-за протеза, держа буллпап под мышкой, вышел Карлос весь в черном: черная лыжная шапка до бровей, на глазах черные контактные линзы ночного зрения. У Бертона под расстегнутым спрут-косом тоже все было черное.

– Нужен твой кос для нашего приятеля, – сказал Карлос.

Флинн дала костюму съехать на землю и вышагнула из него. Мельтешение шестиугольников сразу исчезло, сменилось травой. Карлос поднял спрут-кос, расстегнул молнии с липучками и повесил его на высокий рюкзак за спиной у протеза. Бертон пристроил свой спереди, так что маска Гонсалес теперь смотрела между незастегнутыми полами. Бертон и Карлос, хрустя липучками, принялись соединять комбинезоны между собой так, чтобы не было взаимной эмуляции с мельтешением. По спрут-материи пробегали черные вихри – отражение их черной одежды, но, едва Бертон с Карлосом закончили и отступили в сторону, протез полностью слился с тенью за будкой.

– Пошел! – скомандовал Бертон кому-то, кого здесь не было.

Протез шагнул из тени. Только маска и ноги ниже щиколоток, а между ними будто пустота. Как сбой в глючной игре. Где-то на костюме по-прежнему была кровь охранника с поводком, но Флинн уже не помнила его лица. Протез сделал второй шаг, третий. Та же походка, какой Коннер подходил к холодильнику, но вся фигура наклонена вперед под весом рюкзака. Шлеп-шлеп, косолапо, к гравию. Теперь Флинн уже не видела маску. Протез шкандыбал назад, к залитому светом прожекторов уродливому дому Пиккета.

– Что вы делаете? – спросила Флинн у Бертона.

Тот поднял палец к губам, залез на квадроцикл, сделал ей знак, чтобы села за ним. Карлос устроился позади Флинн, ухватился за канат, и Бертон покатил по траве, прочь от гравийной дороги.

У Пиккета, оказывается, было поле для гольфа, с гаражами для машинок. Выглянула луна. Колеса тихо шуршали по ровной земле, покрытой не то полимером, не то генно-модифицированным газоном. Енот застыл в темноте, только его голова поворачивалась, провожая квадроцикл взглядом.

За полем для гольфа начался подъем: некошеный луг с редкими тропами, коровьими или лошадиными. Флинн различила впереди что-то белое, потом поняла, что это все та же ограда, на другом отрезке дороги. Когда они подъехали ближе, две фигуры в черном подбежали, подняли секцию и сдвинули ее в сторону. Бертон, не сбавляя скорости, выкатил через дыру на асфальтовую дорогу, которую округ на деньги Пиккета содержал

в таком отличном состоянии, и погнал дальше.

Примерно милей дальше, возле большого белого автомобиля, ждал Томми, в черной куртке и шлеме с эмблемой управы шерифа. Бертон затормозил рядом с ним.

– Флинн, ты как? – спросил Томми.

– Вроде нормально.

– С тобой ничего не сделали? – Он смотрел так, будто хочет увидеть ее насквозь.

– Нет.

По-прежнему глядя внутрь нее:

– Мы отвезем тебя домой.

Бертон спрыгнул с квадроцикла, перешел на другую сторону дороги, встал спиной к ним и зажурчал. Флинн тоже слезла. Карлос передвинулся на водительскую часть седла, взялся за руль, завел мотор, развернул квадроцикл и уехал в темноту еще до того, как Бертон закончил пи́сать. Видимо, забрать двух других ребят.

Томми открыл пассажирскую дверцу, и Флинн села в машину. Томми обошел автомобиль, открыл дверцы слева, сел за руль. Бертон плюхнулся за ним, и оба закрыли свои дверцы.

– У тебя правда все нормально, Флинн? – опять спросил Томми, глядя на нее.

Она захлопнула свою дверцу.

Томми завел машину. Некоторое время они ехали в темноте – не туда, куда укатил Карлос, а в противоположную сторону. Потом Томми включил фары.

– Пиккет – мудак, – сказала Флинн.

– Не новость, – ответил Бертон. – Это был Райс?

– Пиккет обещал убить его, если не привезет меня. Сказал, безбаши найдут его где угодно.

– Я так и прикинул, – сказал Бертон.

Флинн не хотелось обсуждать ни Райса, ни то, что они тут затеяли. Говорить с Мейконом через комара тоже не стоило, чтобы не отвлекать Томми от ночной дороги. Так что Флинн просто ехала и ехала. Все недавние события казались сном, но таким, от которого она еще не проснулась.

Машина была уже почти в городе, когда Бертон сказал кому-то, кого здесь не было:

– Давай.

Позади вспух огромный огненный шар, тень от машины протянулась далеко вперед. И только потом до них долетел звук. Флинн подумала, что можно было бы рассчитать мили, как по разнице между молнией и ударом грома.

– Черт, – сказал Томми, сбрасывая скорость. – Что вы такое

устроили?

– Иногда лепилы по неосторожности взлетают на воздух, – ответил Бертон с заднего сиденья.

Томми, молча глядя на дорогу, прибавил скорость.

Флинн надеялась, что Райс как отъехал от дома Пиккета, так и не остановился, что он уже где-нибудь в другом штате. Задавать вопросы Бертону не хотелось.

– Хочешь кофе, Флинн? – спросил наконец Томми.

– Спасибо, для меня уже поздновато, – ответила она.

Голос был чужой, какой-то девушки, с которой ничего этого не произошло. И тут Флинн разревелась.

76. Приложение-эмулятор

Тлен протягивала обруч – примерно такой же, как тот, с помощью которого Лоубир вытащила Недертона на остров мусорщиков, только с гибкой камерой на стебельке, мутновато-прозрачной, похожей на очень большой сперматозоид.

– Я туда не вернусь, – твердо сказал Недертон, радуясь, что их разделяет широкий мраморный стол Зубова-деда.

– Тебя никто и не просит. Ты отправляешься в гости к Флинн. В очень низком разрешении.

– Что?

– Мы уже поставили на твой телефон приложение-эмулятор.

Недертон подался вперед и взял у нее обруч. Тот весил не больше предыдущего, но из-за камеры-сперматозоида выглядел одновременно псевдоегипетским и карикатурным.

– У них есть периферали?

– Сам увидишь.

77. «Перекати-Полли»

– У тебя в животе жучок? – спросила из темноты Дженис. Она сидела на кровати в ногах у Флинн. – И еще один был в ухе?

Флинн, в трусах и морпеховской фуфайке, сидела на кровати, подперев спину подушкой. В окно лился лунный свет.

– Тот, что в животе, – трекер, подключенный к бельгийскому сервису охранных спутников. У меня, Мейкона, Бертона и Коннера – у всех такие, насколько я знаю.

– А в ухе?

– Бертон его забрал.

– Из уха?

– Мейкон сделал так, чтобы он вылетел. В пузырек от лекарства. Я думала, это что-то такое супер-пупер из будущего, что Мейкона научили сфабить, но он сказал, здешнее, новье от вояк.

– И тот, который ты проглотила, показал, где ты?

– Иначе бы я сейчас здесь не сидела. Райс забрал мой телефон.

– Мейкон сделал тебе новый. Он у меня. А трудно будет эту штуку из живота вынимать?

– Мейкон говорит, через шесть месяцев она сама отцепится.

– И?..

– И я ее высру.

– В унитаз?

– Нет, друзьям на голову.

– Частенько бывает с моими знакомыми, – заметила Дженис из темноты. – И ты поверишь бельгийцам, когда они скажут, что ты высрала их жучка?

– Мейкон говорит, можно верить. Где Мэдисон?

– Строит форт. Вокруг вашего нового всемирного штаба рядом с фабой.

– Зачем?

– Бертон сказал. Дал ему безлимитную мегамартовскую карточку. Велел импровизировать.

– Из чего?

– Мэдисон взял двести палет гибкой кровельной черепицы. Ну той, которую делают из резаных пластиковых бутылок, старых шин и другого дерьма. Оставил ее в мешках, и теперь Бертоновы ребята кладут их как кирпичи. Стена в два мешка толщиной, семь футов в высоту. Должно помочь при серьезном обстреле.

– Зачем это надо?

– Бертона спроси. Мэдисон говорит, если от безбашей

обороняться, то без мазы. А безбаши сейчас ползают по тому, что осталось от дома Пиккета. Вызвали туда Томми помогать.

– Он небось уже заколебался ездить туда-обратно.

– Тебя там не били, не насиловали?

– Нет. Пиккет что-то сказал про вывихнуть мне челюсть, но мне показалось, ему главное было вытянуть за меня побольше денег.

– Вот-вот. Именно поэтому, – сказала Дженис.

– Что поэтому?

– Поэтому я и надеюсь, что этого козла убило.

– Если бы ты видела, как отправили бомбу, ты бы знала, что вряд ли эта штука могла подкрасться незаметно, даже в спрут-косе.

– Надеяться-то все равно можно.

– Как ребята добыли спрут-костюмы?

– Гриф привез.

– Кто?

– Гриф. Ветросолы его прислали.

– «Сольветра».

– Прилетел на реактивном вертолете почти сразу, как Бертон узнал, что тебя нет. Сел вон там на лугу. – Дженис махнула в сторону окна, ее рука на миг мелькнула в лунном свете. – Я его даже не видела. Мэдисон видел, говорит, по выговору англичанин. Наверное, и микродрон тоже он привез.

– Кто он такой?

– Понятия не имею. Мэдисон сказал, вертолет из Вашингтона. Говорит, от безбашей.

– Кто от безбашей?

– Вертолет.

Флинн вспомнила слова Райса, что у Пиккета есть свои люди в безопасности.

– Наверное, я опять чего-то не догоняю, – сказала она, а про себя подумала: «Если я не в будущем, то меня похищают и освобождают».

– Завтра увидим, у кого главный источник доходов накрылся медным тазом вместе с домом Пиккета. Вот телик, который Мейкон тебе отпечатал. – Дженис из темноты протянула телефон.

– Я бы предпочла вернуть свой.

Только вспомнить, сколько часов она в фабе за него отработала!

– Твой улетел в Нассау.

– В Нассау?

– К кому-то в тамошнюю адвокатскую контору. Его вытащили из клетки Фарадея вскоре после того, как Бертон с ребятами тебя

освободили. Мейкон его залочил.

Флинн вспомнила, как Пиккет говорил, что она должна будет позвонить Недертону и попросить за себя больше денег, чем обещали те, другие.

– Мейкон говорит, у Пиккета крутые адвокаты в Нассау, – продолжала Дженис. – И все равно ваши круче и их больше.

– Целых три, насколько я знаю, – сказала Флинн.

– С тех пор еще куча понаехала. Кормить их и селить – новый растущий бизнес. И очень кстати.

– Он поставил мои приложения и все такое? – Флинн понюхала телефон. Свеженький.

– Да, плюс шифровальный алгоритм, который работает в фоновом режиме. Сказал тебе поменять пароли ко всему. И не просто там день рождения или имя задом наперед. И еще передал меговский «Перекати-Полли». В пакете у тебя на столе.

– Что?

– «Перекати-Полли».

– Что за фигня?

– Мейкон купил на *eBay*. Старый, но не юзаный. Нераспакованный даже.

– Не въезжаю.

– Младшие классы. Планшет на палке. Снизу вроде сегвея. Помнишь? Мотор, два колеса, гироскоп, чтобы держался прямо.

– Идиотические штуки, – вспомнила наконец Флинн.

У Дженис чирикнул телик. Она подняла его к глазам, экран осветил лицо.

– Элла просит зайти.

– Если что-нибудь серьезное, зови меня. Если нет, попробую уснуть.

– Знаешь, я страшно рада, что ты вернулась живая и здоровая.

– Дженис, я тебя люблю.

Когда подруга ушла вниз, Флинн встала, зажгла ночник и перетащила пакет на кровать. Внутри лежала коробка с изображением мегамартовского «Перекати-Полли» на крышке. Вроде красной пластмассовой мухобойки, воткнутой в мяч такого же цвета между двумя толстыми черными шинами. Мухобойка представляла собой мини-планшет с камерой, на палке. Их рекламировали как игрушки, приборы наблюдения за младенцами, платформы для дистанционной дружбы или грустной любви и даже способ дешево путешествовать по миру. Покупаешь или арендуешь такой в Лас-Вегасе или в Париже, дистанционно катаешь его по казино или музею, видишь, что он видит. А планшет – и это Флинн не нравилось больше всего – показывает твое лицо. Сидишь в наушниках с камерой на отлете,

и она снимает твою реакцию на то, что ты видишь через «Полли», и люди, смотрящие на устройство, видят, что ты их видишь, и ты можешь с ними поговорить. Флинн помнила, как Леон ее троллил, уверяя, будто у некоторых даже бывает с ними любовь, а ей не хотелось верить.

Уже на кровати, открывая коробку, она подумала, что, наверное, от них и пошли периферали. «Перекати-Полли» и был дешевой, убогой периферальюю.

В коробке лежал желтый блокнотный листок с логотипом фабы «Форева». На нем толстым ядовито-розовым маркером было написано: «ДОКТОР ПРОПИСАЛ. ПОЛНАЯ ЗАРЯДКА + КРУТОЙ ШИФРОАЛГОРИТМ. М.».

Флинн вытащила штуковину из коробки и попыталась установить, но та все время заваливалась назад, планшет в лунном свете блестел, как черное зеркальце. В нижней части красного шара обнаружилась белая кнопка. Флинн нажала. Гироскопы пискнули и завертелись, красный пластмассовый штырь с планшетом на конце встал стоймя, черные колеса закрутились независимо одно от другого. Штуковина повернулась на простыне вправо, потом влево.

Флинн толкнула черный экран пальцем, экран отклонился назад, но гироскопы тут же его выровняли.

Тут он зажегся, и появилось лицо Недертона, слишком близко к камере: нос огромный, глаза чересчур широко расставлены.

– Флинн? – спросил он через дешевый маленький микрофон.

– Умереть и не встать, – сказала Флинн, почти смеясь, и тут же натянула на ноги простыню, потому что сидела на кровати в одних только трусах и фуфайке.

78. Дикий Запад

Картинка с двух камер, полностью объемная, напомнила ему неподвижное изображение еще более древних времен, только он не помнил, как называлась та платформа. Флинн смотрела на него, ее колени были прикрыты светлой тканью.

– Это я, – сказал Недертон.

– Офигеть.

Флинн протянула руку – непропорционально увеличенные кончики пальцев – и толкнула его, то неизвестное, на чем были закреплены камеры. Он качнулся, на миг увидел низкую, кустарного вида поверхность – наверное, потолок – и горизонтальный шов отклеившейся бумаги. Потом с ощутимым стрекотом выровнялся.

– Не делай так, – сказал он.

– Знаешь, как ты выглядишь? – спросила Флинн, перегибаясь через колени.

– Нет, – ответил Недертон, хотя программа-эмулятор показывала что-то сферическое, на колесах, с прямоугольной плашкой на тонком стебельке.

Руки Флинн увеличились во много раз, затем всю трансляцию заполнило рекламное изображение того же предмета, что на эмблеме, но с восторженной детской физиономией во весь экранчик.

– У нас на Диком Западе нет крутых синтетических красавчиков, зато есть «Перекати-Полли». Ты где сейчас?

– В гобивагене.

– В автодоме?

– За моим столом, – сказал Недертон.

– Это правда твой стол?

– Нет.

– Фантастически уродский. Так никакой «Сольветры» нет и не было?

– Есть компании, зарегистрированные под таким названием в вашей Колумбии и в вашей Панаме, – ответил Недертон. – А теперь и в ваших Соединенных Штатах. Ты в руководстве одной из них.

– А у вас ее не было?

– Не было.

– Просто хобби Льва? Плюс то, что ты облажался, и расследование Лоубир?

– Насколько я знаю, да.

– Зачем ты здесь?

– Лоубир предложила. А мне хотелось увидеть своими глазами. Сейчас день? Это окно? Где мы?

– Ночь, – ответила Флинн. – У меня в комнате. Яркая луна.

Она протянула руку, выключила источник света и тут же стала прекрасна другой красотой. Темные глаза сделались больше. Дагеротип, вспомнил Недертон.

– Отвернись, – сказала Флинн и сама его развернула. – Мне надо надеть джинсы.

Ее комната, насколько он видел через скользящую камеру, напоминала кочевую юрту. Невзрачная мебель, груды одежды, отпечатанные на принтере вещи. Мгновение в прошлом, за десятилетия до его рождения. Мир, который Недертон воображал, в реальности оказался невообразимым.

– Ты всегда здесь жила?

Флинн нагнулась, взяла его, поднесла к окну, к лунному свету:

– Ага.

Луна. Большая, яркая.

– Я знаю, что это реально, – сказал Недертон. – А поверить не могу.

– Я смогла поверить в твой мир, Уилф. Пришлось. Поднапрягись чуточку.

– До джекпота, – проговорил он и тут же пожалел о своих словах.

Флинн развернула его к себе и, залитая лунным светом, серьезная, глянула ему в глаза:

– Что такое джекпот, Уилф?

Вся его способность изворачиваться и лгать куда-то исчезла.

79. Джекпот

Они сидели под дубом во дворе перед домом: Флинн на старом деревянном стуле, Уилф у нее на руках.

Бен Картер, младший из солдат Бертона, по виду совсем мальчишка, которому бы еще в школе учиться, устроился на крыльце – в глазу виза, на коленях «булка» – и пил кофе из термоса. Флинн тоже хотелось кофе, но она знала, что тогда уж точно потом не уснет. И Уилф Недертон рассказывал ей про конец света. Вернее, про конец того мира, в котором живет она, и начало другого.

Лицо Уилфа на планшете «Полли» освещало ей ступени, пока она спускалась из спальни. Бен сидел на крыльце, сторожил дом; при появлении Флинн он растерялся, вскочил, пытаясь сообразить, куда не направлять ствол. На нем была такая же кепка с подвижным пиксельным камуфляжем, как у Райса. Бен не знал, здороваться ли с Уилфом. Флинн сказала, что они посидят под деревом и поговорят. Бен ответил, что сообщит остальным, где она, только, пожалуйста, не уходи больше никуда и не обращай внимания на дроны. Так что Флинн расположилась на стуле, и Уилф в «Перекати-Полли» начал объяснять ей то, что называл джекпотом.

Прежде всего, это не было какое-то одно событие, вызванное единственной причиной, с четким началом и концом. Скорее климат, чем как в апокалиптических историях, где бах! – и все начинают бегать с пушками, как Бертон и его ребята, или всех съедает заживо вылезшая откуда-то дрянь. Совсем иначе.

Джекпот был антропогенным, сказал Уилф, а Флинн из «Чудес науки» и «Нейшнл географиков» знала, что это значит «из-за людей». Не то что они нарочно хотели сделать плохо, но все равно сделали. И очень многое началось из-за настоящего климата, из-за избытка углекислого газа в атмосфере. И становилось хуже и хуже, а люди в прошлом сперва не понимали что и отчего, а когда поняли, то не смогли организоваться и поправить дело, а потом стало уже поздно.

Так что сейчас, в ее время, объяснил Уилф, человечество идет к антропогенному, общесистемному, комплексному трындецу, как Флинн уже и сама чувствовала, да и все, наверное, кроме тех, кто говорит, будто ничего такого не будет, но зато ждет второго пришествия. Флинн смотрела на серебристую траву (Леон подстриг ее старой чугунной газонокосилкой, которую заматывал проволокой, чтобы не развалилась на ходу), на лунные тени за чахлыми кустами самшита и бетонной декоративной чашей – в их

детстве это был за́мок дракона – и слушала рассказ Уилфа о том, как за сорок лет вымерло восемьдесят процентов земного населения.

И гадала, значит ли что-нибудь на самом деле, когда тебе говорят такое. Если это его прошлое и твое будущее.

Первый ее вопрос был: как поступили с таким количеством покойников?

Поначалу как обычно, ответил Уилф, ведь все происходило не враз. Потом какое-то время ничего не делали, а дальше появились ассемблеры. Ассемблеры, наноботы – их придумали позже. Они же раскопали и расчистили загнанные в трубы лондонские реки после того, как закончили с трупами. Создали все, что она видела по пути в Чипсайд. Выстроили небоскреб, где убитая женщина на ее глазах готовилась к вечеринке. И остальные небоскребы, которые Уилф называл шардами. А теперь ассемблеры поддерживали чистоту и порядок, в будущем после джекпота.

Флинн чувствовала, что Уилфу тяжело рассказывать, что он редко говорил об этом раньше, может, даже никогда. По его словам, некоторые, как Тлен, превратили всю свою жизнь в плач по утраченному миру. Носят черное, рисуют на себе татуировки или что-нибудь в таком роде. Но это больше скорбь о других видах, о другом массовом вымирании, не о восьмидесяти процентах человечества.

Ни столкновения с кометой, ни глобальной ядерной войны. Просто всё разом на фоне меняющегося климата: засухи, нехватка воды, неурожаи, пчелы пропали окончательно, численность ключевых видов катастрофически сократилась, исчезли последние высшие хищники, антибиотики стали помогать еще меньше, чем сейчас, болезни – не одна пандемия, но отдельные эпидемии, каждая из которых сама по себе была историческим событием. И все из-за людей: сколько их было, как они себя вели, как меняли окружающий мир.

Тени на лужайке превратились в бездонные черные дыры. А может, в идеально разостланный черный бархат.

Людей спасла наука, объяснил Недертон. Когда все рушилось, когда история превратилась в массовую бойню, наука внезапно пошла вверх. Не сразу, не одним героическим рывком, но мало-помалу появились более дешевые, более чистые энергоносители, более эффективные способы извлекать углекислоту из воздуха, новые лекарства – замена антибиотикам, нанотехнологии, посерьезнее самовосстанавливающейся автомобильной краски или подвижного камуфляжа на бейсболке. Еда, для печати которой требовалось меньше ресурсов, чем для

выращивания настоящей. Так что кошмар постепенно озарялся светом нового, такого, от чего захватывало дух, однако в целом все продолжало разваливаться, к чертовой бабушке. Это сопровождалось насилием, сказал Недертон, и невообразимыми страданиями. Чувствовалось: он проскакивает подробности, не хочет описывать худшее из того, что произошло, должно произойти.

Флинн глядела на луну и думала, что та будет такой же на протяжении десятилетий, которые описывает Уилф.

Для очень богатых людей, говорил он, все было не обязательно так уж плохо. Самые богатые делались еще богаче, поскольку меньше оставалось конкурентов. Постоянные кризисы рождали множество новых возможностей. Так мир стал таким, каким стал. Когда ситуация достигла дна, население кардинально уменьшилось, выжившие научились выбрасывать в атмосферу меньше углекислого газа, а избыток съедали растущие небоскребы вроде того, который она патрулировала. И ради этого они строились, а не только чтобы служить жильем для богатых. Так что уцелевшие люди постоянно помнили, от чего были на волосок.

– От того, что случилось с восьмьюдесятью процентами?

Уилф просто кивнул на экране «Полли» и продолжил рассказ про Лондон. Там и раньше селились те, кто владеет миром, но не живет в Китае, так что город уцелел и потом первым начал расти.

– А что с Китаем?

Экран «Перекати-Полли» тихонько заскрипел, увеличивая угол подъема камеры.

– У китайцев была фора.

– В чем?

– В последжекпотовском устройстве общества. Ваше-то формально еще считается демократией. – Тут экран снова скрипнул и уставился на мамин газон. – Влиятельным людям, которые пережили джекпот и укрепились, демократия была не нужна. Они обвинили ее во всем.

– Так кто правит на самом деле?

– Олигархи, корпорации, неомонархисты. Наследственные монархии обеспечили привычный каркас. По сути феодальный, считают критики системы. Те немногие, что сейчас есть.

– Так правит король Англии?

– Лондонское Сити, – ответил Недертон. – Гильдии. В тесной связке с такими, как отец Льва. А такие, как Лоубир, дают им эту возможность.

– Так весь мир левый? – Флинн вспомнила разговор с Лоубир. – Кроме шуток?

– Клептархия – не шутка, – ответил Недертон.

80. «Культура Кловис»

Кловис Фиринг, которую Лоубир представила как старейшую свою подругу, была впрямь живописно и демонстративно стара – по меньшей мере ровесница самой Лоубир. В черной вязаной шляпке-клош на безволосой голове и траурном викторианском платье, настолько скучном, что наряды Тлен рядом с ним показались бы клоунскими, она походила на иссохшие мощи святого – мощи с пронзительными и очень подвижными черными глазками. «Культура Кловис», ее магазинчик на Портобелло-роуд, торговал исключительно предметами американского быта.

По дороге Лоубир объяснила Недертону, зачем его сюда взяла. Даэдра прислала приглашение на вечер вторника, хотя инспектор и не разрешила пока открыть сообщение. Сделать это и отправить ответ следовало из места, никак не связанного со Львом, чтобы не свести архитектуру семейной безопасности Зубовых с той, которая охраняет Даэдру.

– Кловис, этого молодого человека зовут Уилф Недертон, – говорила сейчас Лоубир, благодушно оглядывая варварское нагромождение предметов в тесном магазинчике. – Он пиарщик.

Миссис Фиринг – так значилось на входе – стрельнула в него быстрым взглядом ящерицы. Такой густой сети морщин и бородавок, как на ее высохшем личике, Недертон еще никогда не видел. Белки глаз были желтоватые, в паутинке лопнувших сосудов, сквозь пергаментную кожу толщиной, наверное, в несколько микронов, отчетливо просвечивал череп.

– Мы не станем его слишком строго за это осуждать, – сказала она неожиданно твердым голосом, в котором слышался американский акцент, хотя не такой выраженный, как у Флинн. – Я не знала, что тебе нужен пиарщик.

Ее руки, лежащие на прилавке, напоминали птичьи когти, на одной угадывалась татуировка, от времени утратившая всякую форму и совершенно неподвижная.

– Его друзья увлекаются континуумами, – сказала Лоубир. – Ты про такое слышала?

– В последние несколько лет от них отбоя нет. Они скупают всё две тысячи тридцатых – две тысячи сороковых годов. Стараются забраться как можно дальше от джекпота как такового. Примерно в две тысячи двадцать восьмой. Чем я могу быть тебе полезна, солнце мое?

– Уилф, – сказала Лоубир, – если не возражаете, я хотела бы поболтать с Кловис. Вы можете открыть почту и сделать звонок с тротуара. Не отходите от автомобиля, пожалуйста. Если случайно

побредете в сторону, он вас вернет.

– Конечно, – ответил Недертон. – Рад был познакомиться, миссис Фиринг.

Кловис Фиринг, не обращая внимания на него, пристально смотрела на Лоубир.

– Мне надо освежить память, дорогая, – сказала та, когда он шел к дверям.

Был поздний вечер, и субботняя толпа уже заметно поредела. Торговцы с тележками по большей части сложили товар и уехали, хотя магазинчики, как у Фиринг, еще работали. Автомобиль Лоубир стоял перед домом завуалированный, однако от корпуса поднимался пар – странный эффект, который пешеходы старательно не замечали. Мимо, увлеченно беседуя, прошествовали два итальянца опереточно-профессорского вида и скрылись в лавке часовщика чуть дальше на противоположной стороне улицы. Автомобиль пощелкивал через неравные промежутки времени, словно остывающий металл. Недертону вспомнилось убитое лицо Флинн в лунном свете. Рассказ про джекпот вышел тяжелым. Недертон вообще не любил повествовательные аспекты истории, особенно этой ее части. В некоторых она рождала тягостный надлом, как в Тлен, других, как Льва, словно не затрагивала вовсе.

Он повернулся к витрине миссис Фиринг и сделал вид, будто разглядывает каменные наконечники под стеклянным колпаком – загадочные символы древнего порядка вещей. В залитом луной саду Флинн ему вроде бы удалось различить некий другой порядок. Он попытался вспомнить, что Лоубир говорила о мыслях Тлен по его поводу, но так и не сумел. Щелкнул языком по нёбу, вызвал приглашение Даэдры, изучил подробности. Прием должен был состояться в «Парадизе», Фарринг дон, на пятьдесят шестом этаже, то есть в бывшей Аэлитиной квартире, которую Бертона наняли охранять. В той самой, где Флинн видела убийство. Приглашение было на самого Недертона и доктора Анни Курреж, которую ждали периферально. Упоминался просто «прием» без указания поводов или степени официальности.

Новое прикосновение языком к нёбу. Круговое течение на эмблеме Даэдры. На сей раз – никакого гранитного зала. Приглушенный свет, плохо различимое помещение с легким намеком на будуарность.

– Мистер Недертон!

Ее гламурный модуль, радостно-изумленный.

– С благодарностью принимаю любезное приглашение Даэдры, – сказал он. – Доктор Курреж будет сопровождать меня периферально.

– Даэдра будет очень жалеть, что вы ее не застали, мистер Недертон. Попросить, чтобы она вам перезвонила?

– Нет, спасибо, в этом нет необходимости. До свидания.

– До свидания, мистер Недертон! Хорошего вам вечера!

– Спасибо. До свидания.

Эмблема Даэдры исчезла, возникла эмблема Лоубир.

– Вы снова в фаворе, как я погляжу.

– Вы подслушивали.

– Святая правда. Пожалуйста, вернитесь на секундочку в магазин.

Недертон вошел, стараясь не задеть чучело крокодила – или, может быть, аллигатора – в цилиндре, на задних лапах, с двумя парными револьверами (игрушечными, подумал Недертон) в одинаковых кобурах. Рукояти револьверов были украшены изображением бычьих голов.

Лоубир и Фиринг по-прежнему были у прилавка. Между ними лежал прямоугольник желтовато-белого пластика.

– Узнаете? – спросила Лоубир, указывая на поднос.

– Нет, – ответил Недертон, разглядывая аляповатую надпись «200 ЛЕТ КЛЭНТОНУ», даты с интервалом в два столетия, выцветшие полустертые виньетки.

– Ваша периферaль зафиксировала такой у нее дома, – сказала Лоубир. – Мы сравнили отдельные предметы с каталогами поставщиков Кловис. Этот поднос был под Лэдброк-Гроув. Ассемблеры доставили его сюда.

– Прямо сейчас?

– Пока вы были на улице.

Недертон смутно знал, что бывшие тоннели под Лондоном забиты артефактами – объединенным фондом многочисленных поставщиков, тщательно каталогизированным и доступным для ассемблеров в любую минуту. Ему стало немного грустно, что этот поднос еще совсем недавно лежал там, внизу. Хотелось верить, что он не буквально из дома Флинн.

– У нее он стоял на каминной полке, – сказала Лоубир. – Предмет гордости.

– Я как-то была в Клэнтоне, – заметила Кловис. – Подбила там одного субъекта. В баре «Рамада-инн». В щиколотку. Я всегда хорошо стреляла с близкого расстояния, но ценится-то меткость с большого.

– Зачем вы в него стреляли? – спросил Недертон.

– Он пытался уйти, – ответила миссис Фиринг.

– Ты была та еще штучка, Кловис, – заметила Лоубир.

– А ты была британским шпионом, – сказала миссис Фиринг.

– Ты тоже, – ответила Лоубир, – хотя и внештатным.

Поразительные морщинки миссис Фиринг сложились в нечто вроде улыбки.

– Почему вы сказали, что она была британским шпионом? – спросил Недертон несколькими минутами позже, уже в машине.

Когда дверь развуалировалась, двое малышей в сопровождении няни-митикоиды захлопали в ладоши от восторга. Лоубир ласково помахала им рукой и вслед за Недертоном залезла в автомобиль.

– Она и была в свое время. – Лоубир смотрела на огонек свечи на столе между ними. – Я ее курировала из посольства в Вашингтоне. В итоге она вышла за Клемента Фиринга, одного из последних депутатов-тори. – Она нахмурилась. – Мне никогда не нравился Клемент, хотя нельзя отрицать, что влиятельный муж сильно облегчает жизнь. Впрочем, Кловис была очень к нему привязана. Уж не знаю, что она в нем нашла. Ужасные времена.

– Я рассказал Флинн про джекпот.

– Я слышала, не буду греха таить, – сказала Лоубир без тени раскаяния. – С учетом обстоятельств вы справились очень неплохо.

– Она потребовала рассказать. Теперь я боюсь, что напугал ее и огорчил. – Он внезапно понял, что именно так и вышло.

– Ничего не попишешь, как я слышу всю жизнь, к моему величайшему раздражению. Когда приедем, я попрошу Тлен вас усыпить.

– В каком смысле?

– Как алкогольное забытье, но без необходимости набирать дозу и последующих неприятностей. Вам надо отдохнуть. К вечеру вторника вы с Флинн нужны мне энергичные и бодрые.

– Вы так недолго с нею разговаривали, – заметил Недертон. – Я думал, вам нужна информация.

– Нужна, – ответила Лоубир. – Однако Флинн требуется время, чтобы извлечь и расшифровать воспоминания. Сейчас она ничего, по сути, не помнит.

– Я собирался ей позвонить, – сказал Недертон.

– Она спит, – ответила Лоубир. – У нее был чрезвычайно долгий день. Ее похитили, держали в заложницах, освободили, а в довершение ей пришлось выслушать всю историю джекпота.

– Откуда вы знаете, что она спит?

– Мейкон по нашему поручению установил ей на телефон такую функцию. Теперь я знаю, что она не только спит, но и видит сон.

Недертон глянул на Лоубир:

– Вы знаете, что ей снится?

Лоубир посмотрела на свечу. Потом на Недертона:

– Нет. Не то чтобы это было невозможно, но наша связь со срезом несколько доморощенная и едва ли обеспечит такое. Впрочем, я лично редко находила результаты особенно полезными. Первичные сновидения занятны главным образом тем, что крайне бедны визуально в сравнении с яркостью, которую мы приписываем им задним числом.

81. Аламо

– Корова? – изумленно спросила Флинн, недооткусив банан.

Прокатная машина как раз въехала на самый высокий участок Портер-роуд; подъем был совсем небольшой, но Флинн знала его по езде на велосипеде. Отличный денек, солнечный, жаркий. Дженис за рулем картонной прокатки везет их обеих в город. Радоваться бы, да вот только накануне Недертон рассказал, что наступает конец света. Или уже наступил, а они не видят. Что-то в таком духе.

– Нет, – ответила Дженис. – Бертон вчера поставил.

Флинн, обернувшись, еще раз глянула на луг. Когда-то там был сенокос, потом участок купили застройщики, да так и бросили. Ей показалось, что корова мотнула головой.

– Серьезно, что ли? Дрон?

– Ближе к спутнику, – ответила Дженис. – Охрененно чувствительная штука. А еще дроны могут от нее подзаряжаться.

Флинн сунула в рот последний кусок банана.

– Небось Бертон не в «Меге» ее купил, – сказала она, проглотив.

– Гриф привез. Или кто-то из ваших многочисленных адвокатов.

– Сколько их?

– Точно не знаю, но в «Джиммис» еле успевают готовить им чили-доги, с утра до вечера. Ваши адвокаты делают заказ по телефону и присылают дронов забрать. Дэнни ездил в оптовый магазин за новыми кастрюльками для чили.

Дэнни был хозяин «Джиммис», внучатый племянник того Джимми, который открыл кафе и которого мама еще помнила по своему детству.

– Он хотел поднять цену, – продолжала Дженис, – но Бертон поручил Томми сказать ему, что не надо. Так что, думаю, вы субсидируете чили-доги.

– Зачем?

– Чтобы не настраивать горожан против «Сольветры». Они уже и так думают, что все из-за Леона. Теория заговора состоит в том, что он выиграл в лотерею много больше, чем огласил штат.

– Бред какой-то.

– Теория заговора должна быть простой. Логики от нее не требуется. Реальной сложности люди боятся больше, чем вымышленных врагов.

– И что говорят?

– Пока еще определенное мнение не сложилось. Наши умные

головы перед «Джиммис» утверждают, что Пиккет все время был на жалованье у безбашей.

– Они считают, что безбаши лепят наркотики?

– А как еще профинансировать захват власти ооновцами?

– Да никакой ООН уже давно толком нет. «Ротари-клуб» или «Киванис» и то влиятельнее.

– ООН глубоко укоренена в демонологии. – Дженис сбросила скорость, пропуская дикую рыжую кошку, которая наградила их презрительно-ненавидящим взглядом. – Мэдисон говорит, именно ваши друзья из будущего посоветовали не позволить Дэнни задрать цены.

– Микроменеджмент, – заметила Флинн.

Впереди уже показались дома.

– Я не против чуточки микроменеджмента, лишь бы все происходило помедленнее. Город не такой, каким был.

– Первый раз я подменяла Бертона в ночь со вторника на среду. Сегодня воскресное утро.

– А мы не в церкви. Хлоп – и мир уже другой. Я смотрю на город, смотрю новости. Вроде то же самое, да не то же.

Они подъехали к торговому центру. Флинн увидела вышки сотовой связи и антенны над «Суши-лавкой», блестящие немецкие автомобили почти на всех парковочных местах – «складные самолетики» с флоридскими номерами.

– Вау, – сказала она.

– Или, по крайней мере, выглядит иначе. – Дженис припарковалась перед «Суши-лавкой». – У Хуна дела идут лучше некуда. «Суши-лавка» второе любимое место адвокатов плюс она открыта допоздна. Они даже покупают его футболки. И он получил компенсацию за то, что над ним натыкали антенн.

– Не от меня.

– С точки зрения Хуна – от тебя. Ты внешдир, на всех документах твоя подпись.

– Это законно?

– Спроси у будущего. Бертон по уши в военных делах.

Дженис вылезла из машины, и Флинн тоже, держа «Перекати-Полли» под мышкой, как бутылку вина.

Вдоль фасада к ним шли Мейкон и Карлос. Мейкон был в старых джинсах и футболке из «Суши-лавки»: красный псевдояпонский текст на белом фоне и схематическая деревенская лавка с одним большим роллом. Карлос, в камуфляже и мягкой бронекуртке, держал под мышкой «булку». Флинн знала, что это разрешено по конституции, но все равно чувствовала какую-то неправильность. Неделю назад никто из них не стал бы разгуливать по городу в камуфляже и уж тем

более с винтовкой. А теперь Карлос в защите, пусть и похожей на скейтерскую. У обоих в глазу были визы. Мейкон улыбнулся во весь рот, Карлос самую чуточку, но только потому, что внимательно смотрел по сторонам. До Флинн дошло, что он готов в любую минуту, хоть сейчас, кого-нибудь застрелить.

– Ты натыкал эту фигню Хуну на крышу? – спросила она Мейкона.

– «Клейн, Крус, Верметт», – ответил тот.

– Дженис говорит, их еще много понаехало.

– «Сольветра» состоит главным образом из бумаги и адвокатов. Да еще капитала.

– Они не все в этих вонючих магазинчиках?

– Тут их почти нет. Наснимали офисов по всему городу. Для нас и лучше, что они сидят по отдельности и не видят, чем мы занимаемся.

– Чем, кстати?

– Сейчас – обеспечиваем тылы Коннеру, пока он там тренируется.

– В своей периферали?

– Как я понял, в чем-то с менее интуитивным управлением, но ты лучше сама его спроси. Он там уже шесть часов подряд. Мне только что сообщили, что скоро вернется. А тут его уже ждет клевая медсестричка.

– Что за медсестричка?

– Гриф прислал, – ответила Дженис.

– Такая же медсестричка, как я – балерина, – объявил Карлос.

– Карлос думает, она спецагент, – сказал Мейкон. – Сама говорит, что парамедик. Не понимаю, чем одно другому мешает.

– Ангел смерти, – произнес Карлос так, будто назвал любимый сорт пирожного.

– Гриф, – повторила Флинн. – Все время это имя всплывает.

– Пошли, – сказал Мейкон и повел их в помещение, соседнее с фабой. Снаружи оно выглядело по-прежнему, только окна помыли.

Внутри все переменилось. Прямо у входа высился форт Аламо из тайвековских мешков с черепицей, про которые рассказывала Дженис. Кроме того, Мэдисон залил окна трехдюймовым слоем полимера, как у Бертона в трейлере, – пули это не остановит, но не даст стеклу разлететься. Стена – фута три толщиной и футов семь высотой – из мешков, сложенных, как кирпичи, опоясывала, надо думать, все помещение, оставляя проходы напротив входной двери, дыры в фабу и, может быть, еще один сзади. Входную дверь изнутри обили слоями такого же материала, что на подкладке у бронекуртки Карлоса, – вроде

тонких слоев серо-буро-малиновой сахарной ваты. Флинн так толком и не поняла, как эта штука работает: типа что кинетическая энергия пули передается вате и та становится твердой как сталь, даже руку тебе может сломать. Звукоизолирующие плиты с потолка сняли, оставив каркас, с которого теперь свисала синтетическая пленка того же синего цвета, что безовские стяжки, которыми Флинн пристегивали к столу у Пиккета. Она разглядела серое осиное гнездо неведомо какой древности. Зато сортиром уже не воняло.

– Отделы, – сказал Мейкон. – Юридический вон там.

Флинн увидела Брента Верметта, с которым познакомилась на встрече в мегамартовской закусочной, только сейчас на нем были глаженые защитные штаны и футболка из «Суши-лавки», как у Мейкона. Он разговаривал с коротко стриженной рыженькой девушкой.

– Тебе понравился наш «Полли»? – спросил Мейкон. – Вижу, ты захватила его с собой.

– Говорила вчера через него с Недертоном.

– И как?

– То ли страшно настолько, что хоть иди вешайся, то ли как я и раньше думала.

Мейкон глянул на нее.

– Сложно, – сказала Флинн. – Коннер там дальше?

Она пошла вглубь помещения, Дженис за ней.

Мейкон их нагнал:

– Лоубир просила тебя быть у них примерно через час. У нас тут все готово.

– Бертон здесь? – спросила Флинн.

– У Пиккета.

Флинн остановилась:

– Зачем?

– Томми его вызвал. Безбаши нашли Джекмана.

– Ты мне не говорила, – сказала Флинн, поворачиваясь к Дженис.

– Не успеваю сообразить, в каком порядке рассказывать, – ответила та. – Безбаши кое-как собрали материал для анализа. Если бы не придумали ДНК, пришлось бы опознавать по зубоврачебной карте и пряжке от ремня.

– А Томми как это воспринял?

– Он теперь и. о. шерифа, – сказал Мейкон. – Занятой человек.

– А ты сам, кстати, как?

– На «будильнике», – ответил он. – Так и не спал.

– Жуть какая, Мейкон. Не надо себя травить.

– Не от лепил. Государственный. От Грифа. – Мейкон задрал футболку и продемонстрировал дюймовый треугольник желтого пластыря с вертикальной зеленой линией посредине.

– Кто такой Гриф?

– Из Англии. Типа дипломат. Прилетел из Вашингтона. У него уйма возможностей.

– Каких возможностей?

– Раздобыть такую чумовую жесть, какая мне и не снилась.

– А что тебе про него сказали?

– Ничего. Как только Райс тебя увез, Лоубир переключила все на себя. Видимо, Гриф у нее уже был наготове, на всякий пожарный. Не будь у тебя в животе той штуки, думаю, Гриф подключил бы к розыскам всю правительственную жесть. Еще он привез Кловис, чтобы та сидела с Коннером, пока он под короной. – Мейкон оглянулся на Карлоса, который остался столбом стоять у двери. – Карлос думает, она ниндзя.

– Кловис – мужское имя, – сказала Флинн. – Французское или типа того.

– Из Остина. Говорит, ее назвали в честь города в Нью-Мексико.

– Какая она из себя?

– Проще всего будет вас познакомить.

Мейкон отодвинул синюю пленку. За ней стояли в ряд три больничные койки. На одной лежал Коннер в полартековских ползунках, но прикрытый простыней. Глаза закрыты, на лбу венчик Белоснежки.

– Кловис, – сказал Мейкон. – Флинн Фишер. Кловис Реберн.

Женщина рядом с кроватью была чуть старше Флинн, выше и отлично смотрелась бы на скейтборде. Худая, кареглазая, темные волосы коротко подстрижены, сверху узкая щеточка вроде короткого ирокеза.

– «Перекати-Полли», у меня такой был в старших классах, – сказала Кловис. – Ты коллекционируешь старые ништячки?

– Мне его Мейкон дал. Ты родилась в Кловисе?

– Меня там зачали. Мама подсчитала, что на самом деле в Порталесе, но не хотела, чтобы папа меня так назвал.

– Ладишь с Коннером?

– Он еще глаз не открывал, сколько я здесь.

На Кловис были камуфляжные лосины и такая рубашка, какую надевают под жесткий бронежилет: рукава как у патрульной куртки, остальное – трикотажное облегающее. На животе у нее висела сумка-аптечка, тоже камуфляжная, с приглушенным красным крестом.

Они с Флинн пожали друг другу руку.

– Моя подруга Дженис, – сказала Флинн.

Снова рукопожатие.

– У Верметта примерно три сотни документов, которые ему нужно у тебя завизировать и заверить, – сказал Мейкон. – Мы поставим тут стол, будешь подписывать за разговором.

– Дамы, – раздалось с кровати, – кто из вас хочет помочь мне с катетером?

Кловис глянула на Флинн:

– Кто этот придурочный?

– Понятия не имею, – ответила Флинн.

– И я тоже, – подхватила Дженис.

Флинн подошла к кровати:

– В чем ты там был? Мейкон сказал, ты тренируешься.

– В такой типа стиральной машине с инерционным двигателем. Внутри здоровенные маховики.

– Стиральной машине?

– Примерно триста фунтов весом. Большой красный куб. Я только научился удерживать его на одной вершине и поворачиваться, как меня выдернули обратно.

– Зачем он?

– Фиг его знает. Не хотел бы я встретиться с ним в темном проулке. – Он понизил голос: – Мейкон сидит на правительственном стимуляторе. Как лучший от лепил, только без депрессухи и трясучки.

– Не то что твой?

Коннер перевел взгляд на Мейкона:

– Мне не дают.

– Доктор не прописал, – ответил Мейкон. – Да и вообще в них не оставили ничего такого, ради чего принимают наркотики. Просто не спишь, и все.

– Если прекратишь выдрючиваться, будто ты один такой в жопу раненный, – сказала Кловис, подходя ближе к лежащему Коннеру, – то я, может быть, принесу тебе чашечку кофе.

Коннер глянул на нее так, словно обрел родственную душу.

82. Гнусность

Лужайка в саду Флинн тянулась до края света. Луна сияла прожектором, чересчур ярко. Угольно-черное море, плоское, как бумага. Он не мог отыскать Флинн. Катился, подпрыгивая, на нелепых колесиках. Он знал, что Лоубир мониторит его сон, но не понимал, откуда ему это известно. Лунные кратеры превратились в корону…

Ее эмблема.

– Да?

Открывая глаза, Недертон думал увидеть потолок гобивагена, а увидел дождь, бьющее сквозь облака солнце, мокрые серые дома, черные оконные рамы, ветки платанов. Он полулежал в кресле, которое поддерживало его шею и голову, но сейчас отодвинулось.

– Извините, что разбудила, – сказала Лоубир. – Вернее, что не разбудила. Ваш сон прервал препарат отложенного действия, введенный вам «медичи».

Он был в ее машине, за столиком. Напротив сидела периферaль Флинн – не сама Флинн, а искусственный интеллект, который сейчас рефлекторно улыбнулся Недертону. Корпус машины, прежде без единого окна, стал теперь совершенно прозрачным, дождевые капли катились словно по какому-то невидимому силовому пузырю.

– Нас видят снаружи? – спросил он.

– Нет, разумеется. Вы спали. Мне подумалось, что периферaль заскучает от долгой поездки. Трудно не очеловечивать нечто, столь похожее на человека.

Недертон потер шею в том месте, где ее подпирал некий временный вырост кресла, удерживая в положении, которое автомобиль счел комфортабельным для своего пассажира.

– Кто меня сюда перенес?

– Оссиан и Тлен, после того как вы долго спали в «мерседесе». Тлен управляла экзоскелетом через гомункула, чтобы мистеру Мерфи не пришлось надрываться в одиночку.

Недертон глянул сквозь дождь, пытаясь узнать улицу:

– Куда я еду?

– К Сохо-Сквер. Там к вам присоединится Флинн. Ее надо ознакомить с ролью эксперта по неопримитивизму, которую она будет играть на приеме. С теорией Курреж о творческой эволюции Даэдры.

– Я ее еще не придумал. Не совсем придумал.

– Так придумайте и перескажите Флинн. Она должна

убедительно поддерживать разговор на эту тему. Кофе.

В столешнице открылся круглый лючок, и из него, как на сценическом подъемнике, выехала дымящаяся чашка. Периферийное устройство наблюдало за происходящим, и Недертон переборол порыв предложить ему кофе. Ей.

– Не перестаю удивляться, как действует на меня лечение Тлен, – сказал он.

– Это, возможно, само по себе нехороший знак, – ответила Лоубир, – а в остальном приятно слышать.

– Где вы?

– С Кловис, виртуально. Она освежает мою память. И свою, конечно. На самом деле то было очень дурное время, дни Флинн. Мы склонны идеализировать их, поскольку знаем, что дальше стало намного хуже. Я сама не вполне понимала всю гнусность происходящего, даже при моих тогдашних возможностях.

Машина повернула за угол. Недертон по-прежнему не понимал, куда едет. Поднося чашку к губам, он восхитился тем, что рука ни чуточки не дрожит. Перифераль смотрела на него. Недертон подмигнул. Она улыбнулась. Он с чувством смутной вины улыбнулся в ответ и отпил кофе.

83. Все царства вселенной во мгновение времени

Насчет трех сотен подписей Мейкон пошутил, но на тридцатой Флинн окончательно потеряла счет. Стопка документов близилась к концу. Рыжая девушка заверяла каждую ее подпись: ставила штампик, свой росчерк и печать.

Им принесли журнальный столик в помещение с кроватями. Кловис и Дженис сидели на койке напротив Коннера, вытянув ноги, Мейкон – рядом с Флинн на складном стуле.

– Мне надо бы это читать, – сказала Флинн, – но я все равно не пойму.

– Так, как идут дела, у тебя нет особого выбора, – заметил Мейкон.

– А как они идут?

– Ну… – Он откинулся назад и быстренько сверился с визой. – Пока ничего катастрофического на рынках не произошло, но сейчас только начало. Идет гонка к вершине. То, что делаем мы и что делают наши конкуренты, расшатывает систему.

– А что для нас вершина?

– Не узнаем, пока на нее не выберемся, а если не выберемся, то нас наверняка убьют.

– Кто наши конкуренты?

– У них нет названия. Только номерные счета. Подставные фирмы, за которыми стоят подставные фирмы. У нас примерно так же, однако в конечном счете все сходится на «Милагрос Сольветре». Просто название, и никто не знает, что оно значит, но хоть что-то. Без Пиккета мы временно утратили влияние на губернатора, потом Гриф полетел в Вашингтон и все уладил оттуда, так что в каком-то смысле мы уже на федеральном уровне.

Флинн представились кулаки, сжатые на софтбольной бите, один над другим. Девушка передала ей следующий контракт, а предыдущий сдвинула к себе, проштамповала, подписала, пришлепнула печатью.

– Я подозреваю, у нас скоро будут гости, – сказал Мейкон. – Если безработные ветераны вроде тех двоих на вашем участке, Бертон, возможно, справится. Если полиция штата, или безбаши, или другое федеральное агентство, или та же морская пехота, бесполезно даже рыпаться. Вот для чего у нас эта чертова прорва юристов. Извините за выражение, – сказал он, глянув на девушку-нотариуса, но та подписывала и штамповала, не обращая на него

внимания. Мейкон продолжал, обращаясь к Флинн: – Безбаши тоже не без левизны. Вспомни, где они сейчас.

– У Пиккета?

– Впервые. Пиккет начал лепить, когда мы были детьми. Его дом уже двадцать лет не дом, а то, что сейчас. И пока все не взлетело на воздух, безбаши туда не совались.

– Не говори мне, что за лепилами стоят безбаши. Это теория заговора.

– Стоять не стоят, но договоренности есть. Погоди, посмотрим, кто начнет сейчас потихоньку подкатывать к Томми.

Пока он говорил, Флинн успела подписать еще три контракта.

– У меня уже рука болит, – пожаловалась она девушке.

– Всего четыре осталось, – сказала та. – Возможно, вам стоит упростить подпись. Такой работы предстоит еще много.

Флинн глянула на Коннера. Кловис пристроила чашку от термоса на подвижную стойку для медоборудования, и Коннер тянул кофе через прозрачную трубочку. Флинн подписала последние четыре контракта и передала их девушке. Встала:

– Скоро вернусь. – Она движением головы позвала Мейкона за собой и нырнула под синюю пленку.

Мейкон вышел следом. Было слышно, как девушка-нотариус шлепает печати.

– Тут где-нибудь можно поговорить без посторонних? – спросила Флинн.

– В фабе, – ответил Мейкон, указывая на другой кусок пленки.

Заднее помещение фабы выглядело как прежде, если не считать дыры в стене и нескольких новых принтеров. Флинн выглянула в соседнюю комнату. За прилавком стояла незнакомая девушка и смотрела в телефон.

– Где Шайлен?

– В Клэнтоне, – ответил Мейкон.

– Чего ее туда понесло?

– Еще юристы. Она открывает здесь две новые фабы.

– Я все узнаю урывками. Расскажи толком, что происходит.

– Никто не понимает. – Он снял визу, сунул в карман, потер глаз. Флинн чувствовала его усталость, которую не мог до конца снять даже государственный «будильник».

– Зачем тут форт из стройматериалов?

– Капитал «Сольветры» сейчас насчитывает миллиарды.

– Миллиарды?!

– Много, но я не хочу тебя грузить. Сам стараюсь об этом не думать. Завтра будет еще больше. Вся фигня растет по

экспоненте. Мы стараемся не очень светиться. Скрываем, насколько можем. Бертону все время дают советы оттуда, и построить стену была их идея.

– А здесь почему нет?

– Сюда тебе, в общем-то, выходить нельзя. Стена должна защитить тебя от обстрела из машины или чего-нибудь в таком роде. Конечно, если за нас возьмется кто-нибудь серьезный, никакие укрепления не спасут. Для умных снарядов толщина не помеха, а потолок над нами, считай, картонный. И все-таки они решили, что надо это сделать, на случай если другая сторона пожмотится и снова наймет каких-нибудь козлов из Мемфиса.

– По дороге сюда видела робота-корову. Дженис сказала, что Бертон поставил.

– Часть нашей новой системы. Я лично голосовал, чтобы сделали похожей на зебру.

– Томми по-прежнему у Пиккета?

– И Бертон тоже. Не завидую им.

– Что, по-твоему, будет дальше?

– Вы с Бертоном и Коннером куда-то скоро отправляетесь? Там?

– Я должна идти на прием с Уилфом. Попробую там кого-нибудь опознать. Коннер отправляется с нами в качестве телохранителя. Про Бертона не знаю.

– Значит, это оно.

– Что «оно»?

– Ход в игре. Такой, который все изменит. Так, как здесь сейчас, долго оставаться не может. Рано или поздно рванет. На локальном уровне, на уровне страны или даже мира.

– Если Уилф сказал мне правду, это наименьшая из наших тревог.

– А что он сказал?

– Что грядет большой трындец, скоро. Полный развал на много десятилетий. Почти все умрут.

Мейкон глянул на нее:

– Поэтому там почти нет людей?

– Ты уже у них побывал?

– Нет, но мы с Эдвардом читаем между строк. В гаджетах, которые нам показывают. Своего рода наследственная история, если умеешь читать. Но технику они подняли на супер-пупер уровень, что бы там ни было с остальным.

– По словам Уилфа, недостаточно быстро.

– Тебе уже почти пора туда. Тебе и Коннеру. С тобой будет сидеть Кловис.

– Кто она такая на самом деле?

– Может, Карлос и прав. В медицинской сумке у нее все больше оружие. Когда видел Грифа, про нее как-то понятнее. Думаю, они примерно одно, только он типа руководство.

Флинн оглядела комнату. Вспомнила, как убирала последы с рождественских украшений, с игрушек, подчищала и собирала детальки, брала в «Суши-лавке» еду навынос и трепалась с Шайлен. Как же тогда просто и хорошо жилось! Солнце встает, садишься на велик и катишь домой – и не мимо места, где Коннер замочил четырех чуваков, которые собирались убить тебя, твою маму и Бертона, может, и Леона тоже ради обещанных кем-то денег.

– Леон говорит, видел вчера вечером двух луканов перед бывшим Фермерским банком, – сказал Мейкон.

– А как он понял? Они были с транспарантом?

– Без транспарантов. Леон их узнал, потому что долго разглядывал обоих в Дэвисвилле, когда безбаши замели Бертона. Они держали плакат перед ветеранским госпиталем, а Леон сидел напротив, сразу за полицейским ограждением.

– Они его узнали?

– Вряд ли.

– Интересно, чего им здесь надо?

– Леон считает, они ищут Бертона. Он крепко навалял их дружку в Дэвисвилле. За что его тогда и загнали на стадион немножко остыть. Кстати, почему они так называются – «Лука четыре-пять»?

– Да вроде по какой-то страшилке из Библии.

– Это что-то для белых, Лука четыре-пять? Никогда не интересовался.

– «И возвед Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени».

– Знаешь Писание?

– Знаю этот стих. Бертон его цитирует всякий раз, как они затевают протест. Он из-за них так звереет, что слетает с тормозов. А может, ему просто нужен предлог, чтобы кому-нибудь навалять.

– Мы поручили ребятам приглядывать на всякий случай. – Мейкон достал из кармана визу, подул на нее, вставил в глаз. Заморгал. – Они там говорят, что ждут тебя через пять минут.

84. Сохо-Сквер

Высадив их у Сохо-Сквер, машина Лоубир, невидимая, укатила прочь. Дождь уже перестал. Когда они поднимались по широкой лестнице к аллее, появилась эмблема Лоубир.

– Да? – спросил Недертон.

– У них все готово. Усадите ее где-нибудь.

Недертон взял периферал за руку и подвел к скамейке, развернутой к лесу, через который по бывшей Оксфорд-стрит можно было дойти до Гайд-парка. Он указал на скамейку, и та завибрировала в предвкушении, стряхивая капли дождя. Периферал села. Глянула на Недертона. Тот поймал себя на том, что ждет, когда она бросит притворяться автоматом под управлением какого-то искусственного интеллекта и станет собой. Не такой, когда в ней Флинн, а женщиной, чье лицо носит.

– Вы не узнали, с кого она скопирована? – спросил он у Лоубир.

– У «Гермеса» есть политика конфиденциальности касательно перифералей, сделанных по индивидуальному заказу. Я могла бы получить эти данные, но не хочу. Они могут повлиять на наше к ней отношение.

Периферал была в черных лосинах, черных прогулочных туфлях с большими серебряными пряжками и в темно-серой пелерине до колен.

– Что именно я должен тут делать? – спросил Недертон.

– Прогуляйтесь до Гайд-парка, а дальше будет видно. Постарайтесь ответить на ее вопросы. Я не жду, что она будет страшно убедительна в роли эксперта по неопримитивизму, но приложите все усилия. Ей надо опознать преступника, и если она не сделает этого с порога, надо, чтобы маскарад сохранялся как можно дольше.

– Я сказал Даэдре, что Анни от избытка восхищения совершенно теряется в ее присутствии. Это может помочь.

– Может. Попросите периферал закрыть глаза, пожалуйста.

– Закрой глаза, – велел он.

Периферал исполнила указание. Наблюдая за ее лицом, Недертон точно уловил момент появления Флинн: мгновенное выражение растерянности, – и тут же ее глаза широко раскрылись.

– Фу ты, блин, – сказала она. – Это дом или деревья?

Недертон глянул через плечо на аллею:

– Дом, выращенный из деревьев. Что-то вроде общественного павильона.

– Деревья выглядят старыми.

– Они молодые. Ассемблеры ускоряют рост, затем стабилизируют. Все эти деревья были такими уже в моем детстве.

– Двери, окна…

– Так их вырастили ассемблеры.

Она встала, попробовала ногой землю:

– Где мы?

– В Сохо. Сохо-Сквер. Лоубир советует нам дойти по этому променаду до Гайд-парка.

– Что такое променад?

– Лес, только вытянутый. В джекпот Оксфорд-стрит была разрушена. По большей части универмаги. Архитекторы поручили ассемблерам выесть развалины и превратить их в подобие очень длинного ящика для деревьев. Центральная аллея приподнята над бывшим уровнем улицы…

– Универмаги? Вроде «Мегамарта»?

– Не знаю.

– А почему вместо них посадили лес?

– Улица изначально не блистала красотой, а за время джекпота и вовсе пришла в упадок. Дома не поддавались переделке под другие нужды. «Селфриджес» недолгое время был частными апартаментами…

– Селфи что?

– Универмаг. Однако мода на жилье такой площади прошла вместе с последней отчаянной волной офшорных капиталов. Сейчас универмагов нет.

– Торговые центры?

Недертон задумался:

– Ты видела Чипсайд. Наверное, ближайший аналог. Пункт доставки, избранная ассоциативная розница. Еще есть Портобелло, Бёрлингтонский пассаж…

Она постоянно оглядывалась по сторонам.

– Мы в самом большом городе Европы. Кроме тебя, я не видела ни одной живой души.

– Вон там мужчина. На скамейке. – Недертон указал рукой. – Наверное, выгуливает собаку.

– Машин нет. Мертвая тишина.

– До переустройства главным общественным транспортом были поезда, ходившие в подземных тоннелях.

– Метро.

– Да. И оно по-прежнему есть, тоннелей даже стало больше, но как общественный транспорт почти не используется. Если тебе нужен поезд, метро может сконфигурировать его под заказ. В Чипсайд обычно ездят историческим поездом.

Именно таким возила его мать.

– Я видела несколько больших грузовиков.

– Они перевозят товары из подземки к месту назначения. У нас меньше частных автомобилей. Есть кебы. А в основном на велосипеде или пешком.

– Какие высокие деревья! Никогда таких не видела.

– Давай подойдем, глянешь. С променада гораздо более эффектное зрелище.

Недертон двинулся вперед, пытаясь вспомнить, когда был здесь последний раз. Они вышли на дорожку между деревьями.

– Так, значит, деревья не настоящие? – спросила Флинн.

– Настоящие, только их рост искусственно ускорен. И еще есть несколько квазибиологических крупнообъемных поглотителей углекислоты, которые выглядят как деревья.

Что-то дзинькнуло у них за спиной. Мимо, изо всех сил крутя педали черного велосипеда, пронесся человек в очках-консервах и забрызганном грязью бежевом тренчкоте. Длинные полы хлопали у него за спиной.

– Как это все сделали? – спросила Флинн.

С деревьев, многие из которых были выше стоявших здесь прежде домов, по-прежнему падали редкие крупные капли. Одна угодила Недертону за шиворот. В стороне Гайд-парка, за переплетением ветвей, угадывалось облако.

– Я могу открыть тебе трансляцию и показать, если хочешь.

– «УН»? – спросила она: надо понимать, телефоны соединились и она увидела его эмблему. – Это ты?

– Да. Прогуляемся до Гайд-парка, и я покажу тебе трансляцию, как все сделали.

Не задумываясь, он взял Флинн за руку – как периферал, когда вел ее от машины, – и тут же осознал свою ошибку.

Флинн глянула настороженно и напряглась, будто сейчас отдернет ладонь, но не отдернула, а сказала просто:

– Ладно, покажи.

Так они и пошли, рука в руке.

– Ты был ужасно нелепый в «Перекати-Полли», – заметила Флинн.

– Примерно так я и догадывался.

85. Люди будущего

Уилф объяснил, что все вокруг построили ассемблеры – как поняла Флинн, те самые мелкие штуковины, которые убили сестру его бывшей.

То, что он называл трансляцией, открылось в окошке перед глазами – оно было небольшое и не закрывало дорогу, но чтобы смотреть и в него и себе под ноги, требовалась привычка. Флинн догадывалась, что это типа визы, только не надо вставлять в глазницу.

Архитекторы поручили ассемблерам пробурить вдоль улицы цилиндрическую дыру. Дома уже тогда были наполовину разрушены, так что по большей части получилась не труба, а полукруглая выемка, гладкая-прегладкая, как стекло. Такой бывает мрамор или металл, но тут были старый кирпич и доски. Выпиленный ассемблерами кирпич выглядел как свеженарезанная печенка, дерево – как панели в автодоме Льва. Хотя сейчас это было мало где видно, поскольку затем все засадили сказочным лесом: стволы толстые, словно ненастоящие, могучие корни уходят вглубь развалин, а кроны такие высокие, что верхушек не разглядеть.

Гибриды, сказал Уилф. Что-то амазонское, что-то индийское, плюс ассемблеры, которые указывали, как и куда расти. Кора будто слоновья кожа, корни в таких же морщинках, но более тонких.

Говоря, Уилф жестикулировал. Чтобы пояснять трансляцию, он выпустил руку Флинн. Той больше нравилось, когда он ее держал, приятно было чувствовать что-то живое, пусть не своей ладонью, а периферали. Она много думала про Уилфа после его рассказа про джекпот. Ей казалось, что он сам не совсем понимает, насколько ему хреново от всей этой истории. Он вкладывает уйму энергии в то, чтобы убеждать других, потому что у него такая работа – а может, потому его и взяли на такую работу, – а на самом деле в чем-то постоянно убеждает самого себя. Может быть, в собственной реальности.

– Та женщина, к которой мы пойдем, твоя бывшая?

Трансляция уже закончилась, окно закрылось, его бляшка погасла.

– Я так о ней не думаю. Это был короткий эпизод, очень опрометчивый шаг.

– Она занимается каким-то искусством?

– Да.

– Каким?

– Она делает себе татуировки, – сказал он. – Но все гораздо сложнее.

– Типа пирсинга и тоннелей?

– Нет. Продукт – не татуировки. Продукт – она сама. Ее жизнь.

– То, что раньше называли реалити-шоу?

– Не знаю. А почему их так больше не называют?

– Потому что почти ничего другого не осталось, кроме «Чудес науки», аниме и бразильских сериалов. Слово теперь звучит старомодно.

Уилф остановился и прочел что-то, чего она не видела.

– Да. В каком-то смысле ее истоки – реальное телевидение. Оно срослось с политикой. И с искусством перформанса.

Они пошли дальше.

– Думаю, у нас это уже произошло, – сказала Флинн. Здесь как-то удивительно пахло, от мокрых деревьев наверное. – А кожа у нее не заканчивается?

– Каждое произведение – весь эпидермис целиком, от ступней до шеи. Отражающий ее жизненный опыт за творческий период. Снятую кожу консервируют и делают с нее миниатюры – факсимиле, – на которые люди подписываются. У Анни Курреж, которую ты будешь изображать, есть полный комплект миниатюр, хотя они ей не по средствам.

– Зачем она их купила?

– Она не купила, – ответил Уилф. – Я это выдумал для Даэдры.

– Зачем?

– Чтобы заставить ее одеться.

Флинн глянула на него искоса:

– Она сдирает с себя кожу?

– И параллельно наращивает новую. Удаление и восстановление практически одна операция.

– Ей потом больно?

– Я не был с нею рядом, когда это происходило. Впрочем, она прошла через такую операцию незадолго перед тем, как меня взяли на работу. Чистый кожный лист. После встречи с тобой, вернее, с Анни Курреж и еще двумя неопримитивистскими экспертами она согласилась не делать татуировок до завершения проекта.

– А чем они занимаются?

– Кто?

– Неопримитивисты.

– Это не сами неопримитивисты, а эксперты по ним. Неопримитивисты либо пережили джекпот собственными силами,

либо сознательно вышли из глобальной системы. Те, вокруг кого вертелся проект, добровольцы. Экологический культ. Эксперты изучают их, вживаются в неопримитивистскую культуру, собирают ее артефакты.

– Мне кажется, тебе тут не нравится.

– На променаде?

– В будущем. И Тлен его тоже не любит.

– У Тлен смысл жизни – его ненавидеть.

– Ты ее знал до того, как она сделала себе эту штуку с глазами?

– Я был знаком со Львом еще до того, как он взял их двоих на работу. Тлен уже тогда была такая. Хороших техников мало, выбирать не приходится.

– А чем занимается Лев? – Флинн не была уверена, что богатые обязательно чем-нибудь занимаются.

– Влиятельная семья. Старая клептократия. Два старших брата в деле, Лев как бы в свободном поиске. Присматривается, во что можно инвестировать. Не столько ради денег, сколько ради свежих идей. Новизны.

Флинн подняла глаза к ветвям, с которых вроде бы уже меньше капало. Над головой пролетело что-то красное: размером с птицу, а крылья как у бабочки.

– Это для тебя не новое, да?

– Да. Отсюда и неопримитивистские эксперты. Собирать те случайные крохи новизны, которые производят неопримитивисты при всей своей мерзости. Вот и наше сотрудничество с Даэдрой было на ту же тему. В данном случае речь шла о технологической новизне, которую легче другой обратить в товар. Три миллиона тонн переработанного полимера, плавучий кусок недвижимого – хотя в данном случае движимого – имущества. А вон там впереди Гайд-парк.

Они дошли почти до конца променада. Деревья здесь были не такие высокие и росли реже. Флинн слышала выкрики, как из рупора.

– Что там?

– Ораторский уголок, – ответил Уилф. – Они все чокнутые. Это разрешено.

– А это что белое, вроде как часть здания?

– Мраморная арка.

– Там вроде две арки. Как будто их откуда-то сняли и переставили сюда.

– Так и было. Наверное, она визуально выглядела более оправданной, когда под ней проезжали.

Променад закончился, началась лестница к парку.

– Тот, кто вещает, он должен быть на ходулях, но выглядит не похоже, – сказала Флинн.

Фигура на тощих паучьих ногах была футов десять ростом.

– Периферал, – ответил Уилф.

Круглая розовая голова существа спереди переходила во что-то вроде трубы, тоже розовой, через которую оно изливало поток невразумительной речи на кучку, среди которых выделялся по меньшей мере один пингвин в человеческий рост. Оратор был в облегающем черном костюме, руки и ноги непропорционально тонкие. Флинн не могла разобрать, что он говорит, уловила только одно слово: «номенклатура».

– Все они чокнутые, – повторил Уилф. – И может быть, все периферали. Впрочем, безобидные. Нам сюда.

– Куда мы идем?

– Я думал прогуляться до Серпентайна. Посмотреть на корабли. Уменьшенные макеты. Иногда они разыгрывают исторические битвы. Мне особенно нравится «Граф Шпее».

– Тот оратор, он что-то осмысленное говорит?

– Это традиция, – сказал Уилф и повел ее по бежевой гравийной дорожке.

Здесь были люди: гуляли по парку, сидели на скамейках, катили коляски. На взгляд Флинн, они совсем не выглядели людьми будущего. Не то что Тлен или трубоголовое существо десяти футов ростом, про которое Уилф сказал, что это периферал. Сзади все еще доносились его выкрики.

– Как это будет, когда мы придем к твоей бывшей?

– Я бы просил тебя не называть ее так. Даэдра Уэст. Точно не знаю. Лоубир и Лев говорят, будут влиятельные люди. Может быть, даже сам поминарий.

– Это кто?

– Чиновник в Сити. Я вряд ли сумею объяснить, в чем состояли его традиционные функции. Кажется, буквально напоминать королю о неоплаченных долгах. Потом должность стала чисто декоративной. А после джекпота… лучше не упоминать.

– Он знаком с Даэдрой?

– Понятия не имею. Я не бывал на таких ее мероприятиях. По счастью.

– Тебе страшно?

Уилф остановился, глянул на нее:

– Наверное, я беспокоюсь, да. Я никогда не участвовал в чем-нибудь хоть отдаленно похожем.

– Я тоже. – Она взяла его руку, крепко сжала.

– Мне жаль, что мы вторглись в твою жизнь. У тебя там было

так хорошо.

– Правда? Ты считаешь, у нас хорошо?

– У твоей мамы в саду, под луной…

– По сравнению с тем, как здесь?

– Да. Я всегда, в каком-то смысле, мечтал о прошлом. Только раньше не вполне это сознавал. Теперь не могу поверить, что правда его видел.

– Можешь увидеть еще, – сказала она. – У меня «Перекати-Полли» с собой, в фабе.

– Где?

– В фабе «Форева». Я там работаю. Вернее, работала, пока все не началось.

– Это я и имел в виду. – Его рука напряглась. – Мы изменили все.

– Мы были бедные, кроме Пиккета, которого, возможно, уже нет в живых, и еще одного-двоих. Не как тут. Работу не особо найдешь. Я пошла бы в армию, когда Бертон завербовался в морскую пехоту, но надо было ухаживать за мамой. И сейчас по-прежнему надо. – Она оглядела просторный парк, газоны, дорожки, похожие на чертеж с урока геометрии. – Это самый большой парк, какой я видела. Больше, чем в Клэнтоне у реки, где форт времен Войны Севера и Юга. А променад – вообще крышесносная штука. Он у вас один такой?

– Отсюда мы можем дойти променадами до Ричмонд-парка или до Хэмпстеда и оттуда дальше. Всего их четырнадцать. И сотни рек, которые мы откопали…

– Под стеклом с подсветкой?

– Несколько самых крупных, да.

Уилф улыбнулся было и тут же замер, как будто сам удивился. Флинн редко видела у него улыбку, во всяком случае такую. Он выпустил ее руку, но не сразу.

Они пошли дальше.

Появилась бляшка Мейкона с красным наггетсом.

– Я вижу бляшку Мейкона, – сообщила Флинн.

– Скажи «алло».

– Алло. Мейкон?

– У нас тут чего-то начинается. Кловис просит тебя вернуться.

– Что такое?

– «Лука четыре-пять» под окнами с плакатами. На плакатах ты, Бертон, ваша мама. Еще Леон.

– Что за фигня?

– Кажись, им ударило в голову, что Бог ненавидит «Сольветру».

– Где Бертон?

– Возвращается от Пиккета. Только что выехал.
– Черт, – сказала Флинн.

86. Шатленка

Недертон оторвал взгляд от битвы игрушечных корабликов на Серпентайне и увидел Тлен. Она, в разных оттенках черного и темной сепии, скользила по бежевой гравийной дорожке, словно на незримых колесиках.

Он очень жалел, что Флинн пропустила сражение, хотя сам любил пар больше, чем паруса, и драму дальнобойных орудий больше, чем вспышки крошечных пушек. Однако на пруду, там, где происходило сражение, были соразмерные корабликам волны и миниатюрные облачка; что-то в этом всегда его восхищало. Периферали, сидя рядом на скамейке, казалось, тоже наблюдала за кораблями, хотя Недертон знал, что слежение за движущимися предметами – просто способ эмулировать сознание.

– Лоубир велела тебе ехать обратно в дом Льва, – сказала Тлен, останавливаясь перед скамейкой.

Ее юбка и приталенный жакет состояли из сложно скомбинированных лоскутков с рваными краями; каждый фрагмент, хотя, без сомнения, мягкий, выглядел темной луженой жестью. На сумочке, расшитой еще более вычурным узором траурных бус, висело серебряное украшение с множеством цепочек. Недертон знал, что это называется шатленка – род дамского несессера для викторианских хозяйственных мелочей. Или не совсем викторианских, подумал он, когда серебряный паучок с граненым гагатовым брюшком бойко взбежал по жакету, таща за собой цепочку и поблескивая глазками-стразами.

– Флинн, по-моему, встревожилась, когда ее вызвали назад, – сказал Недертон. – Очень некстати. Я как раз собирался изложить ей концепцию того, что должна говорить Анни.

– Я ей еще раньше объяснила, что ты пиар-менеджер, – ответила Тлен. – Она поняла это в терминах вырожденной парадигмы знаменитостей, так что было относительно просто.

– Связи с общественностью – не твоя область, – сказал Недертон. – Надеюсь, ты не породила у нее ошибочных представлений.

Тлен поправила периферали челку. Та подняла спокойные ясные глаза.

– Она что-то в нее привносит, верно? – сказала Тлен. – Я обратила внимание, что ты тоже заметил.

– Она сейчас в опасности?

– Да, наверное, хотя ничего толком не понятно. Кто-то влиятельный здесь хочет ее убить и подключает все более мощные ресурсы там. Мы ему противодействуем, но наша борьба

создает слишком большую нагрузку на экономику ее мира. Нагрузка может вызвать еще более хаотические изменения, и, похоже, именно к этому сейчас идет.

Со стороны пруда донесся громкий треск. Дети радостно закричали, захлопали в ладоши. У одного из кораблей выстрелом сбило центральную мачту, как в той версии неведомого сражения, которое сегодня реконструировали. Недертон встал, подал периферали руку, та грациозно поднялась со скамьи.

– Мне не нравится, что она отправляет тебя к Даэдре, – сказала Тлен, пристально глядя на него раздвоенными зрачками, которые Недертон в последнее время видел так часто, что уже почти не замечал. – Наш конкурент в срезе – почти наверняка сама Даэдра или кто-то из ее окружения. Флинн они повредить не смогут, разве что уничтожить ее перифераль, и тогда она просто вернется в срез, пусть даже и пережив несколько неприятных минут. То же относится к Коннеру в Антоновом учителе танцев. Ты идешь туда сам, и с тобой можно сделать что угодно.

– Тактически я не вижу для нее иного пути. – Недертон глянул на Тлен, изумленный тем, что она, судя по всему, всерьез за него тревожится.

– И ты не думал об опасности, которой себя подвергаешь?

– Я старался не задерживаться на ней мыслями. И что было бы с Флинн, если бы я отказался? С ее братом, с матерью? Со всем ее миром?

Зрачки Тлен буравили его насквозь, хотя ее бледное лицо оставалось совершенно бесстрастным.

– Альтруизм? Что с тобой происходит?

– Не знаю, – ответил он.

87. Противоядие от тусняка

У Кловис Реберн была замечательная кожа. Когда Флинн открыла глаза, Кловис как раз склонилась над ней и смотрела то ли на автономный отсекатель, то ли на провода. Легчайший переход за все это время, со скамейки в Гайд-парке на новенькую больничную койку. Как кувырок назад. Даже по-своему приятно.

– Привет! – Кловис, увидев, что Флинн открыла глаза, резко выпрямилась.

– Что тут происходит?

Кловис разорвала что-то на две половинки. Какую-то упаковку.

– Гриф сказал, конкурент нанял луканов, типа выставить нас в дурном свете. А по мне, если их протесты и действуют, то прямо наоборот.

– Мейкон сказал, Бертон едет от Пиккета.

– В реквизированной машине, благо там на стоянке этого добра теперь завались, – ответила Кловис. – Хозяев, тех, что работали на Пиккета, до сих пор выкапывают из-под развалин.

Она вытащила из упаковки маленький розовый кружок, отлепила от бумаги, задрала Флинн футболку и приклеила пластырь ей на живот, слева от пупка.

– Что это? – спросила Флинн, приподнимая от подушки голову вместе с короной.

Кловис задрала свою рубашку. На прессе, фактурном, как стиральная доска, был такой же розовый кружок с двумя красными линиями крест-накрест.

– Противоядие от тусняка, – сказала Кловис. – Но это пусть тебе Гриф объяснит.

Она сняла с Флинн корону и аккуратно положила на столик слева от кровати, на что-то вроде памперса.

Флинн перевела взгляд с короны на Коннера. Тот, в такой же короне, лежал на соседней койке.

– Пусть лучше остается там, – сказала Кловис. – Учитывая его способность нарываться.

Флинн села. Из-за больничной койки чувство было такое, будто на это надо спросить разрешения. Тут появился Хун в темно-зеленой футболке с белой надписью «СОЛЬВЕТРА США» и логотипом, который Флинн видела на конверте у Бертона в трейлере. В глазу у него была виза, в руках – по пакету с едой навынос. Флинн сообразила, что он прошел через вертикальную щель в стене из мешков, слева от койки.

– Сюда есть потайной ход из «Суши-лавки»? – спросила

Флинн.

– Часть договоренности насчет антенн. Ты же вроде мне сама писала по электронке?

– Наверное, это были мои секретари.

– Надо же как-то носить сюда еду, – сказала Кловис. – Бертоновы ребята дежурят круглые сутки.

– Я жирею, – ухмыльнулся Хун и ушел за синюю пленку.

– Еда для Бертона и кто там еще с ним, – сказала Кловис. – Ты голодная?

– Да, наверное, – ответила Флинн, беря «Перекати-Полли» со стула, на котором его оставила.

– Если понадоблюсь, я тут со спящим красавцем. А правда у тебя там целое другое тело?

– Более или менее. Оно сделанное, но не скажешь.

– Похоже на тебя?

– Нет. Посимпатичнее и пофигуристее.

– Ага, конечно! – фыркнула Кловис.

Флинн пошла на запах «Суши-лавки». Пакеты стояли на журнальном столике, на котором она подписывала документы, – его теперь перенесли в «юридический отдел». Хуна там уже не было.

– Ты Флинн, – сказал незнакомый мужчина.

Сероглазый шатен, светлокожий, румяный. По выговору – тоже англичанин, но во времени, которое Флинн старалась не называть прошлым.

– Меня зовут Гриф. – Он протянул руку над пластиковыми контейнерами и тремя бутылками воды из «Меги». – Холдсуорт.

Она пожала ему руку. Гриф был широкоплечий и худощавый, может быть, чуть младше ее, в затертом пиджаке цвета свежего конского навоза.

– Имя похоже на американское, – сказала она, думая про себя, что так могли бы звать кого-нибудь в детском аниме.

– Вообще-то, полностью Гриффидд. С двумя «ф» и двумя «д». – Он внимательно смотрел на нее, будто ждал, что она рассмеется.

– Ты из безопасности, Гриф?

– Ни коим боком.

– Мэдисон сказал, ты вроде бы прилетел на безовском вертолете.

– Да. У меня была возможность его взять.

– Слышала, у тебя их вообще много. Возможностей.

– Верно слышала, – сказал Бертон, пальцем отодвигая пленку. Лицо у него было усталое и грязное, камуфляжные штаны и черная футболка запылились. – Полезное дело.

Он вошел в помещение.

– Шериф Томми тебя замотал? – спросила Флинн.

Бертон положил на стол томагавк в ортопедических кайдексовских чехлах.

– Ему не по душе, что мы там устроили. Постоянно тычет меня в это носом. Типа пристыдить, хотя вслух так не говорит. Честно сказать, мы правда немного переборщили. Кто мог знать, что там Джекман? Впрочем, я бы не отказался найти пару клочков от Пиккета. Потом мне позвонили и сказали, что к нам пожаловали луканы с карами небесными. – Он глянул на Флинн. – Я думал, ты в Лондоне.

– Лоубир отправила меня назад. Те, кто хочет нас убить, прислали сюда луканов, чтобы ты психанул. Полез на рожон, как всегда с ними, и подставился.

– Видела анимацию на их плакатах?

– Выглядит аппетитно, – сказал Гриф, открывая контейнеры. – Откуда Хун родом?

– Из Филадельфии, – ответила Флинн.

– Пойду вымоюсь, – объявил Бертон, беря томагавк со стола.

– Мне хочется пойти за ним, – сказала Флинн Грифу, когда Бертон уже не мог ее слышать.

– Карлос у главной двери, следит, чтобы он не вышел, – ответил Гриф, свинчивая крышечки с минералки. – Кловис в задней комнате, там, где проход к Хуну.

Он принялся четырьмя палочками, как вилкой, раскладывать еду на три биоразлагаемые тарелки, которые принес Хун. Потом двумя быстренько распределил все так, что получилось красиво – не мешанина из лапши и роллов, как вышло бы у Флинн, а настоящее произведение искусства. Глядя, как он пластмассовыми палочками укладывает синтетическую рыбью икру, она вспомнила рободевушек перед приемом в доме убитой женщины.

– Постарайся не обращать внимания на то, что у наших фанатиков по вызову на плакатах, – сказал Гриф. – Они изготовлены фирмой, которая специализируется на разжигающей политической рекламе. Все сделано с целью разозлить вас лично и одновременно внушить ненависть к вам местному населению.

– Это конкуренты их на нас натравили?

– «Лука четыре-пять» не только секта, но и успешное коммерческое предприятие. Довольно распространенный случай.

– Ты с канала «Шеф-повар» или что-то вроде того?

– Только с аутентичной филадельфийской кухней. – Гриф склонил голову набок. – Дай мне лучшую североитальянскую, и я сделаю такое, что смотреть будет противно.

Вошел Бертон.

– Давайте есть, – сказал он, вновь кладя томагавк на стол, рядом с тарелками; Флинн вспомнила, как споткнулась о мертвого охранника в доме у Пиккета.

Она поставила «Перекати-Полли» на середину стола, как вазу с цветами, и села на складной стул.

– Что это? – спросил Бертон.

– «Перекати-Полли».

Гриф собрал пустые коробки в полиэтиленовый пакет, убрал его в другой пакет, поставил всё на пол, окинул взглядом стол и тоже сел. Флинн почти думала, что сейчас он прочтет молитву, но Гриф просто взял пластмассовые палочки и сказал:

– Прошу.

Перемещения туда-сюда из тела в периферал и обратно сбивали с толку. Хочется ей есть или нет? Она с утра съела банан и выпила чашку кофе, но чувствовала себя так, будто и правда долго гуляла по променаду. То есть гулять-то она гуляла, но в другом теле. Запах еды разбудил в ней тоску по прошлой неделе, когда еще ничего не произошло. А плюс эта художественная сервировка…

– Что такое тусняк? – спросила она Грифа.

– Где ты слышала это слово? – встрепенулся Бертон.

– Кловис дала мне противоядие, – ответила Флинн.

– Тусняк здесь? – Бертон пристально глянул на Грифа.

– Давай поговорим после еды, – сказал тот.

– Что это, Бертон?

– По десятибалльной шкале военных преступлений – примерно двенадцать. – Бертон взял ролл, сунул в рот и принялся жевать, по-прежнему глядя на Грифа.

88. Парламент птиц

В шатре Тлен пахло пылью, хотя собственно пыли нигде видно не было. Может, это специальная ароматическая свеча, думал Недертон, усаживаясь. Перифераль спокойно смотрела на него из-за хитросплетений псевдостаринного дисплея, затем опустила глаза, будто изучает сложную резьбу столешницы. Тлен сидела слева от Недертона, ближе к периферали. Она отколола от волос миниатюрную шляпку, похожую на черную кожаную жабу, и положила перед собой на стол.

– Тебе выписан пропуск в парламент птиц, – сказала Тлен, а когда Недертон открыл рот, чтобы спросить, что она имеет в виду, поднесла палец к черным губам.

Гагатово-серебряный паук с ее шатленки, отцепленный, вылез из левого манжета и быстро засеменил к Недертону.

Касание ножек-иголочек оказалось совершенно безболезненным. Разглядывая паучка на тыльной стороне своей ладони, Недертон вспомнил, как «медичи» вот так же нечувствительно внедрялся щупальцами между клетками его кожи.

Тут Тлен заговорила на птичьем языке, и он ее понял.

– Не надо, – в ужасе произнес Недертон, но изо рта у него вырвалось чириканье, пронзительное и тревожное.

Тут он сообразил, что значит «пропуск»: его подключили на один-единственный раз к шифру, которым общаются между собой Оссиан и Тлен, настолько надежному, что даже Лоубир и ее всесильные тетушки едва ли сумеют проникнуть в смысл сказанного. И Тлен продолжила говорить.

Что Лоубир (птичий щебет перешел в резкое гортанное цоканье; Недертон изо всех сил старался не отвлекаться на звучание) очень заинтересовалась континуумами и связанным с ними кругом. Среди тех, кто увлекается ими дольше Льва, есть любители экспериментировать над множественными мирами; эти люди проверяли срезы на прочность вплоть до полной гибели населения. В частности, некий берлинец, известный сообществу под ником «Веспасиан», славился особым садизмом: он разжигал среди подопечных нескончаемые бессмысленные войны ради новых типов вооружения, которые при этом возникали. Оружие, как правило, было неприменимо вне породивших его экзотических сценариев, но цель Веспасиана и не была практической, скорее азарт коллекционера, род фетишистской страсти.

Лоубир, рассказывала Тлен, получила от Веспасиана чертежи

и спецификацию того, чем учится сейчас управлять Коннер Пенске. Недертон глянул на периферaль: та смотрела на шевелящиеся губы Тлен, будто и впрямь что-то понимает.

– А что это? – спросил Недертон и вместо своего вопроса услышал протяжное завывание из одних гласных.

Неизвестно, ответила Тлен на том же певучем языке, но, учитывая фетишизм Веспасиана и то, в каком восторге остался Коннер от первого урока, это наверняка какое-то оружие, быстро и тайно изготовленное Лоубир, у которой явно есть для этого возможности.

Но зачем, спросил Недертон (слыша, как его напевная речь плавно перетекает во что-то германское), Тлен ему все это сообщает? Он наделся, что мутантный диалект нижненемецкого передаст не только смысл, но и чувство: что услышанное еще сильнее разбередило его тревоги, а от одного вида ювелирного паучка у себя на руке хочется взвыть.

Потому что, сказала Тлен (сейчас ее речь утратила всякое сходство не только с человеческой, но и с птичьей), Лоубир сама практически в одночасье заделалась континуумисткой. И потому что она, Тлен, осуществляя стратегию Лоубир в срезе Льва, видит: инспектор затеяла куда более долговременную игру, чем оправдано ее целями. И еще (тут глаза Тлен сузились до одного зрачка в каждом), потому что Веспасиан, передав Лоубир планы, непонятно зачем уехал в Роттердам и там скоропостижно умер в пятницу якобы своей смертью, чему Лоубир как-то подозрительно не удивилась.

И все это произошло после их знакомства с Лоубир, то есть за какую-ту неделю. А сейчас, сказала Тлен, время действия пропуска истекает. В дальнейшем она просит Недертона не упоминать услышанное ни прямо, ни косвенно. И еще она добавила, что завела этот разговор, поскольку опасается за себя, за него и Льва, а также за Флинн и ее близких, которых считает ни в чем не повинными попутчиками.

Недертон (который только сейчас наконец освоился с тем, что не понимает собственных звучащих слов) полюбопытствовал, чего она надеется этим достичь?

Из ответа следовало, что Тлен сама не знает, но чувствовала себя обязанной поделиться. А возможности Лоубир выведывать, кто что сказал, через клептархических тетушек оценке не поддаются. На этом паучок соскочил с его руки и побежал к Тлен.

Потом все трое долго сидели молча. Недертон под столом взял периферaль за руку. Он думал, от каких таких естественных причин скоропостижно умирают в Роттердаме континуумофилы-садисты и как бы случайно не спросить об этом Лоубир. А если

она слышала их разговор на тарабарском языке, то, интересно, какие сделала выводы?

89. Стробоскопическая вспышка

Для поездки Гриф велел ей надеть бронекуртку из той же волшебной сахарной ваты. Бертон тоже был в броне, и это его чуть не убило – то, как подкладка мгновенно твердеет от энергии пули. Выпущенная в асфальт под ногами у Бертона человеком, который, вероятно, был уже мертв, когда его палец нажал на спуск, она срикошетила, попала в рукав бронекуртки над левым запястьем Бертона, разлетелась на куски – что-то тоже связанное с физикой сахарной ваты, – и один осколок, отскочив ему в правое бедро, задел артерию.

Все происходило как будто одновременно – позже Томми сказал, так и бывает в перестрелках, когда в них участвуешь. Флинн шла чуть позади Бертона, слева, Кловис справа от нее. Потом Флинн вспомнила, что почувствовала, когда Кловис приняла боевую стойку. Они собирались сесть в машину Томми и поехать к маме – уговорить, чтобы та разрешила ее увезти. Гриф так и не упомянул загадочный тусняк, и Флинн думала еще подождать, а потом спросить снова. Говорил он главным образом про их маму, которая и слышать не хотела о переезде в Виргинию, где, сказал Гриф, у него есть «надежный дом». Литония согласилась поехать с мамой, но та, при всем хорошем отношении к Литонии, отказалась наотрез. Потом за ними заехал Томми. Флинн радовалась, что увидит маму, хотя и не верила в успех уговоров. И еще радовалась, что будет всю дорогу сидеть рядом с Томми, если только туда не придется посадить Карлоса с «булкой» на коленях.

Снаружи было тихо, несмотря на сорок семь протестующих, которых насчитали дроны, по другую сторону здания, через улицу от парковки. Однако Бертон, видимо, держал томагавк головкой в кулаке, рукояткой вдоль тела вверх, с внутренней стороны руки, потому что, когда заметил человека в спрут-костюме – Флинн не знала, что уж того выдало, – сорвал и отбросил кайдекс. Чехол со стуком упал там, где Флинн столько раз пристегивала велик. Бертон дал томагавку скользнуть вниз, поймал конец рукоятки и рубанул по все еще невидимой голове человека в спрут-костюме. Звук – будто раскололась недоспелая тыква – был последним, который слышала Флинн, потому что в следующий миг она оглохла от выстрелов.

В памяти остались как будто отдельные гифки. Кловис оттолкнула ее – с такой силой, что было даже больно. Медсумка у Кловис на животе распахнулась, как раковина. Внутри – толстый пластмассовый пистолет такого же защитного цвета. Клип

первый: Кловис двумя руками держит пистолет на уровне глаз и строчит без остановки, лицо спокойно-сосредоточенное, будто она ведет машину и внимательно следит за дорогой. Еще клип: гильзы из винтовки Карлоса, невесомые, в воздухе, будто их выхватило стробоскопической вспышкой, но одна ударила Флинн в тыльную сторону ладони и обожгла ее. Еще: то, что происходит со спрут-костюмами, когда в них попадает пуля, краденая окраска вспыхивает, выцветает и видно, как падает подстреленный человек. А потом Бертон на земле, глаза открытые, невидящие, из бедра толчками бьет кровь.

В ушах звенело так, что Флинн думала, это навсегда. Томми поддерживал ее сзади, Кловис, убрав перезаряженный пистолет, что-то выдергивала из глубины сумки. Синие латексные перчатки, безовские. Белый пластиковый крюк. Опустилась на корточки рядом с Бертоном, крюком разрезала пропитанные кровью камуфляжные штаны, обнажила бедро. Вдавила ярко-синий указательный палец в рану, нахмурилась, чуть шевельнула им внутри. Кровь перестала бить. Кловис подняла голову и потребовала:

– Центр Уолтера Рида. Срочно, мать вашу!

90. Показатель предосторожности

Эмблема Рейни появилась, когда Недертон мылся в душе рядом с хозяйской каютой гобивагена.

– Алло, – сказал он, не открывая глаз, чтобы в них не попал шампунь.

– Ты по-прежнему не знаешь, на кого в самом деле работаешь? – спросила Рейни.

– Я безработный.

– А я – да. Более или менее.

– Что «да»?

– Знаю, на кого ты работаешь.

– О чем ты?

– О знакомом тебе лице.

– Ты про Льва?

– Нет. Про лицо, с которым я тебя видела.

– Я на нее не работаю.

– Но делаешь, что она велит.

– Да, наверное, – ответил он. – По очевидным причинам.

– Наверное, я бы так же себя вела в твоем положении.

– В каком именно положении?

– Не знаю и знать не хочу. Я попыталась осторожно навести справки. Все, кого я о ней спрашивала, со мной раззнакомились. Задним числом. Никогда не были знакомы. Некоторые даже не поленились вычистить меня с общих фотографий. Как показатель предосторожности вполне красноречиво.

– Я не могу это сейчас обсуждать в такой форме.

– И не надо. Я звоню сказать, что подала заявление об уходе.

– Из нынешней версии проекта?

– Из министерства. Буду искать работу в частном секторе.

– Серьезно?

– Чем бы ты ни занимался, Уилф, знать об этом не полезно. Так что я предпочитаю и дальше оставаться в неведении.

– Тогда зачем звонить?

– Затем, что ты мне по-прежнему не до конца, нафиг, безразличен. Сейчас мне пора бежать. Что бы это ни было, попробуй развязаться. Пока.

Ее эмблема исчезла.

Недертон махнул рукой, выключая душ, вышел из кабинки, схватил тонкое черное полотенце Зубова-деда и вытер глаза.

Потом оглядел каюту. Учитель танцев лежал на огромной кровати, как Пенске его оставил: на спине, вытянув ноги и скрестив руки на груди, словно фигура на крышке рыцарского

саркофага.

– «Что бы это ни было», – повторил он слова Рейни и внезапно поймал себя на том, что скучает по ней и грустит, что теперь они, наверное, расстались навсегда.

91. Равноногое

Задняя комнаты «Сольветры» напоминала полевой госпиталь. Бертон лежал на средней койке, на окровавленных простынях, под хирургическим дроном, похожим на панцирь исполинской мокрицы, того же цвета, что пистолет Кловис. Дрон, которым управляла бригада в Национальном медицинском центре имени Уолтера Рида, плотно присосался к Бертону и громко, безостановочно щелкал и жужжал. Он уже извлек и выдавил в кювету бесформенный осколок пули, а теперь зашивал артерию и латал рану на бедре. Во всяком случае, так должно было происходить по плану. Гидростатический шок, сказал Гриф, был не очень сильный, пуля, срикошетив от асфальта, потеряла много энергии. Иначе при таком расстоянии его могло бы убить одной силой удара, несмотря на бронекуртку.

А ведь этот дрон, возможно, еще один ранний прообраз периферали, подумала Флинн и вспомнила про «Перекати-Полли» у себя на коленях. Она сидела на краю свободной койки и, когда не могла больше смотреть на Бертона – тот лежал без сознания, с прозрачной трубкой под носом, круглыми наклейками-датчиками на лбу и голой груди и двумя иголками от разных капельниц в сгибе локтя, – переводила взгляд на спокойное лицо Коннера (на лбу корона, сам он – где-то на семьдесят лет тому вперед) или Грифа, который, прижав к уху телефон, кивал и что-то говорил, но слов Флинн не разбирала. Потом собиралась с духом и вновь смотрела на Бертона.

Дрон по-прежнему щелкал. Мокрица – не насекомое, а равноногое. Самые большие равноногие жили когда-то в океане. Флинн не помнила, узнала это в старших классах или из «Нейшнл географика».

Кловис ушла в душ. Сказала, что сперва пустит холодный и одежду снимать не будет – попробует смыть с нее кровь Бертона. Флинн впервые услышала, что тут есть душ. Кловис сказала, он на шланге, в каморке, где швабры, ведра и сливная дыра в полу. Почему-то Флинн даже не удивилась, что Кловис это все объясняет вот сейчас. Бертону потребовалось переливание, но крови его типа у них было много. Это значило, что и ей, если что, хватит, поскольку у них с Бертоном одна группа и резус. А дрон, объяснила Кловис, был у Секретной службы наготове на случай, если ранят президента, и, может, даже им управляла та же бригада.

Не будь Коннер под короной, пришлось бы ему сейчас все объяснять. Впрочем, Флинн и не знала ничего, кроме того, что

видела сама. Томми позвонил заместителям, велел забрать трупы из проулка. Все происходило тихо – никаких завывающих сирен. Стрелки в спрут-костюмах явно были не здешние, иначе заместители бы уже сообщили Томми, кто это. А в остальном впечатление было такое, будто никто в городе даже не слышал стрельбы.

«Что-то со мной не то», – подумала Флинн, глядя на лицо брата, на щелкающий и гудящий дрон, который что-то там делал своими мокричьими лапками. Флинн видела их, когда Карлос и Гриф укладывали дрон на Бертона. Кловис стояла рядом с койкой на коленях, по-прежнему зажимая артерию окровавленным ярко-синим пальцем, а потом дрон ожил и зажужжал, и Кловис убрала руку.

«Не то» с нею было как после «Операции „Северный ветер“», только сейчас она не могла заплакать на диване у Дженис или выбежать и проблеваться на траве. Оставалось лишь сидеть на краю койки и сквозь звон в ушах слушать, как Гриф с британским акцентом что-то тихо говорит в телефон. У нее было чувство, что Бертон выкарабкается. И еще она стыдилась, что не переживает так сильно, как должна.

– Вид у тебя неважнецкий, – сказал Томми, садясь и беря ее за руку. Это получилось совершенно естественно, как будто даже привычно.

И Флинн вспомнила, как шла за руку с Уилфом по променаду на месте Оксфорд-стрит и как что-то красное порхнуло среди мокрых ветвей.

– У меня в ушах звенит, – пожаловалась она.

– Скажи спасибо, что совсем не оглохла. Часть того, что ты сейчас испытываешь, – реакция нервной системы на слишком высокий уровень децибел.

– Сперва те четверо в машине, – сказала Флинн. – Потом двое за трейлером. Теперь вот эти. Десятки людей погибли из-за нас.

– Не ты их сюда позвала.

– Я уже не понимаю.

– Сейчас не время разбираться. Однако я кое-что должен с тобой обсудить, пока наш приятель говорит по телефону. Для этого тоже время неподходящее, но другого может не быть. – Он глянул на Грифа.

– Что такое?

– Я не хочу, чтобы они использовали эту пакость против луканов. Или против кого-нибудь еще.

– Тусняк?

– Ты бы так его не назвала, если бы знала, как он действует.

– Бертон сказал, применить его – военное преступление.

– Правильно сказал, – ответил Томми. – Это аэрозоль. Запустят один выкрашенный черной краской дрон сегодня ночью, опрыскают всех.

– И что он такое?

– Стимулирующее, афродизиак и… сейчас попробую выговорить… психотомиметик.

– Что он делает?

– Воспроизводит состояние абсолютно шизанутого сексуального маньяка-убийцы.

– Черт…

– Тебе не нужно такого на твоей совести. И мне тоже. – Томми глянул на Бертона. – Теперь я чувствую себя виноватым, что компостировал ему мозги за взрыв у Пиккета.

– Он сказал мне, что ты злишься. И я так поняла, он на тебя не обиделся.

– Когда ребята запускали Коннерова гобота, они не знали, что заодно рванут цистерны с исходными веществами. Если бы убило Пиккета и его ближайших дружков, даже я, честно, ничего бы плохого не сказал. А в итоге на воздух взлетели бедолаги, у которых не было других способов заработать на жизнь. На вверенной мне территории. Некоторых я даже знал лично, здоровались на улице.

Он стиснул ее руку, потом отпустил.

Флинн гадала, кто там, в будущем, сделал Тлен ее чумовые глаза и могут ли они провести такую операцию здесь с помощью дрона-мокрицы. Или исправить то, что глючит Бертона после гаптики. Бредовые мысли, но сейчас ей было чуточку лучше. Она взяла Томми за руку, потому что его касание и голос прогоняли то ощущение, как после «Операции „Северный ветер“».

92. Всю вашу шоблу

Недертон стоял на четвереньках в колодце под мраморным столом Зубова-деда, искал обруч для «Перекати-Полли». Везде, куда ни глянь, была пустая эмблема Флинн. «Определенно должен быть здесь», – сказал он и заметил на нижней поверхности стола белые расплющенные комки жевательной резинки. Ему представилось, как маленький Лев их прилеплял. Тут пальцы коснулись чего-то на ковре. Оно сдвинулось. Еще через минуту Недертон с трофеем в руке выбрался из-под стола.

– Готово, – объявил он.

– Поправь камеру, – сказала Флинн. – Прошлый раз она у тебя была слишком близко к носу.

Недертон сел в кресло, надел обруч, попробовал развернуть камеру по центру и тронул пальцем нёбо. Появился значок эмуляционного приложения «Перекати-Полли», открылась трансляция, пустая эмблема Флинн исчезла. Сама Флинн сидела за столом, на тускло-синем фоне. «Перекати-Полли», видимо, стоял перед ней на столе, но Недертон не пытался его сдвинуть или изменить угол камеры.

– Алло?

– Подними чуть выше, вровень с глазами, – сказала Флинн.

Недертон попытался это исполнить.

– Лучше, – заметила она. – Нос у тебя стал меньше.

Ему подумалось, что она выглядит усталой.

– Как ты там?

– Моему брату прострелили бедро.

– Кто?

– Чуваки в спрут-костюмах. Кловис и Карлос их убили.

– А что твой брат?

– Спит. Ему что-то вкололи. Правительственный дрон прооперировал его удаленно. Извлек пулю, заштопал дырку в артерии, наложил шов на рану.

– Ты не пострадала?

– Нет. Настроение говенное, но проблема не в этом.

– А в чем?

– В англичанине Лоубир. У нас тут. Его зовут Гриф. Гриффидд Холдсуорт. Томми считает, он разведчик под дипломатическим прикрытием. Координатор или что-то такое. В посольстве. Куча связей в правительстве. В нашем правительстве. Он добыл Бертону спрут-костюмы и микродрон, чтобы вытащить меня от Пиккета. Вызвал мокрицу для Бертона…

– Мокрицу?

– Некогда объяснять. Просто слушай.

– Так проблема в Грифе?

– В Лоубир. Гриф собирается применить против луканов одну штуку…

– Против кого?

– Да есть тут одни уроды. Не перебивай.

Недертон кивнул и тут же представил, как это должно выглядеть на планшете.

– Конкурент натравил их на нас, чтобы помотать нам нервы. Может, чтобы Бертон попер на них и кто-нибудь его застрелил. Бертону они как бельмо в глазу, так что наживка правильная. А у Грифа есть химоружие, называется тусняк. Как все по-настоящему страшные наркотики от лепил, вместе взятые, только хуже. Или покончишь с собой под его действием, или потом, вспомнив, что натворил. Томми говорит, лепилы так и не нашли безопасную рекреационную дозу. В гомеопатических количествах шибает по мозгам ровно так же. Кловис уже дала мне противоядие. Гриф намерен применить эту дрянь против луканов, как я поняла, сегодня ночью.

– Тогда почему проблема в Лоубир?

– Она решает. Либо она выбрала тусняк, либо выбрал Гриф, а она дала отмашку. Это такое подлое средство, что уже через край. Твой мир.

– Мой мир?

– Другой подход к целям и средствам. Без всякой жалости. Но я такого у нас не допущу, и Томми тоже. И Бертон бы не позволил, будь он в сознании.

– Как ты их остановишь?

– Я хочу, чтобы Лоубир знала: если они это сделают, я не пойду на вечеринку к твоей бывшей. Мы сломаем короны, отпечатаем новые телефоны с другими номерами и сделаем вид, будто вас не было. Что бы ни случилось, будем выкарабкиваться сами. И в гробу мы вас видели. Не тебя конкретно, но всю вашу шоблу.

– Ты серьезно?

– Еще как.

Недертон глянул на нее.

– Ну? – спросила она.

– Что «ну»?

– Ты с нами?

– В каком смысле?

– Звонишь ей. Если она захочет поговорить со мной, я здесь. Но если они опрыскают тусняком придурочных уродов через дорогу, на вечеринку к бывшей ты пойдешь один. Я и моя семья

ни в чем больше не участвуем.

Недертон открыл рот. Закрыл.

– Звони ей, – сказала Флинн. – А я поговорю с Грифом.

– Зачем тебе это? Без нее вы будете в отчаянном положении. И мы, кстати, тоже. И все ради… уродов?

– Да, они уроды. Мы – нет. Но только пока не ведем себя по-уродски. Так что, звонишь ей?

– Да. Хотя и не знаю почему.

– Потому что ты не урод.

– Хотел бы я тебе верить.

– Каждый в чем-то немножко урод. Лишь бы не выродок, как говорит моя мама. Главное, что человек делает. А теперь я тебя выключу и пойду поговорю с Грифом.

И выключила.

93. План операции

Флинн уже вошла в заднюю комнату, когда сообразила, что держит «Перекати-Полли» как плюшевого мишку. Не обнимает, но типа того. Черт.

Все повернулись к ней. Рыжая девушка-нотариус из «Клейн, Крус, Верметт» была теперь в камуфляжных штанах и с такой же сумкой на животе, как у Кловис. И еще в синих хирургических перчатках. Видимо, она только что закончила перестилать Бертону постель. Кто-то ей помог его ворочать вместе с мокрицей. Относительно чистая простыня была разостлана между койками Бертона и Коннера (сейчас пустой), сверху лежал ком мятого окровавленного тряпья. Кловис, в чистом, что-то делала с короной Коннера на столе возле его койки. Гриф говорил по телефону и, когда Флинн вошла, повел в ее сторону глазами.

– Где Коннер? – спросила она.

– В душе, – ответила Кловис. – Мейкон его понес.

– Как Бертон?

– Ребята из Уолтера Рида говорят, жизненные показатели хорошие. Они хотят, чтобы он поспал подольше, так что дрон продолжает понемногу вводить снотворное.

– Хорошо, – произнес Гриф. – Спасибо.

Он опустил телефон.

– Надо поговорить, – сказала ему Флинн, жалея, что принесла «Полли».

– Да, но не о том, что мы, по-твоему, собрались делать.

– Вот уж фиг.

– Сама. – Он показал телефон. – Только что позвонила и вычеркнула тусняк из плана операции.

– Вы не будете его применять?

– Нет. Абсолютно точно.

– Хм, – сказала Флинн, а про себя подумала: «Ну вот, и стоило так накручиваться?» – Это ее была идея?

– Да. Мне это сразу показалось неразумным. Она ответила, что я не привык действовать с позиции силы. – Он как-то странно глянул на Флинн. – Кловис, ничего если я попрошу ненадолго оставить нас одних?

Рыжая девушка уже шла к выходу с тюком кровавого белья. Кловис последовала за ней.

– Теперь она говорит, что не станет его применять? – спросила Флинн, когда Кловис прошла за синюю пленку. – Почему?

– Твой разговор с пиарщиком.

– Она слушала?

– Как я понимаю, она может подслушать что угодно, где угодно.

– То есть все время сидит и слушает?

– У нее есть трансляции глобальных разведданных, мощнейшие аналитические инструменты. Я работаю с очень серьезными системами, но те неизмеримо сложнее. Она говорит, никто в них ничего толком не понимает, включая ее саму. Они самоорганизуются и, видимо, произошли от программ того типа, которыми я пользуюсь сейчас. Если ты упомянешь что-нибудь, что ее касается, по любому устройству или вблизи любого устройства, она узнает об этом мгновенно. А как я понимаю, ее касается все, что ты говоришь.

– Тусняка не будет?

– Отменен.

– Почему ты сам не убедил ее, что затея паршивая?

– Применить это вещество – зверство в самом буквальном юридическом и моральном смысле. Как бы мы ни пытались перевести стрелки, на репутации «Сольветры» осталось бы несмываемое пятно. «Сольветра» заботится, чтобы горожане не переплачивали за чили-доги, и при этом готова опрыскать религиозных манифестантов, пусть довольно противных, веществом, которое превратит их в сексуальных маньяков?

– В «Сольветре» знали? Кто?

– Нет. Знали я и Кловис.

– Она мне сказала. Но только само слово. Как действует, объяснил Томми.

– Мне пришлось поставить его в известность. Он должен был подготовиться, чтобы потом разгребать последствия. Я рад, что ты положила этому конец.

Флинн глянула на него:

– Все равно не понимаю, почему ты не отговорил ее сам.

– Потому что, по сути, я тут ничего не решаю. Из-за более насущных проблем.

– О чем ты?

– Лоубир знает историю своего мира и тайную историю нашего. История, в результате которой появился ее мир, включает убийство президента.

– Гонсалес? Да иди ты.

– Она не дожила до конца второго срока.

– Ее выберут снова?

– Да. И по мнению Лоубир, именно убийство Гонсалес раскрутило маховик джекпота на полную.

– Черт.

– Мы, возможно, сумеем этого не допустить.

– Лоубир знает, как изменить историю?

– Это еще не история. Лоубир знает в значительной степени, что на самом деле произошло здесь. Теперь наши миры разошлись и будут расходиться дальше. Расхождение можно направить, но лишь приблизительно. Никаких гарантий, что получится в результате.

– Она хочет остановить джекпот?

– Смягчить в лучшем случае. Он уже в значительной степени начался. Лоубир надеется, и я тоже, что в этом континууме удастся избежать системы, которая действует в ее мире. Она считает, и тут я тоже согласен, что первый необходимый шаг – предотвратить убийство Фелиции Гонсалес.

Флинн смотрела на него круглыми глазами. Это что, самый бредовый бред, даже после событий последней недели? Его серые глаза были совершенно серьезны.

– Кто убивает президента?

– Вице-президент, если не входить в подробности.

– Уолли Амброуз? Эта гнида?

– То, что делает «Сольветра» и ваш конкурент, может еще изменить события, но за счет краха мировой экономики, что само по себе опасно. Однако я не знаю всего, что знает Лоубир. Она не посвящает меня полностью во все, что ей известно. К тому же у нее несравненно больше опыта. Скажи она, что без применения тусняка президента не спасти, я бы его использовал.

– Почему?

– Потому что она рассказала мне, каков ее мир. Изложила свою карьеру, свою жизнь. Я не хочу идти в ту сторону.

– Эй, где моя клевая медсестричка? – заорал Коннер.

Его единственная рука с вытатуированным по длине гаптразовским девизом «Всегда впереди» обнимала черную шею Мейкона. Сам Мейкон был по пояс голый, в мокрых трусах, волосы тоже мокрые. Коннера он по большей части уже упаковал в полартек и теперь, уложив на койку, помог натянуть рукав.

– Пойду за своей одеждой, – сказал Мейкон, потом глянул на Флинн и Грифа. – У вас все в порядке?

– Лучше некуда, – сказала Флинн.

– Как Бертон? – спросил Коннер, глядя на ее лежащего без сознания брата.

– Это к врачам, – ответила она.

– Головной офис отменил раздачу, – сообщил Гриф Мейкону.

– Ладно, – сказал Мейкон. – Объясните мне, что это должно было быть?

– В другой раз, – ответил Гриф.

Мейкон поднял брови, повторил: «Схожу за одеждой» – и вышел.

– Клевая медсестричка говорит, суки в спрут-косах продырявили ему жопу, – сказал Коннер. – Девка – класс. Мейкон говорит, уложила половину, Карлос, мать его за ногу, только двоих.

– Ты чего не в будущем, не летаешь в стиральной машине? – спросила Флинн.

– Надо ж когда-то есть.

Хун бочком протиснулся в щель между сложенными мешками. В руках у него был пластиковый контейнер.

– Кому суп с креветками?

– Мне, – ответил Коннер.

Хун увидел Бертона, поднял брови:

– Что с ним?

– Травануся, – ответил Коннер. – Не боись, не твоей едой. В «Джиммис». Так дристал, что чуть коньки не отбросил.

Флинн глянула на Грифа. Тот слегка расширил глаза, давая понять, что настоящий разговор окончен, по крайней мере на время.

Гонсалес? Он ей заливает? Лоубир ему заливает?

94. Вода «Аполлинарис»

Бар был по-прежнему закрыт, как и несколько минут назад. Недертон глянул на свой палец, прижатый к стальному овалу в полированной дверце. Да, стаканчик-другой сейчас бы сильно помог, но в остальном он был почти готов позвонить Лоубир и сказать, что Флинн не пойдет к Даэдре. В конце концов, это не его решение. Хотя он в какой-то мере чувствовал себя соучастником.

Недертон пообещал Флинн, что сразу позвонит Лоубир, и действительно собирался в скором времени выполнить обещание, хотя и без всякого энтузиазма. Мотивы Флинн он вроде бы понимал, однако разделить не мог. Впрочем, возможно, они шли от той же архаической самостоятельности мыслей и поступков, которая его так в ней завораживала. Завораживала и пугала. Интересно, почему одно почти всегда связано с другим? И еще интересно, могла ли Лоубир подслушать их разговор? Тлен считала, что инспектор слушает все.

Недертон нервно заходил по каюте, глянул в окно на темный гараж.

Спрутосвет запульсировал: под арку вошла Лоубир. Он отступил от окна: определенно ее широкие плечи, дамский деловой костюм. Недертон вздохнул. Нашел панель, которая поднимает кресла, выбрал два и поднял. Взглянул на закрытый бар. Снова вздохнул, подошел к двери, распахнул ее, выглянул наружу. Лоубир уже подходила к трапу.

– Я была поблизости, – с улыбкой проговорила она. – Ехала поболтать с Кловис и подумала заглянуть. Надеюсь, я вам не помешала.

– Вы знаете? – спросил он.

– О чем?

– О решении Флинн.

– Да, – ответила она. – После стольких лет мне все равно немного совестно. Хотя я и не просила подключать меня к вашему разговору. Его выловили тетушки.

Интересно, подумал Недертон, неужто ей и впрямь до сих пор совестно подслушивать? Может быть, это чувство сродни его собственной неловкости от ее признания, хотя всем давно известно, что клептархи могут перехватить любой разговор. И что так всегда делалось.

– В таком случае вы слышали, что я согласился с условиями Флинн.

– Да, – ответила она, начиная подниматься по трапу. – Как и растерянность в вашем голосе.

– И вы знаете, что она не пойдет к Даэдре, если вы не уберете из уравнения нечто, называемое тусняком.

Лоубир остановилась на середине трапа:

– И что вы сами по этому поводу чувствуете, Уилф?

– Ситуация неловкая. Вы помните, что я был готов идти. Однако вы предложили сделать в их мире нечто, что она сочла малоэтичным.

– Не просто малоэтичным, – ответила Лоубир, начиная подъем. – Она сочла это гнусностью. И была бы совершенно права в своей оценке, если бы до такого и впрямь дошло.

– А вы собирались довести дело до конца? – Недертон посторонился, освобождая проход.

– Я проверяла оперативников в полевых условиях. Один из моих базовых навыков.

– Вы не стали бы этого делать?

– Не вмешайся Флинн, я заразила бы их легким штаммом норовируса, предварительно обеспечив ей и остальным иммунитет. И наверное, огорчилась бы. Впрочем, я изначально рассматривала такой сценарий как маловероятный.

Она вошла в каюту.

– Это был трюк? – спросил Недертон.

– Экзамен. Вы тоже его прошли. Вы приняли правильное решение, хоть и не понимая почему. Полагаю, вы сделали так, потому что она вам нравится, и это дорогого стоит. Я бы не отказалась выпить.

– Выпить?

– Да, спасибо.

– Я не могу открыть бар. У вас, может быть, получится. Приложите большой палец вот сюда.

Лоубир подошла к бару, приложила палец. Дверца уехала вверх.

– Джин с тоником, пожалуйста, – сказала Лоубир.

Из мраморной стойки поднялся стакан, изумительный в своем сократовском совершенстве.

– А вам? – спросила она.

Он попытался заговорить. Не смог. Кашлянул. Лоубир взяла стакан. На Недертона пахнуло можжевельником.

– «Перрье», – выдавил он. Голос был чужой, слово – дикое, будто на птичьем языке Тлен.

– Извините, сэр, – ответил бар молодым мужским голосом с немецким акцентом, – у нас нет «Перрье». Могу предложить «Аполлинарис».

– Да, хорошо, – ответил Недертон уже собственным голосом.

– Лед? – спросил бар.

– Да, пожалуйста.

Появилась его вода.

– Я не понимаю, зачем вы проверяли Флинн, – сказал Недертон. – Если, конечно, вы проверяли именно ее.

– Да, ее. – Лоубир жестом пригласила его сесть.

Недертон взял свою ничем не пахнущую воду и вслед за Лоубир прошел к столу.

– У меня намечена для нее дальнейшая роль, – продолжала инспектор, когда оба сели, – в случае если поход на суаре Даэдры пройдет успешно. Возможно, и для вас тоже. Вы – мастер своего дела, несмотря на определенные недостатки. Удивительным образом недостатки и специфические умения порой тесно связаны.

Недертон отпил глоток минералки. У нее был странный привкус – быть может, известняка.

– Можно спросить, что именно вы предполагаете?

– Боюсь, что не могу вам сейчас сказать. Я отправляю вас к Даэдре, где ни я, ни Лев не сможем вас защитить. Лучше вам не знать больше, чем сейчас.

– Вы буквально знаете все про всех? – спросил Недертон.

– Абсолютно точно – нет. Мне мешает избыток информации, обильной до полной бессмысленности. Изъяны системы объясняются тем, что мы принимаем весь этот океан данных и предлагаемые алгоритмами моменты принятия решений за приемлемый аналог полной определенности. Сама я добиваюсь наилучших результатов, когда делаю вид, будто знаю относительно мало, и действую соответственно. Хотя это куда легче сказать, чем осуществить.

– Вы знаете, кто тот человек, которого видела Флинн? Убийца Аэлиты?

– Думаю, да. Однако этого мало. Парадоксальным образом государство, выросшее на тайнах и лжи, по-прежнему требует доказательств. Не будь бремени доказательства, все превратилось бы в бескостную массу, в протоплазму. – Она отхлебнула джина. – Каким часто и представляется. Просыпаясь, я должна напоминать себе, каков сейчас мир, как он таким стал, какую роль я в этом сыграла. То есть я живу до нелепого долго во все усиливающемся осознании своих ошибок.

– Ошибок?

– Наверное, если смотреть реалистически, не следует их так называть. Тактически, стратегически, в свете всех возможных исходов я делала лучшее, что могла, и, в общем-то, по-прежнему думаю, что у меня неплохо получалось. Цивилизация умирала от недовольства собой. Сегодня мы живы благодаря тому, что я и

другие сделали, чтобы не допустить ее смерти. Вы сами не видели ничего иного.

– О, привет! – сказала периферaль Антона из открытой двери в хозяйскую каюту. – Не ждал вас здесь.

– Мистер Пенске, очень приятно, – сказала Лоубир. – Как дела с кубом?

– Кто его выдумал? – спросила периферaль (теперь уже определенно товарищ брата Флинн, Коннер), прислоняясь к косяку так, как никогда бы не прислонился Павел.

– Истерзанный народ в полной власти извращенца, – ответила Лоубир.

– А похоже, – сказал Коннер.

– Как мистер Фишер? – спросила Лоубир.

– По тому, как все вокруг квохчут, можно подумать, ему задницу отстрелили нафиг, – ответил Коннер с легкой усмешкой, которая совсем не вязалась с лицом периферали.

95. Целые миры рушатся

– Ты работаешь в «Клейн, Крус, Верметт»? – спросила Флинн рыжую девушку, которая стелила ей постель в дальнем конце комнаты, где они ели.

Уголок завесили синей пленкой, и, кроме прямоугольного куска бежевого пенопласта, здесь ничего не было. Девушка только что вытащила из чехла новенький спальный мешок и теперь расстегивала на нем молнию.

– Да. – Она разостлала спальник на пенопласте. – Подушка, к сожалению, не прилагается.

– И давно?

Девушка подняла на нее глаза:

– Давно подушку не прикладывают?

– Давно ты работаешь в «ККВ»?

– Четыре дня.

– У тебя в сумке пистолет?

Девушка только посмотрела на Флинн.

– Ты работаешь на Грифа? Как Кловис?

– Я работаю в «ККВ».

– Приглядываешь за ними?

Тот же взгляд, никакого ответа.

– Так чем ты обычно занимаешься?

– Я не пытаюсь выставить себя дико крутой, но я правда не могу сказать. Есть ограничения помимо обычной оперативной секретности. Спроси Грифа. – Она улыбнулась, чтобы прозвучало не так резко.

– О'кей.

– Хочешь быстродействующего снотворного с коротким периодом полувыведения?

– Нет, спасибо.

– Тогда спокойной ночи.

Девушка вышла. Флинн только сейчас обратила внимание, что она сменила камуфляж на по-настоящему стремные джинсы и голубую майку-алкоголичку с эмблемой «Клэнтон-Уайлдкэтс» на груди. По пути сюда они прошли мимо Брента Верметта: у того на голове была защитная панама, которая больше подошла бы Леону, а на руке – дешевые черные пластмассовые часы.

Флинн поставила «Полли» на раскрытый спальник, сняла бронекуртку и бросила ее на стену из мешков. Села на пенку, развязала шнурки. Кроссовки явно пора было выбрасывать. Сняла их, встала в носках на пол, стянула джинсы, снова села, взяла «Полли» и прикрыла ноги полой спальника. Было не темно и не

светло, просто все синее, будто ты в прозрачном кубе безовского пластика. Из соседних помещений вдоль потолка пробивался свет. Наверное, его приглушили, чтобы им с Бертоном лучше спалось. Голоса тоже звучали тихо. Флинн легла здесь, потому что ее койка была нужна Кловис. С Бертона сняли мокрицу, Кловис надела шлем и осмотрела шов, делая, что ей говорят доктора в Вашингтоне. Как Эдвард, когда что-нибудь дистанционно чинит через визу. Только шлем – более старая технология. С правительственным оборудованием всегда так – то оно суперсовременное, то допотопное. Бертон был в сознании, но дурной от лекарств. Флинн поцеловала его в колючую щеку и пообещала заглянуть утром.

– Алло?

Она глянула на «Полли». Уилф Недертон, большие глаза, большой нос.

– Ты опять надел камеру слишком близко, – сказала Флинн.

Он поправил. Намного лучше не стало.

– Почему ты шепчешь? – спросил он.

– У нас ночь.

– Я поговорил с Лоубир. Лично. Она не станет этого делать.

– Знаю. Мне Гриф сказал.

Уилф, кажется, огорчился.

– Я, наверное, должна была сразу тебе сообщить, но тут возились с Бертоном. Ты сейчас рядом с ней?

– Она ушла наверх с Коннером.

– Слушает нас?

– Ее модули, – ответил Уилф. – Но они всегда слушают. Она сказала, что и не собиралась применять то оружие.

– Мейкон получил инструкции. Он не знал, что это, но был готов распылить.

– Она сказала, что огорчилась бы, если бы ты не стала возражать. Потом заразила бы их кишечным гриппом, обеспечив тебе иммунитет.

– Может, так и надо было сделать. Почему бы она огорчилась?

– За тебя.

– За меня?

– Это была проверка.

– Чего?

– Наверное, выражаясь твоими словами, она хотела знать, урод ты или нет.

– Я всего лишь случайная свидетельница. Я могу быть моральным уродом и все равно опознать того чувака. Какая разница?

– Не знаю, – ответил он. – Как твой брат?

– Да вроде ничего. Врачи теперь больше беспокоятся насчет инфекции.

– Почему?

– Да потому, что антибиотики ни фига не помогают.

Он глянул на нее удивленно.

– Что такое? – спросила она.

– Вы по-прежнему полагаетесь на антибиотики?

– Не особенно. Они помогают в одном случае из трех.

– Вы простужаетесь? – спросил Уилф.

– В смысле?

– У вас бывает простуда?

Флинн глянула на него:

– А у вас что, нет?

– Нет.

– Почему?

– Искусственный иммунитет. Только неопримитивисты от него отказываются.

– Они не хотят иммунитета от простуды?

– Демонстративная перверсия.

– Не понимаю я про тебя, – сказала она.

– Чего не понимаешь?

– Ты ненавидишь вашу супер-пупер технологию и при этом явно не любишь людей, которые от нее отказываются.

– Они не отказываются. Они выбрали другую ее форму, но с болезнями предков. И считают, что это делает их более аутентичными.

– Ностальгия по простуде?

– Если бы они могли демонстрировать ее симптомы, не испытывая неудобств, то воспользовались бы такой возможностью. Однако другие, еще большие радетели подлинности, высмеивали бы их за неаутентичность. – (Планшет тихонько скрипнул, поворачиваясь.) – Все синее.

– Ребята повесили пленку, чтобы разгородить помещение. Синее – безовские излишки. В «Меге» всегда самое дешевое – от безбашей.

– Кто такие безбаши?

– Внутренняя безопасность. Вопрос к тебе на другую тему. Люди, которых сюда прислали работать, они что, косят под местных? Я видела девушку в таких джинсах… думаю, она бы себе ноги отгрызла, лишь бы из них выбраться.

– Тлен пригласила стилистов. И арендовала менее броские автомобили.

– Стоянка перед нашим центром похожа на магазин «БМВ».

– Сейчас, наверное, уже не похожа.

– Луканы по-прежнему на улице?

– Да, наверное, но Оссиан ищет способ их купить.

– Купить церковь?

– Может быть, у вас их уже несколько. «Сольветра» действует по обстоятельствам. Если покупка церкви облегчит следующий захват, ее покупают.

– Откуда вообще такое название, «Сольветра»?

– Автоматическая проверка орфографии. Тлен выбрала «милагрос», потому что они ей нравятся. Не чудеса, а металлические подвески в форме частей тела – их жертвуют святым, когда просят об исцелении. Сальветра – фамилия юриста в Панаме, которого Лев думал нанять, а потом не нанял. Тлен понравилось, как она звучит, а потом понравилось, что сделал из нее спеллчекер.

– А ты много общаешься со всякими там артистами и музыкантами?

– Нет.

– Я бы общалась, если бы могла. Какая музыка тебе нравится?

– Классическая, наверное, – ответил он. – А тебе?

– «Целующиеся журавли».

– Какие журавли?

– Музыкальная группа. Название в честь старой немецкой марки ножей и бритв. А Хома у вас есть?

– Это музыка?

– Сайт. Чтобы знать, где твои друзья и все такое.

– Социальная сеть?

– Наверное, да.

– Это артефакт эпохи, когда связь была малоразвита. Если не ошибаюсь, у вас социальные сети уже не играют такой роли, как в эпоху своего расцвета.

– У нас один Хома. И форумы в даркнете кому надо. Мне – нет. Хома принадлежит «Меге». Моя периферал там?

– В дальней каюте.

– Можно на нее взглянуть?

Он исполинскими пальцами потянулся к лицу и что-то сделал с камерой. Флинн увидела комнату с пафосным мраморным столом и маленькими круглыми креслами. На экране «Полли» это выглядело как банк-лохотрон, только для кукол. Недертон встал, прошел в хвост автодома по светлому полированному коридору, туда, где на откидной полке лежала с закрытыми глазами периферал в черном свитере и черных лосинах.

– Точно на кого-то похожа, – сказала Флинн.

Периферaль определенно делали с кого-то, а не просто воплощали абстрактные представления о красоте. Вроде фотографий в коробке на распродаже имущества: никто уже не помнит, что это за люди, чьи родственники и как снимки сюда попали. От этой мысли у Флинн возникло ощущение, что все вокруг рушится в бездонную яму. Целые миры рушатся, и, может быть, ее тоже. И тут же ей захотелось позвонить Дженис, которая сейчас была у нее дома, и спросить, как там мама.

96. Расчеловеченное

Как только Недертон вышел из дальней каюты, окошко «Полли» исчезло, а с ним и значок приложения-эмулятора. Флинн сейчас звонит узнать про свою маму, потом, наверное, ляжет спать. По ее голосу было слышно, как она устала. Перестрелка, ранение брата, история с тусняком… И все же она как-то умела просто идти вперед.

Недертон вспомнил лицо периферали, закрытые глаза. Она не спала, но где было то, что в ней? Впрочем, в ней же ничего нет. Неодушевленная вещь, и все же, как говорила Лоубир, ее так легко очеловечить. А вернее – нечто человекоподобное, расчеловеченное. Хотя покуда Флинн в ней, то есть чувствует и действует через нее, разве периферал не становится версией Флинн?

Недертон заметил стаканы на столе и только тогда сообразил, что бар до сих пор открыт. С видом абсолютной беспечности он взял по стакану в каждую руку и шагнул к бару, но, едва поставил их на стойку, дверца пошла вниз. Возникла эмблема Льва. Недертон еле переборол сильнейший порыв сунуть под дверцу руки. Уж наверное, она бы не отдавила ему пальцы?

– Что ты делаешь? – спросил Лев.

– Был с Флинн в игрушечной периферали, – ответил Недертон. – Сейчас она звонит матери.

Он уперся обеими ладонями в полированную дверцу бара и почувствовал несокрушимую немецкую прочность.

– Я жарю сэндвичи, – сказал Лев. – Сардины и маринованный халапеньо на итальянском хлебе. Выглядит аппетитно.

– Лоубир с тобой?

– Сардины – ее идея.

– Сейчас поднимусь.

Уже за дверью Недертон вспомнил, что на нем по-прежнему обруч с огромным псевдоегипетским сперматозоидом камеры, снял его и сунул в карман пиджака.

Он прошел через гараж, поднялся на бронзовом лифте, вошел в кухню и через стеклянную дверь увидел, что Коннер в саду, на четвереньках, скалится на Гордона и Тиенну. Лицо периферали выглядело совершенно жутко: казалось, будто зубов у нее больше, чем у обоих тилацинов, несмотря на их длинные челюсти. Они стояли напротив Коннера, бок о бок, словно вот-вот прыгнут, их мускулатура и особенно поднятые жесткие хвосты выглядели еще менее собачьими, чем обычно. Плотоядные кенгуру в волчьей шкуре с кубистической полосатостью. Недертон с неожиданной

теплотой подумал, как хорошо, что у них лапы, а не руки, как у медведей-падунов.

– Что он там делает? – спросил Недертон.

– Не знаю, – ответил Лев, – но им нравится.

Оба зверя разом прыгнули на Коннера. Он упал между ними, отбиваясь от обоих сразу. Они лаяли пронзительным кашляющим лаем.

– Доминика уехала с детьми в Ричмонд-Хилл, – сказал Лев, проверяя панини в бутерброднице.

– Как она? – спросил Недертон. Тонкости семейных отношений всегда были для него загадкой.

– Злится на меня, что я трачу на все это столько времени. Впрочем, увезти детей предложил я. Я и Лоубир. – Лев глянул в ее сторону.

– Дом мистера Зубова-отца буквально неприступен, – сказала Лоубир из-за соснового стола. – Даже если мы в ближайшие сорок восемь часов навлечем на себя гнев кого-нибудь по-настоящему могущественного, близкие Льва будут в безопасности.

– Кого вы собираетесь разозлить? – спросил Недертон.

– Американцев главным образом, хотя из-за них я бы так не волновалась. Хуже, что сейчас у них есть союзники в Сити. Сдается, что моя догадка верна и в убийстве Аэлиты мотив – прискорбно обыденный.

– Почему?

– Тетушки снова и снова обдумывают эту историю. Процесс сходен с повторяющимся сном или обмусоливанием слуха. Не то что они всегда правы, но, как правило, им удается найти вероятного подозреваемого.

Коннер уже встал с земли и направлялся в сторону кухни. Гордон и Тиенна синхронно прыгали за ним на задних лапах. Он вошел и закрыл за собой дверь. Оба зверя остались стоять столбиком, водя за ним глазами.

– Они от вас без ума, – сказал Лев, вынимая из бутербродницы первую партию сэндвичей.

– Как будто помесь опоссума с койотом, – сказал Коннер. – Пахнут точно как опоссумы. Они тубиком болеют?

– Чем? – спросил Лев.

– Туберкулезом, – подсказала Лоубир.

– Нет, с чего бы, – ответил Лев, поднимая взгляд от бутербродницы.

– Опоссумы в основном болеют, – сказал Коннер. – Их мало осталось. Люди их теперь еще больше не любят из-за тубика. А сэндвичи классно пахнут. Почему вы не делаете эти штуки такими, чтобы они могли есть?

– Делаем, – сказал Лев, – но они намного дороже. Для инструктора по боевым искусствам – совершенно лишнее.

– Посидите с нами, – сказала Лоубир. – Вы слишком высокий, когда стоите.

Коннер отодвинул себе стул напротив нее, развернул и сел верхом, положив локти на спинку.

– Флинн сейчас спит? – спросил Недертон, садясь рядом с Коннером, и подумал, что в обществе Лоубир ему бы в голову не пришло сесть иначе, кроме как лицом к ней.

– Да, – ответила инспектор. – Она поговорила с сиделкой матери и легла. Завтра поедет навещать маму. Риск все больше, но мы хотим, чтобы к вечеру она могла полностью сосредоточиться на вас и Даэдре. И том человеке, который может там быть.

Лев поставил перед нею сэндвич на белой тарелке.

– Выглядит чрезвычайно аппетитно, – сказала Лоубир. – Спасибо, Лев.

97. Автоколонна

Пикап, который вез ее домой, был внутри как лимузин «хаммер», куда они всем классом набились на выпускной, только кондиционер не воняет и сиденья поудобнее. Снаружи его замаскировали под полную развалюху, но вышло неубедительно: грязь выглядела нарисованной, и вообще, если кто в городе владел новой машиной, то не ленился ее мыть. Пикап был по виду американский, но не какой-нибудь определенной фирмы или модели. «Волчара», по одобрительному отзыву Карлоса, который называл так все, что назвал бы тактическим, не маскируйся оно под что-нибудь серое и незаметное. Хотя наверняка Карлоса больше восхитило другое: брутальный профиль и броня, как у танка. За рулем сидела рыжая девушка, в мягкой бронекуртке поверх майки-алкоголички и в тех же позорных джинсах. Флинн уже знала, что ее зовут Такома.

Гриф и Томми не разрешили Флинн просто сесть в машину, собрали целый кортеж. Первым ехал радиоуправляемый джип в три четверти натуральной величины – будь на дороге мины, он бы их взорвал. К изумлению Флинн, управлял джипом Леон с переднего сиденья внедорожника перед «волчарой». С явным удовольствием. Никогда не знаешь, что Леону понравится. Его даже заставили надеть поверх джинсовки черную куртку, что придало бы ему дико солидный вид, не повяжи он на голову камуфляжную охотничью бандану, такую, словно фотография коры в натуральную величину. Если они на ком-то и выглядят прилично (в чем Флинн сильно сомневалась), то явно не на Леоне. Вместе с ним в машине сидели пятеро Бертоновых ребят с «булками» и в мягких бронниках. Еще четверо во втором внедорожнике замыкали тыл. Какое-то явно порядочное количество дронов заряжалось от аккумулятора на крыше второго внедорожника. Флинн подозревала, что на каждый наклеен кусок бирюзового скотча, – во всяком случае, она видела двухметровую полосу такой ленты на заднем бампере переднего внедорожника. Бирюзовая армия Бертона на марше, а сам он лежит, раненый, в лабиринте синей пленки. Будь он в сознании, наверное, крепко бы огорчился.

Впрочем, Бертон, наверное, даже не видел здешнего маскарада. Похоже, пока Флинн спала, сотрудники «Клейн, Крус, Верметт» затеяли соревнование, кто лучше воплотит представления стилиста о провинциальном облике. Некоторые даже щеголяли татуировками – Флинн надеялась, что фальшивыми или такими, которые полностью сходят за год. В

общем, ребята чуток перестарались. Томми утром объяснил, это потому, что им не только платят кучу денег, но и пообещали акции «Сольветры». Еще он сказал, что даже рядовые специалисты «ККВ» получают сейчас чуть ли не самые высокие зарплаты в штате, от этого у них разом эйфория и паранойя, они вкалывают изо всех сил и, конечно, чрезвычайно вежливы с Флинн. Такома – другое дело, поскольку она не просто сотрудник «ККВ». На вопрос Флинн Гриф ответил, что Такома – его кадр, но чем занимается, не объяснил. Томми заметил, что, похоже, и Кловис, и Такома – из федеральных агентств, только непонятно, из каких именно. Для безбашей – слишком умные, для чего-нибудь по-настоящему серьезного – слишком похожи на людей. Как это связано с тем, что Гриф – англичанин, Флинн не знала.

Томми и Гриф оба остались в городе по неотложным делам. Флинн они отпустили только потому, что Гриф по-прежнему надеялся: она уговорит маму уехать в Виргинию. Кловис оставили с Бертоном, чтобы она через шлем выполняла указания вашингтонских врачей. Мейкон и Эдвард, которые все это время бодрствовали на правительственном «будильнике», наконец-то легли. Флинн видела, как они спят на пенке под расстегнутым спальником; Мейкон храпел, обняв Эдварда во сне. Она догадывалась, что оба получили долгожданную передышку после того, как Лоубир решила не травить луканов тусняком, вернее, тем, что Гриф считал бы тусняком.

Сейчас Флинн с «Полли» ехала одна в салоне стелс-лимузино-пикапа: три ряда кресел, потом заднее окно и закрытый кузов – Флинн вполне допускала, что там установлен реактивный гранатомет.

– Как кондиционер? – спросила Такома.

– Отлично, – ответила Флинн.

Такома рассказала ей, что пикап при необходимости мог бы ехать под водой, выставив дыхательную трубку для мотора. По счастью, рядом не было ни серьезного озера, ни речки. Флинн выглянула в окно. Корова-дрон стояла на прежнем месте и делала вид, будто жует траву. Еще раньше, идя к машине, Флинн видела следы от пуль на бетонных стенах «Сольветры» и фабы. Тогда ей подумалось, что ведь словить рикошет мог бы и не один Бертон. Сегодня они рассаживались по машинам с задней стороны здания, так что луканы их не видели, по крайней мере пока кортеж не свернул на Портер-роуд, то есть не оказался на вполне безопасном расстоянии. Да и в любом случае луканы по большей части спали в черных походных палатках, поставленных напротив торгового центра плотными рядами. Как кладка насекомьих яиц, сказал Леон, или как слизневый гриб. Теперь, когда Флинн знала,

что никто не собирается травить их наркотиком, превращающим человека в сексуального маньяка-убийцу, она не испытывала к луканам никакой симпатии. Чего бы Томми с Грифом не придумать какой-нибудь юридически не зверский способ выдворить их отсюда на хрен? Надо будет с ними поговорить.

– Слушай, а никак нельзя взять на завтрак буррито и кофе тут, в «Джиммис»? – спросила она Такому.

– В смысле безопасности будет цирк с конями, – сказала Такома. – А если, допустим, я туда позвоню и пусть тебе вынесут?

– Меня устраивает.

– Не прямо тебе. К первой машине. А оттуда нам перешлют дроном, чтобы не останавливаться.

– Сложно.

– Протокол. Если из «Джиммис» принесут заказ нам, мне придется останавливаться и раскупоривать машину, пусть только окно.

– Раскупоривать?

– Машина герметична, если не считать забор воздуха через фильтры.

– Многовато хлопот ради одного буррито.

– На твою безопасность тратят чертову уйму денег. Тебя уже один раз похищали. Да и вчерашних стрелков, вероятно, интересовала больше ты, чем твой брат.

Об этом Флинн не подумала.

– Ты стреляешь так же хорошо, как Кловис? – спросила она.

– Нет, – ответила Такома. – Лучше.

– И я здесь одна, чтобы кто-нибудь из Бертоновых ребят не поступил, как Райс?

– Или хуже. Какой тебе буррито? Надо сахар и молоко в кофе?

– У них только один сорт буррито. Да, сахар и молоко. – Флинн глянула на «Полли», которого пристроила на соседнее кресло, и подумала, где-то сейчас Уилф. Вчера она сразу отрубилась после звонка Дженис.

Такома говорила с кем-то по беспроводной гарнитуре. Перед парковкой у «Джиммис» она сбросила скорость. Парень в белой футболке пробежал по гравию и что-то передал в окно первого внедорожника, который притормозил, но не остановился. Водитель внедорожника газанул, Такома тоже, сохраняя постоянную дистанцию.

Когда «Джиммис» остался позади, что-то вылетело из первого внедорожника, направляясь к ним. Чуть ближе стало видно, что это маленький квадрокоптер, который несет сфабленный лоток из кукурузного крахмала с блестящим свертком и бумажным

стаканом в углублении.

– Смотри на кузов, – сказала Такома, не оборачиваясь.

Флинн глянула назад и как раз успела увидеть, как в плоской крышке открылся сдвижной люк. Дрон сравнял свою скорость со скоростью автомобиля, спустился в отверстие и почти сразу взмыл обратно, уже без лотка с буррито и кофе. Он исчез в вышине раньше, чем закрылся люк.

– Как мы его достанем? – спросила Флинн.

– Сейчас открою шлюзовую камеру, – ответила Такома.

В задней стене салона сдвинулась панель и появилось отверстие. Флинн отстегнула ремень безопасности, встала на четвереньки, проползла в хвост машины, сунула голову в отверстие, нашла и вытащила лоток. Фольга была еще теплой. В «Джиммис» буррито держат под инфракрасной лампой, чтобы не остыли.

Флинн кое-как добралась обратно, села, держа лоток на коленях, застегнула ремень и оторвала кусок фольги с одного конца буррито.

– Спасибо.

– Желание клиента для нас закон.

Буррито в «Джиммис» готовят классно. Омлет, рубленая ветчина, зеленый лук. Сейчас – самое то.

– Доброе утро, – сказал Недертон из «Полли».

У Флинн рот был набит буррито, так что она молча кивнула.

– Надеюсь, ты хорошо выспалась? – сказал он.

Планшет «Полли» скрипнул, поворачиваясь, потом запрокинулся, чтобы поглядеть в окно. Увидеть он мог только небо и, может быть, парочку дронов.

Флинн прожевала, глотнула кофе.

– Отлично спала, а ты?

– Я спал в джакузи гобивагена, – ответил он.

– Намок?

– Когда там не ванна, это наблюдательный купол. В хозяйской каюте лежит перифераль Коннера. Он был здесь раньше, периферально. Играл в саду с аналогами Льва. Смотрел, как мы на кухне едим сэндвичи. Потом мы спустились сюда, он уложил свою перифераль на койку и отправился тренироваться в чем-то, что приготовила для него Лоубир. Куда мы едем?

– Ко мне домой.

Планшет выровнялся, повернулся вправо, потом обратно.

– Мы внутри лимузина, замаскированного под грузовой вездеход, – объяснила Флинн. – Бомбопуленепробиваемого. Это Такома.

– Привет, – сказала Такома, продолжая следить за дорогой.

– Здравствуйте, – ответил Недертон.

– Такома работает на Грифа, – добавила Флинн. – Или вместе с ним.

– Или на тебя, если на то пошло, – сказала Такома.

– Я до сих пор не могу въехать.

– Ну вот смотри. Все, что ты видишь из машины, кроме неба и дороги, принадлежит тебе. Куплено накануне. Полоса на двадцать миль в обе стороны от шоссе.

– Издеваешься?

– «Сольветра» владеет сейчас большей частью округа, – сказала Такома. – Хотя доказать это в суде было бы не просто. «ККВ» соорудили матрешку.

– Чего? – спросила Флинн.

– Знаешь таких русских деревянных кукол, одна в другой? Подставная фирма внутри подставной фирмы и так далее. Поэтому не так очевидно, что вся эта земля принадлежит тебе.

– Не мне. «Сольветре».

– Вы с братом владеете «Сольветрой» практически на двоих.

– Зачем? – спросил Недертон.

– А кто эта говорящая голова в игрушке? – спросила Такома, и Флинн поняла, что она наблюдает за ними через камеру.

– Уилф Недертон, – сказала она. – «Сольветра». Из Лондона.

– Вы есть в списке, мистер Недертон, – сказала Такома. – Извините. Должна была выяснить. Такома Реберн.

– Реберн? – удивилась Флинн. – Ты ее сестра?

– Ага.

– А Такомой тебя назвали потому, что…

– Не захотели назвать Снокалми. Вы из будущего, мистер Недертон?

– Не совсем. Из будущего, к которому пришел бы ваш мир, не будь меня здесь. А поскольку я здесь, это не ваше будущее.

– А чем вы занимаетесь в будущем, мистер Недертон? Чем там вообще люди занимаются?

– Уилф, – сказал он. – Управление общественным мнением.

– Значит, этим у вас там занимаются?

– Можно сформулировать и так, – произнес он после долгой паузы. Ответ, видимо, устроил Такому, а может, она просто не хотела показаться слишком настойчивой.

Флинн доела буррито. Они ехали примерно там, где Коннер убил четверых в прокатной картонке, но теперь это отдалилось настолько, что уже не казалось событием в конкретном месте, и Флинн почти ничего не почувствовала.

98. Юбилей

При дневном свете ее дом выглядел иначе. Недертон напомнил себе, что это время до ассемблеров. Только естественные процессы. Он привык ассоциировать неприбранность с клептархическими привилегиями. Дом Льва, например: отсутствие уборщиков как антитеза коридорам под «Синдромом самозванца», таким же безлико-вылизанным, как всякое нежилое помещение в Лондоне.

Машина перед ними уехала за угол дома и остановилась там. Ее уменьшенная копия остановилась чуть раньше. Флинн объяснила, что маленький автомобиль – миноискатель и что управляет им ее двоюродный брат. Видимо, он был в числе шестерых мужчин в одинаковых черных куртках, вылезших сейчас из первой машины. Пятеро держали в руках короткие винтовки. Шестой, без винтовки и в странном головном уборе, и был, наверное, двоюродный брат Флинн. Такома, водитель, припарковалась рядом с большим деревом – тем самым, под которым они сидели лунной ночью. Недертон узнал скамейку. Теперь он видел, что она сколочена из досок. Белое защитное покрытие от времени стерлось, так что проглядывало серое дерево.

Флинн вылезла из машины, держа «Полли» под мышкой, так что он не успевал поворачивать камеру, подстраиваясь под ее движения, и лишь мельком увидел второй автомобиль, идентичный первому, и еще четверых в черных куртках и с короткими винтовками.

Флинн шагала к дому; Такома, видимо, шла рядом с ней.

– Вели им уйти с глаз долой, – сказала Флинн Такоме, которую Недертон не видел. – «Булки» и брони могут напугать маму.

«Ясно», – услышал он голос Такомы и задумался, о каких булках речь.

– Слышь, твой двоюродный брат идет сюда, – продолжала Такома.

– Оставайся здесь, – сказала Флинн, поднимаясь на открытую дощатую веранду, – и не пускай Леона в дом, пока я у мамы. При нем серьезно разговаривать невозможно.

– Ясно, – повторила Такома, появляясь в поле зрения камеры. – Мы будем здесь.

Она указала на что-то вроде диванчика, в том же стиле, что скамья под деревом, но с ветхими матерчатыми подушками.

Флинн открыла дверь – тонкую раму, затянутую мелкой

частой сеткой, – и вошла в полумрак дома.

– Мне надо поговорить с мамой, – сказала она, ставя «Полли» на что-то невысокое – комод или стол.

– Не сюда, – попросил Недертон. – На пол.

– Ладно. Только далеко не уезжай.

Она поставила «Полли» на пол, повернулась и ушла.

Он активировал шины устройства в разные стороны, так что камера начала медленно поворачиваться вместе со сферической подставкой. Комната казалась очень высокой, но лишь из-за того, что камера была совсем близко к полу.

Вот и камин. На полке тот самый юбилейный поднос, дубликат которого Недертон видел в магазинчике Кловис Фиринг на Портобелло-роуд, – прислоненный к стене пластиковый прямоугольник. Недертон проехал вперед – камера раздражающе подпрыгивала, – прочел надпись «200 лет Клэнтону» и даты. Через семьдесят с лишним лет после второй даты он сидел за столом Зубова-деда в гобивагене, с обручем-эмулятором на лбу, и через неуклюжую игрушку смотрел на этот диковинный мир, где вещи обшарпаны от времени, а не оттого, что им старательно придали такой вид. Над «Перекати-Полли», громко жужжа, пролетела муха. Недертон встревоженно попытался проследить ее взглядом, потом сообразил, что это, скорее всего, и впрямь муха, а не дрон и что хлипкая сетчатая дверь должна, теоретически, от них защищать. Он повернул камеру, обозревая сумеречную картину утраченного домашнего покоя, и уперся взглядом в кошку, которая, подобравшись, смотрела на него зелеными глазами. В тот же миг она прыгнула, шипя, и со всей силы ударила лапой, так что планшет стукнулся задней стороной о пол. Загудели гироскопы, выравнивая «Полли». Было слышно, как кошка толкнула сетчатую дверь, выскочила и дверь захлопнулась.

Муха – может быть, та же самая – жужжала где-то в глубине дома.

99. Американские древности

– Я никуда не поеду, – сказала мама. Она сидела с кислородной трубкой под носом, опершись на подушку, прислоненную к облезлой спинке кровати.

– Где Дженис?

– Собирает горох. Я не поеду.

– Тут темно.

Рольставни были опущены, занавески задернуты.

– Дженис хотела, чтобы я поспала.

– Ты разве не спала ночью?

– Я не поеду.

– Кто тебя уговаривает?

– Леон. Литония. Дженис хоть и молчит, но я знаю, что и она с ними.

– Куда?

– В Северную Виргинию, – ответила мама. – Как ты, блин, отлично знаешь.

– Я сама недавно услышала, – сказала Флинн, садясь на белое ворсовое покрывало.

– Корбелл убит?

– Пропал.

– Вы его убили?

– Нет.

– Пытались?

– Нет.

– Я не стала бы вас винить. Я ничего не знаю, только что показывают в новостях или что удастся вытрясти из Дженис и Литонии. Скажи, все заварилось из-за тех же ваших с Бертоном дел, из-за которых Корбелл Пиккет приперся ко мне домой?

– Да, мам, вроде так.

– Так что у вас за дела такие?

– Я даже не знаю толком. Бертон взялся левачить на людей, про которых думал, что они в Колумбии. Оказалось – в Лондоне. Вроде как. У них куча денег. Для инвестиций. Одно, другое… в общем, они открыли тут филиал и пригласили нас с Бертоном им руководить, по крайней мере изображать руководство. – Она глянула на мать. – Понимаю, звучит бестолково.

– А что в мире толково? – спросила мать, натягивая одеяло под подбородок. – Смерть, налоги, война? Или что деньги есть только у таких, как Пиккет, которые за доллар любого с говном съедят, а приличные люди должны вертеться ужом, чтобы хоть немножко заработать? Что бы вы с Бертоном ни затеяли, вам

этого не изменить. Будет то же самое. Я здесь всю жизнь живу. И ты тоже. Твой отец родился на пересечении Портер-роуд с главной улицей, когда там еще была больница. Я никуда не поеду. А особенно в такое место, про которое Леон говорит, что мне там понравится.

– Так посоветовал один наш сотрудник. Он из Англии.

– Мне насрать с высокой колокольни, откуда он взялся.

– Вспомни, как ты отучала меня от таких слов.

– Тебя не пытались отправить в Северную Виргинию. И меня не отправят.

– Ты никуда не поедешь. Останешься здесь. Я, как услышала про Виргинию, поняла, что это не вариант.

Мама, крепко сжимая край покрывала, глянула на нее пристально:

– Вы с Бертоном ведь не обрушите экономику?

– Кто так говорит?

– Литония. Умная девушка. Узнала из такой штуки, какие сейчас носят в глазу.

– Литония говорит, что мы обрушим экономику?

– Не вы. Просто что может рухнуть. По крайней мере, что на биржах паника, будто все этого ждут.

– Надеюсь, что нет. – Флинн встала и поцеловала мать. – Мне надо позвонить. Сказать, что ты не едешь. Пусть пришлют сюда ребят. Друзей Бертона.

– Которые в войнушку играют?

– Они почти все служили.

– Вот я и говорю, могли бы уже наиграться.

Флинн вышла и нашла Дженис в гостиной. Та, в клетчатых пижамных штанах и черной магпуловской футболке, с четырьмя короткими косичками на голове, держала оббитую по краям глиняную миску с только что сорванными стручками.

– Элла никуда не поедет, – сказала Флинн. – Надо просто обеспечить ей безопасность здесь.

– Я так и думала, – ответила Дженис. – Поэтому и не стала на нее давить.

– Где Недертон?

– Чувак в «Перекати-Полли»?

– Здесь, – пискнул он, выкатываясь из кухни.

– Если понадоблюсь, я в кухне, – сказала Дженис, обходя его.

– Ты поговорила с мамой? – спросил Недертон.

– Она категорически не хочет ехать. Придется мне звонить, договариваться с Грифом, Бертоном и Томми. Пусть обеспечат ей полную безопасность.

«Полли» продолжал катиться через всю комнату. У камина он

остановился и запрокинул планшет.

– Этот поднос. – Из-за плохих динамиков голос с такого расстояния звучал совсем слабо.

– Какой?

– На каминной полке. Как он к вам попал?

– Из Клэнтона. Мама возила нас на юбилей, когда мы были детьми.

– Лоубир нашла недавно такой же в Лондоне. Ее модули зафиксировали его, когда я был здесь. Ее приятельница провела поиск. Она торгует американскими древностями. Она и сама американка. Кловис Фиринг.

– Кловис?

– Фиринг, – сказал он.

– Не Реберн? – Флинн по-прежнему ничего не понимала. – Сколько ей лет?

– Думаю, не больше, чем Лоубир, но она старательно подчеркивает свой возраст. А. Глянул. Реберн. Девичья фамилия миссис Фиринг.

– Она старуха? В Лондоне?

– Они были знакомы в молодости. Лоубир сказала, что заехала к ней освежить память. Миссис Фиринг между делом упомянула, что Лоубир была английским шпионом, и Лоубир ответила, что и Фиринг в таком случае тоже.

– Но тогда она была Реберн, – сказала Флинн. – То есть сейчас.

Она смотрела на белый поднос, но видела не его, а руки Лоубир, удерживающие шляпку на ветру от коптера посреди Чипсайда, и руки Грифа, раскладывающие еду из «Суши-лавки».

– Черт, – сказала она, затем повторила это еще раз, тише.

100. Нас здесь

Отчего-то после упоминания Кловис Фиринг Флинн резко сменила тему. Она вынесла его на веранду и поставила на двухместный диванчик между Такомой Реберн и молодым человеком, которого представила как своего двоюродного брата Леона, а сама ушла под самое большое дерево говорить по телефону. Недертон повернулся от Такомы, в чьей красоте ему почудилось что-то даже опасное, к Леону. У того на голове была эластичная повязка с абстрактным рисунком в тонах птичьего помета, который не успели убрать ассемблеры. Он был светловолосый, с кустистыми бровями и намечающейся светлой бородкой.

– Мистер Недертон в будущем, – объяснила Такома.

– Уилф, – сказал Недертон.

Леон склонил голову набок:

– Ты в будущем, Уилф?

– В некотором смысле.

– Как погода?

– Было пасмурно, когда я последний раз смотрел.

– Тебе надо работать синоптиком, – сказал Леон. – Ты в будущем и знаешь погоду.

– Ты только притворяешься глупым, – ответил Недертон. – Это служит тебе разом защитной окраской и средством пассивной агрессии. На меня такое не действует.

– Будущее много о себе воображает, – сказал Леон Такоме. – Я здесь не для того, чтобы выслушивать оскорбления от винтажного товара из меговского отдела игрушек.

– Надо привыкать, – заметила Такома. – Уилф, считай, платит тебе зарплату.

– Фу-ты, блин, – сказал Леон. – Мне шляпу снять?

– Думаю, ему все равно, но лучше сними, а то смотреть тошно, – ответила Такома.

Леон со вздохом снял повязку. Его редкие светлые волосы выглядели не многим красивее.

– За выигрыш в лотерею мне тебя благодарить, Уилф?

– Не совсем, – сказал Недертон.

– Много гемора с этим будущим, – заметил Леон, но тут подошла Флинн и взяла «Полли» на руки.

– Иди к маме, Леон, – распорядилась она. – Постарайся ее развлечь. Для начала скажи, что я все устроила: она не едет.

– Они за нее боятся. Ну типа будут под тебя копать…

– Значит, пусть раскошелятся. У них это отлично выходит.

Вперед, к тете Элле. Развесели ее. Если расстроишь, я тебе башку оторву.

– Иду-иду, – сказал Леон спокойно и без тени обиды. Когда он вставал, диванчик под ним скрипнул.

– Я с Уилфом в трейлер, – сказала Флинн.

– Это на участке? – спросила Такома.

– В лощине за домом. Там живет Бертон.

– Я с тобой, – сказала Такома и встала. Диванчик не издал ни звука.

– Нам с Уилфом надо поговорить. Трейлер маленький.

– Я не буду входить. Извини, но, если ты уходишь из двора, мне придется перераспределить ребят и дроны.

– Ясно, – ответила Флинн. – Спасибо.

Они спустились с веранды, и Флинн зашагала по лужайке, которую Недертон видел в лунном свете. Теперь трава выглядела иначе – редкая, неравномерно зеленая, местами пожухлая. Флинн обогнула угол дома. Такома о чем-то говорила по беспроводной гарнитуре – наверное, отдавала указания ребятам и дронам.

– Завтра нам на вечеринку, – сказала Флинн. – Расскажи мне про Даэдру и про ту девушку, которую я должна буду изображать.

– Я ничего не вижу, – пожаловался Недертон.

Планшет с камерой был зажат у нее под мышкой. Флинн вытащила его и развернула вперед: он увидел невысокие деревья и утоптанную тропу.

– Куда мы идем? – спросил он.

– К трейлеру Бертона. В лощине. Он живет здесь с тех пор, как вернулся из морской пехоты.

– Он там?

– В «Сольветре». Он бы не обиделся.

– Где Такома?

Флинн развернула «Полли». Он увидел Такому, идущую сзади по тропинке. Развернула обратно.

– Как ты познакомился с Даэдрой?

– Меня пригласили раскрутить проект, в котором она участвовала в качестве знаменитости. Пригласила Рейни. Она тоже занимается пиаром. Вернее, занималась. Недавно ушла с работы.

Деревья по обе стороны, тропинка извилистая.

– Завидую, что у нее есть выбор, – сказала Флинн.

– У тебя тоже есть. Ты им воспользовалась, когда думала, что агент Лоубир хочет применить тусняк против религиозных фанатиков.

– Да фигня это была. То есть не фигня, конечно, я бы сделала, что обещала. Но очень скоро бы нас всех убили. Нас здесь, по

крайней мере.

– Что это там впереди?

– Трейлер Бертона. «Эйрстрим» тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Год в столетии, еще более раннем, чем то, в котором она несла его по тропе, показался Недертону немыслимым, невозможным.

– Они все так выглядели?

– Как так?

– Как будто у ассемблеров испортилась программа.

– Это гермопена. Дядька, который поставил его сюда, залил все снаружи. Для тепла и чтобы вода не просачивалась. А вообще они блестящие и обтекаемые.

– Если понадоблюсь, я здесь, – сказала сзади Такома.

– Спасибо.

Флинн взялась за ручку на помятой металлической двери, утопленной в личиночную оболочку покрытия. За дверью оказалось помещение, которое Недертон помнил по их первому разговору. Зажглись маленькие огоньки, цепочками, в чем-то желтовато-прозрачном. Такое же тесное пространство, как в дальней каюте гобивагена, только ниже. Узкая кровать с металлической рамой, стол, кресло. Кресло двинулось.

– Кресло движется, – сказал Недертон.

– Хочет, чтобы я на него села. Черт, совсем забыла, как эта сволочь раскаляется.

– Сволочь?

– Трейлер. – Она поставила его на стол. – Надо приоткрыть окно.

Заскрипела рама. Потом Флинн открыла белый шкафчик, стоявший на полу, достала сине-серебристую металлическую с виду емкость, закрыла шкафчик.

– Теперь моя очередь не предложить тебе выпивку. – Она потянула за кольцо на емкости, отпила из получившегося отверстия.

Кресло снова двинулось. Флинн села в него, лицом к Недертону. Оно загудело, заскрипело, умолкло и замерло.

– Ладно, – сказала Флинн. – Так у вас любовь?

– У кого?

– У тебя с Даэдрой.

– Нет, – ответил он.

– Но была?

– Нет.

Флинн глянула него:

– Вы занимались этим делом?

– Да.

– Значит, любовь. Или ты урод.

Он задумался, потом сказал:

– Я очень ею увлекся…

– Увлекся?

– Она чрезвычайно привлекательна. Внешне. Но…

– Что?

– Я, наверное, урод.

Флинн снова глянула на него. Вернее, напомнил себе Недертон, на его лицо в планшете «Полли».

– Ладно, если ты это хотя бы понимаешь, ты уже лучше большинства здешних кадров.

– Кого?

– Парней. Элла, моя мама, говорит: чудны́х навалом, чу́дных не видать. Хотя не такие уж они и чудны́е, просто заурядные.

– Я, наверное, чудной, – сказал он. – По крайней мере, мне хочется думать, я не такой, как остальные здесь. То есть там. В Лондоне.

– Но в общем, тебе нельзя было заводить с нею отношения, потому что вы вместе работали?

– Да.

– Расскажи мне.

– Про что?

– Как все было. А когда я перестану понимать, о чем ты, я тебя перебью и буду задавать вопросы, пока не разберусь.

Она глянула на него очень серьезно, но не сердито.

– Хорошо, – сказал Недертон.

101. Обычная человеческая история

Разговор с Уилфом на время отвлек Флинн от того, что она подумала про Грифа и Лоубир и во что сама не могла поверить. История его отношений с Даэдрой – такая обычная и человеческая, несмотря на кучу заморочек из будущего, – странным образом успокаивала.

Флинн по-прежнему толком не понимала, чем Даэдра зарабатывает на жизнь и как связана с правительством Соединенных Штатов. Выходило что-то вроде звезды софт-порно и одновременно перформанса, про который им рассказывали в предвыпускном классе на истории искусств, с примесью дипломатии. И еще Флинн так и не въехала, какова роль Штатов в мире Уилфа. По его рассказу выходило, они что-то вроде Коннера, только в масштабах государства и без чувства юмора. Впрочем, Флинн подозревала, что это уже и сейчас примерно так.

Из трейлера все трое отправились домой, где Дженис натушила зеленого горошка с ветчиной и луком. Ужинали за кухонным столом вместе с Леоном и мамой. Мама спросила Такому, как ее зовут и чем она занимается. Такома как-то очень ловко ответила, ничего толком не объяснив про свою работу. Флинн видела, что мама это поняла и не обиделась. Она вообще была в куда лучшем настроении, после того как убедилась, что ее не отправляют с Литонией в Северную Виргинию.

Обратно ехали таким же кортежем по совершенно пустой дороге.

– Должно быть больше машин в такое время дня, – заметила Флинн.

– Очень просто: сейчас легче перечислить, что в округе не принадлежит «Сольветре». Обе стороны дороги – твои. Из того, что «Сольветра» не купила, большей частью владеет «Мега», чем-то – частные лица, остальным – Матрешка.

– Кукла?

– Конкуренты. Так мы их называем в «ККВ». Штаб-квартира в Нассау, – видимо, туда они в первый раз вышли из будущего, как «Сольветра» в Колумбию.

Они въехали на окраину города, и Такома начала что-то говорить по беспроводной гарнитуре, заставляя конвой совершать неожиданные повороты, насколько вообще колонна такого размера может делать что-нибудь неожиданно. Видимо, цель была – подъехать к торговому центру сзади, не привлекая внимания луканов за желтой лентой, которую натянули подчиненные Томми из управы шерифа. Луканы вообще никогда

не прорывались за желтую ленту, это как-то помогало им в судах. Многие даже специально получили юридическое образование, чтобы защищаться от исков, которые неизменно вчиняли им муниципалитеты. И еще они всегда протестовали молча, тоже из каких-то непонятных юридических соображений. Стоят, держат оскорбительные плакаты и ни слова не говорят, только в глазах горит злорадный огонь. Флинн грустно было думать, что люди могут так себя вести.

В городе, по крайней мере, хоть кто-то ездил. В основном, правда, сотрудники «ККВ», косящие под местных. Ни одного немецкого автомобиля. Те, кто торгует подержанными джипами, могли бы закатить шикарный корпоратив для рабочих на мексиканской фабрике.

– Ты всю жизнь рыжая? – спросила Флинн у Такомы, чтобы не думать про луканов.

– Нет. На день больше, чем работаю в «ККВ», – ответила Такома. – Пришлось обесцветить в ноль, прежде чем красить.

– Мне нравится.

– А моим волосам – нет.

– И контактные линзы тогда же надела?

– Да.

– Иначе вы с сестрой были бы так похожи, что люди бы замечали.

– Мы тянули соломинки, – сказала Такома. – Я проиграла, а не то бы она стала блондинкой. Она была блондинкой в детстве, оттого такая рисковая. Так что, может, оно и к лучшему, что не стала.

Флинн глянула на черный экран «Полли», гадая, где сейчас Уилф.

– А ты правда нотариус?

– Да. А еще дипломированный бухгалтер-ревизор. И у меня для тебя лежит бумага на подпись, чтобы превратить ополчение твоего братца из культа личности в зарегистрированную охранную фирму.

– Мне надо первым делом поговорить с Грифом. Без посторонних. Поможешь мне?

– Конечно. Советую пойти к Хуну. Там есть столик в нише, помнишь? Я попрошу его зарезервировать. Иначе ты не будешь знать, кто за ближайшей синей пленкой.

– Спасибо.

Машина остановилась за фабой, между двумя внедорожниками, из которых вылезали ребята Бертона, в черных куртках и все, кроме Леона, с «булками».

– Готова? – спросила Такома, глуша мотор.

Флинн подумала, что ни к чему не была готова с той самой ночи, когда взялась подменить Бертона. К такому не подготовишься. Наверное, как вообще к жизни.

102. Имплант

Когда Недертон подошел к палатке Тлен, Оссиан уже ждал. Под мышкой у него был футляр палисандрового дерева. Угрюмый трехосный «бентли» куда-то делся.

– Тлен у себя? – спросил Недертон.

Периферaль Флинн стояла рядом и смотрела, как он говорит. Недертон разбудил ее, если так можно выразиться, после того как Тлен позвонила и попросила привести ее на встречу.

– Задерживается, – сказал Оссиан. – Скоро подойдет.

– Что это? – спросил Недертон, глядя на деревянный ящик.

– Изначально – футляр для пары дуэльных пистолетов эпохи Регентства. Пошли внутрь.

В шатре Тлен привычно пахло отсутствующей пылью. В полутьме светились агатовые шары дисплея. Недертон придвинул периферали стул, она села, глядя на Оссиана. Тот поставил палисандровый футляр на стол. Затем театрально, с видом продавца, расстегнул бронзовые защелки, выдержал эффектную паузу и откинул крышку.

– Временно деактивированы, – сказал он. – Впервые с тех пор, как покинули колясочную фабрику.

Ящик был обит внутри зеленым фетром. В одинаковых углублениях лежали два пистолета; ало-кремовый витой узор на коротких дулах придавал им сходство с леденцами или с игрушками.

– Как они так точно вошли в гнезда?

– Пришлось переделать внутренность футляра. Надо было в чем-то их транспортировать. Не хотелось просто класть в карман, при всей уверенности, что они деактивированы. Пришлось хорошо поломать голову, чтобы их выключить, но все получилось: ассемблеры вылетели всего один раз, при тебе. Зубов отправил «бентли» к специалисту. Пришлось клонировать пять метров кожи, чтобы починить обивку.

– Лоубир они нужны, потому что их трудно отследить?

– Скорее, потому, что это оружие террористов. Не огнестрельное. Убивает не снаряд за счет кинетической энергии. Направленное роевое оружие. На языке профессионалов – «мясоед».

– Это что же за профессионалы такие?

– Каждый ствол выпускает узкоспециализированные ассемблеры. Дальность – метров десять. Ассемблеры дезинтегрируют мягкие животные ткани, включая дорогую итальянскую кожу. Более или менее одномоментно, после чего

саморазрушаются. Таким образом, они не представляют опасности для пользователя, точнее, для младенца, поскольку по исходной задумке единственный пользователь должен находиться в коляске.

– Но у них есть рукоятки, – заметил Недертон.

Рукоятки были того же кремового цвета, что стволы, но без алого и матовые, словно костяные, по форме – как попугаичьи головы.

– Рукояти и ручной спуск сделал твой Эдвард по спецификации Лоубир. А он неплохо шарит.

– Не понимаю, зачем вообще все это в коляске.

– Ты ведь не русский, верно? Прежде всего – эффект. Очень впечатляющее зрелище, что эта штука делает с человеческим телом. Видишь, как такое произошло с твоим товарищем-похитителем, и быстренько берешь ноги в руки. Если успеешь. Система самонаводящаяся. Увидев цель, она сразу посылает ассемблеры куда надо.

– Но ты же их полностью обезвредил?

– Временно. У Лоубир есть ключ.

– Зачем ей это?

– Спроси ее саму, – сказала Тлен, нагибаясь и входя в шатер. Что-то четвероногое испуганно скользнуло с ее щеки на шею.

– Когда мы ждем Флинн? – спросил Недертон и глянул на периферaль.

– Я рассчитывала, что она уже будет здесь, но мне только что сказали, она недоступна. Так что будем ждать. – Она что-то бросила Оссиану на хриплой разновидности птичьего языка, тот закрыл палисандровый ящик, и Тлен продолжила: – А пока мы вроде бы разрешили проблему неподкованности Флинн в экспертно-примитивистской бредятине.

– Как именно? – спросил Недертон.

– Думаю, это можно назвать фекально-имплантной терапией.

– Вот как? – Недертон взглянул на нее.

– Вживленный имитатор словесного поноса. – Тлен улыбнулась. – Тебе, я думаю, такая операция не понадобится.

103. «Суши-лавка»

Проход в «Суши-лавку» был даже не проход, а лабиринт для хомяка. Мэдисон выстроил две семифутовые стены из мешков с черепицей на таком расстоянии, чтобы между ними как раз можно было пройти. Они тянулись из отверстия в стене «Сольветры» через пустой соседний магазин к отверстию в следующей стене, через еще один пустой магазин, и заканчивались в дыре к Хуну на кухню.

Войдя с улицы, Флинн увидела Бертона. Он лежал под белой короной, очень бледный. Рядом под другой короной лежал Коннер.

– Не хочешь со мной махнуться? – спросила Кловис Такому. – Оба здесь почти и не бывают.

– Бертона заставили работать? – возмутилась Флинн.

– Никто ему руки не выкручивал, – ответила Кловис. – Сам был рад перебраться в другое тело. Коннер возвращается только пожрать и отоспаться.

Гриф, похоже, не знал, что у Флинн на уме. Для нее по-прежнему оставалось загадкой, что Лоубир могла слышать и что известно Грифу. Ей хотелось взглянуть на его руки, но он держал их в карманах.

В кухне висел густой пар от варящегося риса. Хун провел их в зал, где стояли купленные в секонд-хенде складные столы, выкрашенные в красный цвет, и оттуда в нишу, отделенную листом фанеры. Фанера была замазана той же краской. Над складным столом висел обрамленный постер «Китайских гангстеров», сан-францисской группы, которая нравилась Флинн в старших классах. Она поставила «Полли» на обшарпанный красный пол, под свой стул, и села напротив постера. Мальчишка – племянник Мэдисона – принес два стакана чая.

– Захотите есть, дайте знать, – сказал Хун и повернул в сторону кухни.

– Спасибо, Хун! – крикнула Флинн ему в спину и глянула на Грифа.

Тот улыбнулся, что-то посмотрел в планшете, поднял голову и встретил ее взгляд.

– Теперь, когда мы знаем, что твоя мама никуда не едет, мы ищем способ максимизировать безопасность вашего дома, стараясь одновременно, чтобы внешне все выглядело как можно скромнее. Мы не хотим тревожить твою маму. Думаю, наше решение – высокий забор.

– У Пиккета был высокий забор. Не надо нам такого.

– Все будет совершенно иначе. Стелс-архитектура. Внешне ничего не изменится. То, что появится, будет выглядеть так, будто стояло здесь всегда. Мы ведем переговоры с архитекторами. Работы – преимущественно по ночам. Тихо, быстро, невидимо.

– А такое возможно?

– При достаточном количестве денег – разумеется. А они у твоей фирмы, безусловно, есть.

– Фирма не моя.

– Частично твоя, – улыбнулся Гриф.

– На бумаге.

– Это здание – не бумага.

Флинн оглядела зал «Суши-лавки». Приметила четверых ребят Бертона, которых не знала по именам. Они сидели по двое за разными столиками, положив под стулья винтовки в чехлах из кордюры. Кроме них, в зале были только сотрудники «ККВ», выряженные местными.

– Все как не взаправду. – Флинн перевела взгляд на Грифа. – Последнее время особенно. – Она глянула на его руки.

– Что «особенно»?

– Ты – она, – сказала Флинн и, подняв голову, посмотрела ему в глаза. Не мультяшно-синие. И вообще не синие, а светло-серые, но сейчас они расширились.

В другом конце зала рассмеялась женщина. Гриф опустил планшет, положил руку на стол и впервые с поездки домой от Пикетта Флинн почувствовала, что сейчас разревется.

Гриф сглотнул. Заморгал.

– На самом деле, – сказал он, – я буду кем-то другим.

– Ты не станешь ею?

– Наша жизнь идентична до момента, когда здесь получили первое сообщение Льва. Однако мы уже не их прошлое и она – не мое будущее. Мы начали расходиться, пусть поначалу незаметно, с того самого первого сообщения. К тому времени, как она вышла на контакт со мной, в моей жизни уже произошли мелкие события, о которых она не знала.

– Она тебе написала?

– Позвонила. Я был на приеме в Вашингтоне.

– Сказала, что она – это ты?

– Нет. Сказала, что женщина, с которой я говорил минуту назад, – крот, тщательно замаскированный агент Российской Федерации. Она, женщина, была во многих смыслах моим американским эквивалентом. Потом она, Эйнсли, незнакомка в телефоне, привела доказательства. Вернее, то, что стало доказательствами после того, как я обратился к секретному

поисковику. Так что все происходило постепенно, в течение примерно двух суток. Я догадался. Во время нашего третьего телефонного разговора. Тогда она сказала, что заключила сама с собой пари: я соображу. И выиграла. – Он чуть заметно улыбнулся. – Однако я видел, что она знает не только мир, но и – во всех подробностях – мое совершенно засекреченное положение. Сведения, которыми не располагал никто, даже мое начальство. И она продолжала указывать на других иностранных и здешних агентов в моей службе и в той американской организации, с которой я сотрудничаю. В ее время они оставались неразоблаченными долгие годы, один – больше десяти лет, что дорого нам обошлось. Указать на всех сразу я не мог – это значило бы навлечь подозрения на себя. Однако полученная информация уже очень благоприятно сказалась на моей карьере.

– Когда это было?

– В четверг, – ответил он.

– Совсем мало времени прошло.

– Я почти не спал. Однако убедили меня не профессиональные факты, а то, что она знала меня, как никто другой. Мои постоянные мысли и чувства, которые я не высказывал ни одной живой душе. – Он отвел взгляд, потом вновь робко глянул на Флинн.

– Сейчас я ее в тебе вижу, – сказала Флинн, – но догадалась только сегодня утром, когда Уилф упомянул поднос.

– Поднос?

– Обычный, как у нас дома. Такой же есть у Кловис в Лондоне. Там она старуха. Держит магазин по продаже американских древностей. Лоубир с ней дружит. Возила туда Уилфа, когда навещала Кловис, чтобы освежить какие-то воспоминания. Он мне рассказал, и я вспомнила твои руки и ее. И поняла.

– Как все невероятно странно, – сказал Гриф и глянул на свои руки.

– Тебя ведь зовут не Лоубир?

– Эйнсли Джеймс Гриффидд Лоубир Холдсуорт. Девичья фамилия моей матери. У нее была аллергия на дефисы. – Он вынул из кармана синий носовой платок. Не безовского синего цвета, а более темный, почти черный. Промокнул глаза. – Извини. Расчувствовался. – Потом глянул на Флинн. – Ты первая, с кем я это обсуждаю, если не считать Эйнсли.

– Все нормально, – ответила Флинн, не вполне понимая, что сейчас означают эти слова. – Она нас слышит? Прямо сейчас?

– Нет, если поблизости нет какого-нибудь устройства.

– Ты ей скажешь? Что я знаю?

– А ты бы как предпочла? – Он склонил голову набок, отчего стал еще больше похож на Лоубир.

– Тогда я лучше сама скажу.

– Давай. Тлен только что прислала мне эсэмэс, что ты нужна там как можно скорее.

104. Красный «медичи»

Когда прибыла Флинн, Недертон по совпадению как раз смотрел на периферaль. Будто та очнулась от глубокой задумчивости, взгляд стал осмысленным, живым. Она оглядела всех за столом и спросила:

– Где Лоубир?

– Ты с ней скоро увидишься, – ответила Тлен. – А пока вот снаряжение для завтрашнего вечера.

– Какое?

– Двух видов, – сказала Тлен.

Оссиан открыл палисандровый футляр.

– Оружие, – пояснила Тлен.

Флинн, подняв бровь, глянула на Недертона:

– Отчего оно так выглядит?

– Оно было встроено в детскую коляску в качестве антикиднеппинговой меры, – ответил Недертон.

– Это пистолеты?

– В некотором смысле да. Не наводи их на человека, если не хочешь его убить. Есть связь между положением ствола и тем, что произойдет при нажатии вот сюда. – Тлен показала кнопку на внутреннем изгибе попугаичьей головы. – Хотя не однозначное, и в этом отличие от настоящего пистолета. Как только включенная система найдет биологическую цель, она выпустит ассемблеры, которые поразят выбранный объект, что бы ни случилось. Возьми.

Периферaль нагнулась и постучала ногтем по ближайшему пистолету.

– Как старый дерринджер, только из леденца. – Она двумя руками вытащила пистолет, не поворачивая его дулом ни к кому из них. Теперь он лежал на ее раскрытой ладони.

– Он ценою значительных усилий деактивирован. Попробуй, как в руке, – сказал Оссиан.

Флинн сомкнула ладонь на попугаичьей голове и направила пистолет на проплешину в бархатном занавесе:

– Я беру их на вечеринку к бывшей Уилфа?

– Категорически нет, – ответила Тлен. – На приеме оружие строго запрещено, и тебя тщательно просканируют на входе. Да вообще в нынешнем Лондоне владеть таким в высшей степени незаконно.

– Тогда вы зачем мне его показываете? – Флинн положила пистолет обратно в гнездо и села.

– Насколько я поняла, – сказала Тлен, – при определенных условиях тебе могут передать один из этих пистолетов. Мы тебе

их показываем, чтобы ты знала, как им воспользоваться.

– Наведи и щелкни, – добавил Оссиан. – На неорганику не действует вообще. Только на мягкие ткани. – Он захлопнул крышку.

– Второй пункт повестки дня. – Тлен разжала кулак. На ладони у нее лежало что-то вроде «медичи», только красное. – Этот прибор установит тебе когнитивный пакет, и ты начнешь говорить как неопримитивистский эксперт, по крайней мере на слух обычного человека. Распознать подделку сможет только другой эксперт, да и то не факт.

– Правда? – спросила Флинн, разглядывая предмет. – Как им пользоваться?

– Считай это камуфляжем. Управлять им не надо, как не надо управлять маской. Он сам включается от определенного рода вопросов.

– И?..

– И ты выдаешь порцию отборного бреда.

– Я буду понимать, что он значит?

– Он ничего не значит, – сказала Тлен. – Если бы ты говорила достаточно долго, он бы начал повторяться.

– Запудривание мозгов?

– Да. Сейчас мне надо установить его на твою периферали.

– Где ты его добыла? – спросила Флинн.

– Лоубир дала, – ответил Оссиан.

– Протяни кисть тыльной стороной вверх, – сказала Тлен.

Флинн положила руку периферали на стол, рядом со ржавым основанием дисплея, развела пальцы. Тлен опустила на нее красный «медичи», который остался лежать, по виду ничего не делая.

– И что? – спросила Флинн, глядя на Тлен.

– Загружается, – ответила та.

Флинн глянула на Недертона:

– Что ты поделывал?

– Ждал тебя. Любовался твоими пистолетами. А ты?

– Говорила с Грифом. – На ее лице мелькнуло какое-то странное выражение. – Говорили про оборону нашего дома. Они там что-то строят, но так, чтобы не потревожить маму.

– Человек-загадка, – сказал Оссиан. – Ты его, значит, видела.

Флинн глянула на него:

– Ага.

– Не знаешь, как Лоубир его завербовала? – спросил Оссиан.

– Нет, – ответила Флинн. – Но вроде и так понятно, что она это умеет.

– Само собой, – сказал Оссиан. – Только получается, что мы

все больше выполняем его приказы, не зная при этом толком, кто он вообще.

– Про нее тоже ничего толком не понятно, – заметила Флинн. – Может, он такой же.

Тлен сняла «медичи» с ее руки и убрала в сумочку.

– Сейчас проверим, – сказала она Флинн. – Объясни, пожалуйста, чем сегодня так важно творчество Даэдры Уэст.

– Креативный процесс Уэст исподволь проводит зрителя через филигранно детерминированную череду итераций, воспоминаний плоти, явленных с трогательной ранимостью, однако прочерченных нашей мифологией реального, телесного. Это не о том, кто мы сейчас, но о тех, кем мы могли бы стать. – Глаза у периферали расширились. Она заморгала. – Блинский блин!

– Я рассчитывала на нечто в более разговорном регистре, – заметила Тлен, – но, видимо, такое невозможно в принципе. Постарайся не говорить слишком долго, чтобы несуразность меньше бросалась в глаза.

– Я смогу переводить для Даэдры, – предложил Недертон.

– Не сомневаюсь, – ответила Тлен.

105. Шум в твоих костях

В лифте Флинн пыталась думать про то, что Уилф рассказывал о творчестве Даэдры, гадала, не зазвучит ли в голове голос, несущий пургу. Не зазвучал.

– Что это за говорящая штука? – спросила она.

– Когнитивный пакет, – ответил Уилф.

Дверь лифта открылась. Из кухни пахнуло запахами готовки.

– Он составляет бессмысленные по сути утверждения из заданного набора слов на любую выбранную тему. Я не буду провожать тебя наверх. Ты там уже была.

Недертон остановился перед лестницей.

– Я это говорила. Но не думала.

– Вот именно. Однако никто другой этого не заметит. Очень неплохо получилось для механического коллажа из домашних заготовок.

– Мне даже не по себе стало.

– По-моему, для нашей ситуации выход идеальный. А теперь иди наверх.

– Включи «Полли», когда я вернусь, ладно?

– Он где?

– На стуле в дальней комнате «Сольветры». Рядом с койками.

– Удачи, – сказал Уилф.

Она поднялась на два пролета по застланной ковром лестнице. Наверху мягко поблескивали мебель, стекло. Флинн хотелось помедлить и все разглядеть, но в дверях уже стояла Лоубир, держа ручку приоткрытой створки.

– Добрый день, – сказала она. – Заходи.

Шаг в зеленое с позолотой. Единственная лампа за стеклом, граненым, как алмаз.

– Как я понимаю, Гриф сейчас занимается безопасностью твоей мамы.

Флинн глянула на длинный темный стол, идеально гладкий и в то же время матовый, и пожалела, что комната уже не кажется ей штаб-квартирой Санта-Клауса. Обычная деловая обстановка, почти офис. Лоубир была, по обыкновению, в костюме. Флинн посмотрела на нее и увидела в ней Грифа сильнее, чем ожидала.

– Он – вы. То есть вы в молодости, – сказала она.

Лоубир склонила голову набок:

– Ты догадалась или он тебе открылся?

– У вас одинаковые руки. Недертон увидел поднос у нас на каминной полке. Сказал, что видел такой же в магазине у Кловис. Что она тут старая. Когда я подумала, что она здесь и там

одновременно… то есть не одновременно, конечно… Наверное, тогда я сообразила, что вы тоже должны быть там.

– Совершенно верно, – ответила Лоубир, закрывая дверь.

– А я тоже тут есть, в этом смысле? – спросила Флинн.

– Мы тебя не нашли. Сохранилась запись о твоем рождении. О смерти – нет. Но тогда как раз начались печальные события, о которых, как я понимаю, ты знаешь от Недертона. Архивы времен глубокого джекпота настолько неполны, что их, можно считать, нет, и в Соединенных Штатах особенно. Там на какое-то время пришли к власти военные, которые по неизвестным причинам уничтожили огромные массивы данных. Будь ты сейчас жива, ты была бы примерно моей ровесницей. Это подразумевает огромное богатство либо очень мощные связи, что, как правило, одно и то же. В таком случае я бы смогла тебя отыскать.

– Вы не сердитесь, что я знаю?

– Ничуть. Почему бы мне сердиться?

– Ну, может быть, это секрет.

– Не от тебя. Проходи, садись. – Лоубир подошла к высоким темно-зеленым креслам во главе стола, дождалась, когда Флинн сядет, и опустилась в соседнее. – Как я поняла, Недертону понравился когнитивный пакет.

– Рада, что он хоть кому-то нравится.

– И ты посмотрела пистолеты.

– Зачем они мне нужны?

– Только один, – ответила Лоубир. – Второй для Коннера или для твоего брата, по обстоятельствам. Я надеюсь, до такого не дойдет. Однако за убийством угадывается привычка действовать грубо, и нам желательно иметь в запасе грубые средства.

Зеленые шторы на окнах были задернуты, и Флинн представилось, что за ними лабиринт: еще и еще зеленые шторы, как синяя пленка в «Сольветре».

– Что насчет президента Гонсалес? Гриф сказал, ее убили.

– Да. Это задало тон дальнейшим событиям.

– Вы сумеете ее спасти?

– Зависит от обстоятельств. Сегодня это еще не столько заговор, сколько климат.

– От чего зависит?

– От приема у Даэдры.

– Каким образом?

– «Сольветра» и Матрешка, как называют у вас другую сторону, соревнуются, кто захватит власть в мире. Гонка порождает субсекундные финансовые события. Мы не выигрываем. Не проигрываем, но и не выигрываем. Лев задействовал блестящие, но несколько доморощенные

финансовые механизмы. Матрешка, у которой одна-единственная цель – убить тебя, опирается на более мощные правительственные механизмы здесь. Чтобы обеспечить победу «Сольветре» и затем с ее помощью предотвратить убийство Гонсалес, я должна положить конец Матрешке. Однако политическая система такова, что я не могу это осуществить, пока не получу доказательств или хотя бы подобия доказательств в деле об убийстве Аэлиты. Наш противник сейчас неизбежно наживает себе врагов. Я могла бы этим воспользоваться, раздавить противника их руками. Но чтобы это произошло, вы с Недертоном должны преуспеть на приеме у Даэдры.

Флинн глянула на буфет: серебро, хрусталь. Перевела взгляд на Лоубир:

– Все зависит от того, узнаю ли я гада с балкона?

– Да.

– Паршивенько.

– Безусловно. Однако если ты его узнаешь, то известишь меня и я начну действовать.

– А если я его не увижу? Или не узнаю?

– Давай пока не будем рассматривать такой вариант. Однако, если все пойдет по плану, мы столкнемся с новым уровнем сложности. Протокол приема настрого запрещает использование каких-либо личных средств связи. Как периферали, то есть устройства дистанционного присутствия, вы с мистером Пенске станете в некотором роде исключениями, но вас будут очень тщательно мониторить. Отсюда вопрос: как ты сообщишь мне, что опознала убийцу?

– И как же?

– На твою периферали только что установили когнитивный пакет. Он включает в себя коммуникационную платформу, невидимую для системы безопасности, которая будет задействована на приеме. Ты будешь слышать меня, цитирую, как «шум в своих костях». Ощущения, насколько я поняла, довольные неприятные, однако для нас это единственный выход.

– И если он будет там?

– Куда более интересный вопрос для обсуждения. Вот почему я порадовалась, когда ты категорически не дала нам применить особо гнусное химическое оружие.

– Почему?

– Потому что на следующем этапе мне, возможно, потребуется в тебе именно это качество.

– Вы столько всего хотите знать, – сказала Флинн, – а мне ничего не объясняете.

– Нам надо сосредоточиться на текущем моменте.

– Кому «нам»?

– Тебе и мне, милая. – И Лоубир ласково потрепала ее по руке.

106. Сраньвилль

Недертон сидел в куполе гобивагена.

– Алло? – сказал он, как только открылось окошко «Полли». – Флинн?

– Она еще не вернулась, – ответил женский голос со знакомым акцентом. Изображение в окошке казалось абстрактным: вертикальные белые полосы все на том же синем фоне.

– Такома?

– Кловис. А ты – Недертон. – Она подняла «Полли», развернула.

Очень миловидные черты, насколько можно судить в таком невыгодном ракурсе, снизу. Короткие темные волосы. Недертон попытался увидеть хозяйку «Культуры Кловис», но перед глазами возник лишь ее старческий череп. Ужасно. Так, наверное, видел бы людей Бог, если бы существовал.

– Уилф, – сказал он. – Привет.

– Вот она.

Кловис повернулась, и он увидел Флинн. Она лежала головой на подушках, сверху громоздилась какая-то нелепая белая сверкающая конструкция. Глаза у Флинн были закрыты. Как будто он глядел на периферали в дальней каюте, только сейчас это была она сама. Абсурд.

– Она нас слышит? – спросил он.

– Нет. Корона – автономный отсекатель. Так мне сказали. Я думала, у вас тоже такие есть.

– Есть, – согласился он. – Просто я не очень понимаю в технике. У нас они похожи на прозрачные обручи.

– Мы делали по вашей спецификации, но из подручных материалов.

Она вновь его развернула. На соседней кровати лежал брат Флинн с такой же короной, на дальней – кто-то незнакомый. Оба под синими одеялами. Вертикальные полосы, которые Недертон увидел в самом начале, были спинкой Бертоновой кровати. У второго мужчины тело под одеялом казалось совсем маленьким, детским.

– Кто это? – спросил он.

– Коннер.

– Пенске. Я видел его как учителя танцев.

– Кого?

– Периферали брата Льва, инструктор по боевым искусствам. Прекрасный танцор, как я понимаю.

– Я бы что хошь отдала, лишь бы побывать там, увидеть все. – Она вновь развернула его к себе. – Чем могу быть тебе полезна, Уилф?

– Здесь есть окно?

– По другую сторону этой дебильной стены. – Она повернула его к поверхности, сложенной из каких-то белых пакетов, возможно с бумажными файлами. – И его залили полимером, так что все равно ничего не увидишь. А если бы и увидел, там только улица за торговым центром в Сраньвилле.

– Это название города?

– Прозвище. Мы с сестрой придумали. Те еще стервы.

– Я ее видел, – сказал он. – Она не стерва.

– Она мне рассказывала про тебя.

– Ты знаешь, когда Флинн вернется?

– Нет. Хочешь подождать? Можешь посмотреть новости. У меня есть планшет.

– Новости?

– В местных сегодня кое-что интересное. Луканы сматывают удочки. Гриф обеспокоен. Он нанял две пиар-фирмы, чтобы луканов не освещали в СМИ, и это работало. То, что они без всякой причины снялись с места, новость в масштабах страны. Потому что обычно они сами не уходят. Ты не сможешь переключить канал.

– Хорошо, я посмотрю, – сказал он. – Мне тут у вас очень нравится.

– Странные у некоторых вкусы.

107. Дружок

Флинн открыла глаза.

– Твой маленький дружок здесь, – сказала Кловис.

– Уилф?

– А у тебя и другие есть?

– Где он?

– Смотрит новости. – Кловис сняла с Флинн корону, положила на стол рядом с койкой.

Флинн перекатилась на бок, медленно села, спустила ноги на пол. Только что она стояла с Лоубир на кухне у Льва, смотрела в сад. Казалось, закрой глаза – снова его увидишь. Флинн зажмурилась. Не увидела. Открыла глаза.

– С тобой все хорошо? – спросила Кловис, глядя на нее пристально.

– Сдвиг часовых поясов, наверное, – ответила Флинн, вставая.

Кловис явно готова была ее подхватить, если начнет падать.

– Со мной все в порядке, – сказала Флинн. – Как Бертон?

– Отлично. Возвращался поссать, затем еще раз – пожрать и восстановить водный баланс. В центре Уолтера Рида им довольны.

Флинн подошла к стулу, на котором оставила «Полли». Кловис вдвинула телескопический стержень планшета и прислонила собственный планшет к спинке стула, на сложенном свитере. «Полли» смотрел эпизод «Чудес науки» про самопроизвольное возгорание людей.

– Эй, – сказала Флинн. – Привет.

– Ой! – Сферическое тело «Полли» качнулось на неподвижных колесах, наклонив назад планшет вместе с камерой. – Передача меня напугала. Я все время представлял, что мое тело в куполе гобивагена самовозгорается. Началось после новостей, а я не мог переключить канал.

– Хочешь досмотреть вторую половину? Там будет погружение с аквалангом в старую часть Нижнего Манхеттена.

– Нет! Я хотел повидаться с тобой.

– Я иду есть. Возьму тебя в «Суши-лавку».

– Что это?

– Ресторанчик Хуна. В другом конце торгового центра. Мэдисон пробил дыры насквозь и построил хомячковый лабиринт из кровельной плитки. – Флинн глянула на свое отражение в зеркальце, которое кто-то (возможно, Кловис) приклеил к синей пленке кусками бирюзового скотча. – После короны на голове ужас в кошмаре.

Она села на стул, поставила «Полли» на пол и надела обувь. «Полли» вытянул стержень, заурчал и покатился вперед, крутя планшетом из стороны в сторону.

– Стой! – крикнула Флинн, вставая. Она догнала его, взяла на руки и шагнула в щель.

– Очень странное зрелище, – заметил Уилф. – Похоже на какую-то примитивную игру.

– Скучная игра.

– Они все такие. Зачем это?

– Если на нас нападут, мы сможем пройти в «Суши-лавку» и взять суп с креветками.

– Какой смысл?

– Думаю, мальчикам нравится играть в войнушку. Хотя, наверное, идею предложила Лоубир, а Бертон и мой друг Мэдисон так воплотили.

– Кто такой Мэдисон?

Флинн шагнула через дверь в центральной стене:

– Муж моей подруги, очень славный. Играет в «Су – двадцать семь».

– Что это?

– Авиасимулятор. Старые русские самолеты. Лоубир – Гриф.

Он не ответил. Флинн остановилась между двумя стенами из мешков, подняла «Полли» к лицу.

– Гриф? – переспросил он.

– Гриф. Станет ею. Но не совсем. Типа это уже не ее прошлое, ничего такого с нею не случилось, так что он не проживет ее жизнь. – Флинн пошла дальше.

– Ты как-то умеешь все просто принять.

– Ты в будущем, где наноботы едят людей, можно менять тела, а правят короли с гангстерами. И все это принимаешь, верно?

– Нет, – ответил он за мгновение до того, как она, пригнувшись, вошла к Хуну на кухню. – Не принимаю. Я все это ненавижу.

108. Утро «Сольветры»

Томми пришел и сел на корточки рядом с пенопластом, держа шляпу в руках. От таблетки, которую накануне дала ей Такома, Флинн чувствовала себя немного пришибленной, зато и выспалась по-настоящему впервые за много дней.

– Сядь на пенку, Томми, не порти колени, – сказала она.

– Тебя, что ли, не могли устроить поудобнее? – Томми, повернувшись на пятках, опустился задом на пенопласт.

– На больничной койке чувствуешь себя в больнице. А Бертон и Коннер оба много пердят. Что там с луканами, которые уматывают? Мы точно их не купили?

– Точно, – ответил он. – Почему я и разбудил тебя в такую рань. Чтобы тебе это все сказать.

– Что? – Она приподнялась на локте.

– Думаю, те ребята велели луканам сдать назад, потому что они медиамагнит. Не столько сами по себе, но добавь чего-нибудь до кучи, журналюги слетятся со всех сторон. Или если они делают что-нибудь необычное, например уходят по доброй воле, – это тоже тема для новостей. Ваши пиарщики более или менее успешно выводят вас за скобки, но все равно вокруг ухода луканов шума много.

– Зачем конкурентам нужно, чтобы луканы ушли?

– Чтобы не было лишнего внимания, когда по городу вдарят всерьез, – сказал Томми.

– Это как?

– Безбаши. Вагон и маленькая тележка. Транспорт, личный состав. Информаторы Грифа говорят, сюда направляются два больших конвоя. Колонны белых фургонов. А двоюродный брат Бена Картера сейчас на бывшем участке Пиккета с большим подразделением безбашей. Он сказал Бену, что, по слухам, их сегодня перебросят в город – окончательно разобраться с недобитыми мерзавцами из наркоимперии Корбелла Пиккета. Которую, оказывается, уничтожили они, а не твой бдительный братец, его лучший друг и протез от ветеранской администрации.

– Они едут сюда?

– Вот именно.

– А мы – недобитые мерзавцы?

– Бинго!

– Они настолько продажны?

– В нынешнем мире – да. По крайней мере в последние двое суток. Однако не тебе удивляться – ты владеешь долей в организации, которая первая начала массово скупать

госчиновников.

– И что будет, когда они сюда придут?

– Мы окажем сопротивление при аресте. Вне зависимости от того, как поведем себя на самом деле, скажут, что мы сопротивлялись аресту. Штабель из черепицы от умных снарядов не защитит – их создавали именно против таких доморощенных укреплений при уличных боях. Потолок здесь – одно название, да и в любом случае у безбашей есть ударные дроны. В бункере они бы нас точно так же достали. Плюс ребята Бертона по жизни не склонны расходиться миром.

– Почему это происходит именно сейчас?

– Гриф считает, оба кулака на самой верхней части биты, дальше некуда. Конкуренты купили человека, который отдает приказы безбашам, и над ним уже нет никого, кого могли бы купить вы.

– А если Гриф напрямую выйдет на Гонсалес?

– Как я понимаю, уже вышел. Если не напрямую, то сильно близко. Но это политика, и расклад такой, что с безбашами даже президент ничего поделать не может.

– Когда они будут здесь?

– К вечеру, но они обычно начинают операции после полуночи.

– Ты можешь встретить их и помочь им наводить порядок, Томми. Я не понимаю, зачем тебе лезть в петлю вместе с нами.

– Иди в жопу, – добродушно ответил Томми. – Хочешь буррито? Я тебе принес.

– А почему я запаха не чувствую?

– Я попросил упаковать в два пакета, чтобы не испортить форму. – И Томми сунул руку в большой боковой карман куртки.

109. Черные шелковые бабочки

Он пытался спать на гранитной скамье в огромном холодном зале голосовой почты Даэдры, откуда постоянно отправлялись поезда – а может быть, мобили – и гулкие голоса неразборчиво объявляли пункты назначения. Свет пульсировал.

Недертон открыл глаза. Он лежал на кожаных подушках в куполе. Из темноты гаража – новая вспышка света. Он сел, протер глаза.

Следующая арка зажглась над Оссианом и Тлен. У Оссиана в вытянутой руке – темная одежда на плечиках. Тлен, мрачная, впрочем не более обычного, в чем-то вроде шоферской униформы. На жесткой куртке – застежки-клеванты из черного шелкового шнура, словно рельефные бабочки. На голове большая фуражка, как у советского коммодора, блестящий козырек закрывает глаза.

Недертону вспомнились слова Флинн про Грифа и Лоубир. Ум за разум заходит, подумал он, дивясь и самому выражению, и тому, как редко с ним такое случалось, если случалось вообще. Вот и сейчас у него ум не заходил за разум от мысли, что Гриф и Лоубир в каком-то смысле один и тот же человек. И все же он радовался, что не родился раньше и у него нет второго «я» во времени Флинн.

Вспышка.

110. Ничего экстравагантного

До прибытия Флинн перифераль сводили в душ, сделали ей прическу и макияж. Еще никакая одежда не сидела на Флинн так, как платье, которое выбрала Тлен. Ничего экстравагантного, поскольку Анни Курреж небогата, объяснила Тлен. Отсутствие экстравагантности в ее понимании выглядело так: маленькое черное платье из материала, который на ощупь как велюр, на вид – как свежая наждачка и скользит, как шелк. Украшения включали круглый браслет из древних зубных протезов, скрепленных чем-то вроде лакрицы, и колье из черной титановой проволоки, обвешанной «собачками» от молний, разного цвета и размера, но одинаково облезлыми, как будто их выкопали на свалке. И то и другое, сказала Тлен, настоящее неопримитивистское – браслет из Ирландии, колье из Детройта. Туфли, из того же материала, что платье, были на каблуке-платформе и удобнее кроссовок. Флинн жалела, что перифераль нарядили, не дождавшись ее: так приятно было бы надеть это самой. И опять тот же привычный укол в сердце при взгляде в высокое зеркало. Кто она? Флинн уже казалось, что перифераль похожа на кого-то знакомого, хоть она и понимала, что это не так.

В зеркале появилась бляшка с золотой короной, и Флинн на мгновение подумала про красного быка в «Джиммис», но это звонила Лоубир.

– Томми думает, безбаши собрались по нашу душу.

– Я так и предполагала.

– Неужели Гриф ничего не силах сделать?

– Пока – нет. Хоть и может доказать при необходимости, что глава Управления частного сектора продался китайцам. Ситуация патовая. Нам нужна возможность отменить приказ об атаке, а у нас ее нет.

– А если Гриф скажет президенту, что ее убьют, но он сумеет это предотвратить, если она остановит безбашей?

– Все не так просто, – ответила Лоубир. – Необходимый уровень доверия еще не установлен. Ее аппарат кишит людьми, связанными с будущими заговорщиками. А все остальное – просто политика.

– То есть мы ничего не можем поделать?

– Кловис, – сказала Лоубир, – моя Кловис здесь позволила тетушкам порыться в ее документах. Перед бегством в Англию она ухитрилась собрать невероятное количество материалов; я в свое время и не подозревала какое. Не шпион, а барахольщица. Если там есть что-нибудь пригодное в нашей ситуации, тетушки

это найдут. А пока главная наша надежда – твой сегодняшний успех. Он изменит все, хотя невозможно предсказать, как именно.

Флинн закусила было губу, но вовремя вспомнила, что нельзя портить периферали макияж.

– Ты выглядишь потрясающе, – сказала Лоубир, и Флинн вспомнила: инспектор видит то же, что перифераль. – С Бертоном уже поздоровалась?

– Нет.

– Пойди поздоровайся. Он здесь рядом, с Коннером. По дороге в Фарингдон ты его не увидишь: он будет в багажнике. Я очень рада, что он может поехать, несмотря на ранение.

– В багажнике?

– В сложенном виде он совершенно плоский, как древняя шведская машинка для чистки канализационных труб. Кланяйся от меня брату. – Корона исчезла.

Флинн подошла к выходу, открыла дверь.

Они спарринговали. Флинн помнила, как это бывало, пока Коннер не стал калекой, еще прежде, чем они пошли служить. У них были свои правила. Они почти не двигались, только переступали с ноги на ногу и наблюдали друг за другом, а когда наносили удар, это происходило так быстро, что не заметишь. И вот уже они снова переминаются с ноги на ногу, но один из них победил. То же Флинн наблюдала и сейчас, только Коннер был в своей периферали, а Бертон – в белом экзоскелете для фитнеса, со стеклянной банкой вместо головы и до жути человеческими руками на месте бывших механических. Под банкой стоял маленький роботик, который делал все то же, что экзоскелет, хотя, конечно, наоборот, поскольку Бертон был в роботике. Гомункул, вот как это называется. Новые руки экзоскелета были загорелые, как у Пиккета.

Тут они обменялись ударами. Флинн не видела точно, но ей показалось, что Коннер был быстрее.

– Если я сломаю палец об твоего Железного Дровосека, тебе не поздоровится, – сказал Коннер. Его перифераль была в черном костюме, сковывающем движения не больше, чем кимоно для карате.

Фигурка под стеклянным колпаком повернулась, а с нею и весь экзоскелет.

– Флинн, – произнес он. Голос был как у диктора в рекламном ролике. – Привет.

– Блин, Бертон. Я тогда в проулке думала, тебе конец. – Ей хотелось типа его обнять, но это был бы совсем бред. Да еще кошмарные человеческие руки.

– Я вроде как успел на том свете побывать. Не помню, как

зарубил того клиента, вообще ничего не помню, пока не очнулся здесь и не увидел этого красавца.

– Можешь считать свою пустяковую царапину боевым ранением. – Коннер сунул большие руки периферали в карманы черных брюк.

Бертон сделал стремительный выпад в его сторону, однако Коннера каким-то образом на прежнем месте уже не было.

– Лоубир передает привет, – сказала Флинн Бертону. – Она рада, что ты едешь с нами. Я тоже.

– Гибрид «багажной мартышки»[5] и навороченного домкрата, – произнес его рекламно-дикторский голос. – Затем я и шел в морскую пехоту.

111. ЗИЛ

Недертон обошел черный лимузин, на котором им предстояло ехать в Фаррингдон. Теперь стало ясно, из-за чего Тлен оделась именно так. ЗИЛ две тысячи двадцать девятого года, объяснила она, последний в своей серии, не из коллекции Зубова-отца; личный автомобиль Зубова-деда тех времен, когда тот жил в этом доме. Выбор, надо понимать, сделала Лоубир.

Корпус автомобиля напоминал новое платье Флинн: такое же сочетание тусклости и блеска. Кроме этого своеобразного оттенка черного, присутствовала лишь нержавеющая сталь, обработанная стеклоструйкой до полной матовости: большие колеса и широкая минималистская решетка радиатора, которая выглядела так, будто ее отрезали лазером от бесконечной заготовки. Багажник лишь немногим уступал длиною капоту, и оба вполне могли бы служить теннисными кортами довольно крупным гомункулам. Задние окна отсутствовали совсем, отчего возникало впечатление, что автомобиль поднял воротник. Впечатляюще бандитский вид, подумал Недертон. Видимо, за это Лоубир и выбрала ЗИЛ, хотя логика ее решения по-прежнему от Недертона ускользала. Желая рассмотреть салон, он наклонился к окну.

– Не прикасайся – убьет током, – сказала Тлен у него за спиной.

Недертон обернулся. Встретил взгляд двойных зрачков под козырьком.

– Серьезно?

– Как коляска. Они никому не доверяли. И сейчас не доверяют.

Он отступил на шаг:

– Зачем она выбрала эту машину? Вряд ли в моем духе и уж тем более не в духе Анни. Если бы я правда собрался в гости к Даэдре, я бы приехал на такси.

– Ты правда собираешься в гости к Даэдре, иначе бы я так не вырядилась.

– Я имею в виду, с открытой душой.

– Когда ты последний раз что-нибудь делал с открытой душой?

Недертон вздохнул.

– Думаю, она решила частично раскрыть карты, – сказала Тлен. – Автомобиль однозначно узнается как принадлежащий деду Льва. Система безопасности Даэдры сразу установит, что он выехал с этого адреса. Таким образом, ты уже не скрываешь, что связан с Зубовыми. Вероятно, Лоубир видит в этом какие-то

преимущества. Есть плюсы в том, чтобы афишировать знакомство с клептархами. Минусы, разумеется, тоже. – Она оглядела его с головы до пят. – Костюм вроде неплох.

Недертон глянул на свой черный костюм, затем вновь посмотрел на Тлен:

– Черный – потому, что того требует случай, или потому, что заказывала ты?

– И то и другое, – ответила Тлен. Вереница каких-то далеких зверей пронеслась по ее лбу, полускрытому козырьком, будто зримое выражение недобрых предчувствий.

– Ты будешь нас ждать?

– Нам не разрешат припарковаться ближе чем в двух милях. Когда соберетесь уходить, нам позвонят. Впрочем, не сомневаюсь, что Лоубир позвонит раньше.

– Когда мы едем? – Он глянул на гобиваген.

– Через десять минут. Надо еще убрать Бертона в багажник.

– Я схожу в туалет, – сказал он, поворачиваясь к трапу, а про себя подумал: «И проверю, не открыт ли бар». Хотя и знал, что надежды никакой.

112. В Фаррингдон

Тлен сказала, что ехать недалеко.

Салон автомобиля казался больше, чем у мерседесовского автофургона. То есть на самом деле не был, но так выглядел. Как взрослая мебель в детстве. И все тут было такое черное, что ее платье по контрасту смотрелось серым. Может, черный цвет и создавал ощущение огромности.

И свет снаружи – розовый и серебристый за дождем. Как в тот раз, когда она впервые поднималась в коптере из пускового люка на крыше белого фургона.

До Недертона на соседнем сиденье было почти не дотянуться, а иначе это слишком походило бы на свидание. Коннер сидел впереди вместе с Тлен, между ними свободно поместились бы еще двое.

Флинн пожалела, что тут нет кофемашины. Мысль напомнила ей о Томми, Карлосе и остальных там и о безбашах, наступающих с трех сторон.

– Мне еще можно позвонить домой? – спросила она Тлен, прикинув, что та наверняка услышит через перегородку.

– Да, но прямо сейчас. Мы скоро подъедем.

Покуда Бертон залезал в багажник и складывался, Тлен показала ей, как настроить телефон периферали на звонок, и сбросила номера со своего телефона. Теперь Флинн вызвала бляшки, домотала до желтой Мейконовой с одним наггетсом и щелкнула языком по нёбу.

– Привет, – сказал Мейкон.

– Как там у вас?

– Гости на подходе.

– Паршиво…

– Не то слово.

– Кто с моей мамой?

– Дженис. И Карлос с частью ребят.

Флинн увидела себя на белой койке, под белой короной, рядом Бертон и Коннер на своих койках, и ей впервые пришла в голову мысль: что будет здесь, если меня убьют там? Ровным счетом ничего, только периферали останется на автопилоте под управлением той облачной фигни. Интересно, сможет ли она по-прежнему нести пургу, когда ее спросят про искусство Даэдры? Останется ли это единственным свидетельством, что я вообще здесь была?

– Пора закругляться, – сказала Тлен. – Мы въезжаем в их протокол.

Сперва тихо, потом чуть громче зазвучали шепотки фей – полицейских диспетчеров перед домом Аэлиты.

113. Надувной замок

Митикоида со светящимся жезлом направила их ЗИЛ к краю тротуара, позади чего-то вроде трехосного «бентли», но цвета развуалированного автомобиля Лоубир. Двое бритоголовых гостей – мужчина и женщина, – с маорийскими татуировками на лицах, как раз вылезли из графитового утюга и зашли в надувное сооружение, похожее на мрачный замок-батут – явно не стандартный элемент архитектуры «Парадиза» или любого другого шарда. Надо полагать, там стояли всевозможные сканнеры. Встречающий персонал составляли исключительно митикоиды в серой форме со смутным намеком на военную. Недертон вспомнил телохранительницу в мобиле, выпустившую оружие перед прыжком, и слова Рейни, что они бегали по острову, как пауки.

Тлен и Коннер, как по команде, открыли свои дверцы – такие массивные, что наверняка сработал сервопривод, хоть и бесшумно, – и вылезли наружу. Так же одновременно Тлен открыла пассажирскую дверцу со стороны Недертона, а Коннер – со стороны Флинн.

Не думая, Недертон нагнулся к Флинн и стиснул ей руку. «Мы будем врать как дышим», – произнес он непонятно откуда всплывшую фразу. Она испуганно улыбнулась, и они вышли по разные стороны от машины. Воздух, сырой и неожиданно холодный, бодрил. Митикоида просканировала Коннера несветящимся жезлом, другая сделала то же самое с Тлен. Недертону и Флинн указали на серый надувной замок. Чувство было такое, будто им предстоит пройти под ногами у исполинского игрушечного слона.

Следующие минут пятнадцать их сканировали и ощупывали в разных малоприятных автоматизированных порталах. Здесь действовало какое-то поле, приводящее сознание в умеренно диссоциативное состояние. Наконец за последней рамкой им предстала скорбная митикоида в старинном кимоно:

– Спасибо, что почтили своим присутствием праздник светлой памяти Аэлиты Уэст. Ваш личный телохранитель пройдет через другой вход и будет ждать вас на месте. Ваш лифт – третий слева.

– Спасибо, – ответил Недертон, беря периферaль за руку.

Татуированной пары видно не было, как, впрочем, и вообще никого. Своей неуютной пустотой вестибюль напоминал голосовую почту Даэдры.

– Праздник светлой памяти? – спросила Флинн, пока он вел

ее к лифту.

– Так она сказала.

– Родители Байрона Берхардта устраивали такой.

– Чьи?

– Байрона Берхардта. Он был менеджером в «Кофе-Джонсе». Его задавила самоходная фура, в Валентинов день. Я еще перед этим на него злилась, что он меня уволил. Так что мне было стыдно, но я все равно пошла.

– Они, видимо, приняли факт, что ее больше нет.

– Не понимаю, как они могут быть в этом уверены. Но лучше бы нас предупредили заранее. Мы бы хоть цветы принесли.

– Даэдра и словом не намекнула. Видимо, так было задумано.

– Похороны нежданчиком? У вас так принято?

– Я сталкиваюсь первый раз.

– Пятьдесят шестой, – сказала она, указывая на панель.

Недертон нажал кнопку. Открылась дверь лифта и, как только они вошли, снова закрылась. Подъем был быстрым, бесшумным, и от него самую чуточку мутило. Обнадеживало одно: на таких приемах всегда подают выпивку.

114. Праздник светлой памяти

На выходе из лифта Флинн увидела между двумя группами людей в черном тот самый изгиб реки далеко внизу, который когда-то заметила из коптера. Все окна были прозрачны, все внутренние стены убраны. Будто их никогда и не было. Одно большое пространство, как в галерее у Льва. Коннер стоял у лифта, внимательно примечая все вокруг. Он полностью вошел в роль, и Флинн подумалось, что Коннер теперь снова такой, каким был до взрыва, или чем там его изувечило. Не улыбка – телохранители не улыбаются, – но что-то очень похожее играло на его губах.

– Спуститься или подняться можно только на этом лифте, – сказал он. – Есть лестница на этаж ниже и на этаж выше. Много серьезных бугаев. Охрана, как я. И бугаих. Типа съезд братков в городе из одних богатеньких.

– Я впервые вижу здесь столько людей, – заметила Флинн.

Тут в каждой косточке периферали что-то загудело. «Проверяю связь, – сказал неописуемо мерзкий голос, даже не голос, а модулированная боль, но Флинн знала, что это Лоубир. – Подтверди».

Двойной щелчок крохотным магнитом на языке по левой передней части нёба.

«Хорошо, – отозвались кости. – Пройдитесь по залу. Скажи Уилфу».

– Давай пройдемся, – предложила она.

Мимо них как раз стремительно двигалась большая группа татуированных новозеландцев. «Та-моко», вспомнила Флинн из «Чудес науки». Строго говоря, не татуировка. Борозды в коже. Главной у них, видимо, была блондинка с профилем, как боевое каное. Решительно не возникало впечатления, что они пришли в гости или на какой-либо праздник, даже на праздник светлой памяти. Что-то странное случилось с лицом блондинки, когда та оказалась напротив Флинн: чуть заметное заикание видеокартинки. Артефакты в поле зрения; Лоубир как-то о них упоминала.

– Держись на расстоянии минимум два метра, – сказал Уилф Коннеру. – Когда мы разговариваем, увеличивай его до четырех.

– Я дрессированный, – ответил Коннер. – Она заставила меня учиться на виртуальном коронационном балу в Испании. Тут, блин, по сравнению просто тусовка на летнем отдыхе.

Подошла митикоида с бокалами светло-желтого вина на подносе.

– Нет, спасибо, – сказала Флинн.

Уилф с улыбкой потянулся к бокалу и вдруг замер. Как Бертон от гаптического глюка. Рука изменила курс – к стакану с шипучей водой ближе к краю подноса. Уилф скривился, взял воду и сказал:

– Идем.

– Куда?

– Сюда, Анни. – Он, держа стакан у груди, взял Флинн под руку и повел к центру зала, прочь от окон.

Она вспомнила, как много времени требовалось на облет этажа. Интересно, здесь ли стрекозки и что они такое на самом деле.

Почти в самом центре зала стоял квадратный черный экран от пола до потолка, люди вокруг разговаривали, держали бокалы. Больше всего это походило на исполинскую версию плоского дисплея на столе Уилфа в их первую встречу. Уилф шел уверенно, будто знает куда, хотя Флинн понимала, что это чистой воды притворство. Сейчас, под немного другим углом, она увидела, что экран не совсем черный: на нем смутно угадывалось женское лицо.

– Что это? – Она кивнула в сторону экрана.

– Аэлита.

– У вас так принято?

– Я никогда прежде не видел. И… – Он не договорил. – А вот и Даэдра.

Даэдра оказалась ниже, чем ожидала Флинн. Примерно как Такома. И еще она была чисто из видео или из рекламы. У себя в городе увидеть кого-нибудь такого – уже событие. У Пиккета это отчасти проглядывало – где-то набрался, хотя вряд ли специально. И у Брента тоже, в мужском варианте, из Майами или откуда еще, а будь у него жена, она бы выглядела примерно так же. Даэдра была такая с ног до головы плюс татуировки: черные спирали на ключицах, над вырезом черного платья. Флинн поймала себя на том, что ждет, когда они зашевелятся. Хотя, наверное, будь они движущиеся, Уилф бы про это упомянул.

– Анни, – произнес Уилф, – ты уже встречалась с Даэдрой в «Коннахте». Знаю, ты этого не ждала, но я рассказал про твое восприятие ее искусства, и она очень заинтересовалась.

– Неопримитивисты, – проговорила Даэдра так, будто слово ей противно. Ее взгляд, устремленный на Флинн, выражал полное равнодушие. – Что вы с ними делаете?

Что там говорили про имплант? Ему нужен прямой вопрос про искусство Даэдры, чтобы включиться и нести пургу? Видимо, да.

– Я их изучаю, – ответила Флинн, судорожно вспоминая желтые корешки «Нейшнл географиков» и «Чудеса науки». – Изучаю, что они изготавливают.

– И что же они изготавливают?

Флинн вспомнила только Карлоса и ребят с их поделками из кайдекса.

– Чехлы, ножны. Украшения.

Украшений ребята не делали, но без разницы.

– И как это связано с моим творчеством?

– Попытки охватить реальность вне рамок гегемонии, – сказал имплант. – Другой. Героически. Неукротимое любопытство, одухотворенное вашей имманентной человечностью. Вашим гуманизмом. – Флинн чувствовала, что у нее глаза лезут из орбит. Она выдавила улыбку.

Даэдра глянула на Уилфа:

– Моим гуманизмом?

– Именно, – сказал Уилф. – Анни считает твой имманентный гуманизм наименее ценимой частью твоего творчества. Ее анализ направлен на устранение этого противоречия. Доводы, которые она приводит, буквально раскрыли мне глаза.

– Вот как, – проговорила Даэдра, глядя на него.

– Анни очень робеет в твоем присутствии. Твое творчество для нее – все.

– Вот как?

– Я так счастлива вас увидеть, – сказала Флинн. – Снова.

– Периферaль нисколько на вас не похожа, – заметила Даэдра. – Вы в мобиле на пути в Бразилию?

– Анни сейчас должна медитировать, но она манкировала сеансом, чтобы попасть сюда. Неопримы, которые согласились ее принять, требуют, чтобы гости удалили все импланты. Редкая самоотверженность с ее стороны.

– Кто это? – по-прежнему глядя на нее.

– Не знаю, – ответила Флинн.

– Прокатка, – сказал Уилф. – Я нашел ее через «Синдром самозванца».

– Я очень сожалею насчет вашей сестры, – промямлила Флинн. – Узнала про нее только здесь. Какое печальное событие.

– Отец до вчерашнего полудня воздерживался от окончательных заявлений, – сказала Даэдра без тени печали.

– Он здесь? – спросила Флинн.

– В Балтиморе, – ответила Даэдра. – Он не путешествует.

И тут из толпы за ее спиной вышел мужчина с балкона. Не в коричневом халате, а в черном костюме. Темная бородка чуть отросла, подстрижена. Улыбка.

– Черт, – прошептала Флинн.

Глаза у Даэдры сузились.

– В чем дело?

Щелчок языком по нёбу. Дерганье кадров вокруг мужчины.

– Извините, – сказала Флинн. – Я такая бестактная. Вы моя любимейшая художница. У меня прямо дыхание сперло. Да еще спросить вас про отца, когда вы только что потеряли сестру…

Даэдра смотрела на нее, но обратилась к Уилфу:

– Я думала, она англичанка.

– Бразильские неопримы, к которым едет Анни, – американцы. Она вживается в образ.

Мужчина с балкона прошел мимо, не глянув в их сторону, и Флинн подумала: как можно не обернуться на Даэдру?

– Я вижу, мы пришли не вовремя, – сказал Уилф. Он не мог знать, что Флинн опознала убийцу (эх, надо было договориться об условном сигнале!), и просто блефовал. – По крайней мере, вы возобновили знакомство…

– Спустимся на этаж, – распорядилась Даэдра. – Там удобнее беседовать.

«Иди с ней», – сказал костяной голос. В сравнении с этим скрежетом вести ногтями по школьной доске – все равно что гладить котенка.

– Сюда. – Даэдра повела их к окну с видом на реку, мимо невысокой перегородки и вниз по белой каменной лестнице.

Обернувшись, Флинн увидела Коннера. Он шел за ними в сопровождении двух фарфоровых рободевушек с неотличимыми безглазыми лицами. Обе были в свободных черных туниках и черных облегающих брюках. Под штанинами, застегнутыми снизу на молнию, виднелись босые белые ноги без пальцев. Минуту назад обе рободевушки стояли в начале лестницы, видимо охраняя выход. Уилф шел рядом с Флинн, держа в руке стакан воды, к которому, кажется, даже не притронулся.

Этаж внизу больше походил на то, что она видела из квадрокоптера. Что-то вроде более современной версии первого этажа у Льва: много комнат в разных направлениях. Даэдра провела их в помещение с видом на реку, однако окна сразу поляризовались. Здесь стояла еще одна Даэдра, в таком же платье. Она вроде бы увидела их, но никак не отреагировала. В кресле – по виду ужасно неудобном, хотя наверняка так только казалось – сидела брюнетка в спортивном костюме. Она держала в руках несколько листов бумаги и при виде вошедших подняла голову.

– Приступаешь через десять минут, – сказала ей Даэдра.

– Это ваша перифераль? – спросила Флинн, глядя на другую

Даэдру.

– А что, не похожа? – спросила Даэдра. – Она говорит за меня речи. Вернее, говорит Мэри. Она – актриса-имитатор.

Мэри встала.

– Уведи ее куда-нибудь, – потребовала Даэдра. – Нам надо поговорить.

Мэри взяла Даэдру-периферал за руку и повела прочь. Флинн провожала ее взглядом, чувствуя странную неловкость.

– Ты считаешь, что здесь тебе ничто не грозит, – сказала Даэдра.

– Да, – ответила Флинн единственное, что пришло в голову.

– А зря. Где бы ты ни была, ты позволила этому идиоту привести себя сюда. – Она глянула на Уилфа.

Тот с болезненным выражением лица поставил стакан на ближайший столик.

– Демонтировать, – распорядилась Даэдра, указывая на Коннера.

Приказ, видимо, относился к двум рободевушкам. Флинн не успела толком заметить, как одна из них оказалась на потолке: на корточках, вниз головой. Руки у нее удлинились и стали как у богомола.

Коннер улыбнулся… и тут же исчез за черной стеной, которая возникла вокруг Флинн, Уилфа, Даэдры. Не выросла, а именно возникла, будто всегда здесь была. Флинн подняла руку перифералии постучала по стене костяшками пальцев. Больно.

– Она настоящая, – сказала Даэдра. – А тот, кто управлял твоим телохранителем, уже там, откуда вы взялись, говорит тем, кто вас послал, что твое дело плохо.

Флинн подумала, что так и есть: если девушки уничтожили пери Коннера, он сейчас очнулся в «Сольветре», рядом с Бертоном.

– Только он не знает, насколько плохо, – закончила Даэдра.

И тут сквозь стену шагнул человек с балкона. Прошел насквозь, будто ее нет или будто его тело и стена могут занимать одно пространство в одно время.

– Как ты это сделал? – спросила Флинн, потому что не могла увидеть такое и не спросить.

– Ассемблеры, – ответил он. – Так мы здесь живем. Мы – протеи. – И он улыбнулся.

– Протеины?

– Не имеем жесткой формы. – Он в качестве демонстрации махнул рукой сквозь стену. Затем подошел к другой стороне, за которой остался Коннер, просунул голову наружу и тут же выдернул обратно. – Пришли им подмогу, – сказал он Даэдре.

– Я не могу шевельнуться, – пожаловался Недертон.

– Разумеется, – сказал мужчина, потом глянул на Флинн. – Она тоже.

И он был прав.

Еще две рободевушки выбежали из стены там, где вошел мужчина, и скрылись с той стороны, куда он просовывал голову.

115. Диссоциативное состояние

Видимо, включили некое поле, как при проверке на входе, думал Недертон в лифте. Что-то вызывающее диссоциативное состояние. Неплохая замена алкоголю, так что грех жаловаться.

Однако было и что-то еще, сковывающее свободу движений. Недертон мог двигать глазами, идти, куда говорят Даэдра и ее приятель, встать, где они скажут, но не мог, например, поднять руку или – он проверил – сжать кулак. Впрочем, ему не то чтобы особо хотелось сжать кулаки.

Дверь лифта открылась прямо в круглой стене. Это сколько ж нужно ассемблеров? Недертону смутно помнилось, что есть ограничения, но, видимо, на Даэдру они не распространялись. А может, она ими пренебрегла.

С Флинн, по-видимому, было что-то похожее. Ее периферал вела себя так, будто Флинн в ней нет.

Лифт остановился на первом этаже.

– На выход, – сказала Даэдра и толкнула его в спину.

Через вестибюль приятель Даэдры шел первым, и, когда он глянул влево, Недертон помимо воли глянул туда же. Затем оба вновь посмотрели вперед через стекло, туда, где был серый надувной замок. Теперь замок исчез, на его месте ждал черный автомобиль, покороче ЗИЛа. Митикоиды из замка, в серой форме, выстроились коридором, лицом друг к другу. Когда стеклянные двери со вздохом распахнулись и Недертон шагнул между двумя рядами почетного караула, сердце у него на миг зашлось от такой праздничной торжественности.

На полпути к машине он услышал или, возможно, почувствовал одну протяжную басовую ноту, откуда-то сверху. Приятель Даэдры, очевидно, услышал тот же звук и припустил бегом к открывшимся задним дверцам машины. Недертон, разумеется, тоже побежал. Через метель сверкающего конфетти из битого стекла, чуть золотистого, мягкого, как стружка, и настолько же безвредного.

Что-то белое, круглое и гладкое ударилось о мостовую за автомобилем и подпрыгнуло высоко над ним.

Голова митикоиды.

Затем белая рука, согнутая в локте, царапнула когтями по крыше автомобиля, напомнив Недертону застывший силуэт, который они с Рейни видели в трансляции с острова мусорщиков.

Кто-то – наверное, приятель Даэдры – грубо втолкнул его в перламутрово-серый салон. И заорал диким голосом, совсем близко, в брызнувшем фонтане крови.

116. «Бомбочка»

Летом они всей компанией ходили на городской пруд за управой шерифа и городской тюрьмой. Бертон и Коннер прыгали с трамплина «бомбочкой»: прижимали колени к подбородку, обхватывали ноги руками и врезались в воду, а когда выныривали, ребята кричали «ура!», а Леон иногда плюхался с того же трамплина пузом, с понтом: они напрягаются, а он – нет.

Об этом Флинн вспомнила сейчас, когда Даэдра вскинула голову на жуткий звук и Флинн тоже вскинула, из-за того непонятного, что заставляло ее обезьянничать. Артефакты видеокартинки, шлейфом за перифералью Коннера в черном костюме, «бомбочкой» летящей на мужика с балкона. Удар пришелся по митикоиде, которая заталкивала его в машину. Кровь точно в садистском аниме – митикоида и периферальный Коннера взорвались, как жуки на лобовом стекле, в двух футах от Флинн.

Даэдра схватила ее за шкирку и втащила в машину, изо всех сил лягнув в щиколотку, наверняка просто от злости. Мужик с балкона выл от боли, обнимая правую руку, весь в крови – Флинн не знала в чьей. Другая митикоида закрыла за ним дверь.

– В Ньюгейт! – скомандовала Даэдра, перекрывая его рыдания, и автомобиль тронулся.

117. Гранит, утыканный шипами

Одна из двух митикоид лечила бородатого, приложив к его правому плечу «медичи», – устройство вздувалось и опадало, окутав всю руку, в желтоватой жидкости клубилась кровь. Глаза у мужчины были закрыты, лицо безмятежно, и Недертон завидовал его диссоциативному состоянию.

Сам он, напротив, воспринимал реальность чересчур живо, прежняя оглушенность исчезла разом, возможно в тот момент, когда периферали Пенске обрушилась на мужчину. Либо диссоциативное поле распространялось только на «Парадиз», от которого они отъехали уже довольно далеко. Так или иначе, одновременно он перестал копировать движения мужчины, то есть, наверное, перестал, судя по тому, что не закрыл глаза вместе с ним.

Недертон повернулся и глянул на Флинн. Она сидела рядом с ним на широком заднем сиденье и очень явственно присутствовала в своей периферали. На щеке у нее была кровь Пенске, точнее, его разбившейся пери. Кровь была и на платье, почти невидимая на черной ткани. Флинн глянула на него как-то странно. Недертон не понял, что она хотела этим сказать. Если хотела.

Митикоида, сидящая на корточках перед бородатым, убрала «медичи». Тот съежился, желтоватая жидкость потемнела. Уборщики – обычные бежевые шестиугольники – ползали по ковру на полу салона, отчищая кровь. Даэдра и бородатый сидели на противоположных концах длинного переднего сиденья, против хода движения; вторая митикоида между ними следила за Недертоном и Флинн, выпустив для этого еще несколько пар черных паучьих глаз. Ее руки вытянулись в длину, кисти приняли форму белых фарфоровых лезвий, наподобие заостренных лопаточек для торта, пугающих в своем изяществе.

Даэдра перевела взгляд с бородатого на Недертона:

– Знала бы, сколько от тебя будет неприятностей, сама бы тебя убила при первой встрече.

Ему еще не случалось отвечать на такие слова. Он молчал, пытаясь сохранять выражение лица – хотелось верить, что нейтральное.

– Жаль, что не убила, – продолжала Даэдра. – Знай я больше про твой кретинский подарок, про срез, в жизни бы его не приняла. Но ты знаком с Зубовыми, по крайней мере с их младшим сыном-идиотиком, и я решила, что полезно будет завязать контакт. И с Аэлитой тогда еще проблем не было.

– Молчи, – сказал бородатый, открывая глаза. – Здесь могут подслушать. Скоро приедем, там и говори что хочешь.

Даэдра нахмурилась, недовольная, что ей указывают.

– Тебе лучше? – спросила она.

– Значительно. Сломана ключица и три ребра, легкое сотрясение. – Он глянул на Недертона. – Вот подожди, приедем, устроим тебе то же самое. Для начала.

Окно деполяризовалось, – видимо, это сделал бородатый. Машина свернула в Чипсайд, и Недертон чуть не крикнул: «Эй, тут косплейная зона, сюда нельзя заезжать!» И тут он заметил, что улицы опустели. Ни телег, ни кебов, ни двуколок, ни лошадей. Автомобиль ехал на запад, мимо лавок с шалями и перьями, духами и серебром – тех самых, мимо которых он в детстве гулял с матерью, украдкой фотографируя волшебство живописных вывесок. Интересно, где теперь эти снимки? Вместо обычной вечерней толпы на тротуарах виднелись лишь одинокие пешеходы, растерянные и напуганные. До Недертона внезапно дошло, что это люди. Они не получили сигнал, отправленный периферальм под управлением облачных ИИ, – периферальм, что разыгрывали жизнь кебменов, портных-кустарей, праздных джентльменов и уличных мальчишек. При виде машины пешеходы прятали глаза, как в Ковент-Гардене, когда Лоубир достала приставский жезл.

– Здесь пусто, – заметила Флинн. В голосе удивленное разочарование, ничего больше.

Недертон нагнулся вбок и заглянул за высокую спинку переднего сиденья. В лобовом стекле высилась мрачная громада Ньюгейта. Он лишь раз дошел сюда с матерью, и она почти сразу повернула обратно – уж больно тягостно было смотреть на усаженные шипами гранитные стены.

Здесь, объяснила она, в западных воротах Сити более тысячи лет стояла тюрьма. В 1902-м, в начале странно оптимистичной эпохи до джекпота, этот мрачный символ снесли, а за несколько лет до рождения Уилфа восстановили с помощью ассемблеров. Клептархи (мама никогда не произносила этого слова вслух, по крайней мере при нем) сочли разумным и правильным вернуть Ньюгейтской тюрьме ее историческое место.

Перед ним была та самая окованная дубовая дверь, вся в железных бляхах, на которую он смотрел мальчиком. Мама сказала, эта дверь в свое время напугала маленького Диккенса, но он не знал, кто такой Диккенс, и услышал «напугала дико».

Тогда, маленького, она напугала его дико. Сейчас, взрослого, тоже.

118. Мужик с балкона

Это был не Коннер. Не Коннер. Периферал. Вещь, принадлежащая брату Льва. Павел. Уилф называл ее Павлом. И еще учителем танцев. И Коннер действовал сознательно. С ним все хорошо. Лежит сейчас на белой кровати рядом с Бертоном и кроет себя последними словами, что промахнулся. И все равно ведь с пятьдесят шестого этажа отвесно попал почти в цель. Уж точно метил он не в рободевушку.

Флинн знала, что все видела, могла бы пересказать события, но вот как видела – не помнила. Наверное, это было то же, что в надувной палатке, где их прогоняли через рамки. Типа наркоза перед операцией. Вроде не спишь, но ничего не помнишь.

А теперь они еще и разогнали свой Чипсайд.

Уилф тянул шею, разглядывая что-то впереди. Теперь и она это увидела. Как раздавленный каменный ананас в черных железных шипах. Явно строился, чтобы напугать людей до потери пульса. Странно, что в «Нейшнл географиках» ни разу не было фотки. Должно быть, дико популярное туристское место.

Тут дверцы машины одновременно открылись, и рободевушки вывели их с Уилфом наружу, держа, чтобы не попытались убежать.

Никто их не встречал. Вообще никого больше не было, только она, Уилф, Даэдра, мужик с балкона и две рободевушки. Лица у обеих были забрызганы кровью периферали – будто роботская кожная болезнь. Одна держала за локоть Флинн, другая – Уилфа.

Через ворота, напомнившие ей баптистское аниме про ад. Бертону и Леону понравились там падшие женщины, они сказали, классные телки.

В холод и полумрак. Решетки на дверях, выкрашенные белой краской, из-под которой проступала ржавчина. Плиты на полу, как дорожки в каком-то неправильном саду. Тусклые лампы, словно глаза огромных больных животных. Крохотные окошки, темные, будто сразу за ними стена. По узкой каменной лестнице, цепочкой. Флинн вспомнилось начало одного эпизода в «Чудесах науки», когда исследователи паранормальных явлений отправились в такое место, где люди много страдали и умирали. А может, просто такой ужасный фэншуй, который втягивает дурную энергетику, как черная дыра. Хотя, судя по виду, скорее все-таки страдали и умирали.

В конце лестницы Флинн обернулась на рободевушку и увидела, что та выпустила по щекам еще пару паучьих глаз, чтобы внимательнее за ней следить. И Даэдра, и мужик с балкона

молчали. У Даэдры лицо было такое, будто ей до смерти скучно. Они миновали открытый двор под догорающим ненастным небом и вошли во что-то вроде узкого доисторического меговского атриума: четыре этажа камер, свод из маленьких стеклянных окошек в металлическом переплете. Там, где они шли, загорался свет – узкие полосы под решетками в дверях камер. Флинн догадывалась, что все это современное. Рободевушки подвели их к двум беленым каменным креслам – совсем простым, как из детских кубиков, только гораздо больше, – и усадили. Лицом в одну сторону, на расстоянии примерно шесть футов друг от друга. Что-то жесткое коснулось запястий, и Флинн, опустив глаза, увидела, что прикована к каменным подлокотникам ржавыми железными наручниками, отполированными до бурого там, где соприкасаются с руками, будто они тут уже сто лет. От этого у нее возникло чувство, что сейчас войдет Пиккет. После всего, что произошло, она бы нисколько не удивилась.

Сквозь ткань платья камень был очень холодным.

– Мы кое-кого ждем. – Мужик с балкона обращался к ней. Он, видимо, вполне оправился от того, что хотел сделать с ним Коннер. По крайней мере физически.

– Зачем? – спросила она, не рассчитывая на ответ.

– Он хочет видеть, как ты умрешь, – сказал мужик с балкона, внимательно наблюдая за ее лицом. – Не твоя периферaль. Ты. И очень скоро. Там, где ты сейчас, в собственном теле, при атаке дронов. Ваша штаб-квартира окружена правительственными силами безопасности. Атака начнется с минуты на минуту.

– Кто он? – спросила Флинн. Ничего другого ей в голову не пришло.

– Лондонский поминарий, – ответила Даэдра. – Он вынужден был задержаться, чтобы выслушать мое похвальное слово.

– Кому?

– Аэлите, – сказала Даэдра.

Флинн вспомнила периферaль и смущенную актрису.

– Вам не удалось сорвать наш праздник, если такова была ваша цель, – продолжала Даэдра.

– Мы просто хотели вас увидеть.

– Правда? – Даэдра шагнула ближе.

Флинн перевела взгляд с нее на мужчину и будто вновь оказалась перед балконом пятьдесят седьмого этажа, когда этот гад поцеловал женщину в ушко. «Сюрприз», – сказал он. Точно сказал. И Флинн увидела, как голова эсэсовца разлетается от выстрела – кровавый туман вперемешку с горизонтально летящим снегом. Только это все были пиксели, не настоящая Франция. Мужик с балкона смотрел на нее так, будто они одни в целом

свете и для него нет ничего важнее. И он не был каким-то там флоридским бухгалтером.

«Сохраняй спокойствие», – проскрежетало в костях – не голос, а ветер над холодным сухим кряжем. Флинн передернуло.

Мужик улыбнулся, думая, что напугал ее своим взглядом.

Флинн глянула на Уилфа, не зная, что сказать, потом снова на чувака с балкона.

– Тебе не обязательно убивать всех, – сказала она.

– Вот как? – Ее слова его явно позабавили.

– Все дело во мне. Я видела, как ты запер ее на балконе.

– Именно.

– Больше никто не видел.

Он поднял брови.

– Допустим, я вернусь. Выйду наружу, на парковку. Тогда тебе незачем будет убивать всех.

Он, видимо, удивился. Нахмурился, как будто обдумывает предложение. Поднял брови и с улыбкой сказал:

– Нет.

– Почему?

– Потому что ты у нас в руках. Там и здесь. Скоро тебя убьют, и очень дорогая игрушка, в которой ты сейчас, останется мне на память об этом нелепом эпизоде.

– Ты – грязный подонок, – сказал Уилф. Не сердито, а так, будто только сейчас это понял и удивляется своему открытию.

– Ты забываешь, что присутствуешь здесь не виртуально, – бодро сказал мужчина Уилфу. – В отличие от своей подружки, ты можешь умереть здесь. И умрешь. Я оставлю тебя с этими устройствами, поручив им избить тебя почти до смерти, вылечить с помощью «медичи», избить снова. Откачать. И так столько раз, сколько получится.

Флинн видела, как Уилф невольно покосился на рободевушек. И как те выпустили еще по два паучьих глаза, глядя на него в упор.

119. Сэр Генри

Недертон решил, что не надо смотреть на митикоид, и чуть шевельнул руками в железных наручниках, которые выглядели так, будто ввинчены в гранитные подлокотники несколько столетий назад, хотя он не сомневался, что они сделаны ассемблерами и что ассемблеры на время придали им гибкость, чтобы обхватить его запястья. Однако в данную минуту наручники были совершенно твердые.

Бородатый только что пообещал, что митикоиды изобьют его почти до смерти, а он думает про ассемблеры и про новодел. Может быть, нашел свое диссоциативное состояние. А может, у него сейчас начнется истерика. Недертон глянул на Даэдру. Она посмотрела на него в ответ, словно не видя, затем подняла глаза к стеклянному потолку четырьмя этажами выше. И зевнула. Просто зевнула, не демонстративно. Недертон тоже глянул на потолок и вспомнил платье, которое было на Тлен, как сейчас казалось, годы назад. Из нынешней ситуации Тлен виделась на удивление нормальной. Обычная соседская девушка.

– Очень надеюсь, Хамед, что у тебя все окончательно готово, – произнес благозвучный, но несколько усталый голос.

Недертон, опустив взгляд, увидел выходящего с лестницы высокого, очень крепкого старика в полном чипсайдском косплее: длинном плаще с пелериной и с цилиндром в руках.

– Новозеландцы, на мой взгляд, слегка пережали, – заметил бородатый.

– Добрый вечер, Даэдра, – сказал незнакомец. – Ты говорила прекрасно. Твой рассказ об усопшей растрогал меня почти до слез.

– Спасибо, сэр Генри, – ответила Даэдра.

– Сэр Генри Фишбурн, – выпалил Недертон, вспомнив, как зовут поминария Сити, и тут же пожалел о своих словах.

Поминарий уставился на него.

– Представлять не буду, – сказал бородатый.

– Разумеется, – ответил поминарий и повернулся к Флинн. – А это, как я понимаю, та молодая особа, о которой шла речь, пусть и присутствующая виртуально.

– Да, – ответил мужчина.

– Какая-то она помятая, Хамед, – заметил поминарий. – У нас у всех был трудный день. Мне надо торопиться. И я должен иметь возможность подтвердить нашим инвесторам, что все благополучно завершилось.

– Вы – аль-Хабиб, – сказал Недертон бородатому, все еще не

вполне в это веря. – Главный мусорщик.

Поминарий глянул на него:

– Этот субъект мне совершенно не нравится. Боюсь, Хамед, вы отнеслись к своим сегодняшним обязанностям несколько халатно.

– Его я тоже убью.

Поминарий вздохнул:

– Извините мое нетерпение, я сильно утомился. – Он глянул на Даэдру. – Только что мило поболтал с твоим отцом. Очень приятный собеседник.

– Если вы можете выглядеть как главный мусорщик, а можете – как сейчас, почему просто не сменили внешность, когда стало ясно, что вас видели? – спросил Недертон бородатого.

– Брендинг, – ответил тот. – Инвестиции в личность. Я представляю продукт. Инвесторы меня знают. – Он улыбнулся.

– Какой продукт?

– Монетизация созданного мною острова.

– А разве он не принадлежит и мусорщикам тоже?

Глаза Хамеда аль-Хабиба задорно блеснули.

– У них есть эндемичные заболевания, – проговорил он с улыбкой, – о которых они пока не подозревают.

120. Куб Веспасиана

«Участие сэра Генри меня изумляет, – проскрипел в костях голос Лоубир, словно говорящая мигрень во всем теле. – Видимо, у него были тщательно скрываемые неуспехи в делах. Так оно обычно и бывает».

– Как «так»? – спросила Флинн, забыв, что они не одни и что ей в любом случае нельзя отвечать Лоубир.

– Что? – встрепенулся аль-Хабиб.

Легкая теплота в запястьях. Флинн опустила взгляд и увидела, что железные наручники рассыпаются, будто спрессованы из сухого бурого талька. Гранит под правой рукой тоже превратился в тальк и дымком клубился между пальцами. А из бывшего подлокотника лезло что-то твердое и гладкое. Леденцовый пистолет. Рукоятка в форме попугаичьей головы настойчиво вжималась в ладонь.

– Пора кончать, – сказал мужик с балкона старику с цилиндром, будто что-то почуяв, и Флинн поняла, что речь об атаке дронов на «Сольветру». – Отдайте приказ своим людям.

– Сюрприз! – сказала Флинн, и вот она снова у Дженис на диване, накачанная Бертоновым «будильником». Только сейчас она стояла, держа пистолет, и белая пимпочка спуска вроде бы даже нажалась. Ни звука. Ничего не происходило.

Тут у мужика с балкона отвалилась голова, каким-то образом мгновенно превратившись в череп, совершенно сухой и бурый, какой есть почти в каждом номере «Нейшнл географика», потом торс под одеждой осел, гремя костями, колени подломились, и секунду в поле зрения Флинн оставались только его руки, совершенно не затронутые тем, что произошло с остальным. Она глянула на пистолет – дуло блестело, словно облизанный леденец, – потом на бурый череп, откатившийся от тела на полу. Видимо, кровь остается внутри, подумала Флинн и вспомнила свежий печеночный срез кирпича на Оксфорд-стрит-променаде. Из черного костюма палкой торчала бурая кость.

«Вот и хорошо, что юридически ты тут не существуешь, – прошумело внутри. – Смерть от несчастного случая».

Рободевушки двинулись к Флинн, но беленая стена справа задымилась, большой квадрат гранита выпал в клубах пыли, и из черного отверстия вылетел огромный куб. Веселенького красного цвета, как из детского набора, только гораздо больше. Он с керамическим хрустом расплющил рободевушек о противоположную стену и завис, подрагивая в нескольких футах от пола, как приклеенный. Внутри что-то тихо рокотало, будто

вдалеке заводятся сразу несколько мотоциклов. Затем он отскочил от стены, перевернулся в полете – осколки митикоид посыпались на пол, – беззвучно приземлился на вершину и остался стоять так, на весу, красный, невозможный.

– Охрана, – тихо сказал старик с цилиндром. – Красный, красный.

Он кого-то предупреждает о красном кубе?

Краем глаза Флинн заметила, что Уилф, чьи наручники тоже рассыпались в пыль, пытается встать.

– Сядь нахер, Уилф! – рявкнула она.

Он послушно сел.

– Привет, Генри, – донесся с лестницы приятный мужской голос. – Извини, что взломал твою машину.

Из-под арки выступил экзоскелет и остановился, будто смотрит на старика с цилиндром, только у него не было глаз, видимых. Хотя, может быть, смотрел гомункул из банки на массивных плечах.

– Красный, – тихо повторил старик.

– Извини, что убил твоего водителя и охранников, – продолжал рекламный голос, словно оправдываясь, что в магазине нет двухпроцентного молока.

Куб слегка крутанулся на вершине. Появилась Лоубир в квадратной панели почти на всю грань.

– Вам будет неприятно узнать, сэр Генри, – произнесла она своим голосом, не скрежетом в костях, – что в должности вас сменит давний соперник и заклятый враг Марчмонт-Семенов. Пост поминария сопряжен с множеством неловких моментов, однако мне до последнего времени казалось, что вы неплохо справляетесь.

Высокий старик молчал.

– Торговля недвижимостью и строительные проекты с извлечением ресурсов? – спросила Лоубир. – И ради этого вы сочли возможным пойти на сделку с такими, как аль-Хабиб?

Высокий старик снова не ответил.

Лоубир вздохнула.

– Бертон, – сказала она с легким кивком.

Экзоскелет поднял обе руки. Теперь на них были черные роботские перчатки: то ли вместо жутких человеческих, то ли поверх. На правом запястье распахнулась дверца, из нее выскочил леденцовый пистолет. Из второй дверцы, чуть побольше, на правом запястье, выглянул жезл Лоубир – золото и слоновая кость. Выглянул и тут же вдвинулся обратно. Бертон лучше умел целиться, так что высокий старик мгновенно обратился в скелет, пустая одежда с грохотом рухнула на пол, цилиндр покатился по

кругу.

– Так кого еще мне надо нахер пришить, – сказала Флинн, демонстрируя, что у нее в руке тоже есть леденцовый пистолет, – чтобы кто-нибудь что-нибудь нахер сделал там, в срезе, и не дал безовским дронам нас всех нахер убить?

– Смерть сэра Генри лишила ваших конкурентов преимуществ, которые обеспечиваем вам мы со Львом. Я взяла на себя смелость осуществить это сразу, как сэр Генри сюда вошел, исходя из допущения, что он будет признан виновным. В итоге баланс власти сместился и силы внутренней безопасности получили приказ отступить.

– Блин, кого еще нам для этого пришлось купить?

– Значительную долю в родительской корпорации «Меги», как я поняла, – ответила Лоубир. – Впрочем, я еще не вникала в подробности.

– Мы купили «Мегу»? – ошалело переспросила Флинн. Это было все равно что купить Луну.

– Значительную ее долю, да.

– Можно мне встать? – спросил Уилф.

– Я хочу уехать домой, – объявила Даэдра.

– Ничуть не удивляюсь, – заметила Лоубир.

– Мой папа будет очень вами недоволен, – сказала Даэдра.

– Должна с прискорбием доложить, что знаю твоего папу очень давно, – ответила Лоубир.

Вошла Тлен в шоферской форме, за ней Оссиан в черной кожанке, с пистолетным ящиком под мышкой. Он сбоку подошел к Флинн, не сводя глаз с леденцового дула и следя, чтобы не оказаться на его линии, поставил футляр на гранитный подлокотник, открыл, взял у Флинн пистолет, аккуратно уложил в фетровое гнездо и закрыл крышку.

– До свидания, мисс Уэст, – сказала Лоубир, и экран погас.

– Мы уходим, – сообщила Тлен и глянула на Даэдру. – Кроме вас.

Даэдра злобно оскалилась.

– И его. – Тлен большим пальцем указала на красный куб.

Тот подпрыгнул прямо вверх, затем вбок и с лязгом проехался по беленым решетчатым дверям камер второго яруса. Несколько светящихся полосок погасли. Куб с тем же грохотом врезался в противоположную стену, кувыркнулся в воздухе, снова встал на одну вершину, и его углы замелькали в нескольких дюймах от подбородка Даэдры. Та даже не попятилась.

– Пошли, – сказала Тлен.

И снова в цепочку по лестнице. Тлен, Флинн, следом Оссиан и экзоскелет.

– Что там Коннер с ней делает? – спросила Флинн через плечо.

– Напоминает о возможных последствиях, – ответил Оссиан. – Или, по крайней мере, пытается. И волоска на ней не тронет, конечно. Да, впрочем, и ума ей не прибавит и грамма. Папаша – большая американская шишка.

Сверху донесся оглушительный металлический лязг.

121. Ноттинг-Хилл

Когда-то давно ассемблеры извлекли из нижнего яруса олигархических тоннелей под Ноттинг-Хиллом множество землеройных машин, оставленных там доджекпотовскими богачами: в ту пору бросить технику было дешевле, чем вытаскивать ее на свет. Механические жертвы, вроде кошек, замурованных в фундаменты мостов. Ассемблеры переместили погребенные машины в один парк тем же методом, каким Лоубир вдвинула русский пистолет в подлокотник гранитного тюремного кресла или позволила чудовищному кубу Коннера пройти сквозь каменное основание Ньюгейта. Астрономическое число микроустройств переносило частицы преграды за движущийся предмет, так что одно твердое тело как будто проходило сквозь другое. Ровно так же аль-Хабиб шагнул через круглую стену в «Парадизе».

Отреставрированные механизмы стояли в круг, подняв блестящие ковши и лезвия, и местные ребятишки, в том числе дети Льва, с увлечением по ним лазили.

Проезжая мимо парка в ЗИЛе по совершенно пустым улицам, Недертон заметил, как луна блеснула на поднятом ковше экскаватора.

Он глядел на перифераль Флинн. Сама она вернулась в «Сольветру» узнать, как там остальные, и ему не терпелось добраться до гобивагена, включить «Полли» и посмотреть, что она сейчас поделывает.

Возникла эмблема Лоубир.

– Вы отлично справились, мистер Недертон, – сказала она.

– Да я почти ничего не делал.

– У вас было вдоволь возможностей оплошать. Вы их избежали. Главная часть любого успеха.

– Вы были правы насчет аль-Хабиба. И недвижимости. Почему он убил Аэлиту?

– По-прежнему не вполне ясно. У них некоторое время был роман, и, очевидно, именно она свела аль-Хабиба с сестрой. Возможно, Аэлита ревновала его к Даэдре, у которой интрижка с аль-Хабибом началась примерно тогда же, когда и с вами. Последние итерации тетушек предполагают, что Аэлита подумывала сдать его за деньги саудовцам, но всерьез или в качестве праздной фантазии, мы не знаем. Исключительно малоприятная семейка. Я познакомилась с их отцом примерно в возрасте Грифа. Он был в числе организаторов убийства Гонсалес, так что, подозреваю, Грифу скоро придется иметь с ним

дело в этой связи. В нашем континууме он, увы, занимает такое высокое положение, что последние события не затронут его ни в малейшей степени. Кстати, ей понадобится хороший пиарщик.

Они свернули на улицу, где стоял дом Льва.

– Даэдре?

– Флинн, – сказала Лоубир. – Покупка «Меги» подняла в срезе новую волну шумихи. Поговорим завтра, хорошо?

– Конечно, – ответил Недертон, и ее корона исчезла.

122. Чудеса «Сольветры»

Флинн открыла глаза. Коннер лежал под короной, койка Бертона была пуста, Кловис куда-то подевалась. Слышался какой-то непонятный шум. Потом Флинн различила особенно громкий шакалий хохот Леона и сообразила, что там веселятся. Она оставила корону на подушке, встала, натянула кроссовки и заглянула за край синей пленки.

Все остальные пленки убрали, так что бывший мини-пейнтбольный клуб снова стал одним помещением, правда внутри черепичной стены. Все лампы ярко горели, люди сидели на столах, стояли, пиво пили, разговаривали. Карлос обнимал за талию Такому, которая с трудом сдерживала смех. Флинн видела почти всех знакомых ребят Бертона и еще несколько незнакомых, по-прежнему в черных бронекуртках, но без «булок». И Брента Верметта в джинсах и футболке с надписью «УБЕЙТЕ МЕНЯ, СУКИ!» толстым граффити-маркером с потеками поверх логотипа «Суши-лавки» (как позже выяснилось, он запустил протестный ролик еще до того, как безбаши вошли в черту города, за что неделю спустя был принят в совет директоров в качестве главного юриста). Мэдисон говорил с Брентом, улыбаясь во все тедди-рузвельтовские зубы, карманы его разгрузочного жилета топорщились фонариками и авторучками, рядом стояла Дженис. При виде Флинн она бросилась навстречу и обняла ее:

– Не знаю, что ты там сделала, но ты всех нас спасла.

– Не я, – ответила Флинн, – а Лоубир и ребята. Где Гриф?

– В Вашингтоне, разбирается с безбашами. Томми сказал Мэдисону, что Гриф назначил им нового директора.

– Где Томми?

– Где-то здесь. Только что видела его с Мейконом и Эдвардом. – Дженис огляделась, не нашла никого из них и вновь повернулась к Флинн. – Пиккета нашли.

– Тело?

– Если бы! Живой, гад.

– Где?

– В Нассау.

– Он в Нассау?

– В самом черном безовском списке, с той минуты, как Гриф туда позвонил. – Дженис отхлебнула пива. – А твой братец, похоже, запал-таки на Шайлен.

Флинн проследила ее взгляд. Шайлен сидела на краю стола, наклонившись к Бертону, который на инвалидном скутере, с пивом в руке, что-то ей говорил.

– В библейском смысле еще не произошло, – сказала Дженис. – Не хватало ей только, чтобы у него швы разошлись. Но, думаю, это вопрос времени.

– Клевая сестренка Бертона! – произнес за спиной голос Коннера.

Флинн обернулась. Коннер сидел в кресле-каталке, Кловис держала ее ручки.

– Как Даэдра? – спросила Флинн.

– Наверное, делает себе новые тату на память о сегодняшнем. Я отправил ее домой в такси.

– Что ты там с ней делал?

– Промывал ей мозги. Лязгал железом. Без особого эффекта. – Он глянул на Дженис. – Пива раненому бойцу?

– Сам возьми, – ответила Дженис и пошла прочь.

– Павла только жалко, – заметила Флинн.

– Лоубир велела прыгнуть, если получится. Костюм на самом деле типа вингсьюта, так что я не просто сиганул на удачу. Идея была вырубить Хамеда, пока он не скомандовал начать атаку дронов здесь. Да вот не вышло. Наверное, оттого меня и не взяли в летчики. Лоубир заказала новую пери, чтоб вернуть брательнику Льва. Плюс одну для меня.

– Легкий Лед, – приветствовал ее Мейкон. Они с Эдвардом держались за руки, Мейкон прихлебывал пиво.

– Дай глотнуть, – попросил Коннер.

Мейкон поднес банку к губам Коннера и чуть наклонил. Коннер выпил большой глоток и утер рот тыльной стороной того, что осталось от его руки.

И тут появился Томми. Он шел через то место, где раньше была песочница для пейнтбольных танчиков, и смотрел на Флинн, улыбаясь так, будто видит чудо.

123. Огороженный комплекс

После прогулки по набережной Темзы (была среда, а по средам во второй половине дня они с Эйнсли обычно выходили куда-нибудь пройтись) Флинн надела самую старую рубашку Томми, еще с нашивкой замшерифа. В рубашке было что-то от самого Томми, к тому же, когда ты с пузом, хочется чего-нибудь свободного. Может, они в этом смысле станут как Мэдисон и Дженис. Правда, Томми всегда ходил в одном и том же, только менял форму на домашнее, а ей одежду для официальных случаев выбирали сольветровские стилисты. Единственное, на что она не соглашалась, – это на новые дизайнерские вещи; у нее было чувство, что носить такое – само по себе работа.

Она прошла на кухню, достала из холодильника сок и, поднеся стакан к губам, привычно задумалась, как можно было выстроить это все без ассемблеров. Новый дом стоял в сотне ярдов от старого, на заброшенном пастбище, и выглядел так, будто его поставили в восьмидесятых годах двадцатого века и потом несколько раз подновляли не бедные, но и не шибко богатые хозяева. Поставили его очень быстро и практически без звука. Томми объяснил, что использовали много разных клеящих составов, полностью нетоксичных. Так что если где-нибудь торчала шляпка гвоздя, это был на самом деле не гвоздь, а имитация. Впрочем, как Флинн усвоила, неограниченный банковский счет успешно заменяет ассемблеров.

Тогда же построили и сарай, но сделали его по виду таким же древним, как старый дом. Там жили Мейкон с Эдвардом, и там же они печатали такое, что следовало до поры подержать в секрете. Промышленного шпионажа с первых дней опасались больше всего, потому что главной фишкой «Сольветры» были технологии, до которых здесь еще не додумались. И разработка джекпотовского научного прорыва только начиналась. Слишком много сразу, предупредила Эйнсли, и все крахнет. Так что значительная часть программы состояла в определении верного темпа. Иногда Флинн отчаянно хотелось узнать, куда они идут, особенно с тех пор, как она забеременела, но Эйнсли сказала, это невозможно. По крайней мере, они знают, куда точно не хотят попасть. Вот этой линии и надо держаться.

Жизнь здесь помогала ей сосредоточиться, да и остальным, наверное, тоже. Они старались не признаваться даже себе, что живут на огороженной территории, в крепости или резервации, хотя все понимали, что это так. Коннер и Кловис осели рядом, ярдах в ста от Томми и Флинн, в собственном доме. Бертон с

Шайлен поселились в городе, в жилом крыле «Сольветры» – нового здания на месте бывшего торгового центра. Хун открыл центральную «Суши-лавку» напротив «Сольветры», на углу, – там было как в старой, только светлее и ярче. Рядом расположился филиал «Мегафабы». Флинн была против такого названия, но Шайлен сказала, «Форева» не прокатит для глобальной сети, к тому же она только что поглотила «Самофабу» и бывшие самофабовские пункты тоже надо было как-то окрестить. И еще в каждом «Мегамарте» была теперь «Суши-лавка», хотя бы на другом конце прилавка с наггетсами.

Флинн ненавидела все эти бизнес-дела с той же силой, с какой Шайлен от них тащилась. А вообще денег у «Сольветры» теперь было меньше, гораздо меньше. Как только Матрешка сперва споткнулась, а потом рассыпалась, отрезанная от финансовых модулей сэра Генри, «Сольветра» начала сокращать активы и возвращать экономику к нормальному состоянию, что бы ни означало теперь это слово. И все равно денег у них оставалось умопомрачительно много – столько, что в голове не укладывается. И хорошо, сказал Гриф, поскольку сделать предстоит больше, чем можно себе представить.

Флинн вымыла пустой стакан, поставила в сушку и глянула в окно на холм. Там построили площадку, на которую садился спецвертолет, когда Фелиция заглядывала в гости. Увидеть площадку было нельзя, даже когда на ней стоишь. Спутники ее засечь не могли, поскольку строилась она по сольветровской науке, эмулирующей технику будущего.

Обычно они беседовали на кухне, а Томми сидел в гостиной и трепался с ребятами из Секретной службы. Иногда из города приходил Брент, обычно вместе с Грифом, и тогда разговор становился более конкретным: обсуждали производство вакцин от болезней, про которые еще никто не знал, или в каких странах лучше разместить фабрики по производству фагов, или что делать с изменениями климата. Флинн познакомилась с Фелицией вскоре после того, как у вице-президента Амброуза случилась эмболия, и это было неловко, потому что Фелиция говорила о покойном Уолли с глубокой грустью, которая казалась вполне искренней, а Флинн знала, что он умер после того, как Гриф показал Фелиции кадры ее торжественных похорон и в точности объяснил, что им предшествовало.

Рядом с сушкой стояла банка с прежними пальцами Коннера. Он подарил их Флоре, дочери Литонии. Это были первые пробы Мейкона, отпечатанные в старой фабе на принтерах, отпечатанных где-то еще, до того как ребята перебрались в сарай. Флора забыла их утром, когда приходила в гости. Она покрасила

им ногти розовым лаком. Большой палец в банке немного ерзал – это был дефект всех первых партий. Наблюдая, как Коннер играет в сквош, Флинн часто вспоминала, как быстро Мейкон, Тлен и Оссиан поставили его на ноги. Теперь Коннер носил композитные протезы не снимая, но в не их будущем у него по-прежнему была своя версия Павла. Флинн тоже и мысли не допускала о том, чтобы сменить перифераль.

– Еще бы! – воскликнул Леон, когда она как-то сказала об этом за обедом. – Все равно что сменить тело!

А потом довел Флору до истерического хохота, заявив, что если Флинн родит девочку, то назовет ее Фауной.

Пора было идти завтракать вместе со всеми – мамой, Литонией, Флорой и Леоном, который жил теперь в бывшей комнате Флинн. Литония, как оказалось, чудесно готовила, и сейчас Мейкон отчищал пескоструйкой внутренность бывшего Фермерского банка: Литония с двоюродным братом собрались открыть там ресторанчик. Ничего пафосного, просто что-то еще, кроме «Суши-лавки» и «Джиммис». «Джиммис» так и не превратился в сетку, а если бы превратился, сказал Леон, это бы значило, что джекпот все-таки наступает, несмотря на все их усилия.

Мама теперь обходилась без кислородной трубки, поскольку лекарства ей делала «Сольветра», индивидуальные. А пока, на случай если кому-нибудь еще что-нибудь понадобится, они купили «Фарма-Джон» и по совету Флинн урезали норму прибыли вдвое, так что сетка мгновенно стала самой популярной в стране, если не в мире.

Флинн взяла банку с пальцами и, не запирая двери, пошла по тропинке, которую они протоптали между домами и которая уже выглядела так, будто была здесь всегда.

Сегодня, гуляя по набережной, она сказала Эйнсли, что временами боится, не строят ли они просто свой вариант клептархии. Очень правильная мысль, ответила Эйнсли, вам всем надо постоянно держать ее в голове. Люди, не способные вообразить, что поведут себя дурно, обычно с треском проигрывают тем, кому и воображать ничего не надо, поскольку они и так ведут себя дурно. Она сказала, большая ошибка думать, будто эти люди другие, особенные, зараженные чем-то нечеловеческим, недочеловеческим, фундаментально иным. Это напомнило Флинн слова мамы о Корбелле Пиккете. Что большое зло не блистательно, оно просто возникает из заурядного мелкого зла, если тому дать возможность вырасти. Выросшее, оно приводит к более страшным последствиям, но остается лишь суммой обыденной человеческой подлости. И это верно, сказала

Эйнсли, в отношении самых жутких чудовищ, с которыми ей постоянно приходится иметь дело. Флинн, быть может, представляет ее терпеливой смотрительницей зоопарка среди особенно крупных и опасных зверей, но они – всего лишь люди.

– Человек слаб, милая, – сказала Эйнсли, глядя на Темзу синими старческими глазами, – и в тот миг, когда мы это забываем, мы гибнем.

124. Патни

Жить с Рейни – все равно что поставить себе когнитивный имплант, только гораздо приятнее, думал Недертон, спуская ноги на пол и глядя на нее. Например, он раньше не знал, что у нее столько веснушек, что они по всему телу и вообще что он любит веснушки. Сейчас он прикрыл некоторые, самые любимые, краем одеяла и пошел чистить зубы.

Ее эмблема появилась раньше, чем он взялся за зубную щетку.

– Кофе, – сказала Рейни. Он слышал ее из спальни так же хорошо, как по телефону.

– Сейчас почищу зубы и включу кофеварку.

– Нет, – ответил она. – Там внизу есть настоящий итальянец, в поддельной газетной лавочке. Я хочу его эспрессо. – Слово «эспрессо» прозвучало совершенно порнографически. – С его пенкой.

– Позвони ему.

– Ты погубил мою карьеру. Из-за тебя я ушла с завидной государственной должности, а потом должна была спасаться от убийц, нанятых новозеландской тайной полицией. А теперь ты не можешь принести мне чашечку человеческого кофе? И круассан из магазинчика на другой стороне улицы.

– Ладно, – сказал Недертон. – Дай только зубы почищу. Я действительно спас тебя от даркнетовских киви, которые едва ли были правительственными агентами, и притащил сюда, под защиту британской тайной полиции. Если можно так выразиться.

– С пенкой, – сонно повторила она.

Чистя зубы, Недертон вспоминал, как Лоубир пришлось вытаскивать ее из Канады в Англию и как они оказались в койке – не впервые, но в первый раз (для него, по крайней мере) на трезвую голову. И как на следующее утро – самое неловкое из множества его неловких утр с женщинами – он сознался в своих чувствах к Флинн, или к ее периферали, или к обеим. Рейни тогда напомнила, что Флинн недавно стала его клиенткой и разве он еще не усвоил, что́ выходит из интрижек с клиентками? Но Флинн не Даэдра, возмутился он. Зато он, сказала Рейни, фантастический инфантил, если думает, будто его эротические проекции что-то значат в реальном мире. А потом снова затащила его в постель и принялась доказывать свою точку зрения другим способом, и тогда, кажется, он начал понемногу убеждаться в ее правоте. А скоро стало ясно, что Флинн выходит за шерифа Томми, и вот Недертон одевается в их общей с Рейни квартире,

собираясь выйти на солнечную улицу в Сохо и радуясь, что планы превратить район в косплейную зону наподобие Чипсайда так и не реализовались.

Он выходил из булочной, когда появилась эмблема Мейкона.

– Если мы отправим твоего чувачка во Франкфурт, ты сможешь провести брифинг для немецких пиарщиков завтра утром, в десять по вашему времени?

– А где он сейчас?

– На взлетной полосе в Каире. Пери Флинн – та, что для Восточного полушария, – сейчас в Париже, так что, если она будет свободна, проведете брифинг вместе.

– Звучит заманчиво. Что-нибудь еще?

– Нет. Ты придешь в воскресенье на барбекю?

– Да, в «Полли».

– Чудной ты, Уилф. Говорят, ты своей девушке такой же добыл.

– Мы придем вместе.

– Если тебе охота фетишизировать узкополосное восприятие, – сказал Мейкон, – то дело твое.

– Если бы ты проводил здесь больше времени, – ответил Уилф, – ты бы начал ценить подобные вещи. Действуют успокаивающе.

– Где уж нам, дуракам, чай пить, – благодушно ответил Мейкон, и его эмблема исчезла.

Завтра в Патни, напомнил себе Недертон, заказывая два двойных эспрессо навынос. В два часа дня. Второе повторное посещение. Если будет хорошая погода, они с Рейни поедут на велосипедах. Вряд ли брифинг займет много времени.

Всегда приятно повидать Флинн.

От автора

Идея превращения альтернативных континуумов прошлого в страны третьего мира целиком восходит к «Моцарту в зеркальных очках» (1985) Брюса Стерлинга и Льюиса Шайнера, хотя там во времени перемещались физически и колониальный грабеж заключался в добыче природных ресурсов. Пропущенное через призму игровых симуляторов, телеприсутствия и дронов, это превратилось в нечто, о чем я сбивчиво рассказал Джеймсу Глейку при первом знакомстве, когда очертания будущей книги только-только начали прорисовываться. (Позже он обратил мое внимание на цитату из Уэллса.)

Описания Чипсайда и Ньюгейта во многом основаны на «Шляпе мистера Бриггса» (2011) Кейт Кохун, удивительно ярком рассказе о первом английском убийстве в поезде.

Лондон Уилфа некоторыми своими чертами обязан интервью, которое Джон Фокс дал Этьенну Гилфиллану для *Fortean Times* (опубликовано в мартовском номере 2011 года).

Ник Харкэуэй в своем хэмпстедском саду рассказал мне жуткие подробности про внутреннюю кухню гильдий Лондонского Сити – одну только голую правду, в которую я старательно избегал углубляться.

«Сраньвилль» – название песни, слова которой (и название, я полагаю, тоже) принадлежат Паттерсону Худу.

Чем дольше я пишу романы, тем больше ценю первых читателей. У этой книги их было немало, помимо, разумеется, моей жены Деборы и дочери Клер. Пол Макоули и Джек Уомак героически превозмогли бесчисленные, почти неотличимые итерации первой сотни страниц. Нед Боман и Крис Накасима-Браун отважно читали книгу на стадии полуготовности – очень полезная, но трудная работа. Джеймс Глейк и Майкл Сент-Джон-Смит повторили их подвиг, но ближе к концу. Шон Кроффорд, Луис Лэпренд и некто В. Харнелл составили команду по перетягиванию каната. Мередит Яянос тщательно приглядывала за целостностью образа инспектора Лоубир, взяв на себя роль чуткой шахтерской канарейки в вопросах, в которых я не разбираюсь. София аль-Мария прочла первую законченную версию книги и очень помогла с Хамедом в плане будущего Персидского залива.

Мартин Симмонс посоветовал кровельную черепицу в мешках для строительства импровизированной крепости.

Мистер Роберт Грэм очень любезно предоставил компьютерное оборудование для письма.

Мой редактор и литературный агент были, как всегда, выше всяких похвал.

Спасибо вам всем.

Ванкувер, 23 июля 2014

notes

Примечания

1

Рефрен из стихотворения «Друг рабочего», фигурирующего в романе «О водоплавающих» (*At Swim-Two-Birds, 1939*) ирландского писателя Флэнна О’Брайена (1911–1966).

2

Филипп Старк (р. 1949) – известный французский дизайнер и большой любитель фантастики: в названиях его работ использованы имена героев Филипа К. Дика.

3

The Shard («Осколок») – небоскреб в виде облицованной стеклом пирамиды, самый высокий в Лондоне (309 м) и второй по высоте в Европе. Выстроен в 2012 г., несмотря на многочисленные протесты общественности, считавшей, что он безнадежно изуродует облик города.

4

«Блиц», «Лондонский блиц», «Большой блиц» – немецкие бомбардировки Великобритании 1940–1941 гг., часть Битвы за Британию.

5

Аллюзия на рекламные ролики 2003 г. (основанные на концепции, разработанной тремя годами раньше Клубом любителей «субару-импреза» Новой Англии) о мартышке, выскакивающей из багажника, чтобы помочь водителю в нештатной ситуации. Впоследствии «багажной мартышкой» стали называть заднего стрелка на военных внедорожниках.